

Философский журнал

Контекст и рефлексия:
философия о мире
и человеке

Том 12, № 12А, 2023.

С. 1-242.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Philosophical journal

Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being

December 2023, Volume 12, Issue 12A.

Pages 1-242.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» Том 12, № 12А, 2023

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Лисина Елена Александровна, кандидат философских наук (5.7.7), член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, *Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах* – главный редактор журнала.

Нечипуренко Виктор Николаевич, доктор философских наук (5.7.7), профессор, профессор кафедры исторической культурологии, *Южный федеральный университет* – заместитель главного редактора.

В журнале представлены философские дискуссии и результаты современного научно-философского миропонимания, имеющие важное мировоззренческое значение для развития общества, науки и культуры, преподавания философии в высших учебных заведениях, а также для исследовательских траекторий философов и заинтересованной публики. Авторами статей являются философы, ведущие специалисты современного научного знания, а также исследователи, работающие над диссертациями.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	Е.А. Лисина, кандидат философских наук (5.7.7)
Зам. главного редактора	В.Н. Нечипуренко, доктор философских наук (5.7.7)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Корректоры	Л.Л. Куприянчик, И.А. Шейхетова
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова, В.И. Лукьянчикова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков, М.Л. Песчаная
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-43669 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5485.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».

Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»:

42973 «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке».

Цена договорная. Печ. л. 32,5. Формат 60x90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2023.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7517.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Суцевский вал, 49.

"Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" December 2023, Volume 12, Issue 12A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Lisina Elena Aleksandrovna, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, *Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy* (Russia) – editor-in-chief.

Nechipurenko Viktor Nikolaeovich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, *Southern Federal University* (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal initiates philosophical discussions and presents the results of the modern scientific and philosophical world outlook that are of great philosophical significance for the development of society, science and culture, for teaching philosophy in higher educational establishments as well as for research trajectories of philosophers and an interested audience. Philosophers, leading specialists in the field of modern knowledge and researchers working on dissertations are among the authors of articles published in the journal.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors. The journal "Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" ("*Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*") was included in the **"List of the peer-reviewed scientific journals"**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	E.A. Lisina, PhD in Philosophy
Deputy editor-in-chief	V.N. Nechipurenko, Doctor of Philosophy
Science editor and translator	A.A. Markova
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, I.A. Shekhetova
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova, V.I. Luk'yanchikova
Styling and make-up	M.A. Puchkov, M.L. Peschanaya
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate:

PI No. FS77-43669 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5485.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the catalog of periodicals "Ural-Press":

42973 "Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being".

Contract price. 32.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2023.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1000 issues. Order No. 7517.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.7.1. Онтология и теория познания

Вишев Игорь Владимирович – доктор философских наук, профессор, исторический факультет, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

Волков Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-философских наук, Московский государственный институт культуры.

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, Сибирский федеральный университет.

Лойко Ольга Тимофеевна – доктор философских наук, профессор, профессор отделения социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

по направлению: 5.7.2. История философии

Ивлев Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Осипов Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Панибратцев Андрей Викторович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук, Московский государственный университет гражданской авиации.

по направлению: 5.7.3. Эстетика

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Клюев Александр Сергеевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Черникова Валентина Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет.

по направлению: 5.7.4. Этика

Абакарова Райганат Магомедовна – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет.

Варава Владимир Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Хильгендорф Эрик – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Вюрцбургский университет Юлиа Максимилиана (Германия).

по направлению: 5.7.6. Философия науки и техники

Дмитриев Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель группы конфликтогенности миграции, Почетный доктор, Институт социологии Российской академии наук.

Ивлева Марина Левенберговна – доктор философских наук, профессор, кафедра социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов.

Масалова Светлана Ивановна – доктор философских наук, профессор, председатель оргкомитета пресс-центра, Южный федеральный университет.

Пусько Виталий Станиславович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии науки и техники, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

по направлению: 5.7.7. Социальная и политическая философия

Василенко Инна Викторовна – доктор философских наук, профессор, кафедра социологии, Волгоградский государственный университет.

Везиров Тимур Гаджиевич – доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, академик Российской академии естествознания, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики, Дагестанский государственный педагогический университет.

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук, завкафедрой политических наук, Кемеровский государственный университет.

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции.

Лисина Елена Александровна – главный редактор журнала, кандидат философских наук, член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Нечипуренко Виктор Николаевич – заместитель главного редактора журнала, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры исторической культурологии, Южный федеральный университет.

Скорик Александр Павлович – доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова.

по направлению: 5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Аксюмов Борис Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет.

Аргановский Сергей Николаевич – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

Брейтман Александр Семенович – доктор философских наук, профессор, кафедра международных коммуникаций, сервиса и туризма, Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Международный банковский институт.

Дорофеев Даниил Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Санкт-Петербургский горный университет.

Кортунов Вадим Вадимович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Российский государственный аграрный университет – МСХА им К.А. Тимирязева.

Костина Анна Владимировна – доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет.

Мордовцева Татьяна Васильевна – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Таганрогский институт управления и экономики.

Орлова Надежда Хаджимерзановна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, доцент, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

по направлению: 5.7.9. Философия религии и религиоведение

Астахова Лариса Сергеевна – доктор философских наук, заведующая кафедрой религиоведения, Казанский федеральный университет.

Жуков Артем Вадимович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Забайкальский государственный университет.

Нестеркин Сергей Петрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, отдел философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Орлов Андрей Александрович – доктор философии по религиоведению, магистр богословия, кандидат социологических наук, факультет богословия, Университет Маркетта (США).

Пронина Татьяна Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Редакционная коллегия

Бенин Владислав Львович – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, завкафедрой культурологии и социально-экономических дисциплин, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Бондаренко Григорий Владимирович – магистр философии (Оксфорд), кандидат исторических наук.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических дисциплин и управления, Оренбургский институт (филиал), Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Editorial Board

Abakarova Raiganat Magomedovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dagestan State University (Russia).

Aksyumov Boris Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor at the Department of social philosophy and ethnology, Stavropol State University (Russia).

Artanovskii Sergei Nikolaevich – Doctor of Philosophy, PhD in Philology, Professor at the Department of the Russian language and teaching methodology, Saint Petersburg State University of Culture and Arts (Russia).

Astakhova Larisa Sergeevna – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Religious Studies, Kazan Federal University (Russia).

Breitman Aleksandr Semenovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of social cultural service and tourism, Far Eastern State Transport University (Russia).

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Head of the Department of philosophy and cultural studies, Samara State Medical University (Russia).

Chernikova Valentina Evgen'evna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Stavropol State University (Russia).

Dmitriev Anatolii Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Conflict Migration Group, Honorary Doctor, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, PhD in Culturology, Professor at the Department of philosophy, Far Eastern Federal University (Russia).

Dorofeev Daniil Yur'evich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Saint Petersburg Mining University (Russia).

Hilgendorf Eric – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Dean and Head of the Department of criminal law, criminal procedure, legal theory, data protection law and computer science law, Julius-Maximillian University, Wurzburg (Germany).

Ivlev Vitalii Yur'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Ileva Marina Levenbertovna – Doctor of Philosophy, PhD of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

Klyuev Aleksandr Sergeevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of music education, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Koptseva Natal'ya Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor at the faculty of art criticism and culturology, Siberian Federal University (Russia).

Kortunov Vadim Vadimovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Russian State Agrarian University – Timiryazev Agricultural Academy (Russia).

Kostina Anna Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Docent, Head of the Department of philosophy, culturology, political sciences, Moscow University for the Humanities (Russia).

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Kemerovo State University (Russia).

Lisina Elena Aleksandrovna – Editor-in-chief, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy (Russia).

Loiko Ol'ga Timofeevna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of culturology and social communication, Tomsk Polytechnic University (Russia).

Masalova Svetlana Ivanovna – Doctor of Philosophy, Docent, Associate Professor, Rostov Institute of Training and Retraining of Educators (Russia).

Mordovtseva Tat'yana Vasil'evna – Doctor of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of humanities, Taganrog Institute of Management and Economics (Russia).

Nechipurenko Viktor Nikolaevich – Deputy editor-in-chief, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, Southern Federal University (Russia).

Nesterkin Sergei Petrovich – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies, Institute of Mongolology, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Orlov Andrei Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor at the theological faculty, Marquette University, Milwaukee (USA).

Orlova Nadezhda Khadzhimerzanovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University (Russia).

Osipov Igor' Dmitrievich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of History of Philosophy, Saint Petersburg State University (Russia).

Panibrattsev Andrei Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Political Sciences, Moscow State Technical University of Civil Aviation (Russia).

Prilutskii Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Pronina Tat'iana Sergeevna – Doctor of Philosophy, Leading Researcher of the Research Center for Religious and Ethnopolitical Studies, Leningrad Pushkin State University (Russia).

Pus'ko Vitalii Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of information analytics and political technologies, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Shipovalova Lada Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology, Saint Petersburg State University (Russia).

Skorik Aleksandr Pavlovich – Doctor of History, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of theory of state and law, Novocherkassk Polytechnic Institute, South Russian State Technical University (Russia).

Varava Vladimir Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Research, Dean of the Religious Studies department, Russian Orthodox Institute of Saint John the Divine (Russia).

Vasilenko Inna Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of sociology, Volgograd State University (Russia).

Vezirov Timur Gadzhievich – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of International Academy of Informatization, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Department of methods of teaching mathematics and computer science, Dagestan State Pedagogical University (Russia).

Vishev Igor' Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, South Ural State University (Russia).

Volkov Vladimir Nikolaevich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of humanities, Academy of Retraining of Workers of Art, Culture and Tourism, Moscow (Russia).

ZheltoV Viktor Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the faculty of political sciences, Head of the Department of political sciences, Kemerovo State University (Russia).

Zhukov Artem Vadimovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Transbaikalian State University (Russia).

Advisory Board

Benin Vladislav L'vovich – Doctor of Pedagogy, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of culturology and socio-economic disciplines, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (Russia).

Bondarenko Grigorii Vladimirovich – Master of Philosophy (Oxford), PhD in History.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the auspices of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Sheshukova Galina Viktorovna – Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Professor at the Department of humanities, socio-economic disciplines and management, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Содержание

Онтология и теория познания

- Агафонов Евгений Александрович**
Речевая культура и речевой этикет в контексте неклассической методологии познания..... 5
- Ладушкин Сергей Иванович**
Семиотика непространственной близости в философской практике:
психоэмоциональный аспект..... 13

История философии

- Фивейская Людмила Владимировна**
Оправдание насилия в философско-правовом учении Владимира Соловьева 20
- Фивейская Людмила Владимировна**
Метафизические истоки правового нигилизма Н.А. Бердяева..... 28

Этика

- Захаров Алексей Владимирович**
Духовная традиция русского византизма и хозяйственно-экономическая традиция
России..... 37

Социальная и политическая философия

- Кротовская Наталия Георгиевна**
Кулагина-Ярцева Валентина Сергеевна
Некоторые актуальные проблемы экологической философии..... 46
- Губачев Михаил Николаевич**
Хабибуллин Алмаз Инсафович
Процесс внедрения информационных технологий в государственное и муниципальное
управление: вопросы и решения, перспективы и проекты..... 66
- Измайлова Джамиля Ибрагимовна**
Философское осмысление феномена биоэтики 73
- Аторин Роман Юрьевич**
Докукин Константин Юрьевич
Духовно-нравственные аспекты интегрирования цифровых технологий в социально-
управленческой деятельности..... 82
- Иоселиани Аза Давидовна**
Парадигма экологической безопасности в глобальном техногенном мире..... 89
- Зубов Вадим Владиславович**
Ивлев Виталий Юрьевич
Оседлчик Михаил Борисович
Философия банка и философия банковской деятельности 97
- Тищенко Александр Викторович**
Моргачев Олег Леонидович
Юрчевская Галина Гаврииловна
Корсаков Александр Николаевич
Медиация в разрешении социально-правовых конфликтов: социально-философский
дискурс..... 108
- Курносенко Андрей Анатольевич**
Гришай Анна Владимировна
Интегральный подход к правопониманию деятельности российской полиции 115

Ишунин Владимир Андреевич Социальные практики противодействия экстремизму сотрудниками полиции: социально-философский анализ	123
Зенин Константин Анатольевич Политическая власть в контексте социально-философского осмысления	129
Смирнова Светлана Михайловна Шастун Тамара Александровна Галушкин Владимир Викторович Эпистемологические критерии формирования инфраструктуры поддержки талантливой молодежи	134
Бунькина Надежды Ивановна Шевченко Кармен Константиновна Самоэффективность преподавателя естественнонаучных дисциплин как философская проблема	141
Никольская Анастасия Всеволодовна Черпанова Елена Викторовна Народные бунты в Московском государстве XVII века как проявление массового сознания: социально-философский анализ	150
Смирнова Светлана Михайловна Шастун Тамара Александровна Социально-философский анализ формирования системы преподавания естественно- научных дисциплин в странах в менее развитых странах	161
Некрасов Дмитрий Владимирович Петряков Кирилл Сергеевич Казаков Дмитрий Владимирович Моральные дилеммы симулякров: влияние цифровизации на этику в вооруженных конфликтах	167
Филиппова Елена Юрьевна Социально-философский анализ цифрового поведения и цифрового бытия современного человека	173
Хамидуллин Равгат Явдатович Социально-философские основания развития методологии математического образования	179
Хамидуллин Равгат Явдатович Ильгильдина Римма Наилевна Социально-философские основания развития медицинского образования	187
<i>Философская антропология, философия культуры</i>	
Сорокин Константин Алексеевич Феномен долга и дара: философско-культурологический анализ в контексте социально- политической позиции П. Слотердайка	193
Шишков Дмитрий Христофорович Волкова Елена Юрьевна Рыбина Лариса Борисовна Историческая эволюция философии психоанализа	203
Сюй Сяошу Влияние философских течений на архитектуру Китая	210
Баринов Юрий Владимирович Наказание и власть в антропологических и генеалогических взглядах М. Фуко	222
Мельников Владимир Леонидович Значимость старинных надписей в творческом наследии Н.К. Рериха	235

Contents

Ontology and theory of cognition

Evgenii A. Agafonov
Speech culture and speech etiquette in the context of non-classical methodology of cognition 5

Sergei I. Ladushkin
Semiotics of non-spatial proximity in philosophical practice: the psycho-emotional aspect 13

History of philosophy

Lyudmila V. Fiveiskaya
Justification of violence in the philosophy of law of Vladimir Solovyov 20

Lyudmila V. Fiveiskaya
Metaphysical origins of legal nihilism of N.A. Berdyaev 28

Ethics

Aleksei V. Zakharov
The spiritual tradition of Russian byzantism and the economic tradition of Russia 37

Social and political philosophy

Nataliya G. Krotovskaya
Valentina S. Kulagina-Yartseva
Some Actual Problems of Ecological Philosophy 46

Mikhail N. Gubachev
Almaz I. Khabibullin
The process of information technology implementation to the state and municipal administration: issues and solutions, prospects and projects 66

Dzhamilya I. Izmailova
Philosophical reflection of the phenomenon of bioethics 73

Roman Yu. Atorin
Konstantin Yu. Dokukin
Spiritual and moral aspects of the integration of digital technologies in social and managerial activities 82

Aza D. Ioseliani
Paradigm of ecological safety in the global technogenic world 89

Vadim V. Zubov
Vitalii Yu. Ivlev
Mikhail B. Oseledchik
The philosophy of the bank and the philosophy of banking 97

Aleksandr V. Tishchenko
Oleg L. Morgachev
Galina G. Yurchevskaya
Aleksandr N. Korsakov
Mediation in the resolution of socio-legal conflicts: socio-philosophical discourse 108

Andrei A. Kurnosenko
Anna V. Grishai
An integral approach to the legal understanding of the activities of the Russian police 115

Vladimir A. Ishunin
Social practices of countering extremism by police officers: a socio-philosophical analysis 123

Konstantin A. Zenin
Political power in the context of socio-philosophical understanding 129

Svetlana M. Smirnova Tamara A. Shastun Vladimir V. Galushkin	Epistemological criteria for creating an infrastructure to support talented youth.....	134
Nadezhda I. Bun'kina Karmen K. Shevchenko	Science teacher self-efficacy as a philosophical problem.....	141
Anastasiya V. Nikol'skaya Elena V. Cherepanova	Popular uprisings in the Moscow state of the 17th century as a manifestation of mass consciousness: social-philosophical analysis	150
Svetlana M. Smirnova Tamara A. Shastun	Social and philosophical analysis of the formation of the system of teaching natural sciences in countries in less developed countries	161
Dmitrii V. Nekrasov Kirill S. Petryakov Dmitrii V. Kazakov	Moral dilemmas of simulacrum: the impact of digitization on ethics in armed conflicts	167
Elena Yu. Filippova	Socio-philosophical analysis of digital behavior and digital existence of modern man.....	173
Ravgat Ya. Khamidullin	Social and philosophical foundations for the development of mathematics education methodology	179
Ravgat Ya. Khamidullin Rimma N. Il'gil'dina	Social and philosophical foundations for the development of medical education.....	187
<i>Philosophical anthropology, philosophy of culture</i>		
Konstantin A. Sorokin	The phenomenon of the debt and the gift: philosophical and cultural analysis in the context of social-political position of P. Sloterdijk	193
Dmitrii Kh. Shishkov Elena Yu. Volkova Larisa B. Rybina	Historical evolution of the philosophy of psychoanalysis	203
Xu Xiaoshu	The influence of philosophical trends on the architecture of China	210
Yurii V. Barinov	Punishment and power in the anthropological and genealogical views of M. Foucault	222
Vladimir L. Mel'nikov	Value of ancient inscriptions in N.K. Roerich's creative heritage.....	235

УДК 165.0

DOI: 10.34670/AR.2024.53.46.001

Речевая культура и речевой этикет в контексте неклассической методологии познания

Агафонов Евгений Александрович

Кандидат философских наук, доцент,
заместитель начальника психологического факультета,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена ускоренными темпами развития общества, которые привели к стремительному обновлению речевой практики. Автором показано, что, в связи с этим, интерес современных исследователей обращен к анализу социокультурных аспектов функционирования языка. Так, в языкознании под культурой речи традиционно понимают способ организации речевой деятельности в определенную эпоху, а речевой этикет рассматривают как совокупность норм вербального поведения индивида. По мнению автора, сегодня культуру речи необходимо рассматривать как междисциплинарную науку, а методологической базой изучения речевых процессов должно стать всеобщее философское понимание сущности процесса познания. Так, в статье вербальные символы рассматриваются как когнитивные инструменты, облакающие многомерность смысла в форму устоявшихся речевых образов. Выявлено, что способом выражения внутреннего, индивидуального смысла в процессе коммуникации становится процедура интерпретации, открывающая многомерную познавательную перспективу. Утверждается, что языковые игры, реализующие разнообразие социального бытия, определяют специфику речевой культуры эпохи постмодерна, противоречия которой можно преодолеть на основе синергетического подхода.

Для цитирования в научных исследованиях

Агафонов Е.А. Речевая культура и речевой этикет в контексте неклассической методологии познания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 5-12. DOI: 10.34670/AR.2024.53.46.001

Ключевые слова

Язык, речь, речевой этикет, речевая культура, познание, коммуникация, знак, репрезентация, символизация, интерпретация, языковая игра, синергетика.

Введение

Язык как важнейший общественный феномен, определяющий специфику бытия человека в мире, является сложной, многоуровневой, открытой и постоянно развивающейся системой. Неслучайно, в современной философии на фоне бурного развития частнонаучного знания именно языковая проблематика наряду с общей методологией науки становится наиболее актуальной. Особый интерес современных исследователей при этом обращен к анализу социокультурных аспектов функционирования языка, особенностей реализации речевой деятельности.

Известно, что еще Ф. де Соссюр как родоначальник структурализма, сформулировавший базовые положения языкознания, рассматривал язык как систему знаков, лежащую в основе речевой деятельности, но не совпадающую с ней. Если речь как индивидуальный акт разума основана на психофизиологических свойствах человека, то, по его мнению, язык «является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию... способности к речевой деятельности» [Соссюр, 1999, 17]. Речь разнородна, проявляется в сфере индивидуального и социального опыта, тогда как язык есть всеобщее установление, обеспечивающее единство речевой деятельности. Таким образом, в речевой деятельности говорящий, используя известный ему общий языковой код, создает вербальные комбинации с целью выражения своих мыслей. Поэтому культура речи и речевой этикет являются необходимой основой успешного социального взаимодействия.

Актуальные особенности изучения речевой культуры

В современном техногенном обществе речевая деятельность существенно видоизменяется под влиянием средств массовой информации и коммуникации. Так, в Интернете активно увеличивается доля спонтанного речевого общения, появляются гибридные формы, объединяющие свойства устной и письменной речи. Процессы глобализации, межкультурной коммуникации и мультилингвизм приводят к нивелированию уникальности и богатства национальных языков в речевой практике. Обратной стороной демократизации общественной жизни становится ослабление цензуры в средствах массовой информации. Деидеологизация, отказ от излишней бюрократизации и, напротив, развитие диалогичности публичного взаимодействия отдельных индивидов, в том числе и с представителями власти, ослабляет жесткие рамки официального речевого общения.

Закономерное изменение социальной структуры общества, трансформация сфер деятельности людей также существенно меняют условия использования языка. Так, идеологическая пропаганда сегодня сменилась коммерческой рекламой, место художественной литературы как общепринятого речевого эталона теперь заняли средства массовой информации. Р. Барт утверждает, что он предлагает именовать социолектами. При этом «речь любого субъекта... входит в тот или иной социолект» [Барт, 1989, 527], и даже исследуемая однородность естественного языка распадается на групповые языки, которые неизбежно включены в их своеобразную игру. Вследствие этого в речевую практику все больше проникают явления, ранее существовавшие вне литературного языка. Происходит легитимация арготической лексики и жаргонизмов, которые воспринимаются общественным сознанием как часть языковой игры.

Увеличение свободы как определяющей характеристики человеческого существования всегда влечет за собой и увеличение ответственности. К сожалению, сегодня речевая свобода, в рамках которой индивид может выстраивать разнообразные варианты вербальной коммуникации, воспринимается многими носителями языка как обновленная норма, допускающая не только наличие ошибок, но и их многократное тиражирование. Подобная раскрепощенность, избегающая должной оценки, приводит к банальности мысли, широкому распространению просторечий и штампов, а иногда и ненормативной лексики, тотальному использованию иностранных слов и «престижной» терминологии, смешению стилей, речевой неряшливости. Все это размывает у современных людей представление о должном, снижает уровень языковой ответственности в обществе. Особенно ярко это проявляется в молодежной среде, в которой вербальный дискурс, зачастую, воспринимает как возможность самореализации.

В языкознании под культурой речи традиционно понимают способ организации речевой деятельности в определенную эпоху, что в более узком смысле подводит к необходимости изучения речевого этикета как совокупности норм вербального поведения индивида. Так, одним из базовых качеств речевой культуры является правильность речи, соответствие вербального дискурса нормам языка. Правильность является необходимой основой таких коммуникативных качеств, как логичность и чистота, стилистическая определенность речи. Особую роль в системе норм речевого этикета приобретает уместность речи, которая должна соответствовать теме сообщения, его содержанию, составу слушателей и задачам выступления. Уместность речи, например, форма проявления благодарности, также зависит от количества участников, характера взаимодействия, пространственного положения общающихся, наличия технических посредников. Она диктует представление о языковых стилях, определяет их смешение или несоблюдение как проявление отсутствия речевой культуры. При этом, выразительность речи в конкретной коммуникативной ситуации, призванная вызвать интерес у аудитории, может содержать неточности, отступления от строгих правил этикета.

Ускоренные темпы развития общества привели к стремительному обновлению речевой практики, результатом чего является отсутствие взаимопонимания между целыми поколениями людей. Поэтому сегодня изучение языка рассматривается как проблема понимания, возможности эффективного культурного диалога. Из всего выше сказанного следует, что сегодня на основе интегративного подхода культуру речи необходимо рассматривать как междисциплинарную науку, развивающуюся на основе взаимосвязи языкознания, психологии, социологии и культурологии. Результатом этого становится появление таких узкоспециальных, прикладных областей знания, как социолингвистика, лингвокультурология, и даже лингвоэкология. При этом методологической базой изучения речевых процессов должна стать не только кооперации наук, но всеобщее философское понимание сущности процесса познания.

Речевой этикет как взаимосвязь репрезентации и интерпретации

Так, сегодня многие лингвисты признают необходимость философского обоснования роли символизации в речевой деятельности. В языкознании, как и в общей теории познания, существуют различные трактовки символа от расширительного подхода, уравнивающего символ с языковым знаком, до редукционизма, сводящего символ к обычному знаку. Известно, что символическая коммуникация проявляет себя не только в речи, но и в других сферах человеческого опыта. При этом рациональное осмысление символа всегда происходит в языке

как универсальном способе бытия человека. Можно сказать, что символизация как познавательная процедура определяет специфическую связь между языком и мышлением.

Еще Э. Кассирер рассматривал культуру как сложную знаковую систему, в которой символ является субстанцией человеческого бытия, основным средством познания мира. Отсюда, формы культуры не отпечатки действительности, а проявления движения духа. Так, по мнению философа, задача языка не повторять то, что дано в представлении. В языковом знаке «открывается духовное содержание, которое, облакаясь в форму чувственного... выводит нас... далеко за пределы всякой чувственности» [Кассирер, 2002, 40]. При этом символы как реальность культуры преодолевают пределы субъективного сознания, не только обретают ценностную значимость, но становятся подлинной объективной действительностью человеческого существования.

Символ является особым типом знака, который с помощью многозначного образа задает возможную бесконечность развертывания смысла, выражает скрытые значения, некое неявное, тайное содержание. Вербальные символы в свернутом виде являются когнитивными инструментами, облакающими концепты в форму конкретных речевых клише. В отличие от простого знака, в структуре символа содержание не равно форме, чувственно воспринимаемый образ вытесняет смысл, но и кодирует его многоплановость. В процессе символизации значение слова «выходит в многомерное концептуально-семантическое пространство, в котором... выполняет репрезентативную функцию» [Шувалов, 2017, 351]. Можно сказать, что как семантическая надстройка лингвистического знака символическая форма является вторичной семиотической системой. В речевой деятельности символизация часто выполняет характеризующую функцию, выражая определенные смыслы, дополняющие основное значение. Так, особые формы обращения или приветствия как исходный пункт речевого этикета приобретают в вербальном взаимодействии символическое значение, выражают статус, отношение, чувства.

Таким образом, многомерный структурный разрыв между означаемым и означающим определяет смысловое, экспрессивное и репрезентативное значение символа как особого социокультурного способа обозначения человеком мира в процессе познания. Несомненно, многие, в том числе и вербальные, символы, существующие веками, выполняют и ценностную функцию. В речевой коммуникации они закрепляют наиболее приемлемые способы понимания окружающего мира, но могут носить и личностный характер, становясь формой самовыражения индивидуальности познающего субъекта. Традиционно репрезентация понимается как использование в процессе познания особых посредников, заместителей материальных и идеальных объектов: моделей, знаков, символов. Но в глубинном смысле, выявленном еще М. Хайдеггером, представление предполагает личностное отношение, понимание мира. Человек как субъект противопоставлен бытию, не просто всматривается в реальность, но «представляет себе картину сущего» [Микешина, 2007, 111], которая становится исследуемой репрезентацией.

Поэтому последующая интерпретация речевых символов с одной стороны императивна, основана на знании всеобщего культурного кода, с другой стороны – тесно связана с конкретным социальным или ситуативным контекстом и индивидуальными особенностями восприятия. В простых с точки зрения языковой формы речевых образах заложены семантико-коннотативные возможности выражения дополнительных ценностных или эмоциональных смыслов. Они реализуются в многовариантности ассоциаций и интерпретаций смысла, который ограничивается, прежде всего, самим социокультурным контекстом речевой деятельности.

Таким образом, в контексте идей современной, неклассической эпистемологии можно

утверждать, что, реализуя социальное взаимодействие на основе норм речевого этикета, человек как познающий субъект не только отражает внешний, объективный мир, но через известный ему культурный код особым образом репрезентирует, обозначает его. При этом способом выражения внутреннего, индивидуального в процессе познания как для говорящего, так и для слушающего становится процедура интерпретации. По справедливому утверждению Х.-Г. Гадамера, универсальной средой понимания является язык, который не только стремится отразить сам предмет, но и выразить отношение, субъективное восприятие говорящего. Поэтому, понимание как языковое выражение всегда есть истолкование [Гадамер, 1988, 452]. Познающая мысль интерпретирует конкретное, единичное и конечное, обращаясь к вариативному, многому, бесконечному. Теряя устойчивость, мышление открывает многомерную познавательную перспективу. Истолкование есть круг, замыкаемый самим познающим субъектом в диалектике вопроса и ответа. Например, определяя статус собеседника, из возможных с точки зрения речевого этикета вариантов говорящий субъективно избирает наиболее подходящий. Тем самым он проявляет не только знание внешнего, но и свою внутреннюю самость. Неизбежная, устойчивая взаимосвязь идентификации и интерпретации в речевом знаке выражает бинарность познания, верифицируя предметное и смысловое, объективное и субъективное.

В рамках коммуникации субъект при переходе от единого к многому познавательно создает в речевом знаке асимметрию между семантикой и смыслом. Интерпретационный переход при этом имеет двойную направленность: от семантики к субъективному смыслу или, напротив, от смысла к предметной семантике. Такая семиотическая асимметрия возникает из «коммуникативного противостояния говорящего и адресата в их конкурентной борьбе за смысловое доминирование в речевом знаке» [Иванов, 2018, 45]. Динамическое смысловое начало истолковывает устойчивость семантики, определяет ее последующее коммуникативное развертывание. Но, по меткому замечанию Ф.И. Тютчева, выраженному им в знаменитом стихотворном афоризме, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Используя речевой знак, говорящий предполагает порядок его осмысления, но реакция адресата всегда вариативна, т. к. выражает специфику его взглядов и представлений. Так, парадоксальными с точки зрения речевой культуры являются ситуации, когда комплимент одного собеседника обижает другого.

«Языковая игра», синергетический подход и противоречия современной речевой культуры

Анализируя социокультурные аспекты речевой деятельности в контексте общих положений современной эпистемологии, нельзя обойти стороной и методологию «языковой игры», основанную на идее потенциально свободного человека, самовыражающегося в игре как способе бытия. В философии постмодернизма модель жесткого дискурса в понимании действительности заменяется вариативностью игры. Существование универсального языка и единого типа рациональности отрицается избытком языкового акта, метафизикой бытия-присутствия, принципом «переключки» текстов и концептом «смерти автора». Так, Л. Витгенштейн понимает языковую игру как использование коммуникативных систем, упрощенных моделей словоупотребления, выстроенных на основе межличностного соглашения по определенным правилам [Витгенштейн, 2003, 267]. Я. Хинтика рассматривает как игровую ситуацию саму грамматическую структуру предложения. Различные индивидуальные языковые

модели формируют субъективное восприятие реальности, что, несомненно, приводит к трудностям в процессе коммуникации, провоцирует противоречивый характер речевой деятельности. С точки зрения Ж.-Ф. Лиотара, любое высказывание говорящего можно рассматривать как «ход» в игре. В вербальной практике постоянно возникают новые слова, значения, фразеологизмы. Саму природу игры, а значит, и принципы речевого этикета постоянно меняет соглашение между «игроками» [Лиотар, 1998, 32]. Таким образом, в философии постмодерна языковые игры являются фундаментальным способом реализации разнообразия социального бытия, определяют специфику речевой культуры.

Попыткой преодоления актуальных проблем речевой культуры на основе использования философской и общенаучной методологии становится сегодня лингвистическая синергетика, ориентированная на изучение процессов языковой саморегуляции. Так, в речевой коммуникации говорящий человек стремится через расширение полисемии высказывания и множественность ассоциаций к экономии речевых усилий. С точки зрения слушающего, напротив, информация должна быть максимально понятной, а значит, у каждого слова может быть лишь один способ дешифровки, что заставляет игнорировать неявные ассоциации. Любой канал связи рассчитан на определенное количество информации, но в речевом взаимодействии имеет значение не только экономия ресурсов. Эффективность и надежность как исходные принципы речевого этикета требуют того, чтобы полученное сообщение соответствовало переданному. Можно сказать, что в языковом взаимодействии люди «всегда находятся в поиске... компромисса, добиваясь того, чтобы их сообщения были и в меру эффективными, и достаточно надежными» [Долинский, 2023, 62]. Так, сегодня широкое использование и появление новых аббревиатур, их игровая расшифровка разрушают устоявшиеся ассоциативные связи, способны породить непредвиденные, парадоксальные смыслы, что с точки зрения речевого этикета, несомненно, снижает уровень доверия человека к вербальной коммуникации, приводит к дегуманизации языка.

Заключение

Таким образом, в современном обществе меняется не только сам язык как сложная многоуровневая система, но и социальные условия реализации речевой деятельности. Она как важнейшая сфера практической деятельности человека является основой продуктивного общения, что определяет необходимость комплексного научно-философского подхода к анализу речевой культуры. Так, вербальные символы в свернутом виде являются когнитивными инструментами, облекающими концепты в форму конкретных речевых клише. Реализуя социальное взаимодействие на основе норм речевого этикета, человек как познающий субъект не только отражает внешний, объективный мир, но через известный ему культурный код особым образом репрезентирует, обозначает его. Способом выражения внутреннего, индивидуального смысла для взаимодействующих в рамках речевой коммуникации людей становится процедура интерпретации. «Языковая игра» как использование индивидуальных моделей словоупотребления, выстроенных на основе межличностного соглашения, правил, принятых игроками, формирует субъективное восприятие реальности, что приводит к трудностям в процессе коммуникации. Поэтому попыткой преодоления актуальных проблем речевой культуры на основе использования неклассической философской и современной общенаучной методологии становится сегодня лингвистическая синергетика, ориентированная на изучение процессов языковой саморегуляции.

Библиография

1. Барт Р. Разделение языков // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 519-534.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М.: АСТ, 2003. С. 220-546.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод (основы философской герменевтики). М.: Прогресс, 1988. 740 с.
4. Долинский В.А. Синергетика и принцип наименьшего усилия в языке и речи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2023. № 2. С. 51-70.
5. Иванов Н.В. Аналитика интерпретации в речевой коммуникации и переводе // Филология и культура. 2018. № 4 (54). С. 40-48.
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодернизма. М., 1998. 160 с.
8. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. 439 с.
9. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999. 432 с.
10. Шувалов В.И. Символ и метафора в языке и речи // Преподаватель XXI век. 2017. № 3. С. 349-355.

Speech culture and speech etiquette in the context of non-classical methodology of cognition

Evgenii A. Agafonov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Deputy Head of the Faculty of Psychology,
Vologda Institute of Law and Economics FSIN of Russia,
160002, 2-a, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the accelerated pace of social development, which has led to the rapid renewal of speech practice. The author shows that, in this regard, the interest of modern researchers is turned to the analysis of sociocultural aspects of the functioning of language. Thus, in linguistics, speech culture is traditionally understood as a way of organizing speech activity in a certain era, and speech etiquette is considered as a set of norms of an individual's verbal behavior. According to the author, today the culture of speech must be considered as an interdisciplinary science, and the methodological basis for the study of speech processes should be a universal philosophical understanding of the essence of the cognition process. Thus, in the article, verbal symbols are considered as cognitive tools that put the multidimensionality of meaning into the form of established speech images. It has been revealed that the method of expressing internal, individual meaning in the process of communication is the interpretation procedure, which opens up a multidimensional cognitive perspective. It is argued that language games that realize the diversity of social existence determine the specificity of speech culture of the postmodern era, the contradictions of which can be overcome on the basis of a synergetic approach.

For citation

Agafonov E.A. (2023) Rechevaya kultura i rechevoi etiket v kontekste neklassicheskoi metodologii poznaniya [Speech culture and speech etiquette in the context of non-classical methodology of cognition]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 5-12. DOI: 10.34670/AR.2024.53.46.001

Keywords

Language, speech, speech etiquette, speech culture, cognition, communication, sign, representation, symbolization, interpretation, language game, synergetics.

References

1. Barthes R. (1989) Razdelenie yazykov [The Division of Languages]. In: *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ.
2. Cassirer E. (2002) *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 1. Yazyk* [The Philosophy of Symbolic Forms, Volume 1: Language]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.
3. Dolinskii V.A. (2023) Sinergetika i printsip naimen'shego usiliya v yazyke i rechi [Synergetics and the principle of least effort in language and speech]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics], 2, pp. 51-70.
4. Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod (osnovy filosofskoi germenoviki)* [Truth and Method]. Moscow: Progress Publ.
5. Ivanov N.V. (2018) Analitika interpretatsii v rechevoi kommunikatsii i perevode [Analytics of interpretation in speech communication and translation]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 4 (54), pp. 40-48.
6. Lyotard J.-F. (1998) *Sostoyanie postmodernizma* [The Postmodern Condition]. Moscow.
7. Mikeshina L.A. (2007) *Epistemologiya tsennosti* [Epistemology of values]. Moscow: ROSSPEN Publ.
8. Saussure F. (1999) *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Yekaterinburg.
9. Shuvalov V.I. (2017) Simvol i metafora v yazyke i rechi [Symbol and metaphor in language and speech]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century], 3, pp. 349-355.
10. Wittgenstein L. (2003) Filosofskie issledovaniya [Philosophical studies]. In: *Yazyki kak obraz mira* [Languages as an image of the world]. Moscow: AST Publ.

УДК 164.08

DOI: 10.34670/AR.2024.57.93.011

Семиотика непространственной близости в философской практике: психоэмоциональный аспект

Ладушкин Сергей Иванович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1;
e-mail: modus112@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются семиотические аспекты психоэмоциональной близости, специфичные для консультационной и партнерской работы над смысловыми проблемами в формате философской практики со-аналитики, анализируется семантика непространственной психоэмоциональной близости, формирующейся на основе телесно-соматической близости в немедицинских помогающих практиках. Опираясь на обширный материал консультационной и партнерской работы с клиентами в индивидуальном и групповом форматах, мы выстраиваем в статье таксономию семиотизированных позиций близости, последовательно занимаемых участниками консультативного диалога в их совместном прохождении через конкретную смысловую проблему. В статье представлены результаты, относящиеся к психоэмоциональному аспекту близости, которые могут быть использованы в философской практике и в когнитивно-поведенческой терапии.

Для цитирования в научных исследованиях

Ладушкин С.И. Семиотика непространственной близости в философской практике: психоэмоциональный аспект // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 13-19. DOI: 10.34670/AR.2024.57.93.011

Ключевые слова

Близость, семиотика психоэмоциональности, со-аналитика, философская практика.

Введение

После пионерских работ американского антрополога Э. Холла в середине XX века в области принципов организации пространственно-временных форм близости как особой формы intersубъективной коммуникации между представителями разных культур и социальных групп (результатом чего стало появление науки о близости, названной Э. Холлом «проксемикой») исследования этого феномена приобрели междисциплинарный характер [Hall, 1959]. Близость исследовали антропологи [Hall, 1959], психологи [Halling, 2008], культурологи [Watson, 1970], специалисты в сфере образования [Long, 2022], этики [Skof, 2015], социологи и политологи [Rosanvallon, 2011]. Позднее близость стала предметом философской теоретической рефлексии [Kessler, 2019], а также попала в поле зрения философов-практиков [Marinoff, 2002].

В предлагаемой статье мы продолжаем исследование феномена близости в контексте со-аналитики – разновидности среднесрочного философского партнерства, целью которого является разрешение смысловых проблем, порождающих дисфункциональное и дезадаптивное поведение субъектов социальной коммуникации, корректируемое в ходе со-аналитических сессий между философом/аналитиком и его клиентом/партнером. Непространственная близость предстает при этом как особый модус существования в intersубъективной коммуникации, а также как особый концепт, формирующийся в совместной рефлексии партнеров по со-аналитической практике над процессами их психоэмоционального взаимодействия друг с другом.

Основной задачей участников со-аналитической практики является не столько устранение беспокоящей клиента проблемной ситуации как таковой, сколько адекватная запросам клиента трансформация смысловой проблемы, в результате чего разрешается возникшее в жизненном пространстве клиента дезадаптивное взаимодействие отдельных смысловых структур, осуществляется перевод конфликтующих смыслов на метауровень (относительно данной проблемы), снимается смысловой конфликт в его проблемной значимости.

Близость как некомфортное нахождение рядом

Первый рубеж, означающий переход процесса сближения с телесной соматикой на психоэмоциональный уровень, можно обозначить как некомфортное соседство, как напряженное нахождение субъектов коммуникации рядом друг с другом. Линия демаркации зон напряженности проходит здесь именно по периметру своего эмоционального спектра – проявление чужой эмоциональности в соседстве со своей автоматически создает напряженное смысловое поле, вне зависимости от его содержательной наполненности.

Существует мнение, что обязательным условием соматического сближения является близость эмоциональная [Mashek, 2004]. Это можно признать верным с одной существенной оговоркой: речь идет об обычных эмоциях условного этикета в рамках социально установленных норм эмоционального обмена. В этом контексте эмоциональное напряжение снимается взаимной демонстрацией готовности действовать в семантическом поле общепринятых стандартов. Таким образом, конкретные формы близости, возникающие в ходе со-аналитической работы, детерминируются в своей конкретике не «снизу», не от фактической событийности общих эмоций, случающихся в коммуникации, но «сверху», от тех духовных ценностей, которые просматриваются в качестве векторов общения участниками со-

аналитической практики сквозь фактическую эмоциональную событийность. Однако надо учитывать, что порядок означивания здесь противоположен порядку причинения. Феноменологическое описание взаимосвязи близости и возникающего и крепнущего при этом доверия партнеров друг к другу выявило бы обычную имплицативную связь между ними – «если А, то В», «если есть доверие, будет и близость», чем больше доверия между коммуникантами, тем выше уровень их близости. Но в семиотическом плане эта зависимость обратная, она соответствует выделяющей импликации «только если А, то В». Различие не вполне очевидно для внешнего наблюдателя, но существенно для участников процесса со-аналитического сближения: в выделяющей импликации антецедент и консеквент меняются своими логическими ролями - антецедент с выделяющим оборотом «только если» становится необходимым элементом кондиционала (то есть, консеквентом), в то время как видимый консеквент В берет на себя роль достаточного условия (то есть, антецедента). Иными словами, нам достаточно знать, что между коммуникантами возникла близость, чтобы можно было констатировать высокий уровень доверия между нами. Причем в данном случае речь идет именно о доверии «сверху», со стороны единства ценностей и целей, а не со стороны общности фактических эмоций [Harmot, 2017].

Близость как комфортное «вместе»

Какова смысловая определенность этого формата близости? Главной его особенностью является активная удовлетворенность партнеров, возникающая от взаимной коммуникации друг с другом. Предыдущее напряженное соседство сменяется чувством большей доверительности, что следует понимать не только как констатацию общего доверия, сформировавшегося между ними, но главным образом как процесс деятельного доверения партнерами друг другу того, что важно для них, и утрата чего потенциально болезненна для каждого из них. И все же это еще не полная психологическая доверительность, поскольку здесь имеет место обмен хотя и важными, но все же не жизненно-важными ценностями. Партнеры, находящиеся в комфортной доверительной близости, едины в том, что для них позитивно-общее, но они еще не могут быть едины в негативно-общем, в своих различиях. Истина их взаимности, истина их близости на этом уровне коммуникации, держится на общности позитивного содержания, но она еще не проверена ими в опыте существенных различий, и поэтому абстрактна.

Эта абстрактность комфортной доверительности снимается при переходе близости с уровня душевного согласия на уровень доверительных действий. В со-аналитической практике партнерства этот рубеж считается пройденным тогда, когда коммуниканты становятся способными доверять друг другу выполнение какой-то важной части общей смысловой работы. Открывать себя друг другу в том, что комфортно и приятно – это совсем не то же самое, что открывать себя другому в своей уязвимости. Только тогда, когда один из партнеров получает реальный контроль над жизненно важными смыслами другого партнера, сохраняя при этом ненасильственное взаимодействие с ним в общем смысловом поле, прежняя абстрактная близость обретает зримые черты смысловой негативности, реально опасных последствий для обоих партнеров, становясь их конкретным смысловым единством. Наглядная аналогия такой близости – взаимная ответственность альпинистов в связке при восхождении к вершине. Если один партнер способен доверить проверку надежности своего снаряжения другому, то другой, в свою очередь, способен взять на себя ответственность за жизнь и здоровье напарника. Время

рассуждений о взаимопомощи при восхождении прошло; настало время конкретной и рискованной доверительности действий друг другу.

Близость как эмоциональная откровенность

В плане семиозиса близости прохождение через эту границу означает вступление партнеров в сферу психологической откровенности. В со-аналитической практике откровенность – это тоже доверие, но доверие особое, принципиальное, системное. Открываясь друг другу в деятельной доверительности, партнеры постепенно переходят на другой язык коммуникации. Способы означивания ими событий сферы чувственности становятся теперь системно детерминированными. Если на предыдущих ступенях формирования близости у партнеров была возможности делиться друг с другом отдельными, локально значимыми эмоциям, чувствами, переживаниями, то теперь каждый такой обмен отсылает к целому кластеру психо-эмоциональных феноменов, вовлекая ранее изолированные события чувственной сферы во все более усложняющуюся структурированную взаимосвязь. Важно заметить, что заметное количественное увеличение этих моментов близости отнюдь не превращает при этом психологическую коммуникацию партнеров в информационный шум фактов их intersubъективного общения. Напротив, само это общение становится все более упорядоченным, иерархически организованным в смысле значимости событий.

Близость как доверие в Главном

Важной характеристикой этого нового уровня психо-эмоциональных сближений, реализуемых через деятельную доверительность, оказывается пригодность этого модуса общения для все более отчетливого схватывания и расстановки истинных приоритетов в совместной со-аналитической практике. С каждым шагом партнеры все больше приближаются к Главному (с большой буквы, чтобы отличить этот смысловой стратегический ориентир от текущих и локальных приоритетов, возникающих в отдельных фрагментах прорабатываемой партнерами проблемы), к «архе», к смысловому началу совместно разрешаемой проблемы, к самому принципу того проблемного порядка их общей активности, который и является для партнеров предметом аналитической проработки. Этот важнейший момент в философской практике знаменуется прорывным событием в достигнутых партнерами уровнях доверия и близости. Главное в со-аналитике – это такой модус близости, в котором партнеры, раскрывая себя друг другу в экзистенциально рискованных чувствах и мыслях, оказываются уязвимыми в своей взаимной откровенности друг другу и откровенными в своей взаимной уязвимости друг для друга.

Эта новая граница откровенности одновременно и притягательна в эмоциональном смысле для приближающихся к ней со-аналитических партнеров, и проблематична в своей смысловой напряженности. Возникающие здесь напряжения смыслов вызваны тем, что каждый из них, попадая в поле зрения партнеров, являет себя не только в своей фактической содержательности, но и в своей конечной интенции, в предельной смысловой перспективе, направленной на достижение целей, явно выходящих за границы собственно психологических формаций. Причем чем глубже уровень деятельного доверия и откровенности между партнерами, тем яснее и отчетливее обозначена для каждого из них эта взаимная перспективность смыслов. Иными

словами, прорабатываемые здесь смыслы всякий раз отсылают к глубинным убеждениям человека, к его волевым импульсам. Прежние значимые когниции трансформируются тем самым в значимые волюнтации, подводя партнеров непосредственно к зоне взаимодействия их волевых жизненных векторов и связанных с ними глобальных духовных устремлений.

Близость как доверие воли

Завершает иерархию форм близости в контексте чувственно-эмоциональной активности область, в которой партнеры по со-аналитике настолько проникаются доверием друг к другу, что видят все элементы своей коммуникации в их смысловой целостности, а потому они открыты друг для друга полностью в волевом измерении психики. Речь еще не идет о тотальном раскрытии волевых импульсов друг для друга, однако в той части волевой активности, которая касается именно феноменов психоэмоциональной сферы, у партнеров существует уже полная взаимная транспарентность – прозрачность друг для друга во всех главных волевых импульсах. Для этого уровня близости характерно не только эмпатическое взаимодействие высокого уровня, но и отсутствие различия в ключевых интерпретациях знаковых событий в системе межличностной коммуникации. Фактический уровень близости, достигнутый партнерами на этом этапе их со-аналитического взаимодействия, позволяет им доверять себя друг другу в акте волевой самоидентичности.

Заключение

Все вышеперечисленные уровни волевого взаимодействия фактически недостижимы в формате обыденных сближений, поскольку в них всегда сохраняется примесь недоговоренностей относительно экзистенциально значимых принципов, не могущих быть адекватно тематизируемыми в рамках обыденной коммуникации. Однако смысловой дискурс в философской практике меняет полярность смысловых формообразований даже в семантическом плане: те функции означивания, которые придают истинность обыденным смыслам, в контексте философской практики оказываются полярно противоположным, отсылая к ложности обыденных смысловых конструктов. Тем самым партнеры по со-аналитике выходят к границам диалектически поляризованной сферы духовных явлений.

Библиография

1. Hall E.T. *The Silent Language*. N.Y.: Doubleday, 1959. – 242 pp.
2. Hall E.T. *The Hidden Dimension*. N.Y.: Doubleday, 1966. – 126 pp.
3. Halling S. *Intimacy, Transcendence, and Psychology. Closeness and Openness in Everyday Life*. New York.: Palgrave Macmillan. 2008 – 248 pp.
4. Watson O.M. *Proxemic Behavior. A Cross-Cultural Study*. Paris.: Mouton. 1970 – 132 pp.
5. Long F. *Essays in the Phenomenology of Learning: The Challenge of Proximity*. *New Directions in the Philosophy of Education*. London and New York.: Routledge. 2022 – 203 pp.
6. Skof L. *Breath of Proximity: Intersubjectivity, Ethics and Peace*. Netherlands.: Springer, 2015. – 215 pp.
7. Rosanvallon P. *Democratic Legitimacy. Impartiality, Reflexivity, Proximity*. Princeton, New Jersey.: Princeton University Press. 2011 – 235 pp.
8. Kessler N. H. *Ontology and Closeness in Human-Nature Relationships. Beyond Dualisms, Materialism and Posthumanism*. New Hampshire.: Springer, 2019 – 343 pp.
9. Marinoff Lou. *Philosophical Practice*. San Diego.: Academic Press, 2002 – 436 pp.
10. *Handbook of Closeness and Intimacy*. Mashek D. J., Aron A. (eds.). London.: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers. 2004 – 454 pp.

11. Interaction & Identity. Information and Behavior. Vol. 5. Harmot B. Mokros (ed.). London and New York.: Routledge, 2017 – 452 pp.

Semiotics of non-spatial proximity in philosophical practice: the psycho-emotional aspect

Sergei I. Ladushkin

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of Philosophy and Sociology,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: modus112@gmail.com

Abstract

The article examines the semiotic aspects of psycho-emotional closeness, specific for consulting and partner work on semantic problems in the format of philosophical practice of co-analytics, analyzes the semantics of non-spatial psycho-emotional closeness, formed on the basis of bodily-somatic closeness in non-medical helping practices. Based on the extensive material of consulting and partner work with clients in individual and group formats, we build in the article a taxonomy of semiotic positions of closeness consistently occupied by the participants of the consultative dialogue in their joint passage through a specific semantic problem. The article presents the results related to the psycho-emotional aspect of intimacy, which can be used in philosophical practice and in cognitive behavioral therapy.

For citation

Ladushkin S.I. (2023) Semiotika neprostranstvennoi blizosti v filosofskoi praktike: psikhoemotsional'nyi aspekt [Semiotics of non-spatial proximity in philosophical practice: the psycho-emotional aspect]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 13-19. DOI: 10.34670/AR.2024.57.93.011

Keywords

Proximity, semiotics of psych-emotionality, co-analytics, philosophical practice.

References

1. Hall E.T. The Silent Language. N.Y.: Doubleday, 1959. – 242 pp.
2. Hall E.T. The Hidden Dimension. N.Y.: Doubleday, 1966. – 126 pp.
3. Halling S. Intimacy, Transcendence, and Psychology. Closeness and Openness in Everyday Life. New York.: Palgrave Macmillan. 2008 – 248 pp.
4. Watson O.M. Proxemic Behavior. A Cross-Cultural Study. Paris.: Mouton. 1970 – 132 pp.
5. Long F. Essays in the Phenomenology of Learning: The Challenge of Proximity. New Directions in the Philosophy of Education. London and New York.: Routledge. 2022 – 203 pp.
6. Skof L. Breath of Proximity: Intersubjectivity, Ethics and Peace. Netherlands.: Springer, 2015. – 215 pp.
7. Rosanvallon P. Democratic Legitimacy. Impartiality, Reflexivity, Proximity. Princeton, New Jersey.: Princeton University Press. 2011 – 235 pp.

-
8. Kessler N. H. *Ontology and Closeness in Human-Nature Relationships. Beyond Dualisms, Materialism and Posthumanism*. New Hampshire.: Springer, 2019 – 343 pp.
  9. Marinoff Lou. *Philosophical Practice*. San Diego.: Academic Press, 2002 – 436 pp.
  10. *Handbook of Closeness and Intimacy*. Mashek D. J., Aron A. (eds.). London.: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers. 2004 – 454 pp.
  11. *Interaction & Identity. Information and Behavior*. Vol. 5. Harmot B. Mokros (ed.). London and New York.: Routledge, 2017 – 452 pp.

УДК 1 (091)

DOI: 10.34670/AR.2024.93.90.002

Оправдание насилия в философско-правовом учении Владимира Соловьева

Фивейская Людмила Владимировна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2-а;
e-mail: ludfiv@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается отношение Вл. Соловьева к насилию в социальном и правовом аспектах, раскрываются философские и теологические основы нравственного обоснования правомерности насилия в обществе, анализируются его цели, виды и допустимые границы. Вл. Соловьев не разделяет популярные в его время идеи непротивления злу насилием, он признает необходимость и правомерность насилия в обществе, но, поскольку право в его философско-правовой доктрине имеет формальный и отрицательный характер и само по себе не определяет содержание и цели человеческой деятельности, то насилие как феномен общественной жизни нуждается не только в обосновании своей правомерности, но и в нравственном оправдании. Такое оправдание, показывает Вл. Соловьев, возможно лишь в контексте нравственной трактовки самого права, формирующего в обществе необходимые условия для личного совершенствования и прогресса общества в целом. Правомерное насилие выступает как средство ограничения действительных проявлений зла, представляющих угрозу общественной безопасности, и, таким образом, само по себе неприемлемое в собственной сфере нравственности косвенно служит ее цели – умножению добра в мире. Абсолютными границами насилия Вл. Соловьев полагает жизнь человека как биологического существа – лишение жизни отсекает любую возможность нравственного развития, а также духовную жизнь человека, свободную по определению и не допускающую никакого внешнего принуждения. Идеи Вл. Соловьева, выражающие его отношение к насилию в обществе, в статье анализируются на основе текстов его произведений «Оправдание добра. Нравственная философия», «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики», «Критика отвлеченных начал», «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Материалы статьи представляют интерес для специалистов в области истории философии, философии права, истории правовых и политических учений, теории государства и права, а также могут быть использованы в образовательном процессе.

Для цитирования в научных исследованиях

Фивейская Л.В. Оправдание насилия в философско-правовом учении Владимира Соловьева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 20-27. DOI: 10.34670/AR.2024.93.90.002

Ключевые слова

Владимир Соловьев, философия права, право и нравственность, правовое принуждение, насилие, смертная казнь.

Введение

В философском учении Вл. Соловьева об обществе в целом и в его правовой доктрине есть проблема, которая не выносится им как предмет специального рассмотрения, но с очевидной регулярностью возникает в текстах, в которых так или иначе затрагиваются вопросы права и государства. Речь идет о насилии, его допустимости, правомерности, разумно оправданных границах и формах. Насилие как проблема для Вл. Соловьева имеет не только и даже не столько правовое содержание, но возникает в принципиальном для него сопряжении права, как необходимого условия организации жизни общества, и нравственности, как субстанциальной основы его развития, смысл и цель которого состоит в неуклонном продвижении к абсолютному нравственному идеалу, полагаемому в терминах христианского миропонимания как безусловное Добро. «Оправдывается ли это Добро и по отношению к праву?» [Соловьев, *Оправдание добра*, 1988, 442] – определяющий философско-правовые исследования Вл. Соловьева вопрос, и связан он не с абстрактным пониманием права как «синтеза свободы и равенства» [Соловьев, 1914, 532], а с осознанием принудительного характера осуществления этого синтеза, в котором «право есть исторически-подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально-нравственным интересом личной свободы и материально-нравственным интересом общего блага» [там же, 547]. Оправдывается ли тогда Добро не только по отношению к праву, но и по отношению к принуждению, насилию?

Рассмотрение вопроса по существу целесообразно предварить еще кратким пояснением, касающимся употребления терминов «принуждение» и «насилие». В современной научной литературе мы находим разнообразную их трактовку: от понятийного отождествления, до крайнего противопоставления [Тарасов, 2019]. В текстах Вл. Соловьева встречаются оба термина, при этом вопрос об их понятийном различии не ставится. Правда, можно заметить, что термин «насилие» чаще употребляется применительно к практике правоприменения, «принуждение» – к характеристике права как такового. Однако это не закономерность, а лишь тенденция, поэтому вполне оправданным здесь представляется синонимическое словоупотребление.

Необходимость и нравственное обоснование насилия

Размышления Вл. Соловьева о насилии встраиваются в его учение о праве в целом, поскольку именно «с понятием права неизбежно связывается неразрывная цепь других понятий: закона, власти, правомерного принуждения, государства» [Соловьев, *Оправдание добра*, 1988, 440]. Однако вопрос о насилии как проблема ставится и решается в более широком контексте соотношения права и нравственности. В нравственной философии Вл. Соловьева насилие как феномен общественной жизни нуждается не только в обосновании своей правомерности, но и в нравственном оправдании. Оппозиция нравственности и права как абсолютного и относительного полюсов в диалектике нравственного прогресса необходимым образом полагает их существенное различие, проявляющееся, в частности, и в том, что нравственность исключает

всякое принуждение, а право его предполагает. Имея в основе своей безусловное нравственное начало – абсолютное Добро, нравственное требование имеет неограниченный характер, коренится глубоко в душе человека как «безусловное стремление к нравственному совершенствованию» и не предписывает в обязательном порядке никаких определенных внешних действий. Напротив, право всегда ограничено, «вместо совершенства оно довольствуется низшею минимальною степенью нравственного состояния, требует лишь фактической задержки известных крайних проявлений злой воли» [Соловьев, 1914, 541], поэтому оно всегда имеет своим предметом объективные отношения и реализует себя через внешние действия. Цель права, по Соловьеву, «обеспеченное осуществление в действительности определенного минимального добра» [там же, 543]. Указанные различия, собственно, и определяют отношение к насилию в этической и правовой сфере. Внутренний характер нравственного совершенствования личности предполагает свободный выбор и не терпит никакого внешнего принуждения – ни физического, ни психологического. Право же задает лишь приемлемый формат, определенный внешний порядок отношений людей в обществе и, приобретая в данных обстоятельствах места и времени форму общепризнанного и обезличенного закона, необходимым образом имеет принудительный характер. Указывая отличительные признаки закона – публичность, конкретность и реальную применимость, Вл. Соловьев подчеркивает, что с последним «всегда связана так называемая «санкция», т. е. угроза принудительными и карательными мерами» [Соловьев, 1989, 550].

На первый взгляд представляется, что право и нравственность абсолютно дистанцированы в вопросе о насилии и не имеют здесь общего содержания: если нравственная жизнь человека исключает всякое принуждение, то принудительность права, тем более прямое насилие в случае нарушения положительного законодательства, не имеет отношения к нравственности и должно быть вынесено за скобки. Вл. Соловьев показывает, что это не так, рассматривая проблему с обеих сторон, как бы становясь на позиции обозначенных в предисловии к «Праву и нравственности» своих оппонентов в известной полемике – Л.Н. Толстого как «безусловного отрицателя всех юридических элементов жизни» и Б.Н. Чичерина, «неизменного защитника права, как абсолютного, себе доверяющего начала» [Соловьев, 1914, 521]. Во-первых, он задается вопросом: «Зачем возводить в закон принудительный минимум нравственности, когда совесть требует свободно исполнять максимум добра?» [там же, 544]. Зачем право, если есть нравственность? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости целевой направленности права и его адресата. Нравственное совершенствование человека безусловно основано на личной свободе, но человек не может существовать и развивать себя вне общества, а поэтому личная свобода не должна противоречить общему интересу. Требование личной свободы и общего блага, несмотря на их видимое противостояние, обязательны именно с нравственной точки зрения. «Из их встречи, – пишет Вл. Соловьев, – рождается право» [Соловьев, Оправдание добра, 1988, 452]. Вместе с тем не следует смешивать абсолютные нравственные требования и нравственное состояние как конкретного общества, так и отдельных его членов. С нравственной точки зрения общество неоднородно, и юридический закон, по мнению Вл. Соловьева, имеет вполне конкретный адресат: он относится «лишь к тем, кто в состоянии его нарушить» [Соловьев, 1914, 544]. Такие люди в реальном обществе есть всегда, поскольку свобода безусловна и подразумевает не только свободу добра, но и свободу зла. Право с его принудительной силой и предназначено для того, чтобы твердо определить безопасные границы добра, оградить его от злой воли в той мере, в которой она представляет угрозу общественной безопасности. В этом смысле, считает Вл. Соловьев, принудительный закон представляет собой условие

нравственного совершенствования и «требуется самим нравственным началом, хотя и не есть его прямое выражение» [Соловьев, *Оправдание добра*, 1988, 452].

С другой стороны, нуждается ли право в нравственности? Не есть ли оно действительно «себе довлеющее начало», а попытки обоснования и тем более нравственного оправдания правового насилия являются лишь избыточным философским и/или религиозным пафосом? Вл. Соловьев характеризует право как «отрицательное определение свободы» [Соловьев, 1907, 150]. Право и закон как его частное выражение сами по себе не имеют положительного содержания, не сообщают «никакой положительной цели для деятельности, они не указывают, что каждый должен делать, а лишь то, чего никто делать не должен» [там же, 150]. Такое понимание права выводит его целевые причины за пределы самого права, а именно в область нравственности и религии: «Выше правомерного порядка – порядка отрицательных средств – должен стоять положительный порядок, определяемый абсолютной целью» [там же, 152]. В нравственной философии Вл. Соловьева высшая цель всей человеческой (отдельного человека и человечества) жизни есть абсолютное Добро, а значит, положительный смысл любой человеческой деятельности – в продвижении к этой заданной цели. Право поэтому получает свое содержание и оправданные средства постольку, поскольку причастно этому преумножению добра в мире, если не прямым, то опосредованным нравственным прогрессом образом. В общественном измерении право формирует благоприятную среду человеческого общежития, отсекая злокачественные, угрожающие общественному благу формы деятельности и поступки отдельных индивидов. Принудительный характер законов и насильственные способы их реализации оправданы здесь именно объективной направленностью правотворчества и правоохранительной деятельности. Особое внимание Вл. Соловьев уделяет применению насилия в сфере уголовного права. В «Оправдании добра» этому вопросу посвящена специальная глава «Уголовный вопрос с нравственной точки зрения», а в «Праве и нравственности», помимо главы аналогичной тематики (глава третья «Уголовное право. Его генезис. Критика теорий возмездия и устрашения»), в отдельные главы выделены вопросы уголовного правосудия (глава пятая «Принудительное правосудие как нравственная обязанность», глава седьмая «Нормальное уголовное правосудие»). Этот раздел его правового учения заслуживает специального рассмотрения¹. Уголовные правонарушения демонстрируют злостное нарушение охранительных границ, постулируемых правом, поэтому и реакция общества в уголовном наказании приобретает предельный и открыто насильственный характер. Однако и здесь насилие по отношению к преступнику, для Вл. Соловьева, выступает не как самоцель, а как средство его нравственного исцеления.

Виды насилия и его границы

Срединным – между добром и злом – расположением права в порядке мироустройства определены приемлемые виды предусмотренного законом и применяемого государством насилия и положены его границы. Бытующее в мире насилие Вл. Соловьев делит на три вида, которые он смыслодержательно именуется как «зверское», «человеческое» и «дьявольское». К первому он относит преступные насильственные действия по отношению к человеческой

---

¹Нами ранее была предпринята попытка анализа идеи уголовного наказания в философии Вл. Соловьева. См.: Фивейская Л.В. Пенитенциарная идея в нравственной философии Владимира Соловьева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6В. С. 211-220.

личности, совершаемые под влиянием низменных животных страстей: сюда он относит убийц, разбойников, деторастлителей. Второй – это собственно область правового и государственного насилия, которое характеризуется как «необходимо допускаемое принудительной организацией общества для ограждения внешних благ жизни» [Соловьев, Оправдание добра, 1988, 456]. Здесь важно, Вл. Соловьев особо это подчеркивает, что допустимое в «человеческом» измерении насилие имеет внешний характер и применимо лишь в области «реально-предметного, или практического, добра», к которому он, прежде всего, относит «защиту жизни и имущества всех от посягательств внешних и внутренних врагов» [там же, 454]. Насильственное вторжение во внутреннюю духовную жизнь человека – третий вид насилия – Вл. Соловьев безоговорочно характеризует как «род насилия, который всецело определяется злом и ложью», а потому «дьявольское» [там же, 456].

Крайние члены этой триады полагают абсолютные границы оправданного насилия. В «Праве и нравственности» Вл. Соловьев ставит вопрос прямо: «Должно ли представлять в человеческой личности какой-нибудь предел для внешнего на нее действия, что-нибудь неприкосновенное и неупраздняемое извне?» [Соловьев, 1914, 583]. И отвечает на него столь же прямо: такой предел есть, и он связан с жизнью человека. Важно, что здесь речь идет не о насилии как таковом, а о мерах государственного насилия: указанный вопрос ставится и решается в контексте размышлений о смертной казни. Жизнь человека – вот абсолютная ценность и абсолютный предел допустимого насилия в обществе. Лишение жизни есть «зверство» не только со стороны отдельной преступной личности, но также и со стороны государства. Вл. Соловьев поэтому всегда был последовательным и бескомпромиссным противником смертной казни, не просто декларируя недопустимость столь бесчеловечной меры наказания, но, как истинный философ, проводя всестороннюю аргументацию с позиций теологических, нравственных и собственно правовых. Рассуждая в «Трех разговорах» о природе зла, Вл. Соловьев подразделяет его на зло индивидуальное, общественное и физическое, последнее он понимает как «крайнее зло, называемое смертью» [Соловьев, Три разговора ..., 1988, 727]. И далее, в духе Екклесиаста, показывает мнимый, иллюзорный характер противостояния злу добра в мире, где смерть непреодолима. Христианство провозглашает победу над смертью и дает человеку надежду на жизнь вечную. Потому любая уступка смерти есть дело «нечестивое». Смертная казнь с теологической точки зрения «есть присвоение человеческой юстицией того абсолютного характера, который может принадлежать только суду Божию» [Соловьев, 1914, 582]. С нравственной позиции смертная казнь бесчеловечна и постыдна: бесчеловечна, поскольку в акте сознательного причинения смерти обесценивается жизнь человека, необратимо прекращается его развитие, отсекается возможность покаяния и нравственного исцеления; постыдна, поскольку применяется к не имеющему возможности противиться человеку бесчувственно и с холодным расчетом. Так, смертная казнь «есть убийство, как такое, абсолютное убийство, то есть принципиальное отрицание коренного нравственного отношения к человеку» [там же, 584]. Наконец, с правовой точки зрения смертная казнь есть отрицание права по существу. Поскольку в концепции Вл. Соловьева право есть инструмент, устанавливающий принудительное равновесие противоположностей в противоречии нравственного интереса личной свободы и общего блага, то устранение одной из сторон этого противоречия нарушает баланс интересов и разрушает правовое отношение как таковое.

Если смерть тела есть нижний предел насилия, то его верхняя граница упирается в автономию человеческого духа. Задача общества, его правовых и политических институтов –

организация такого порядка согласования интересов его членов, который обеспечивает объективные условия нравственного прогресса в истории человечества. Не принудительность, а «прямая объективность задачи» – вот, по мысли Вл. Соловьева, «основное свойство того добра, которое обусловлено правовой общественной организацией» [Соловьев, Оправдание добра, 1988, 455]. Объективный, внешний характер общественного блага влечет и внешний способ его обустройства, в том числе, по необходимости, и насилие как внешний же способ вовлечения людей в систему сбалансированных общественных отношений. Иное внутренняя духовная жизнь человека. Внешнее принуждение неприменимо здесь по самой природе духовного блага, проявляющего себя в двух ипостасях – как добродетель, или «внутреннее расположение нашей воли к добру самому по себе», и истинность, или «внутреннее согласие нашего ума с истиною как такою» [там же, 455]. Всякая попытка насильно извне модерировать внутреннюю предрасположенность человеческого духа к добру и истине логически противоречива и бессмысленна.

Заключение

Обоснование правомерного насилия у Вл. Соловьева, таким образом, имеет двойную природу – политико-правовую и нравственную. С позиции права насилие необходимо, поскольку право не есть абстрактный идеал, но погружено в реальную действительность, а «мир во зле лежит». Охранение общества от разрушительных проявлений зла полагает не только предупреждение, но и решительное отсечение любых проявлений зла такого порядка, и в этом деле, уверен Вл. Соловьев, не обойтись одним убеждением и примером добродетели. Нельзя поэтому в полной мере согласиться с тем, что «единственным средством сопротивления злу Соловьев считает добро, которое в ряде случаев не исключает насилия» [Парсамов, 2022, 102]. Насилие, именно как средство, Вл. Соловьев не относит к добру непосредственным образом – насилие именно потому имеет *правомерный* характер, что источником его является право, не нравственность. Нравственную оценку насилие получает исключительно в его целевой направленности. Правовое, или в терминологии Вл. Соловьева «человеческое», насилие действительно служит утверждению добра в мире. И одним этим оно может быть оправдано.

Библиография

1. Парсамов В.С. Философский диалог в творчестве Жозефа де Местра и Владимира Соловьева («Санкт-Петербургские вечера» и «Три разговора»: опыт сравнительного анализа) // Вопросы философии. 2022. № 5. С. 102-112.
2. Соловьев В.С. Значение государства // Сочинения в 2-х тт. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 549-561.
3. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Собрание сочинений в 9-ти тт. СПб.: Общественная польза, 1907. Т. 2. С. 10-374.
4. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 47-580.
5. Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики // Сочинения в 9-ти тт. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 8. С. 519-624.
6. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 635-762.
7. Тарасов Н.К. «Государственное принуждение» и «насилие»: к вопросу о соотношении понятий // Юридическая наука: традиции и инновации. Великий Новгород, 2019. С. 272-274.
8. van der Zweerde E. Vladimir Solov'yov on Terror, Love & Violence // Responses of Mysticism to Religious Terrorism: Sufism and Beyond. – 2020. – С. 177.
9. Valliere P. Vladimir Soloviev: Faith, philosophy, and law // Law and the Christian Tradition in Modern Russia. – Routledge, 2021. – С. 193-212.

10. Valliere P. Ivan Ilyin: Philosopher of law, force, and faith //Law and the Christian Tradition in Modern Russia. – Routledge, 2021. – C. 306-326.

Justification of violence in the philosophy of law of Vladimir Solovyov

Lyudmila V. Fiveiskaya

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics FSIN of Russia,
160002, 2-a, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Abstract

The subject of this article is the problem of violence in the philosophy of law of Vladimir Solovyov. Violence is considered by Solovyov in the context of a moral interpretation of law. According to Solovyov, violence needs not only legal, but also moral justification. Since law in Solovyov's philosophy has a negative character, its ultimate goals lie outside it, in the moral sphere. According to Solovyov, the purpose of law is to ensure a "minimum of goodness" in society. Violence, therefore, is a necessary means of combating the extreme manifestations of evil. The article discusses types of violence and its acceptable boundaries from a moral point of view. Human life is the limit of violence. Soloviev is an opponent of the death penalty, since murder ends a person's moral life. The second limit of violence is the spiritual life of a person. In the realm of the spirit, a person is absolutely free and does not tolerate any coercion. Solovyov's ideas about violence are analyzed on the basis of his works "Justification for goodness. Moral Philosophy" and "Law and morality. Essays on Applied Ethics", "Critique of Abstract Principles", "*Three Conversations on War, Progress and the End of Human History*". This article is of interest to specialists in the field of history of philosophy, philosophy of law, theory of state and law, history of legal and political doctrines, and can also be used in the educational process.

For citation

Fiveiskaya L.V. (2023) Opravdanie nasiliya v filosofsko-pravovom uchenii Vladimira Solov'eva [Justification of violence in the philosophy of law of Vladimir Solovyov]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 20-27. DOI: 10.34670/AR.2024.93.90.002

Keywords

Vladimir Solovyov, philosophy of law, law and morality, law enforcement, violence, death penalty.

References

1. Parsamov V.S. (2022) Filosofskii dialog v tvorchestve Zhozefa de Mestra i Vladimira Solov'eva («Sankt-Peterburgskie vechera» i «Tri razgovora»: opyt sravnitel'nogo analiza) [Philosophical dialogue in the works of Joseph de Maistre and Vladimir Solovyov ("St. Petersburg Evenings" and "Three Conversations": an experience of comparative analysis)]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 5, pp. 102-112.

2. Solovyov V.S. (1907) Kritika otvlechennykh nachal [Criticism of abstract principles]. In: *Sobranie sochinenii v 9-ti tt.* [Collected works in 9 volumes]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ. Vol. 2.
3. Solovyov V.S. (1988) Opravdanie dobra. Nravstvennaya filosofiya [Justification for good. Moral philosophy]. In: *Sochineniya v 2-kh tt.* [Works in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 1.
4. Solovyov V.S. (1914) Pravo i нравstvennost'. Ocherki iz prikladnoi etiki [Law and morality. Essays on applied ethics]. In: *Sobranie sochinenii v 9-ti tt.* [Collected works in 9 volumes]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ. Vol. 8.
5. Solovyov V.S. (1988) Tri razgovora o voine, progresse i kontse vseмирnoi istorii [Three conversations about war, progress and the end of world history]. In: *Sochineniya v 2-kh tt.* [Works in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 2.
6. Solovyov V.S. (1989) Znachenie gosudarstva [The importance of the state]. In: *Sochineniya v 2-kh tt. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika* [Works in 2 vols. Vol. 2. Readings about God-manhood. Philosophical journalism]. Moscow: Pravda Publ.
7. Tarasov N.K. (2019) «Gosudarstvennoe prinuzhdenie» i «nasilie»: k voprosu o sootnoshenii ponyatii [“State coercion” and “violence”: on the issue of the relationship between concepts]. In: *Yuridicheskaya nauka: traditsii i innovatsii* [Legal science: traditions and innovations]. Veliky Novgorod.
8. van der Zweerde, E. (2020). Vladimir Solov'yov on Terror, Love & Violence. Responses of Mysticism to Religious Terrorism: Sufism and Beyond, 177.
9. Valliere, P. (2021). Vladimir Soloviev: Faith, philosophy, and law. In *Law and the Christian Tradition in Modern Russia* (pp. 193-212). Routledge.
10. Valliere, P. (2021). Ivan Ilyin: Philosopher of law, force, and faith. In *Law and the Christian Tradition in Modern Russia* (pp. 306-326). Routledge.

УДК 1 (091)

DOI: 10.34670/AR.2024.13.93.003

Метафизические истоки правового нигилизма Н.А. Бердяева**Фивейская Людмила Владимировна**

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2-а;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются правовые и политические идеи Н.А. Бердяева в их связи с основными принципами его метафизики, анализируется понятие идеального права в его соотношении и различии с законом, показывается оценка Н.А. Бердяевым права и государства в их социальной обыденности. Базовыми метафизическими принципами, обосновывающими его правопонимание и отношение к государству, являются идея объективации, идея несотворенной свободы и идея центрального и верховного значения личности. Государство и позитивный закон Бердяев трактует как феномены социальной объективации, искажающие подлинную реальность, порабощающие и калечащие человеческую личность. Подлинное, «идеальное» право имеет не государственную, а божественную природу и, по существу, выражает основные права человека: свободу духа, свободу совести, свободу мысли и слова, право на жизнь и человеческое достоинство. Право и закон соотносимы только внешним образом: позитивный закон оправдан в той мере, в которой он охраняет человека от деструктивных посягательств на его жизнь и свободу со стороны его социального окружения. Государство не может иметь идеальной формы и должно быть преодолено, поскольку подлинное общение исключает всякую власть человека над человеком. Политика всегда лжива, но в объективированном мире государство имеет свою положительную сторону, сообщая силу охранительной функции закона. Политико-правовой нигилизм Н.А. Бердяева, таким образом, не приводит его к анархизму, но ставит право и государство в подчиненное положение по отношению к личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Фивейская Л.В. Метафизические истоки правового нигилизма Н.А. Бердяева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 28-36. DOI: 10.34670/AR.2024.13.93.003

Ключевые слова

Бердяев Н.А., философия права, право, закон, права человека, свобода, правовой нигилизм, анархизм.

Введение

«Менее всего я собираюсь писать систему социальной философии. Время таких систем прошло уже» [Бердяев, 1923, 7], – заявляет свою позицию Н.А. Бердяев в первом из четырнадцати писем, объединенных под общим названием «Философия неравенства», в которых он, тем не менее, хочет, по его собственным словам, подвести итог «всем мыслям моим по социальной философии» [там же, 5]. Действительно, в философских и публицистических произведениях Н.А. Бердяева, написанных до и после «Философии неравенства»¹, социальная проблематика представлена многопланово, включая в том числе вопросы права и государства, а также категориальный анализ базовых философско-правовых понятий свободы, равенства и справедливости. Верно и то, что высказанные в этом отношении идеи не составляют единого систематического учения, как, например, в гегелевской философии права или, обращаясь к отечественной традиции, в политико-правовой концепции Вл. Соловьева. Более того, Н.А. Бердяев, как неоднократно отмечалось и современниками, и более поздними исследователями его творчества, часто непоследователен и противоречив в выражении своей мысли. Тому есть ряд причин, на некоторые из них указывал сам Н.А. Бердяев, и которые, несомненно, надо учитывать при работе с его текстами, иначе не избежать ошибочных абсолютизаций в их интерпретации.

Во-первых, это эволюция его собственных взглядов от увлечения марксизмом, в котором его «более всего пленил историософический размах, широта мировых перспектив», но в который он, по его собственным словам, «никогда вместиться не мог» [Бердяев, 1991, 120], к религиозной философии, «которая была вполне осознана и выражена лишь в книге "Смысл творчества"» [там же, 161]. Второе – это особенности его собственного философствования, как в отношении «многопланности» его мировоззрения, которую отмечал сам Н.А. Бердяев, так и в отношении склонности «мыслить антиномически, парадоксально и иррационально», отчего, как он пишет, «я всегда имел впечатление, что меня не понимают» [там же, 279]. Интерпретация текстов Н.А. Бердяева требует поэтому особой осторожности, иначе, по словам профессора А.П. Герасименко, «впадая в соблазн договорить за него, рискуешь сказать что-нибудь совсем не то, что хотел высказать в свое время он сам» [Герасименко, 2020, 19]. Наконец, и это особенно важно при рассмотрении идей социального плана в философии Н.А. Бердяева, следует иметь в виду двойственность позиции автора в выражении своих идей и оценочных суждений. Отношение Н.А. Бердяева к текущим политическим процессам – это одно, здесь его оценки и высказывания могут меняться в зависимости от актуальной политической обстановки, а порой и от настроения. Другое – это его философская позиция, здесь его базовые идеи, даже при всей их парадоксальности и иррациональности, достаточно последовательны. Н.А. Бердяев сам неоднократно переосмысливал и критически высказывался в отношении собственных взглядов. Так, например, в «Самопознании» читаем: «В самом начале 18-го года я написал книгу «Философия неравенства», которую не люблю, считаю во многом несправедливой, и которая не выражает по-настоящему моей мысли» [Бердяев, 1991, 224]. Высказанные в этой книге мысли, прежде всего о государстве, его статусе и предназначении, действительно диссонируют с поздними и более зрелыми идеями социальной философии Н.А. Бердяева. Сам он там же объясняет негативное отношение к собственной работе ее чрезмерной эмоциональностью,

---

¹ Написана в 1918 в Советской России, впервые опубликован в 1923 году в Берлине.

отражающей «бурную реакцию против тех дней», вместе с тем отмечая, что даже тогда «остался верен моей любви к свободе», и уже сейчас (на момент написания «Самопознания») разделяет высказанную в письмах «Философии неравенства» мысль о том, что «равенство есть метафизически пустая идея» [там же]. Следует поэтому с осторожностью относиться к политическим высказываниям Н.А. Бердяева, строить на их основе обобщения теоретического и уж тем более философского плана. Так бывает, и это ошибочный путь. Тогда Н.А. Бердяев предстает, например, сторонником «сильного государства», «закона, который есть признаваемое им и претворенное в жизнь право» [Дендиберя, 2015, 30], что на самом деле, если формально и отражает его политическое устроение в определенное время и текстуально может быть подтверждено ссылкой на первоисточник, но имеет отношение к иному срезу его «многопланного» мышления и носит преходящий характер.

В статье предпринята попытка рассмотреть правовые идеи Н.А. Бердяева, определить его отношение к праву и государству, основываясь по преимуществу на принципах его метафизики и сознательно дистанцируясь от его политических высказываний и оценок.

Метафизические основы понимания социального у Н.А. Бердяева

Н.А. Бердяев характеризует свое философское мирозерцание как «чрезвычайно централизованное», все части которого связаны между собой, а вернее, замечает он, «в нем нет частей» [Бердяев, 1991, 277]. Творчество его многопланово и тематически предзадано в каждом конкретном произведении, но особенное содержание его мысли всегда вписано в целостную философскую парадигму и раскрывается на основе единых, имеющих принципиальное для всей его метафизики идей, вне которых оно не может быть должным образом понято и интерпретировано. Это справедливо и для его размышлений об обществе вообще, о праве и государстве, их сущности, соотношении и предназначении. Трудно согласиться с утверждением, что, «судя по публикациям, проблематикой государства и права Бердяев специально не интересовался» [Герасименко, 2020, 14]. Отдельного политико-правового учения, как части философской системы, у него действительно нет, как, впрочем, нет и самой системы в классическом понимании. Но интерес есть, и не только политически мотивированный, но и вполне оправданный метафизически.

Подводя итоги своей «окончательной философии», Н.А. Бердяев указывает на сформировавшиеся в ней основные идеи, на которых он строит свое учение. Это – идея объективации, идея несотворенной свободы и главная для персонализма идея центрального и верховного значения личности. Очевидно, что в силу своего предмета две последние имеют прямое отношение к тому способу правопонимания, который мы обнаруживаем в философии Н.А. Бердяева. Идея объективации, в свою очередь, объясняет его понимание общества в целом, философское осмысление его истории и оценку социальных институтов.

Объективация, идея, которую сам Н.А. Бердяев считает для своей философии основной, объясняет существующее как продукт деятельности субъекта. «Я не верю, – пишет он, – в твердость и прочность так называемого «объективного» мира, мира природы и истории» [Бердяев, 1991, 277]. Объективированный мир есть лишь преходящее, изменяющееся в зависимости от направленности духа состояние подлинной реальности. Экзистенциален только субъект, и «мир подлинно существует в необъективированном субъекте» [там же]. Общество – такой же продукт объективации, как и природа, необходимый, но не подлинный способ выхода человека из замкнутой субъективности.

Свобода – идея настолько для Н.А. Бердяева исключительная, что в одной из последних своих работ он скажет: «Я основал свое дело на свободе» [Бердяев, Экзистенциальная диалектика..., 1993, 254]. Он понимает свободу в духе апофатического богословия как беспредпосылочное начало, «она вкоренена в Ничто, в Ungrund'e, первична и безначальна» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 39]. Свобода не дана человеку Богом, сам человек есть «дитя Божье и дитя свободы – ничто, небытия, меона» [там же], поэтому свобода человека абсолютна, он свободен и перед Богом. Несотворенный характер свободы позволяет Н.А. Бердяеву объяснить столь важный для него творческий потенциал человека, творческую новизну, выведение в мир не бывшего в нем прежде. Несотворенную свободу, считает Н.А. Бердяев, в силу ее абсолютной иррациональности нельзя рационально выразить в понятии. Но применительно к человеку «наиболее общее определение свободы, обнимающее все частные определения, заключается в том, что свобода есть определение человека не извне, а изнутри, из духа. Духовное начало в человеке есть истинная свобода» [Бердяев, 1951, 92].

Верховенство личности – принцип, определяющий положение человека в мире. Для Н.А. Бердяева «личность есть микрокосм, целый универсум» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 20]. Но личность не есть замкнутая в себе монада, она должна преодолеть свою субъективность. «Личность не может оставаться замкнутой в себе, она должна выходить к другому, к другим людям, к обществу, к космосу, к Богу» [Бердяев, 1937, 319]. Согласно Н.А. Бердяеву, человек имеет двойную, но вместе с тем целостную природу, он центрирует в себе объективацию и свободу. Преодоление субъективности для него возможно поэтому двояким образом. Один – выход из субъективности посредством объективации, в объектный мир, в общество. Это ложный путь. Как член общества, как индивид личность теряет себя, становясь частью социального целого. Второй – трансцендирование, выход из субъективности не к объективному, а к транссубъективному. Именно так «происходят экзистенциальные встречи с Богом, с другим человеком, с внутренним существованием мира» [Бердяев, 1939, 27]. На этом пути он видит и формирования подлинного общения.

Н.А. Бердяев строит своего рода экзистенциальную диалектику социального. Личность – «я» у него необходимо предполагает другие личности – «ты» и сообщество личностей – «мы». В отношениях этой триады раскрывается содержание и экзистенциальный смысл человеческого общения и общества. Общение людей состоит не в простом взаимодействии обособленных личностей, «общение "я" с другими происходит в "мы"» [там же, 88]. Это «мы» у Н.А. Бердяева, с одной стороны, не является абстракцией, оно реально существует, с другой – «мы» не самоотно, оно «не есть коллективный субъект или субстанция» [там же], «мы» производно от «я», возникает и существует в процессе его социального трансцендирования. Таким образом личность – «я» в социальном взаимодействии общается не только с другой личностью – «ты», но и с «мы». Центр социального общения всегда коренится в «я», из которого исходит отношение к «ты» и к «мы», личность есть единственный источник экзистенциальной социальной действительности. Такое «мы» Н.А. Бердяев определяет как общность, общение, община – *communauté*. Он противопоставляет ему «общество» как объективную реальность, претендующее на первичность в отношении человека, включающее человека как часть коллективного целого, поглощающего и подчиняющего личность. Такое общество есть не трансценденция, а объективация, в нем человек выходит из субъективности не в транссубъективное «мы», а обнаруживает себя выброшенным в объективированное «мы». «Человек живет как бы в социальном гипнозе» [Бердяев, 1939, 87], в рабстве у «общего», которое на самом деле есть «иллюзия объективации».

Н.А. Бердяев о праве и государстве

Посмотрим теперь, как метафизические идеи Н.А. Бердяева преломляются в его размышлениях о праве и государстве.

Следует сразу сказать, что право у Н.А. Бердяева имеет религиозную природу, это единственное право, которое он считает подлинным. Совершенно справедливо утверждение, что в этом контексте «изречения Бердяева выдержаны в религиозных тонах, поэтому его политико-правовое учение – это никак не теория государства и права и даже не столько философия права, сколько религиозная метафизика права» [Герасименко, 2020, 18]. Генезис подлинного права восходит не к государству, а к Богу: «Я говорю о праве как абсолютной правде и справедливости, о внегосударственном и надгосударственном праве, заложенном в глубине нашего существа, о праве, отражающем Божественность нашей природы» [Бердяев, 1990, 290]. Подлинное право, по Н.А. Бердяеву, выражено в абсолютных и неотчуждаемых правах человека как свободного духовного существа. Он нигде не приводит исчерпывающий перечень этих прав, не составляет, как это принято сейчас, систематизированный каталог прав человека. Он говорит в общем о правах личности, о свободе духа, свободе совести, свободе мысли и слова, о достоинстве человека, о высших ценностях жизни. Вместе с тем Н.А. Бердяев проявляет интерес к теоретическому осмыслению проблемы прав человека в естественно-правовых доктринах, к эволюции и закреплению прав человека в правовой практике. При этом важно, что для него права человека имеют не только вне- и надгосударственный характер, но и внечеловеческую природу, не зависят от случайной воли людей. «Только абсолютный, внегосударственный и внечеловеческий источник прав человека делает эти права безусловными и неотъемлемыми» [там же, 288]. Для него также неприемлема трактовка прав человека в учении о естественном праве, которое, хоть и отделяет их от прав политических, устанавливаемых государством, но ошибочно выводит из природы, тогда как «это духовные права, а не естественные права, природа никаких прав не устанавливает» [Бердяев, 1951, 51]. Единственный источник права – Бог, поэтому «декларация прав Бога и декларация прав человека есть одна и та же декларация» [Бердяев, 1990, 289].

Подлинное или, как он его иногда называет, «идеальное» право Н.А. Бердяев противопоставляет праву государства, которое он чаще называет законом или законностью. Право и закон по своей сути противоположны, они относятся к разным состояниям мира. Закон принадлежит миру социальной обыденности, есть феномен и своего рода инструмент социальной объективации. Закон противен персоналистическому принципу. Если право есть «голос Божий в личности» [там же, 291], то носителем закона личность быть не может, носителем закона является общество. Закону безразлична личность, его интересует только общее. Закон в своей формальной обязательности враждебен личной свободе. В этом, пишет Н.А. Бердяев, проявляется «тиранство закона тиранство общества над личностью» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 91]. Надо заметить, что саму по себе обязательность Н.А. Бердяев не трактует как нечто для человека негативное. Более того, право для него необходимо сопряжено с обязанностью. Вопрос только в том, о каком понимании права идет речь. Так, противопоставляя свое понимание свободы ее либеральному правовому истолкованию, Н.А. Бердяев высказывает, на первый взгляд, парадоксальную мысль: «Свобода есть не право, а обязанность» [Бердяев, 1951, 93]. Но для него свобода вообще не есть вопрос выбора, но «сознание долга перед Богом быть свободным существом, а не рабом» [там же]. Так же обстоит дело и с правами человека, а потому «декларация прав человека и гражданина, чтобы не быть

формальной, должна быть также декларацией обязанностей человека и гражданина» [там же]. В обязательности подлинного, «идеального» права обнаруживается его имманентность человеческой личности, нерасторжимость божественного с человеческим. Обязательность государственного права есть насилие над личностью, калечащее и подавляющее ее жизнь. Поэтому, как отмечает В. С. Нерсисянц, «позитивное право у Бердяева – это всегда антиправовой закон» [Нерсисянц, 2005, 550].

Вместе с тем Н.А. Бердяев говорит о положительном для человека значении закона, не в метафизическом, конечно, плане, а применительно к пребывающему в грехе миру объективации. Пока человек обречен жить в искаженном объективацией обществе, его свобода и даже само его существование подвержено опасности. Это опасность порождена взаимодействием с другими людьми, несовпадением и столкновением их интересов. Люди несовершенны, поэтому человек в социальном общении не может полагаться на нравственные качества другого. Закон, при всем своем несовершенстве, выполняет охранительную функцию, и в этом Н.А. Бердяев видит «значение права, которое есть царство закона» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 91]. Не следует прилагать положительную интерпретацию закона к отдельной человеческой личности, здесь его значении скорее негативно, но в общественном измерении, в человеческом общении закон необходим, поскольку он «является охраной и гарантией минимума человеческой свободы» [Бердяев, 1923, 71]. Нельзя не отметить, насколько позиция Н.А. Бердяева здесь созвучна с позицией В. С. Соловьева, для которого «право есть принудительное требование реализации определенного минимума добра» [Соловьев, 1990, 450].

Отношение Н.А. Бердяева к государству метафизически вполне определено, и это отношение негативное. В отличие от права он отрицает саму возможность совершенного государства: «Никакой идеальной формы государства быть не может, все утопии совершенного государства порочны в корне» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 172]. Государство укоренено в объективированном мире и вне его пределов не имеет ни смысла, ни прообраза. Государство нарушает базовые принципы персоналистической метафизики: оно противно свободе, ибо всегда утверждает власть человека над человеком, оно не знает и не хочет знать личности, ибо всегда есть выражение общего, для которого внутренний мир личности закрыт, для него нет тайны индивидуального. Государство для Н.А. Бердяева – ницшеанское «холодное чудовище», которое давит человека, против которого восстает личность. Современники и более поздние исследователи творчества Н.А. Бердяева часто обвиняли его в анархизме. Так, например, один из самых авторитетных авторов отечественной философии права последних десятилетий пишет о нем: «Восхваляемая Бердяевым правда христианского персонализма (в том числе – свободы личности и ее неотчуждаемых прав), с пророческой бескомпромиссностью отрицающая земной мир зла, в ее негативном отношении к государству и закону во многом трудно отличима от анархизма и нигилизма» [Нерсисянц, 2005, 553]. В этом отношении позиция самого Н.А. Бердяева двойственна. В разное время и в разных работах он настойчиво дистанцируется от анархизма как политико-правовой доктрины. «Я не вижу никакой правды в анархии» [Бердяев, 1990, 302], – пишет он в достаточно ранней работе «Новое религиозное сознание и общественность». «Могут сказать, что моя точка зрения находится во власти анархического мифа, но это неверно. Мне чужда утопия счастливого, безгосударственного бытия» [Бердяев, 1951, 61], – это читаем уже в одном из последних, зрелых его произведений «Царство духа и царство кесаря». Существование государства оправдано для него лишь тем, что оно своей силой обеспечивает охранительную функцию права, «принудительно поддерживая минимум добра и справедливости» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 172]. Но государство

принадлежит и имеет оправданные функции только в этом, греховном, мире, только в нем оно выносимо. У него нет перспективы в грядущем совершенном мире: «Царство Божье есть безвластие и свобода, на него не переносятся никакие категории властвования, царство Божие есть анархия» [Бердяев, 1939, 123]. Во взглядах Н.А. Бердяева на государство можно, конечно, найти противоречия, завышенную и даже пафосную, как, например, в «Философии неравенства», оценку его роли в обществе. Но противоречивость собственного творчества он не только не отрицал, но считал существенно присущей своей философии и в определенном смысле неустранимой, а указанную работу, как уже отмечалось, сам оценивал весьма критически. В целом же политико-правовая мысль Н.А. Бердяева предстает как «убийственное разоблачение» права и государства в их социальной обыденности с позиций персоналистической метафизики.

Заключение

Всегда непросто анализировать взгляды Н.А. Бердяева не только потому, что менялся он сам – менялся мир, в котором ему довелось жить. Он был погружен в свою эпоху, остро переживал трагические события своего времени. Рушились государства, идеологии, ценности, но в этом порой безумном калейдоскопе истории центром его философской вселенной всегда была человеческая личность. «Я представитель личности, восставшей против власти объективированного "общего", – писал он о себе. – В этом пафос моей жизни» [Бердяев, 1991, 280]. В этом и пафос его философии. Как бы ни менялись его политические взгляды, в своей метафизике он видел вечное, и в этом вечном не было власти, насилия, порабощения, не было никакого закона, кроме закона человеческой свободы. Разоблачение и обличение неустранимой лжи государства и закона никогда не было для Н.А. Бердяева себе довлеющей целью, но инструментом духовного вызволения человека из власти обезличенного левиафана, поглощающего его неповторимую творческую индивидуальность – единственную в этом мире подлинную ценность. Как писал Н.О. Лосский, другой русский философ, современник и друг Н.А. Бердяева, человек, испытавший на себе те же, что и он, превратности времени, «люди, подобные Бердяеву, оказывают сильную поддержку делу сохранения и развития цивилизации, которая защищает абсолютную ценность личности; и за все это – честь и хвала им!» [Лосский, 1991, 319].

Библиография

1. Бердяев Н.А. Государство // Власть и право: Из истории русской правовой мысли. Л.: Лениздат, 1990. С. 279-311.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека // О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 20-252.
3. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж: YMCA-PRESS, 1939. 222 с.
4. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии // Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. С. 19-340.
5. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Берлин: Обелискъ, 1923. 246 с.
6. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-PRESS, 1951. 165 с.
7. Бердяев Н.А. Человеческая личность и сверхличные ценности // Современные записки. 1937. № XLIV. С. 319-332.
8. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 253-358.
9. Герасименко А.П. Философия права Н.А. Бердяева // Политика и право. Ученые записки. 2020. Выпуск 20. С. 9-45.
10. Дендиберя А.А. Идеи Н.А. Бердяева о государстве и праве // Философия права. 2015. № 4 (71). С. 28-30.
11. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.

12. Нерсесянц В.С. Философия права. М: Норма, 2005. 656 с.
13. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 47-580.

Metaphysical origins of legal nihilism of N.A. Berdyaev

Lyudmila V. Fiveiskaya

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics FSIN of Russia,
160002, 2-a, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Abstract

The article reveals the political and legal ideas of N.A. Berdyaev and analyzes their connection with the basic principles of his personalistic philosophy. The teachings of N.A. Berdyaev about law and state are based on the ideas of objectification, uncreated freedom, the central and supreme significance of the human personality. N.A. Berdyaev understands the state and positive law as phenomena of social objectification that distort true reality. They depersonalize a person, enslave him. N.A. Berdyaev introduces the concept of ideal law, which has not a state, but a divine nature. Such an ideal right expresses basic human rights: freedom of spirit, freedom of conscience, freedom of thought and speech, the right to life and human dignity. He contrasts right and law. Positive law is an instrument of state coercion. At the same time, it protects a person from destructive attacks on his life and freedom from his social environment. In this N.A. Berdyaev sees its positive significance. The state, unlike the law, cannot have an ideal form and must be overcome, since true communication excludes any power of man over man. But the state, like law, has its positive side. It provides the protective function of the law. N.A. Berdyaev was often accused of being an anarchist. But this is not so, and he himself has repeatedly denied these accusations. The legal nihilism of N.A. Berdyaev does not mean an unconditional denial of law and the state, but fundamentally puts them in a position subordinate to man. This article is of interest to specialists in the field of history of philosophy, philosophy of law, theory of state and law, history of legal and political doctrines, and can also be used in the educational process.

For citation

Fiveiskaya L.V. (2023) Metafizicheskie istoki pravovogo nihilizma N.A. Berdyaeva [Metaphysical origins of legal nihilism of N.A. Berdyaev]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 28-36. DOI: 10.34670/AR.2024.13.93.003

Keywords

Berdyaev N.A., philosophy of law, law, legality, human rights, freedom, legal nihilism, anarchism.

References

1. Berdyaev N.A. (1990) Gosudarstvo [The state]. In: *Vlast' i pravo: Iz istorii russkoy pravovoy mysli* [Power and law: From the history of Russian legal thought]. Leningrad: Lenizdat Publ.
2. Berdyaev N.A. (1993) O naznachenii cheloveka [On the appointment of a person]. In: *O naznachenii cheloveka* [On the appointment of a person]. Moscow: Respublika Publ.
3. Berdyaev N.A. (1939) *O rabstve i svobode cheloveka* [Slavery and freedom]. Paris: YMCA-PRESS Publ.
4. Berdyaev N.A. (1991) Samopoznanie. Opyt filosofskoi avtobiografii [Self-knowledge: An essay in autobiography]. In: *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Leningrad: Lenizdat Publ.
5. Berdyaev N.A. (1923) *Filosofiya neravenstva* [The philosophy of inequality]. Berlin: Obelisk Publ.
6. Berdyaev N.A. (1951) *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The realm of the spirit and the kingdom of Caesar]. Paris: YMCA-PRESS Publ.
7. Berdyaev N.A. (1937) Chelovecheskaya lichnost' i sverhlichnye cennosti [Human personality and super-personal values]. *Sovremennye zapiski* [Modern notes], XLIV, pp. 319-332.
8. Berdyaev N.A. (1993) Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo [Existential dialectics of the divine and human]. In: *O naznachenii cheloveka* [On the appointment of a person]. Moscow: Respublika Publ.
9. Dendiberya A.A. (2015) Idei N.A. Berdyaeva o gosudarstve i prave [Berdyaev's ideas about state and law]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 4 (71), pp. 28-30.
10. Gerasimenko A.P. (2020) Filosofiya prava N.A. Berdyaeva [Philosophy of law N.A. Berdyaeva]. *Politika i pravo. Uchenye zapiski* [Politics and Law. Scientific notes], 20, pp. 9-45.
11. Losskii N.O. (1991) *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ.
12. Nersesyants V.S. (2005) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Norma Publ.
13. Solov'ev V.S. (1990) Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification for goodness. Moral Philosophy]. In: *Soch. v 2-kh tt.* [Op. in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ. Vol 1.

УДК 130: 125: 27

DOI: 10.34670/AR.2024.54.21.004

Духовная традиция русского византизма и хозяйственно-экономическая традиция России

Захаров Алексей Владимирович

Аспирант,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: 89272747077@bk.ru

Аннотация

От эпохи к эпохе меняется содержание структуры ценностей, формы ценностей в зависимости от особенностей общественной жизни. Меняются формы реализации духовных ценностей, но сущностная структура российского общества остается более устойчивой, за счет их смыслообразующей роли, находящейся во взаимосвязи с законами общественного развития. В данной статье на примере византийской и русской модели этики хозяйствования рассмотрены концепты морального развития культуры предпринимательства в традициях социума России. Рассмотрены особенности культурно-исторического развития российского общества на основе двух взаимно дополняющих подходов, цивилизационного и формационного. Вывод проведенного анализа заключается в том, что византийская и русская традиции экономики базировались на традициях консерватизма и регулирования имперской модели хозяйства. В процессе международного сотрудничества развитие византийской цивилизации происходит при взаимодействии традиционного и инновационного во всех сферах общества. Процесс развития хозяйствования основывается на установившейся и развивающейся системе ценностей, которая осуществляется при взаимодействии ценностей традиций и инноваций.

Для цитирования в научных исследованиях

Захаров А.В. Духовная традиция русского византизма и хозяйственно-экономическая традиция России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 37-45. DOI: 10.34670/AR.2024.54.21.004

Ключевые слова

Экономика, традиция, этика, религия, культура, ценности, византизм.

Введение

Обращение к нравственным ценностям византизма как ведущему, основополагающему фактору истоков концептуального развития моральных принципов российского социума является закономерным результатом поиска путей обретения Русью и Россией надежных нравственных ориентиров. В концепции ценностного основания развития морали российского общества утверждалась идея «преемственности нравственной жизни» россиян, имевшая духовно-нравственное и интеллектуальное воздействие на многие аспекты бытия социума: политики, религии, культуры и экономики.

В условиях современности специфика социального и нравственного значения парадигмы византийских идей на образ жизни людей, их общественно-политическую ориентацию, религиозность и моральное поведение приобретают новое осмысление. Этому способствуют культурные трансформации, изменения в среде моральных ориентиров, историческая память народа о патриотической деятельности в трудные периоды прошлого, наставления авторитетных представителей традиционных конфессий в защиту прав людей против распространения отрицательных явлений – бездуховности, цинизма, экономической деградации и т.д.

Мораль и традиции объединяют людей верой в светлое будущее и надеждой на успешные результаты в творческой деятельности в труде. Ценность моральной идеи заключается в конструировании своих дальнейших решений, действий согласно этим представлениям, прогресс необходим как суммарная картина успеха и достижений, что позволяет обеспечить благополучие населения.

Основная часть

В истоках формирования экономической парадигмы быта россиян была именно религиозная концепция бытия человека и социального порядка, установленного свыше. Византия явилась для россиян источником многих идей, включая нравственно-экономические концепты. Известный исследователь словесности В.В. Кожин справедливо указал, что «... до XVIII в. Византия воспринималась на Руси в общем и целом в самом положительном духе, а последующее время для наиболее влиятельных идеологов характерно негативное отношение к ней... и можно без преувеличения утверждать, что и сегодня очень широко распространена более или менее отрицательная оценка роли Византийской империи в истории России» [Кожин, 2001, 38].

В наследии византизма важно соотношение традиционализма и новаций в социуме. Согласно византийскому пониманию экономического таксиса-порядка, по словам св. Симеона Нового Богослова, традиционное «не что иное есть, как исполнение воли божьей» [Симеон Новый Богослов, 1996, 47]. Высокие достижения духовной традиции прошлого заставляют нас обращаться к исконным ценностям, которые утвердились в процессе развития культурной жизни византийцев, россиян, западноевропейцев. Именно такой контекст, не умаляя достоинств других типов духовности, представляется нам наиболее значимым и востребованным в сегодняшней философии. Для англоязычного мира XXI-го столетия, как и в целом для Западной Европы, Византия является чем-то наподобие черной дыры, призрачной и малоизвестной [Talbot, 2010, 253].

Для Руси начало государственности было связано прежде всего с принятием опыта

православных духовных традиций с 988 г. Для православия исконный смысл имеют такие религиозно-культурные доминанты морали, как Бог, человеколюбие, бескорыстная любовь, милосердие, братское единение людей на основе духовности, обожествление царя в его единстве с народом и Богом и др. Духовные основы традиций византийского православия освещаются глубоким смыслом присутствия в жизни людей ценностей: человеколюбия, сотрудничества, взаимопомощи, составляющие родовую божественную природу человека.

Для морали Руси-России исторически первостепенное значение имеют такие метаценности, как Бог, идея, «соборное делание», которые являются высшими целями и основаниями социокультурного развития россиян с древности до современности. Хозяйственная деятельность развивается как часть структуры российской социосферы и была тесно связана с моральным укладом быта людей. Уже в древнерусский период была отмечена выдающая роль конфессионального и морального фактора в будущем Руси: «... и вся святая предана предана будет от Бога велицей русстей земли во времена своя и царя русского возвеличить господь над многими языки и, подо властью ихь мнози цареи будут от иноязычных, подь властью ихь патариарший чинь от царствующаго сего града такожде дань будет Рустей земли во времена своя, и страна наречется светлая Росия, Богу тако изволившему прославити тацями благодарении Русскую землю, исполнити православна величеству и честну сотворити паче первых сихь» [Древняя русская литература, 1988, 248].

Духовные ценности экономической сферы бытия россиян – это система, олицетворяющая духовность в сфере экономических отношений. Для сфер экономики и производства большое значение имеют моральные ценности достижения благосостояния и нравственной гармонии для бытия российского человека, а также способы создания на их основе новых общественных благ и их распределения в обществе. Эти ценности проявляются в хозяйственной этике (по С.Н. Булгакову), которая представляет собой совокупность достижений морального осознания бытия экономики по регулированию финансовой деятельности при организации продуктивного взаимодействия, сотрудничества и общения людей при установлении между ними согласия интересов и партнерских отношений. Хозяйственная мораль в традициях исторической Руси-России является средством смягчения экономической конфронтации, конфликтов и нахождения путей взаимовыгодного сотрудничества. Преемственность морального уклада в жизни современных россиян от прошлого опыта облагораживает сферу экономических отношений между людьми до сего дня.

В недрах самой византийской экономической традиции «таксиса» (порядка в греч. яз.) достаточно последовательно развивалась в рамках этико-философской парадигмы единства общества на базе синтеза античного и раннехристианского субстратов. В отмеченном плане систематизирующую роль византийского фактора как примера для подражания в социальной практике Руси, воздействующего на общественное сознание восточных славян, К.В. Хвостова справедливо указывает: «Восточно-христианская целостная мировоззренческая картина мира, объединявшая космос, природу, социум, позволила создать такой механизм развития, при котором на понимание социальных связей накладывалась сакрализация понятий тринитарного богословия...» [Хвостова, 1995, 132]. Константинопольский патриарх не только проявляет большую терпимость, но и демонстрирует общие познания о кочевниках и их психологии: «Империя все-таки смогла выработать некую целостную и гибкую идеологию миссионерства, осуществлявшуюся смелым, предприимчивыми и непредвзятыми энтузиастами» [Иванов, 2003, 286].

В сфере экономики для уровня идей византийской цивилизации (по А.Дж. Тойнби) важное

значение имели такие социокультурные ценности, как стабильность международных экономических отношений, финансовая взаимопомощь государств «византийского круга культур» (Дм. Оболенский, говорит о «византийском содружестве наций»), совместные экономические проекты, развитие международного рынка, международной торговли и другие важнейшие аспекты хозяйственного порядка. Они создают смысловую основу принятия верных решений ряда проблем хозяйственного и культурного развития многих социумов Евразии до сих пор.

В условиях развития сходных по «культурному коду» сознания народов России и других стран в эпоху становления новых экономических отношений и развития демократии перед обществом стоит ряд как успешно решаемых, так и требующих решения проблем. К ним относятся, прежде всего, проблема морального кризиса в среде культурного сознания молодежи, вопросы повышения уровня жизни в региональной периферии, факторы инфляционных изменений, специфика решения вопроса экономического роста индивидуальных приусадебных хозяйств, отмеченная еще византийскими авторами в знаменитой работе «Геопоники».

В российском обществе религиозные традиции и организации оказывают существенное культурное воздействие на социальное сознание и жизнь человека, на духовную жизнь народов, признавших универсальность в локальном измерении своей структуры в целом. По данным современного исследователя, «большинство россиян сохраняют приверженность традиционным моральным нормам» [Петухов, 2015, 30].

Сегодня во многих странах «бывшей византийской православной ойкумены» наблюдается демографический кризис в сельской местности, массовый выезд молодежи из сел в города, проблемы урбанизации. Решение этих проблем требует комплексного подхода, роль и место привлечения моральных и духовных примеров из прошлого, в котором занимает ключевую роль анализ византийских этических парадигм весьма существенно. Духовный упадок многих сел и деревень ведет к тому, что из родных мест уезжают люди, деревня в ряде случаев становится местом безработицы и бездуховности. При этом государство предпринимает прогрессивные меры для поднятия и развития сельской местности.

Некоторые исследователи предлагают, в целях уменьшения процессов интенсивной урбанизации, массового отъезда населения из сельской местности, что важно разработать программы формирования и развития центров воспитания духовности в сфере нравственного сознания народов, функционирование которых принимает на себя во многом в своей деятельности Православная церковь, как один из социальных институтов, которая будет выступать решающим фактором моральной преемственности в освоении и развитии села. В этом плане важно утверждение в сознании людей традиций морально-конфессиональной культуры народа как фактора развития, идущего до глубин бытия современной сельской жизни. Данные шаги будут способствовать развитию духовных ценностей людей в сельской местности и выступать движущим механизмом развития села на основе ценностного отношения к земле, прошлому родного края, истоки традиций которых зародились в Древней Руси, и были живительным ключом формирования всей последующей отечественной истории.

В экономической сфере духовные ценности уровня внутреннего мира личности, такие как *добро, красота, благополучие, человечность* и другие исконно имеют определенную форму выражения в зависимости от характера нравственно-практической деятельности (праксис по Аристотелю). К духовным ценностям практического плана в сфере экономики можно отнести следующие: благополучие человека и семьи, общественную пользу, осуществляемую

человеком, ценность финансов для достижения общественно полезных и лично значимых целей, характер профессиональной деятельности, экономические особенности достижения целей, степень участия в рыночных отношениях, ценность красоты, которую он создает в виде определенных достижений своей эстетической деятельности, и другие ценности.

В России развитие общества происходит при взаимосвязи традиционного и инновационного. Для исторической Руси-России большое значение имеют традиции, поскольку Россия – это государство с богатой историей, главным ее богатством было почтение к святыням религии, опора на духовные незыблемые законы православия, ислама, других религий, тесная связь народов, основанная на многовековой дружбе, общих основах духовности. Взаимосвязь эта осуществляется при функционировании всех сфер общественной жизни – экономики, политики, правовой системы, образования, культуры, промышленного производства, информационных технологий и др. Инновации являются важнейшими новыми достижениями, открытиями в научном, культурном и производственном развитии социума на современном этапе. Необходимо, чтобы духовная основа указанных сфер, таких как верность культурным традициям была важной составляющей частью инновационного развития современности. Традиции создают необходимую методологическую основу для инноваций при созидательной роли деятельности людей. В области гуманитарных наук в России такой оригинальностью обладала славянофильская концепция. По словам С.С. Хоружего, именно славянофильская философия оказалась самой оригинальной частью русского духовного наследия [Хоружий, 2005, 147].

Для того чтобы формировалась структура общества, устойчивая в своем непрерывном развитии, гарантирующая благополучие, необходимо обеспечить прочную систему преемственности ценностей. Поиск путей по сохранению и приумножению конструктивных ценностей, в том числе духовных, что является актуальной задачей исследований современности.

В качестве универсальных интегрирующих и конструктивных факторов социальной реальности была религиозно-нравственная традиция. Религия часто определяет «контуры» духовности социума и создает атмосферу добра, веры в лучшее, формирует качества человеколюбия и тем самым сплачивает коллективы. Для уровня международного сотрудничества в сфере производства выделяются такие ценности, как ценность сотрудничества между странами по производственным, научным и экономическим вопросам в сфере производства, ценность открытой экономики, ценность многообразия производственных центров в мире.

Следует отметить большое значение ценности религии и веры в Бога. Вера создает необходимую духовную основу, придающую глубокий смысл деятельности человека. Религиозные основы России сформировались в течение многовековой истории. Они переходят из поколения в поколение, в каждой эпохе выражаясь в соответствии с новыми реалиями. Материальные ценности представлены производством материальных благ, объектами культурного наследия. Ценности материальной культуры определяются критерием объекта-носителя ценности. Экономические ценности выражаются ценностями, представляющими экономические интересы россиян, выражают финансовую выгоду от экономической и хозяйственной деятельности, финансовое благополучие. Экономическая культура представляет собой систему экономической деятельности государства, регионов и предприятий, связанную с реализацией продукции для населения и получением финансовой прибыли от совершаемых денежных операций. Выделение экономических ценностей и экономической культуры связано

с критерием значимости товаров и услуг, предоставленных производителем для населения и организаций. Значимость может быть положительной или отрицательной. Значимость определяет спрос на определенный вид товаров и услуг. Цена товара определяет соотношение между спросом и предложением. Спрос – это потребность населения в данном виде предоставляемых товаров. Предложение товаров предоставляется производителями или предпринимателями для продажи определенных видов продукции.

Социальные ценности представляют собой ценности, связанные с нормами права, законами и порядками, правилами морали, принятыми в обществе. Политическая, правовая и моральная формы культуры выражают правовые, политические отношения, основанные на соблюдении прав, законов, моральных норм поведения. Права человека и законы воплощаются в конституции России и регионов, кодексах, государственных документах и международных соглашениях. Социальные ценности и связанные с ними политическая, правовая и моральная формы культуры, выделяются в системе ценностей согласно критерию нормы. Норма определяет правила должного поведения и организации общественной деятельности, необходимые для установления взаимопонимания и согласия в общественных отношениях.

В хозяйственной деятельности человека проходит грань, разделяющая прошлое состояние природы, культуры и антропосферы с их эсхатологией, которая осуществится после осуществления того или иного вида воздействия. Важен пример исторический, как верно указывал Е.В. Тарле: важно «... старое наследие великой древней цивилизации, и блистательнейшая эпоха возрождения наук и искусств, и гибкость ума выработанная старой культурой» [Тарле, 2001, 19].

Последствия могут быть очень разными, как благоприятными, так и неблагоприятными, поэтому человечество ответственно перед состоянием природы и культуры. Хозяйственную деятельность необходимо организовывать в соответствии с законами природы. Это важная и сложная задача современности. По поддержанию равновесия в ландшафтной сфере, социуме и культуре реализуются определенные шаги: существуют заповедники, охраняемые природные территории, государство следит за уровнем выделяемых в атмосферу в процессе хозяйственной деятельности веществ, осуществляется контроль добычи природных ресурсов, например, происходит контроль объемов заготовки леса, обеспечиваются новые лесные насаждения и т.д.

Обществу предстоит еще много сделать по охране природы от загрязнения и сохранению ее красоты и неповторимости. Важными направлениями природоохранной деятельности в будущем являются создание саморегулирующихся культурных ландшафтов, развитие периферий и регионов, повышение экологической грамотности населения и др. В системе экономических ценностей, представленной С.Ю. Глазьевым, также уделяется значительное внимание гармоничному взаимодействию между людьми, социальными общностями, обществом и природой, основанному на организации общественной деятельности во всех сферах общества в соответствии с взаимосвязанными формами культуры и группами ценностей, соответствующих им. По наблюдениям А.С. Панарина сложность в том, что: «...православный мировой регион характеризуется своеобразным составом механизмов; он характеризуется перманентной полемикой с местными особенностями...» [Петухов, 2015, 10].

Духовные ценности играют большую роль в развитии культуры народа во всех сферах общественной жизни. Культура представляет собой достижения народа, направленные на дальнейшее развитие. Каждый народ имеет уникальную культуру, особенности традиций, достижений, ценностей. Духовные ценности представляют собой смысловые ориентиры развития общества, выраженные в конкретных формах социального взаимодействия, в

отношении к значимости результатов и целей деятельности. К *ценностям культуры народа* относятся доброта, красота, смысл деятельности, благополучие государства и людей, проживающих в нем, творческая реализация личности, дружба, любовь, честность, ответственность и др. Они значимы для всех людей. В культуре народа содержатся определенные формы выражения в соответствии общественно-историческими реалиями, событиями, особенностями традиций и преемственности от высшего морального порядка, как утверждал еще Иоанн Дамаскин [Иоанн Дамаскин, 1998].

Большое значение имеют труды русских философов о глубоких сущностных основах экономических ценностях россиян. Российские философы, начиная с В.С. Соловьева, обращали внимание на пути взаимопроникновения европейского духа и русской духовности. Соловьев утверждает, что духовные ценности связаны с *идеалами* – совершенными смысловыми основами общества, природы. *Идеал* – это видение высшей степени проявления и развития духовных основ мироздания. С. С. Аверинцев отмечал, что встреча с ним «происходила при посредничестве платонизирующих Отцов Церкви» [Аверинцев, 1977, 125]. Проявляется в культуре социума как осознание духовных сущностных сил общества и явлений природы. В культуре идеалы проявляются в обозначении духовных основ совершенства в продуктах культуры – книгах, картинах, архитектуре и т.д. Что касается явлений природы, то они приобретают большой глубокий смысл для человека, если пройдут через осознание им смысла и значимости их для духовности, свободы и творчества и приобретут форму идолов. Идеал является движущей силой и ориентиром, показывающим верное движение к лучшему и гармоничному состоянию общества.

У каждого народа свой путь развития, в ходе которого происходят конкретные духовно-нравственные трансформации, но истоковые моральные константы остаются неизменными. Человеческая деятельность выстраивается в соответствии с определенной системой ценностей, соответствующей событию. Система ценностей связана с ценностями тех сторон действительности, которые общественно и лично значимы для народа. Ценность добра, например, связана с пользой, которую может принести человек обществу [Иларион (Алфеев), 1998].

Заключение

Таким образом, благодаря взаимосвязи традиционного и инновационного в функционировании культуры на основе системы духовных ценностей возможно обеспечение благополучного устойчивого развития общества. Ценности играют объединяющую людей, народы и времена роль. Осуществление развития всех отраслей культуры происходит при творческой реализации личности и при совместном творчестве коллективов, а также при сохранении и приумножении культурного наследия по Л.И. Шестову [Шестов, 1993].

Для развития всех отраслей культуры и экономики российского общества формируются условия для оптимальной деятельности людей и творческих коллективов, создаются новые инновационные проекты, достижения. В результате благодаря взаимосвязанной деятельности всех направлений культуры, сохранению и приумножению культурного наследия, новым достижениям и творческой реализации личности и коллективов перед российской культурой открываются перспективы для благополучного функционирования и дальнейшего развития.

Библиография

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320 с.
2. Древняя русская литература: Хрестоматия. М.: Просвещение, 1988. 429 с.
3. Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.
4. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.: Лодья, 1998. 365 с.
5. Иларион (Алфеев). Жизнь и учение святителя Григория Богослова. М.: Издательство Крутицкого Патриаршего подворья, 1998. 507 с.
6. Кожин В.В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
7. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
8. Петухов В.В. Российская трансформация и общественная мораль // Социс. 2015. № 12. С. 28-40.
9. Симеон Новый Богослов. Творения в 3 т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. 587 с.
10. Тарле Е.В. Политика: история территориальных захватов. XV-XX века. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 800 с.
11. Хвостова К.В. Византийская цивилизация // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 128-136.
12. Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Парад, 2005. 448 с.
13. Шестов Л. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. 667 с.
14. Talbot A.M.M. The Compositional Methods of a Palaiologan Hagiographer: Intertextuality in the Works of Theokistos the Stoudite // *Imitatio-Aemulatio-Variatio. Akten des internationalen wissenschaftlichen Symposions zur byzantinischen Sprache und Literatur*. Vienna, 2010. P. 253-260.

The spiritual tradition of Russian byzantism and the economic tradition of Russia

Aleksei V. Zakharov

Postgraduate,
National Research Mordovian State University,
430005, 68, Bolshevitskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: 89272747077@bk.ru

Abstract

The content of the value structure and the form of values change from era to era, depending on the characteristics of social life. The forms of realization of spiritual values are changing, but the essential structure of Russian society remains more stable, due to their meaning-forming role, which is in relationship with the laws of social development. This article, using the example of the Byzantine and Russian models of business ethics, examines the concepts of moral development of the culture of entrepreneurship in the traditions of Russian society. The features of the cultural and historical development of Russian society are considered on the basis of two mutually complementary approaches, civilizational and formational. The conclusion of the analysis is that the Byzantine and Russian economic traditions were based on the traditions of conservatism and regulation of the imperial economic model. In the process of international cooperation, the development of Byzantine civilization occurs through the interaction of traditional and innovative in all spheres of society. The author of the paper concludes that the process of economic development is based on an established and developing system of values, which is carried out through the interaction of the values of tradition and innovation.

For citation

Zakharov A.V. (2023) Dukhovnaya traditsiya russkogo vizantizma i khozyaistvenno-ekonomicheskaya traditsiya Rossii [The spiritual tradition of Russian byzantism and the economic tradition of Russia]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 37-45. DOI: 10.34670/AR.2024.54.21.004

Keywords

Economics, tradition, ethics, religion, culture, values, Byzantine.

References

1. Averintsev S.S. (1977) *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of early Byzantine literature]. Moscow: Nauka Publ.
2. (1988) *Drevnyaya russkaya literatura: Khrestomatiya* [Ancient Russian literature: Reader]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
3. Hilarion (Alfeev) (1998) *Zhizn' i uchenie svyatitelya Grigoriya Bogoslova* [The life and teachings of St. Gregory the Theologian]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo Patriarshego podvor'ya Publ.
4. Ivanov S.A. (2003) *Vizantiiskoe missionerstvo. Mozhno li sdelat' iz varvara khristianina?* [Byzantine missionary work. Is it possible to make a Christian out of a barbarian?]. Moscow: Yazyki slavyanskoikultury Publ.
5. John of Damascus (1998) *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very* [An accurate exposition of the Orthodox faith]. Moscow: Lod'ya Publ.
6. Khoruzhii S.S. (2005) *Opyty iz russkoi dukhovnoi traditsii* [Experiences from the Russian spiritual tradition]. Moscow: Parad Publ.
7. Khvostova K.V. (1995) Vizantiiskaya tsivilizatsiya [Byzantine civilization]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 9, pp. 128-136.
8. Kozhinov V.V. (2011) *Istoriya Rusi i russkogo slova. Opyt bespristrastnogo issledovaniya* [History of Rus' and the Russian word. Experience of impartial research]. Moscow: Eksmo-Press Publ.
9. Panarin A.S. (2002) *Pravoslavnaya tsivilizatsiya v global'nom mire* [Orthodox civilization in a global world]. Moscow: Algoritm Publ.
10. Petukhov V.V. (2015) Rossiiskaya transformatsiya i obshchestvennaya moral' [Russian transformation and public morality]. *Sotsis* [Social Research], 12, pp. 28-40.
11. Shestov L. (1993) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 1.
12. Simeon the New Theologian (1996) *Tvoreniya v 3 t.* [Works in 3 volumes]. Holy Trinity Sergius Lavra. Vol. 1.
13. Talbot A.M.M. (2010) The Compositional Methods of a Palaiologan Hagiographer: Intertextuality in the Works of Theoktistos the Stoudite. In: *Imitatio-Aemulatio-Variatio. Akten des internationalen wissenschaftlichen Symposions zur byzantinischen Sprache und Literatur*. Vienna.
14. Tarle E.V. (2001) *Politika: istoriya territorial'nykh zakhvatov. XV-XX veka* [Politics: history of territorial conquests. XV-XX centuries]. Moscow: EKSMO-Press Publ.

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2023.31.90.001

Некоторые актуальные проблемы экологической философии**Кротовская Наталия Георгиевна**

Научный сотрудник,
сектор истории антропологических учений,
Институт философии РАН,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12с1;
e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

Кулагина-Ярцева Валентина Сергеевна

Научный сотрудник,
сектор истории антропологических учений,
Институт философии РАН,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12с1;
e-mail: valentina.yartseva@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы экологической философии, возникшие в условиях неизбежной индустриализации и урбанизации планеты. Наиболее примечательной чертой этой ситуации является нарастающий динамизм изменения природных явлений, вызванных воздействием человека. В последнее время темпы изменения природных явлений на земле вполне сопоставимы с темпами изменения общественных явлений. Происходит стремительное стирание граней между природным и общественным, и это обстоятельство заставляет принципиально менять многие, казавшиеся незыблемыми, представления в области естественных наук, а прежнее понимание процессов взаимодействия общества и природы претерпевает изменения по многим параметрам. По сути дела, совершается переход от упрощенной модели в понимании этой проблемы, когда природная среда рассматривалась как инвариант, а роль динамического фактора во взаимодействии отводилась лишь обществу, к модели более сложной и диалектической, где не только общество, но и природная среда находятся в состоянии взаимного изменения и подвижного равновесия. В этой ситуации от философии требуется также изменить привычные подходы к рассмотрению тех или иных явлений, перейдя от чисто академического рассмотрения привычного круга проблем к вопросам, непосредственно связанным с жизнью и интересами общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Кротовская Н.Г., Кулагина-Ярцева В.С. Некоторые актуальные проблемы экологической философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 46-65. DOI: 10.34670/AR.2023.31.90.001

Ключевые слова

Антропоцентризм, биоцентризм, активизм, патоцентризм, гипотеза Геи, экоцентризм, внутренняя ценность, благоговение, поверхностная экология, глубинная экология.

Введение

На протяжении тысячелетий философы занимались поисками истины, в каждую эпоху выдвигая новые концепции. Современные исследователи сосредоточились на изучении практической деятельности человека, редуцировав метафизическую часть поисков и заключив свои изыскания в соответствующие философские рамки. Какова же цель современной практической философии? Ответ – управлять собой и другими, включив в сферу своих интересов не только людей, но и мир в целом.

Становление нового ценностного видения мира вызвало развитие экологической философии. В новом мировоззрении человек уже не рассматривается как существо, интересы которого ставятся выше интересов окружающего мира. Он воспринимается как член более широкого сообщества живых существ, населяющих планету Земля. Проблема ценности стала злободневной для экологической философии в связи с основополагающими для нее дискуссиями о концептуальных основаниях того или иного отношения к природе, объектам природы и природным существам (под «природными существами» понимаются любые живые организмы): представляют ли они относительную (инструментальную) ценность, в зависимости от их ценности для кого-либо другого, например, для человека, или же они обладают ценностью сами по себе, иными словами представляют собой «внутреннюю ценность».

Отход от антропоцентризма

В последние десятилетия люди столкнулись с тем, что современное промышленное развитие и связанное с ним загрязнение окружающей среды представляет угрозу жизни на Земле и, следовательно, человечеству, перед которым встала неотложная задача изменить существующее положение вещей. В настоящее время многие противники хищнического отношения к окружающему миру видят источник создавшегося положения в антропоцентризме, согласно которому основным критерием оценки действий в отношении природы является человеческое благо.

Нон-антропоцентризм, в отличие от антропоцентризма, предполагает признание самоценности всего живого, независимо от приносимой человеку пользы. Человек перестает восприниматься в качестве средоточия и высшей цели мироздания, теряя свое исключительное положение во Вселенной и занимая лишь одно из мест наравне с другими природными объектами.

Современная экологическая этика стремится выработать новые ценностные основы. Она предполагает такое видение мира, где человек перестает быть высшим существом, единственным, кто обладает моральным статусом, отказывая в нем любым другим живым или неживым объектам. Таким образом, экологически ориентированное этическое мышление в попытках обосновать новый взгляд на человека и природу переживает ценностную трансформацию, которая еще не завершилась. Некоторые из таких попыток будут рассмотрены ниже.

Патоцентризм

Изначально этическая значимость распространилась на права животных и философию их освобождения. Для признания обладающих чувствительностью к переживанию боли существ объектами этической ответственности решающим стал критерий этой чувствительности. Такой

подход получил название *патоцентризма*. Эта философия распространяет моральные права людей, включая физическую неприкосновенность и уменьшение страданий, на животных. Этот подход к экофилософии рассматривается прежде всего, потому что он является самым традиционным в этой области и определяет себя как таковой. Он предлагает распространить этические соображения, обычно применяемые к людям, на более широкий круг существ. Питер Сингер, родоначальник движения за освобождение животных, пишет, что переход от незаинтересованной точки зрения между индивидуумами внутри группы, но не между группами, к универсальной точке зрения, представляет собой эпохальное изменение, потому что это основная тенденция общественного развития. Но поскольку Сингер рассматривает расширение морального статуса как часть морального развития человечества, он считает его консервативным процессом, продолжением того, к чему человеческая цивилизация шла в течение длительного времени.

В предисловии к «Освобождению животных» Сингер объясняет, что он защищает животных не потому, что их любит, а потому, что они тоже имеют права и он обязан эти права уважать, все наши действия по отношению к ним должны быть этически обязательными вне зависимости от наших чувств или симпатий. Так же, как и основатель утилитаризма Иеремия Бентан (1748 – 1832), Сингер утверждает, что вопрос об этическом отношении к животным заключается не в том, могут ли они мыслить или говорить, «вопрос заключается в том, могут ли они страдать?» Именно способность испытывать страдание помещает людей и животных в одно и то же правовое поле. Для игнорирующих этот факт Сингер ввел в оборот термин *спесицизм*, означающий превосходство одного вида живых существ над другими, точнее, превосходство людей над не-людьми.

Формированию убеждений Сингера способствовала утилитаристская этическая теория, согласно которой критерием нравственной оценки является исключительно консеквент (результат) поведения, а не его соответствие каким-либо правилам или обязательствам. Правильное действие в любой области, будь то право, политика или любая человеческая деятельность, будет считаться таковым, если оно приведет к наилучшим последствиям. При этом необходимо одинаковым образом относиться к одинаковым интересам, независимо от того, кто именно их представляет.

Сингер рассказывает о человеческой истории, в которой сфера применения этических принципов расширяется по мере того, как контакты с группами «чужаков» становятся более частыми, а люди с разным образом жизни взаимодействуют все чаще и чаще. В крайне изолированном, организованном по племенному принципу обществе только члены собственного племени достойны морального уважения. Чужаки находятся вне сферы внимания. По мере того, как люди становятся более взаимосвязанными, они все больше привыкают к чужакам. Привыкание к разным народам означает, что различия, которые раньше выводили человека за рамки этических соображений, перестают иметь значение. Применение этических принципов соответствующим образом корректируется: афинян относят к грекам, французов – к европейцам. Собственный этический и политический проект Сингера, изложенный в «Освобождении животных» [Сингер, 2021], является дальнейшим расширением понятия «морально значимого». Этические принципы относятся не только к человечеству, но ко всем разумным существам. Императивы этических принципов сами по себе не меняются, но круг тел, к которым применяются эти этические принципы, расширяется.

Некоторые могут счесть простоту концепции этического расширения аргументом в ее пользу. Такая простая концепция создает политический проект, который может быть понят и

реализован в соответствии с четкой программой. Предлагается кардинальное изменение привычек человеческого общества. Люди больше не будут есть мясо, прекратится эксплуатация животных в лабораторных экспериментах и промышленном производстве, и каждый аспект взаимоотношений людей с животными будет оцениваться на тех же условиях, что и отношения с другими людьми. Все, что требуется – это расширение круга тех, к кому относятся этические соображения. Но основой этого расширения является способность страдать, на что способны только организмы, обладающие особым типом нейрофизиологической структуры. Освобождение, которое приходит с этим этическим расширением, не может распространиться на те существа, которые не чувствуют, не страдают. Абсурдно приписывать страдание дереву, грибу или горе, когда у этих объектов нет нейронной структуры, необходимой для того, чтобы испытывать боль, чувствовать так же, как люди. Эти объекты остаются этически внешними, отчужденными от этического рассмотрения, вне этического рассмотрения, предоставляемого тем существам, которые страдают так же, как и мы.

Таким образом, проект освобождения животных добился прогресса, по крайней мере, в том смысле, что принадлежность к человеческому виду больше не является пределом этических соображений. Аргумент в пользу освобождения животных от страданий – благородное предприятие, мотивированное простым принципом, согласно которому человек должен действовать, чтобы избежать вреда и предотвратить его. Проект освобождения животных включает различные виды в рамках законных этических соображений, но делает это с помощью принципа, который остается ограниченным, – признания способности к страданию. Те существа, которые физиологически настолько отличаются от людей, что не испытывают сходных ощущений боли, все равно не заслуживают морального рассмотрения. Освобождение животных основывается на атрибуте, способности страдать, благодаря которому мы можем сказать, что некоторые существа такие же, как люди.

Кроме того, пределы человеческих способностей восприятия являются фактором, способствующим ограничению человеческого политического воображения в вопросах этического рассмотрения. Человечество уже создало этические системы и правовые институты, в которых люди могут выступать за признание своих прав. Построение этических отношений с телом, отличным от тех, кто его рассматривает, может быть вопросом представления, как вписать иное тело в существующие институты. Феноменология такого тела может отличаться от нашей собственной настолько радикально, что невероятно трудно представить, каким было бы существование такого тела с точки зрения собственного опыта этого тела. Следует пояснить, что имеется в виду под термином «тело». Любая физическая «сборка», любое силовое поле, любой процесс, независимо от того, насколько быстро он образуется и рассеивается, – это тело. Задача в том, чтобы понимать многие его особенности, как оно функционирует, структурировано, связано с телами вокруг него, понимать тело в его уникальности, в том, что нет другого тела, в точности идентичного ему, и ценить тело в его уникальности и за его необычность. Каждое тело единично, поэтому не может быть тела, которое не было бы единичным.

Но это не обязательно делает сингулярность бессмысленным свойством, на которое не стоит обращать внимания из-за его вездесущности. Некоторые тела отличаются друг от друга больше, чем другие, однако самая важная идея текущего обсуждения заключается в том, что каждое тело уникально отличается от другого, по крайней мере, в какой-то незначительной степени, и что это уникальное различие само по себе ценно. Концепция внутренней ценности касается различий. Ни в коем случае в этом понимании внутренней ценности объекта оценка не

основывается на какой-либо характеристике, общей для оцениваемого объекта и оценщика. Тело ценится за его исключительную идентичность, ценится потому, что оно является индивидуальностью в самом сильном из возможных смыслов: поскольку никакое другое тело не может быть идентично какому-либо другому телу, каждое тело отличается от любого другого тела, и идентичность каждого тела – это сингулярность. Основная этическая гипотеза заключается в том, что особенность тела – причина его ценности. Различные взаимосвязанные объяснения служат для создания всеобъемлющего аргумента в пользу того, почему и как сингулярность может быть достойна оценки. Однако независимо от причины, этические отношения с телом возникают только тогда, когда осознающее себя тело, объявляет его ценным. Этическая система, в которой ценность генерируется в результате акта оценки, может быть понята как оценочное понимание внутренней ценности.

Эту проблему американский философ Томас Нагель определил как ограниченность человеческого мышления и языка для описания совершенно чуждого тела без антропоморфизирующей метафоры.

Однако на протяжении десятилетий существовал прецедент, когда правовое и политическое включение радикально отличающихся друг от друга объектов могло осуществляться в рамках существующих институтов защиты прав. Профессор юридического факультета университета Южной Калифорнии Кристофер Стоун в начале 1970-х годов выступал в Верховном суде Соединенных Штатов в защиту долины Минерал Кинг под Сан-Франциско, утверждая, что экосистема, образованная обитателями долины, сама по себе обладает юридическими правами, которые обязывают людей и их суды признавать их. Однако последовавшее десятилетие философского осмысления этой идеи привело к выводу, что защита долин выходит за рамки возможностей человеческого языка и понимания. Люди воображали, что знают, чего хочет или требует долина, секвойя, китообразное, пескарь, и экстраполировали вероятные желания на поведение, по крайней мере, некоторых из рассматриваемых тел. Но без возможности точной, детальной коммуникации можно иметь дело только с догадками различного, а иногда и сомнительного качества. Люди не могут понять интересы каких-либо тел достаточно хорошо, чтобы стать их защитниками в правовой системе, если только эти тела не смогут донести до людей сложные концепции. Подробное общение на человеческом языке может и не потребоваться для понимания интересов не-людей в политическом контексте. Эта модель политики защиты окружающей среды требует даже большего, чем освобождение животных. Философия освобождения животных призывает человека сочувствовать боли другого тела, но включение всех органических тел и экосистем в правовую систему требует подробной защиты интересов таких существ, используя язык потребностей и желаний. Согласно такому мышлению, одного действия достаточно, чтобы сформулировать политическое заявление, потому что наблюдение за деятельностью другого тела – это все, что можно сделать, чтобы его понять... Детальное наблюдение позволяет рассмотреть тело в его возможных действиях, причем этот диапазон действий понимается как интересы, которые тело имеет в своих свободных действиях. Здесь растет дерево, и его присутствие влияет на то, какие действия можно предпринять на прилегающей территории.

У этих тел нет физической способности к самосознанию или использованию языка, чтобы выразить свои действия как интересы. Однако для подобного выражения не требуется язык, потому что к пониманию желаний и интересов многих существ можно прийти иным путем. Например, длительный опыт общения внимательного человека с животными в различных социальных контекстах позволяет ему изучить поведение и вокализацию, с помощью которых

эти животные выражают свои желания и настроение. И все же, хотя у животных могут быть желания, желание – это не то же самое, что интерес. Интерес требует от актора осознания своих собственных действий и способности понимать свои действия как продолжение развития личности. Животным можно причинить вред и нанести травму, но остается неясным, могут ли они осознавать, что получают травму. Отсутствие такого уровня сложности в самосознании – это отличие, которое способно помешать подлинному расширению прав человека, чтобы они стали правами всех животных. Они неспособны понять историю формирования их собственной травмы. Возможно, у животных и есть права, но они вытекают из их способности чувствовать боль в сочетании с человеческим отвращением к жестокости. Животные, лишённые способности мыслить осознанно, не могут сформулировать интересы для защиты в суде, который изначально был разработан для тел, обладающих самосознанием. Люди сами должны экстраполировать свое поведение на аватар человека с интересами, желаниями и языком. Сомнительно, что, воображая, будто лес – это человек, можно адекватно представить этот лес как лес.

Внутренняя ценность

Концепция внутренней ценности обладает наибольшим потенциалом для достижения такого адекватного представления в рамках моральных отношений. Однако существует два способа понимания термина «внутренняя ценность», и необходимо проявлять осторожность, чтобы не путать их. Можно понимать внутреннюю ценность как возникающую в результате человеческого акта оценки или как обнаруживаемое свойство отдельных тел.

В последние десятилетия философы обсуждают недостатки в оценочном понимании внутренней ценности тела. Они выдвигают следующее предположение: внутренняя ценность тела является свойством этого тела, и задача философа-эколога состоит в том, чтобы обнаружить это свойство в каждом теле, будь то с помощью какой-либо интуиции или другой формы исследования. Арне Несс, крупнейший норвежский философ, писавший по-норвежски, назвал это свойство *egenverdi*, что переводится как собственное значение тела, простое свойство ценности, которым обладает само тело. Ценность тела не определяется оценкой этого тела или отношений с ним человеческого субъекта, что сделало бы его предполагаемую внутреннюю ценность предметом человеческого мышления. Утверждение, что ценность зависит от того, как человек обосновывает ценность, ограничивает основания для оценки областью человеческой воли. Основной императив экологической этики заключается в том, чтобы позволить не-людям говорить самим за себя. С учетом этой критики была разработана альтернативная концепция внутренней ценности как свойства. Внутренняя ценность тела – это объективное свойство этого тела, которое можно обнаружить посредством наблюдения.

Следует пояснить, что когда обсуждается правильное понимание внутренней ценности, не имеется в виду, что существует какое-то свойство, которым обладает тело по своей сути, или что есть какое-то свойство тела, которое ценно как самоцель. Например, можно понять мораль освобождения животных под влиянием Сингера таким образом. Тела обладают свойством, способностью страдать, которое включает в себя нейронную структуру, необходимую для выражения этой способности, а способность страдать по своей сути важна в моральных рассуждениях. В качестве другой иллюстрации можно привести способность самостоятельно передвигаться, конативность, которая в некоторых источниках, например, в книге Чарльза Кокелла, профессора Эдинбургского университета, считается внутренне значимым свойством

ценности. Исходя из этого, он утверждал, что микроорганизмы достойны морального рассмотрения, и заложил основу такой философской системы. Дж.Б. Калликотт [Калликотт, 1999, 40-68], профессор философии Висконсинского университета, предполагает, что надлежащими объектами морального рассмотрения являются сами экосистемы, а также те тела, деятельность которых формирует отношения, полезные для поддержания гармоничного состояния экосистемы. Стабильность по своей сути ценна.

Холмс Ролстон III, профессор философии Государственного университета Колорадо, специалист по экологической этике, утверждает, что если какая-либо часть Вселенной ценна, то отношения взаимозависимости между этим телом и всеми другими телами во Вселенной делают всю природу ценной в целом [Ролстон, 1990]. Ролстон понимает эти взаимозависимые отношения как возможные условия существования человечества или чего-либо, что человек мог бы ценить. Существование одного ценного тела зависит от некоторого другого тела, к которому человек может быть безразличен, если рассматривать это другое тело отдельно. Такое безразличие было бы ошибкой, если бы кто-то понимал взаимосвязь взаимозависимости. Итак, если все тела существуют взаимозависимо, как в системе, где каждое тело обуславливает существование каждого другого тела, тогда все тела ценны постольку, поскольку они являются условием существования тела, с которым они связаны, ценимого человеком. Можно даже ценить тело по инструментальным или даже эгоистичным причинам, в то время как его взаимозависимость со всем остальным во Вселенной привела бы, в действительности, к оценке всей природы. Арне Несс часто писал, что неотъемлемо ценным свойством тела является его способность к тому, что он называл самореализацией, способность «жить и процветать».

В правильном понимании внутренней ценности ценность тела сама по себе является свойством этого тела, будь то способность страдать, конативность, некоторая стабилизирующая роль в экосистеме, способность к самореализации или какое-либо другое свойство. Не каждое появление термина «внутренняя ценность» в этике защитников окружающей среды является признаком того, что такая этика основана на правильном понимании. Можно считать, что Ролстон сохраняет концепцию внутренней ценности в своей этике, но вместо этого он формулирует версию понимания оценки, в которой внутренняя ценность всей природы экстраполируется из совокупности связанных действий, имеющих инструментальную ценность. Важные связи между внутренней и инструментальной ценностью существуют, но эти связи имеют смысл только в контексте различия этических и моральных областей философии, которое Ролстон не принимает. Выбор в качестве внутренней ценности какого-либо свойства тела, которое само по себе не является ценностью этого тела, возлагает определение ценности на человека, создающего моральную систему. Ценность тела сводится к обладанию свойством, которое само по себе не является ценностью тела. Это свойство является характеристикой, общей для всех ценных тел, которая определяет, представляет ли тело ценность. Чтобы быть ценными, рассматриваемые таким образом тела в некотором роде одинаковы.

Можно понять, почему была разработана концепция внутренней ценности и как она стала влиятельной, изучив историю экоцентричной философии, переориентации этического мышления на то, чтобы сделать природу, а не только человечество, центральной фигурой, вызывающей озабоченность. Наибольший потенциал философии окружающей среды заключается в создании образа мышления, который позволяет легко понять различия и четко объяснить, как эта онтологическая концепция действует морально и политически. Но это понимание расходится с причинами, по которым в первую очередь была создана экологическая этика. Это была философская реакция на то, что воспринималось как кризис. Человечество

разработало технологию, которая принесла огромный вред окружающей среде, и долгое время безнаказанно использовало эту технологию, проявляя недальновидность в отношении ее разрушительных последствий. Когда философы-экоцентристы, такие как Арне Несс, Бэрд Калликотт, Билл Деволл, профессор университета им. Гумбольдта, Калифорния, и Джордж Сешнс, писатель и журналист, создавали основополагающие работы в этой области в 1970-х и 1980-х годах, они часто считали технологию по своей сути злонамеренной и эксплуатирующей не-людей (не принадлежащих к человеческому роду, не относящихся к людям). Не-человеческие тела, по мнению этих авторов, долгое время ценились только с точки зрения того, как они могут принести пользу людям, как будто только люди и человеческие цели были ценны сами по себе.

Биоцентризм

Биоцентристский подход в этике требует уважения к природе. Все живые тела признаются заслуживающими равного уважения. Как моральные объекты они все признаются равными, право на уважение имеют не только виды, но и отдельные особи.

Средство правовой защиты состояло в отстаивании того, что не-человеческие тела, часто в массовом порядке называемые просто «природой», обладают внутренней ценностью, и существование такой ценности не зависит от решений человечества. Люди могли замечать эту внутреннюю ценность или нет. Если нет, то это вопрос человеческой близорукости. Если рассматривать внутреннюю ценность как обнаруживаемое свойство тела, то формирование ценности тела не обязательно должно иметь нечто общее с деятельностью человека. Если люди никогда не играют никакой роли в создании ценности тела, то, вероятно, было бы ошибкой сводить ценность тела к какой-то инструментальной роли в удовлетворении человеческих потребностей и желаний. Человек может верить в соответствии с антропоцентрическими установками, выработанными в результате длительного привития технологических привычек, что ценность тела зависит только от того, как люди могут его использовать. Однако, согласно пониманию свойств внутренней ценности, это неверно. Экоцентричная мораль осуждает любое сведение ценного по своей сути тела к инструментально ценному телу. Эта моральная ошибка также является эпистемологической и онтологической ошибкой, поскольку ошибка заключается в неспособности познать свойство рассматриваемого тела.

Экоцентризм

Экоцентризм основан на отрицании абсолютной границы между природой человека и всей остальной природой; соответственно отрицается исключительная самоценность человека в сравнении с представителями не-человеческой природы. Начало экоцентризму положила широко известная книга выдающегося американского эколога, специалиста в области лесничества и охоты Олдо Леопольда, на русский язык переведенная под названием «Календарь песчаного графства» [Леопольд, 1983].

Для экоцентричной этики способ понять, какое действие является наилучшим, требует внимания к перспективам, отличным от наших собственных, а также к последствиям наших действий в контексте этих перспектив. В этом контексте большой моральной ошибкой человека является близорукость. Близорукость иногда бывает преднамеренным невежеством, но чаще всего просто невниманием, которое, тем не менее, заслуживает морального порицания.

Например, писательница и экоактивистка Терри Темпест Уильямс в книге «Убежище: неестественная история семьи и места» описывает проект гидроэлектростанции, из-за которого Большое Соленое озеро затопило приют для перелетных птиц на реке Грейт-Беар. Люди, которые планировали и строили гидроэлектростанцию, думали только о человеческих желаниях в области производства электроэнергии, полагая, что краткое изложение этих желаний является полным описанием ситуации. Среди не-людей у людей нет соперников, способных изложить конкурирующее описание ситуации, потому что только люди пользуются языком. Уильямс описывает разработчиков, не обращающих внимания на деятельность и потребности разнообразных птиц, растений, грибов и не желающих составить более полное представление обо всей экосистеме. Застройщики даже игнорировали интересы жителей этого района, выступавших против строительства гидроэлектростанции. Каждое из этих тел – будь то птица, растение, гриб или человек, выступающий против строительства, – обладает внутренней ценностью, свойством, которое ответственные за затопление даже не пытались раскрыть. Согласно пониманию внутренней ценности, основанному на свойствах, разработчики не обращают внимания на эти значения, потому что они не замечают существования свойства ценности. Предположив, что подобных свойств не существует, они не утруждают себя их поиском.

Жить в соответствии с эгоцентричной моралью чрезвычайно сложно. Для успешного соблюдения эгоцентричных норм необходимо, чтобы люди понимали не только свои собственные точки зрения, но и учитывали все другие составляющие экосистемы. Это требует тщательного наблюдения за всеми этими телами, чтобы построить сложные концепции, основанные на их потребностях и биографиях, а также на своих собственных. Сообщение о ситуации – это инструмент для понимания данной ситуации, и человек стремится к тому, чтобы его сообщение было как можно более точным и полным. Рассказы людей, оказавшихся в той или иной ситуации, могут быть довольно точными, потому что они могут вступать в сложные разговоры друг с другом и обобщать приведенные рассказы в более полное сообщение. Но люди не могут вступать в сложные разговоры, например, с белыми цаплями, муравьями или плесенью. Однако причина их неосведомленности заключается в том, что они узнают о ситуации только благодаря поиску сообщений, которые уже были лингвистическими, минуя любые другие методы исследования экосистемы. Даже этот поиск бывает очень избирательным: прислушивались только к тем, кто уже согласен с ними. Если бы разработчики вместо этого изучили ценностные свойства отдельных тел, используя свои наблюдательные и лингвистические способности для составления сообщений об этих телах, разрушительного исхода можно было бы избежать.

Помня о проблемах экологической философии, можно было бы попытаться рассказать о тех не-людях, которые являются составляющими ситуации. Можно было бы тщательно изучить действия рассматриваемых не-людей и извлечь из них достаточно информации, чтобы составить сообщение, которое сами не-люди создать не в состоянии. Но даже несмотря на то, что чье-то сообщение посвящено действиям не-человека, человек все равно создает и интерпретирует это сообщение так, как если бы рассматриваемый не-человек мог рассказать о себе на языке. Однако важной особенностью существования этого не-человеческого существа является его неспособность сделать такое сообщение. Деятельность человека по созданию сообщения искажает представление о теле, от имени которого делается сообщение. Обсуждая интересы и желания долины или рощи, человек превращает долину или рощу в своего рода личность. Попытка говорить от имени тела, которое не может использовать язык, мешает по-

настоящему понять его. Персонализирующее искажение возникает в том, как исследователь экосистемы понимает свою деятельность. Если он подходит к своей задаче как к описанию процессов, поддерживающих стабильность экосистемы или популяции, и того, как наилучшим образом сохранить эту стабильность, проблем не возникает. Но этот строго научный подход считается опасным из-за его рациональности. Научные взгляды, согласно Джиму Чини, навязывают человеческое понимание природы, в то время как истинное знание объясняет проявление природы в ее деятельности. Язык науки абстрагируется от отношения любви и заботы, которые являются важными средствами признания присущей телу внутренней ценности. Научное исследование таит в себе опасность понимания природы как не имеющей собственной ценности, как системы, подлежащей измерению.

Однако обращение к повествовательным и эмоциональным элементам природы указывает на ограниченность понимания свойств. Если ценность природы является аспектом самой природы, она все равно должна быть иного рода, чем те свойства, которые могут быть описаны научным исследованием. Призыв сделать сообщение от имени существ, которые не могут говорить, представить себя защитником животных, растений и экосистем, которые до сих пор были лишены гражданских прав – это повторяющийся риторический образ, мотивирующий людей морально и этически. Помимо того, что можно узнать о неязыковых аспектах экосистемы, требуется описательный элемент экосистемы. Но нарратив – конструкция только для самосознающих существ, потому что нарратив конституируется как ответ на вопрос «Что произошло?» Тела, неспособные задать этот вопрос, следовательно, неспособны по-настоящему обладать нарративными аспектами своего существования, если только их не порождают отношения с самосознающими телами.

Неспособность создать повествование о своем собственном существовании – это особенность, отличающая тела, не обладающие самосознанием, от тех, которые им обладают. Трактовка нарратива как существенного элемента понимания самих экосистем, а не экосистем в связи с самосознающими телами, предполагает одинаковость человека и экосистемы, с которой человек может взаимодействовать, а может и не взаимодействовать. Подобное навязывание препятствует успешному пониманию тела в его уникальности. Те особенности тела, которые являются основными для его идентичности, сглаживаются творческим актом, необходимым для создания сообщения. Если любое действие, предпринимаемое человеком для понимания не-человеческого тела, является искажением этого тела, то единственным верным шагом к решению, по-видимому, является то, что понимающий человек должен быть полностью пассивен перед не-человеческим телом, которое он стремится понять.

Поверхностная экология – управление

В контексте философии окружающей среды сохраняется много подозрений в отношении процессов, называемых антропогенными, процессов, которые начинаются с человеческих действий или мыслей. Оценка тела не должна основываться на решении человека. Существует подозрение, что если какая-либо оценка начинает ограничиваться человеческим мышлением, то она неизбежно сводится к зависимости от человеческих интересов, к исключению не-людей. Поскольку оценочное понимание внутренней ценности сделало бы человеческое мышление генератором ценности природы, оно не может избежать обвинения в антропогенезе, которое некоторые могли бы выдвинуть против него. Чтобы оценить тело без опасности случайного сведения к инструментализму, причина оценки не должна основываться на человеческом

решении. Таким образом, тело должно обладать ценностным свойством, которое могло бы произвести впечатление на совершенно пассивного наблюдателя-человека как основа акта оценки этого наблюдателя. Однако любая попытка обнаружить такое свойство всегда опирается на человеческий опыт: человек начинает ценить тело, но не может сказать почему. То, что человек должен почитать природу, становится неоправданной догмой философа-эколога. Если человек не испытывает чувства благоговейного трепета перед природой, значит он неправильно воспринимает, увлечен запутанными высокомерными антропоцентрическими западными установками.

Примером, который лучше всего иллюстрирует, как экологическая этика, которая может легко перейти от позитивной, хотя и антропогенной, отправной точки к высокомерному отношению, является идея *управляющего*. Образ человечества как хранителя окружающей среды иногда оправдывается в контексте христианской теологии, что является еще одним примером того, как религию можно поставить на службу экологической этики. Однако этика управления не обязательно должна полагаться на христианство в качестве своего этического оправдания. Писательница и биолог Рэйчел Карсон [Карсон, 1965] прекрасно формулирует этическую концепцию бережного отношения к окружающей среде. *Управляющие* – это люди, которые, например, занимаются сельским хозяйством для нужд своего сообщества. Но они также занимаются экологическими и биологическими науками, чтобы понять, как функционирует вся их экосистема, и используют эти знания для ведения сельского хозяйства в гармонии со всеми элементами взаимно составной сложной экосистемы. Самое главное, что в роли управляющего люди властвуют над Землей. Это власть не диктатора, а гордого хранителя, того, кто верит, что гармония, поддерживаемая его работой, развалилась бы без него на части.

Программы охраны окружающей среды на практике формируют общественную этику, которая может быть высокоэффективной в сохранении экосистем, уязвимых для разрушительной деятельности человеческих сообществ. Такие этические установки и принципы поощряют осознанность и заботу о не-человеческих сообществах двумя способами. Забота проявляется в смиренном отношении, проистекающем из понимания незначительности положения человека во Вселенной. Эпистемологический императив осмысления мира порождает чувство любознательности, которое ведет к осознанному исследованию. Несмотря на свою практическую эффективность, этика бережного отношения к окружающей среде по-прежнему эгоистична. Такая этика понимает самосознающего субъекта в экосистеме как доброжелательного хранителя, удерживающего все ее элементы на своих местах для стабильности системы. Существо, незначительное по масштабам, позиционирует себя как добрый хозяин всех благодаря своей особой способности к самоосознающему мышлению для создания систем понимания Вселенной. Субъект, способный к систематическому знанию, знает лучше всех, поэтому и командует всеми процессами и направляет их для того, что он считает их собственным благом.

Глубинная экология

Знание, понимаемое как пассивный процесс, занимает центральное место в понимании свойства как внутренней ценности. Существует два способа понимания пассивного знания в философии окружающей среды: наблюдение и интуиция. Работы Олдо Леопольда предлагают парадигму наблюдательного знания. Если мы ищем какое-то свойство тела, независимо от того, является ли это тело отдельным животным или целой экосистемой, рассматриваемой как единое

целое, мы найдем его путем детального и скрупулезного наблюдения за этим телом. В качестве примера такого наблюдения можно привести цитату из «Календаря песчаного графства»:

«Гуси, провозглашающие смену времен года над нашей фермой, чутко восприняли очень многое – включая и висконсинские законы об охоте. Спешащие на юг ноябрьские стаи пролетают над нами в гордой вышине и без единого приветственного крика минуют свои излюбленные песчаные косы и заводы <...> Ноябрьские гуси давным-давно восприняли, что от зари и до зари каждое болотце, каждый пруд щетинятся алчущими ружьями.

Другое дело – мартовские гуси. Хотя по ним стреляли всю зиму, о чем свидетельствуют следы дроби на их маховых перьях, они знают, что в силу уже вступило весеннее перемирие. Они следуют всем излучинам реки, пролетают совсем низко над мысками и островами, где теперь нет ни единого охотника, и радостно гогочут при виде каждой косы, точно здороваясь со старым другом. Они низко кружат над болотами и лугами, приветствуя каждое вскрывшееся озерцо, каждую оттаявшую лужу. Наконец они проформы ради делают несколько кругов над нашим болотом, а затем идут на посадку и бесшумно планируют на пруд, выпустив темные шасси и белея подхвостьями. Едва коснувшись воды, новоприбывшие гуси поднимают такой гогот и так бурно плещутся, что вытряхивают из ломкого рогоза последние воспоминания о зиме. Наши гуси снова дома!» [Леопольд, 1983].

В 1929 году Олдо Леопольд впервые начал читать в Висконсинском университете специальный курс лекций по охране дичи, а в 1933 году создал кафедру охотоведения, став, таким образом, основоположником этой науки.

Главная мысль Леопольда, изложенная в его трудах, состоит в том, что «принцип сохранения дикой природы – беречь каждую часть механизма земли. <...> Каждая замена дикого животного или растения на домашнее, естественного водного потока на искусственный сопровождается соответствующими изменениями во всей циркуляционной системе земли. <...> Мы не понимаем и не предвидим этих изменений, а замечаем их, только если последствия оказываются явно вредными» [Леопольд, 1983].

Леопольд демонстрирует острый взгляд на крупные и мелкие детали экосистемы, причем все они значимы. Описывая койотов и источники их пищи, Леопольд также рассматривает отношения между отдельными элементами экосистемы, в данном случае отношения, превращающие некоторые растения и животных в пищу. Наблюдение с как можно большим вниманием деталей наблюдаемых тел и отношений между ними является примером отношения, которое можно назвать осознанностью. Осознанное наблюдение обнаруживает необычность того, что наблюдается. Мораль, действующая через осознанность, вырабатывает решения о том, что должно быть сделано в этой уникальной ситуации, сохраняя в своем мышлении отличие этой ситуации от всех остальных.

И все же можно наблюдать, не понимая ценности того, что наблюдаешь, не осознавая свойства ценности. Наблюдает ли кто-то за какой-либо экосистемой с таким же вниманием к деталям и научными знаниями, как Леопольд, не имеет отношения к интуиции. Ценность природы должна запечатлеться в вашем сознании. Восприятие внутренней ценности тела зависит не только от наблюдения, но и от интуиции, которая возникает в процессе общения с природой, как бы сильно ни различался конкретный опыт каждого человека. Однако описания интуитивного опыта, как правило, фокусируются на чувстве, которое интуиция вызывает у интуитора, и на изменении отношения к природе, которое вызывает это чувство, а не на самом свойстве ценности.

Понимание внутренней ценности объекта сталкивается с проблемой, связанной с

постоянным отсутствием внимания к свойству, которое меняет чувства человека по отношению к природе. Эффект, изменение отношения к природе, анализируется, но причина, ценностное свойство рассматриваемого тела, остается загадочной.

Вероятно, понять, в чем заключается свойство внутренней ценности тела, можно, проанализировав установки, которые порождает опыт признания внутренней ценности. Эти установки можно сгруппировать в две категории: благоговение перед чужим и сочувствие, порождающее заботу.

Хотя не все аналитики религии рассматривают интуицию, они разделяют с философами-экологами-интуиционистами акцент на благоговейном отношении к природе и существованию в целом. Часто делаются конкретные ссылки на религии Азии и аборигенов. Предполагается, что эти религии поощряют благоговейное отношение к природе, понимание природы как священной и понимание человечества как части природы. Подобные представления противоречат монотеистическим традициям, чьи мифы о сотворении мира якобы заставляют людей думать о природе как о том, над чем они властвуют.

Практическая цель экологической философии состоит в том, чтобы спровоцировать массовое движение за сохранение природы, и там, где господствующая религия может быть использована для стимулирования образа жизни, основанного на бережном отношении к окружающей среде или благоговении, такая стимуляция приветствуется, если она может подтолкнуть людей к практической цели.

Благоговение понимается как отношение, признающее внутреннюю ценность естественных тел. Горы часто являются предметом почитания в философии окружающей среды, и поэтический призыв Леопольда мыслить, как гора, означает придерживаться точки зрения, которая более широко охватывает пространства, места, времена и возможности жизни и совместного проживания, чем точка зрения эгоцентричного человека. В несоизмеримости с обычным человеческим мышлением и заключена сила тел, подобных горам, не имеющих ничего общего с человечеством, когда эти тела существуют таким образом, который внушает благоговение. Человеческое понимание сталкивается с задачей, выходящей за рамки его возможностей.

Сочувствие и забота о природе – тема, которую лучше всего рассматривать вне контекста обсуждения верного понимания внутренней ценности. Забота – это исключительно вопрос отношения к испытываемым телам, а не к тому, какое впечатление эти тела производят на испытателя.

Неизбежная проблема понимания свойств внутренней ценности – это проблема метода. Цель достойна восхищения: обнаружить, что ценность природы – это очевидный факт, что ценность горы так же реальна и отрицать ее так же глупо, как ее местоположение, высоту и минеральный состав. В парадигмальных примерах экологических сочинений – Генри Дэвид Торо, Джон Мьюир, Олдо Леопольд и Арне Несс – писатели демонстрируют: не каждый, кто знакомится с природой, ощущает ее ценность, поэтому те, кто действительно ощущает ее ценность, должны интуитивно ощущать какое-то качество в дополнение к одному только перцептивному опыту. Многие аргументы в пользу сложных моральных теорий исходят из предпосылок, которые их сторонники объявляют интуитивно верными. Философы-экологи стремятся добавить внутреннюю ценность природы к списку этих интуитивных истин, даже несмотря на то, что природа этой ценности часто неоднозначна или совершенно загадочна.

Критика понимания ценности заключается в том, что оценка остается антропогенной: решение о том, является ли что-либо ценным, остается за человечеством. Некоторые философы-

экологи искали основу ценности в каком-то ином фундаменте, помимо человеческого понимания. Но ценностное свойство тела оказывается скрытым, и человек всегда остается с человеческим отношением, некоторой смесью почтения и заботы. Само по себе свойство ценности никогда не обнаруживается, как бы усердно его ни искали. Если люди должны заботиться о том, что не является человеческим, это должно быть человеческое решение о ценности, а не открытие ценности человеком независимо от его оценок.

Два направления философской экологии

Современный раздел философии окружающей среды зародился как политическое движение. Эндрю Лайт из университета Дж. Мейсона отличает экологическую философию от других разделов дисциплины, говоря, что там, где остальная философия ищет истину, философы-экологи стремятся выработать правильную политику.

Разрыв философа-эколога с господствующей традицией мотивируется не только личной приверженностью активиста. Защитники окружающей среды не сомневаются, что человеческая промышленность вызвала кризис, беспрецедентный по своим масштабам и разрушительности. Часто можно прочесть, что способность самой Земли поддерживать жизнь в том виде, в каком мы ее понимаем, находится под угрозой. Современные философы-экологи видят себя лидерами движения за радикальное преобразование общества. Конечные цели могут различаться: некоторые выступают за устойчивое экономическое развитие и избавление от зависимости от ископаемого топлива, а некоторые – за возвращение к малонаселенному аграрному обществу. У каждого философа-эколога есть свое собственное видение экологически чистой цивилизации, но почти все они призывают к радикальным переменам.

Следует рассмотреть ситуацию, в которой оказалась экологическая философия, учитывая, что сама ее идентичность как дисциплины глубоко интегрирована с политической активностью. Актуальность, связанная с активизмом защитников окружающей среды, в значительной степени обусловлена беспрецедентными масштабами современной промышленности. Философы были одними из первых писателей, осознавших эту актуальность, но сегодня они в значительной степени отстали в активизме, поскольку активным движениям защитников окружающей среды способствуют, скорее, неакадемические профессии. Дискурс философии окружающей среды сегодня, как правило, сводится к академическим спорам о деталях принципов и систем норм.

Философия, включающая онтологию, этику и мораль, имеет отношение к политическим действиям, предлагая новые способы мышления о Вселенной, которые составляют важную основу для экологической активности. Опираясь на подобную философию, обычные люди, придерживающиеся экологических ценностей, могут сформировать более сложное видение места человечества в мире.

Это первый парадокс любой философии, которая развивается из политического движения: эзотерическая сеть концепций может обеспечить если не программу, то импульс для политической активности. Арне Несс дает пример парадигмы, иллюстрирующий этот парадокс. Его концепция внутренней ценности всех тел является плодотворной отправной точкой.

Экологическая философия зародилась как смесь философии, естественных наук и активизма. На таких выдающихся представителях традиции, как Олдо Леопольд, Рэйчел Карсон и Арне Несс, продолжают ссылаться как на предшественников и вдохновителей современных мыслителей и активистов. Это сочетание, если рассматривать его абстрактно, иногда вызывает разлад из-за противоречий между сдержанностью, требуемой от научной практики,

пристальным вниманием, уделяемым аргументации в философии, и настойчивой провокацией активиста. Но примеры из реальной жизни показывают, что с этим кажущимся противоречием можно относительно хорошо справиться. Олдо Леопольд проводил первые научные исследования экологии Висконсина и писал эссе, призванные побудить людей отказаться от популярного представления о природе как о ресурсе, подлежащем научному управлению. Экоцентризм, развившийся на основе работ Леопольда, является лишь одним из ответов на то, что обычно считается радикальной ситуацией: деятельность человека приводит к разрушению гармоничного экологического баланса.

Какова роль философа в трансдисциплинарном политическом движении двадцать первого века, направленном на исправление экологически разрушительной деятельности человечества? Основные дебаты в академических журналах по философии окружающей среды, как правило, вращаются вокруг тем, почти не имеющих отношения к практическим проектам. В этой недавней литературе предпринимаются попытки теоретизировать концепцию блага, которая может иметь отношение к экологической этике, в отличие от тех этических систем, которые в этой области обычно считаются гуманистическими. Со времен «Освобождения животных» Питера Сингера [Сингер, 2021] философы спорили о том, как и в какой степени следует рассматривать не-людей различных типов как обладающих некоторой мерой моральной ценности. Благодаря этим дебатам вегетарианские и веганские общественные движения приобрели большую популярность в элитарных кругах. Некоторые, такие как Сингер, оправдывают образ жизни без употребления продуктов животного происхождения, используя аргументы против причинения боли живым существам, в то время как другие, такие как писательница-экоактивистка Кэрол Адамс, придерживаются точки зрения, что любая форма хищничества или зависимость от жизни менее разумных существ по своей сути является эксплуататорской и аморальной. Но даже несмотря на то, что веганский политический активизм опирается на теоретические аргументы в пользу того, что потребление животных является моральным грехом, сам по себе этот аргумент не мотивирует активность. Политические действия мотивированы твердой верой и желанием сделать эту веру универсальной. Для философов, напротив, то, как вера оправдана и как вера мотивирует политическую деятельность, одинаково важно для акта веры. Одна из повторяющихся проблем обоснования заключается в том, должны ли экологические этические теории искать свое оправдание только в благе человека или в благе не-человеческих тел или экосистем в дополнение к человечеству или исключая его. В дискурсе философии окружающей среды это называется дебатами об антропоцентризме: споры о том, может ли защитник окружающей среды действовать этично, если ее ценности оправданы применительно к только человеческим благам.

Политическая программа философии окружающей среды требует создания субъекта нового типа, способного заботиться об объекте, потому что он другой. Но из-за своей уникальности каждый диктатор, совершающий геноцид, каждый вирус ВИЧ, каждый химический завод, извергающий отходы, ценен, несмотря на свою разрушительность. Невозможно жить без того или иного способа разрушения, потому что процессы мешают друг другу. Эти примеры чрезвычайно деструктивных тел выявляют проблему с наибольшей остротой. Каждое положение дел уникально, любое изменение в положение дел разрушает это состояние и его абсолютно ценную особенность. Но такое изменение само по себе является процессом, трансформацией положения дел. При трансформации разрушается то, что когда-то было. Создается новое состояние, но условием создания является разрушение старого. Каждое действие навсегда исключает бесчисленное множество других событий, которые могли бы

произойти в противном случае.

Все, что происходит, единично и поэтому абсолютно ценно. Абсолютная ценность дает чувство радости по отношению к самым обыденным элементам существования. Но то, что проходит, также уникально и абсолютно ценно, так что чувство радости сопровождает отношение скорби и печали.

Выживание человека находится под влиянием этой двойной зависимости, потому что человек должен разрушить абсолютно ценные соединения в процессе еды и дыхания. Чтобы остановить это разрушение, человеку пришлось бы прекратить есть и дышать, но это также абсолютно ценные процессы. Итак, покончить с жизнью, чтобы предотвратить разрушение, к которому привело бы дальнейшее существование человека, также является разрушением абсолютно ценного тела.

Практический аспект различий, оценка выгод и вреда, вводит другой порядок морали. Экология, с ее акцентом на взаимозависимости процессов в их порождении и трансформации, обеспечивает базовую основу руководства к практическим действиям: определение того, какие процессы пойдут на благо или навредят человеку.

Ключевым вкладом экологической этики в современное мышление является ее подробный анализ огромного промышленного производства. Оценка выгоды и вреда препятствует контрпродуктивности, близорукости, возникающей из-за сосредоточенности только на собственной пристрастности. Оценка уникальности в ее абсолютном смысле может стать руководством к практическим действиям, если помнить о значимости или весомости каждого действия. Человек ничего не принимает как должное, потому что каждое тело – это вариация, непохожая на любое другое тело. Различие ценно исключительно как помощь в предотвращении недальновидного поведения, которое превращает технологические выгоды в смертельный вред. С экзистенциальной точки зрения жизнь парадоксальным образом одновременно радостна и печальна, потому что активность процессов одновременно созидательна и разрушительна, и то, что разрушается, в абсолютном смысле оценки столь же достойно существования, как и то, что возникает. Этот парадокс радости и печали не исчезает, поэтому установки абсолютной оценки имеют практическую пользу. Напряженность двух сторон парадокса в конечном счете продуктивна, она создает средства, с помощью которых человек оценивает значение перемен.

Заключение

«В этико-экологических дискуссиях, причем не обязательно в рамках противостояния собственно антропоцентризма и нон-антропоцентризма, высказываются опасения, как бы и нон-антропоцентристские программы отношения к природе и объектам природы ни привели к крайности другого рода, то есть к нивелированию места и роли человека в природе. При этом обоснованно отмечается, что человек является единственным фактическим источником происходящих изменений и исключительным субъектом ответственности. Это не только делает его центральным звеном в глобальной экосистеме, но и налагает на него определенные обязанности. Человек оказывается в центре морального мира не потому, что он – высшая ценность, а потому что он – моральный агент. Выходит, что и нон-антропоцентризм, как антропоцентризм, может признавать, что человек – венец природы. Однако, если антропоцентризм предполагает вывод, что природу и следует мерить исходя из этого частного (в био- и экосферном смысле) обстоятельства, то нон-антропоцентризм указывает на то, что привилегированное положение человека не есть основание для нормативных и ценностных

преференций для него. На человеке не просто лежит больше ответственности, только он и несет ответственность. Такое привилегированное положение в моральном мире не должно препятствовать человеку признавать и ценность саму по себе (или внутреннюю ценность) у других живущих на Земле существ и, шире, экосферы. Нон-антропоцентризм, даже признавая то, что человек – венец природы, не признает, что он занимает главенствующее положение в мире и может навязывать миру свои ценности» – пишет Р.Г. Апресян [Апресян, 2010, www].

Это совпадает с точкой зрения Олдо Леопольда, который выдвинул идею этики Земли, расширяющую традиционное представление об этике и о сфере моральной ответственности человека. Если этика в философском смысле, говорит Леопольд, задает границу общественного и антиобщественного поведения, то «этика в экологическом смысле – это ограничение свободы действий в борьбе за существование».

Основные идеи глубинной экологии, разработанные Нессом и его сторонниками, состоят в следующем: а) природа не представляет собой лишь ресурс для эксплуатации ради потребностей человека б) экосфера как система по своей ценности превышает каждую отдельную ее часть; в) успехи и благосостояние человеческой и не-человеческой жизни на Земле ценны сами по себе; г) ценность не-человеческого мира не измеряется его полезностью для человека.

Библиография

1. Апресян Р.Г. Морально-философский смысл дилеммы антропоцентризма и нон-антропоцентризма. URL: https://studylib.ru/doc/2713698/moral_no-filosofskij-smysl-dilemmy-antropocentrizma-i?ysclid=lr3fomdben313024312
2. Деволл Б. Практическая глубинная экология. URL: <https://proza.ru/2010/08/05/1345>
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
4. Калликотт Б. Природоохранные ценности и этика // Гуманитарный экологический журнал. 1999. Т. 1. Вып. 2. С. 40-68.
5. Калликотт Б. Защита природы: ценности и этика. 2007. URL: <http://ecoethics.mrsu.ru/arts/64/>
6. Карсон Р. Безмолвная весна. М.: Прогресс, 1965. 216 с.
7. Леопольд О. Календарь песчаного графства. М.: Мир, 1983. 248 с.
8. Нэсс А. Менталитет будущего // Зеленый лист. 2013. № 3. С. 36-39.
9. Ролстон Х.Ш. Существует ли экологическая этика? // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. 495 с.
10. Сингер П. Жизнь, которую вы можете спасти. М.: Есть смысл, 2018. 224 с.
11. Сингер П. О вещах действительно важных. Моральные вызовы XXI века. М.: Синдбад, 2019. 400 с.
12. Сингер П. Освобождение животных. М.: Синдбад, 2021. 448 с.
13. Торо Г.Д. Уолден, или жизнь в лесу. М., 1962. 240 с.
14. Aikin S.F. The Dogma of Environmental Revelation // Ethics and the Environment. 2008. 13. No. 2. P. 23-34.
15. Carson R. Silent Spring. Boston: Houghton Mifflin, 2002. 378 p.
16. Cheney J. Truth, Knowledge, and the Wild World // Ethics and the Environment. 2005. Vol. 10. No. 2. P. 101-135.
17. Cheney J. Universal Consideration: An Epistemological Map of the Terrain // Environmental Ethics. 1998. Vol. 20. No. 3. P. 265-277.
18. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Minneapolis: Minnesota University Press, 1987. 629 p.
19. Deleuze G., Guattari F. Anti-Oedipus. Minneapolis: Minnesota University Press, 1983. 423 p.
20. Deleuze G., Guattari F. What Is Philosophy? N.-Y.: Columbia University Press, 1994. 256 p.
21. Devall B., Sessions G. Deep Ecology: Living as If Nature Mattered. Salt Lake City: Gibbs M. Smith Inc., 1985. 266 p.
22. Guattari F. Chaosmosis: An Ethico-Aesthetic Paradigm. Indianapolis: Indiana University Press, 1995. 142 p.
23. Guattari F. The Guattari Reader. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 287 p.
24. Guattari F. The Three Ecologies. New York: Continuum, 2008. 96 p.
25. Leopold A. A Sand County Almanac. N.Y.: Ballantine Books, 1970. 48 p.
26. Merleau-Ponty M. Nature: Course Notes from the Collège de France. Evanston: Northwestern University Press, 2003. 313 p.
27. Merleau-Ponty M. The Phenomenology of Perception. N.-Y.: Routledge Press, 1962. 569 p.

28. Merleau-Ponty M. *The Visible and the Invisible*. Evanston: Northwestern University Press, 1968. 338 p.
29. Næss A. *Ecology, Community, and Lifestyle*. New York: Cambridge University Press, 1989. 223 p.
30. Næss A. *Heidegger, Postmodern Theory, and Deep Ecology // Trumpeter*. 1997. Vol. 14. No. 4. P. 2-7.
31. Næss A. *The Selected Works of Arne Næss*. Dordrecht: Springer, 2005. Vols. 1-10.
32. Sessions G. *Ecological Consciousness and Paradigm Change // Deep Ecology*. San Marcos, California: Avant Books, 1984. P. 28-44.
33. Singer P. *Animal Liberation*. N.-Y.: Avon Books, 1977. 484 p.
34. Singer P. *Ethics – Problems of divine origin*. URL: <https://www.britannica.com>
35. Singer P. *The Expanding Circle: Ethics and Sociobiology*. N.-Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1981. 190 p.
36. Uexküll J. von. *The Theory of Meaning // Semiotica*. 1982. Vol. 41. No. 1. P. 25-82.
37. Weinberg J.M. *How to Challenge Intuitions Empirically Without Risking Skepticism // Midwest Studies in Philosophy*. 2007. Vol. 31. P. 318-343.

Some Actual Problems of Ecological Philosophy

Nataliya G. Krotovskaya

Researcher,
Sector of the History of Anthropological Doctrines,
RAS Institute of Philosophy,
109240, b. 1., 12, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

Valentina S. Kulagina-Yartseva

Researcher,
Sector of the History of Anthropological Doctrines,
RAS Institute of Philosophy,
109240, b. 1., 12, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: valentina.yartseva@gmail.com

Abstract

The article discusses current environmental problems in the context of the inevitable industrialization and urbanization of the planet. The most remarkable feature of this situation is the increasing dynamism of changes in natural phenomena caused by human influence. Recently, the rate of change of natural phenomena on earth is quite comparable to the rate of change of social phenomena. There is a rapid blurring of the lines between the natural and the social. This circumstance forces us to fundamentally change many seemingly unshakable ideas in the field of natural sciences, and the previous understanding of the processes of interaction between society and nature is undergoing changes in many ways. In fact, there is a transition from a simplified model in understanding this problem, when the natural environment was considered as an invariant, and the role of a dynamic factor in interaction was assigned only to society, to a more complex and dialectical model, where not only society, but also the natural environment is in a state of mutual change and mobile equilibrium. In this situation, philosophy is also required to change the usual approaches to the consideration of certain phenomena, moving from a purely academic consideration of the usual range of problems to issues directly related to the life and interests of society.

For citation

Krotovskaya N.G., Kulagina-Yartseva V.S. (2023) Nekotorye aktual'nye problemy ekologicheskoi filosofii [Some Actual Problems of Ecological Philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 46-65. DOI: 10.34670/AR.2023.31.90.001

Keywords

Anthropocentrism, biocentrism, activism, pathocentrism, Gaia hypothesis, egocentrism, intrinsic value, reverence, surface ecology, deep ecology.

References

1. Aikin S.F. (2008) The Dogma of Environmental Revelation. *Ethics and the Environment*, 13, 2, pp. 23-34.
2. Apresyan R.G. *Moral'no-filosofskii smysl dilemmy antropotsentrizma i non-antropotsentrizma* [Moral and philosophical meaning of the dilemma of anthropocentrism and non-anthropocentrism]. Available at: https://studylib.ru/doc/2713698/moral_no-filosofskij-smysl-dilemmy-antropotsentrizma-i?ysclid=lr3fomdben313024312 [Accessed 11/11/2023]
3. Callicott B. (1999) Prirodookhrannye tsennosti i etika [Environmental values and ethics]. *Gumanitarnyi ekologicheskii zhurnal* [Humanitarian environmental journal], 1, 2, pp. 40-68.
4. Callicott B. (2007) *Zashchita prirody: tsennosti i etika* [Protecting nature: values and ethics]. Available at: <http://ecoethics.mrsu.ru/arts/64/> [Accessed 11/11/2023]
5. Carson R. (1965) *Bezmolvnaya vesna* [Silent Spring]. Moscow: Progress Publ.
6. Carson R. (2003) *Silent Spring*. Boston: Houghton Mifflin.
7. Cheney J. (2005) Truth, Knowledge, and the Wild World. *Ethics and the Environment*, 10, 2, pp. 101-135.
8. Cheney J. (1998) Universal Consideration: An Epistemological Map of the Terrain. *Environmental Ethics*, 20, 3, pp. 265-277.
9. Deleuze G., Guattari F. (1987) *A Thousand Plateaus*. Minneapolis: Minnesota University Press.
10. Deleuze G., Guattari F. (1983) *Anti-Oedipus*. Minneapolis: Minnesota University Press.
11. Deleuze G., Guattari F. (2010) *Kapitalizm i shizofreniya: Tsyacha plato* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; Moscow: Astrel' Publ.
12. Deleuze G., Guattari F. (1994) *What Is Philosophy?* N.-Y.: Columbia University Press.
13. Devall B. *Prakticheskaya glubinnaya ekologiya* [Deep Ecology: Living as if Nature Mattered]. Available at: <https://proza.ru/2010/08/05/1345> [Accessed 11/11/2023]
14. Devall B., Sessions G. (1985) *Deep Ecology: Living as If Nature Mattered*. Salt Lake City: Gibbs M. Smith Inc.
15. Guattari F. (1995) *Chaosmosis: An Ethico-Aesthetic Paradigm*. Indianapolis: Indiana University Press.
16. Guattari F. (1996) *The Guattari Reader*. Oxford: Blackwell Publishers.
17. Guattari F. (2008) *The Three Ecologies*. New York: Continuum.
18. Leopold A. (1970) *A Sand County Almanac*. N.Y.: Ballantine Books.
19. Leopold A. (1983) *Kalendar' peschanogo grafstva* [A Sand County Almanac]. Moscow: Mir Publ.
20. Merleau-Ponty M. (2003) *Nature: Course Notes from the Collège de France*. Evanston: Northwestern University Press.
21. Merleau-Ponty M. (1962) *The Phenomenology of Perception*. N.-Y.: Routledge Press.
22. Merleau-Ponty M. (1968) *The Visible and the Invisible*. Evanston: Northwestern University Press.
23. Næss A. (1989) *Ecology, Community, and Lifestyle*. New York: Cambridge University Press.
24. Næss A. (1997) Heidegger, Postmodern Theory, and Deep Ecology. *Trumpeter*, 14, 4, pp. 2-7.
25. Næss A. (2013) Mentalitet budushchego [Mentality of the future]. *Zelenyi list* [Green leaf], 3, pp. 36-39.
26. Næss A. (2005) *The Selected Works of Arne Næss*. Dordrecht: Springer. Vols. 1-10.
27. Rolston H. (1990) Sushchestvuet li ekologicheskaya etika? [Is There an Ecological Ethic?]. In: *Global'nye problemy i obshchechelovecheskie tsennosti* [Global problems and universal human values]. Moscow: Progress Publ.
28. Sessions G. (1984) Ecological Consciousness and Paradigm Change. In: *Deep Ecology*. San Marcos, California: Avant Books.
29. Singer P. (1977) *Animal Liberation* N.-Y.: Avon Books.
30. Singer P. *Ethics – Problems of divine origin*. Available at: <https://www.britannica.com> [Accessed 11/11/2023]
31. Singer P. (2010) *O veshchakh deistvitel'no vazhnykh. Moral'nye vyzovy XXI veka* [About things that are really important. Moral challenges of the 21st century]. Moscow: Sindbad Publ.
32. Singer P. (2021) *Osvobozhdenie zhivotnykh* [Animal Liberation]. Moscow: Sindbad Publ.
33. Singer P. (1981) *The Expanding Circle: Ethics and Sociobiology*. N.-Y.: Farrar, Straus and Giroux.

-
34. Singer P. (2018) *Zhizn', kotoruyu vymozhete spasti* [The Life You Can Save]. Moscow: Est' smysl Publ.
  35. Thoreau G.D. (1962) *Uolden, ili zhizn' v lesu* [Walden or Life in the Forest]. Moscow.
  36. Uexküll J. von. (1982) The Theory of Meaning. *Semiotica*, 41, 1, pp. 25-82.
  37. Weinberg J.M. (2007) How to Challenge Intuitions Empirically Without Risking Skepticism. *Midwest Studies in Philosophy*, 31, pp. 318-343.

УДК 339.137.2

DOI: 10.34670/AR.2024.58.16.005

**Процесс внедрения информационных
технологий в государственное и муниципальное
управление: вопросы и решения,
перспективы и проекты**

Губачев Михаил Николаевич

Кандидат философских наук,
Институт химических технологий и инжиниринга,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
450044, Российская Федерация, Уфа, ул. Космонавтов, 12;
e-mail: gubachev_1958@mail.ru

Хабибуллин Алмаз Инсафович

Студент,
Институт химических технологий и инжиниринга,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
450044, Российская Федерация, Уфа, ул. Космонавтов, 12;
e-mail: habibullinalmaz16@gmail.com

Аннотация

Сегодня общественная среда характеризуется спецификой, определяемой потребностью своевременного обновления компонентов новой технологической реальности. В чем заключается такая особенность? Для ответа на этот вопрос не будем затрагивать все составляющие, так как она поликомпонентна. Вычленим один из них – информатизацию, являющуюся стратегией обновления российского общества, ориентированного на вовлечение граждан с их потребностями в социальную действительность. В статье рассматриваются актуальные вопросы введения информационных цифровых технологий в область управления как государственного, так и муниципального. Автор видит решение поставленной проблемы в синергии использования подходов к организации данного процесса: системного, интегративного, цифрового – в подготовке всех участников процесса к работе с информационными технологиями, в том числе к введению цифрового документооборота. В качестве основополагающего условия выступает цифровая культура граждан, способная изменять личность и координировать информационные отношения людей в окружающем мире. Смыслообразующим звеном при этом процессе становятся преобразующие возможности новых цифровых технологий. Перспективность их использования заключена в степени подготовки самих граждан и госструктур к осуществлению такой деятельности через понимание компонентов, уровней, принципов цифровых технологий, определяющих содержание их введения в практику.

Для цитирования в научных исследованиях

Губачев М.Н., Хабибуллин А.И. Процесс внедрения информационных технологий в государственное и муниципальное управление: вопросы и решения, перспективы и проекты // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 66-72. DOI: 10.34670/AR.2024.58.16.005

Ключевые слова

Цифровая культура, информационные технологии, государственное и муниципальное управление, цифровые технологии, цифровой документооборот.

Введение

Современное пространство государственного и муниципального управления позиционирует решение возникающих проблем каждого гражданина, так как «человек уникален, единичен, неповторим» [Адольф, Антипина, Строгова, 2023, 261]. Сегодня общественная среда характеризуется спецификой, определяемой потребностью своевременного обновления компонентов новой технологической реальности. В чем заключается такая особенность? Для ответа на этот вопрос не будем затрагивать все составляющие, так как она поликомпонентна. Вычленим один из них – информатизацию, являющуюся стратегией обновления российского общества, ориентированного на вовлечение граждан с их потребностями в социальную действительность.

Основная часть

Такой процесс определяет целью принятие во внимание и удовлетворение разных стремлений граждан через возможности участия в культурной, в том числе цифровой, и общественной жизни, уменьшение числа исключенных из процесса информатизации или тех, кто охвачен этим процессом, но не входит в него активно. Сложность реализации задач заключена в неоднородности состава по уровню их «цифрового развития». Однако оправданность выстраивания такого процесса в условиях муниципалитета и государства в целом позволит существенно сократить процессы «технологического выпадания» и будет способствовать расширению доступности цифровой адаптации, напрямую на сегодняшний день связанной с социальной. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что эффективность бурно развивающихся новейших технологий сферы ИТ (искусственного интеллекта, Big data, интернета вещей и др.) принципиальным образом зависит от качества реализации базовых технологий, которым теория уделяет недостаточное внимание.

Особое место проблематики базовых информационных технологий в государственном и муниципальном управлении обусловлено целым рядом важнейших факторов. Под воздействием новых технологий меняются формы экономической деятельности: она во все большей степени становится цифровой. Сбор, накопление, хранение и обработка информации уже превратилась в новую индустрию, в структуре экономики сложился мощный информационный сектор, охватывающий потоки информации, накопленные знания, информационные услуги, сетевые платформы (в иной терминологии – цифровые платформы, ЦП), который растет быстрее, чем экономика в целом. Быстро увеличивается доля

трудоспособного населения, занятого в информационной сфере. Так, уже пятнадцать лет назад было понятно, что «в США до 80% занятого населения трудится в сфере, связанной с переработкой информации». Потребовались большие изменения в документальной базе [Игошина, 2020]. К концу 2022 года общее количество занятых в ИТ-отрасли сотрудников в России составило 761 тыс. человек, что на 12% больше, чем годом ранее. Об этом 17 апреля 2023 года в ходе парламентских слушаний «Совершенствования правовых и организационных механизмов подготовки ИТ-специалистов» заявил замглавы Минцифры РФ Максим Паршин. По его словам, в российской ИТ-отрасли наблюдается «поступательный рост». Как отметил Паршин, в 2022 году уровень зарплат ИТ-специалистов вырос на 19%. Это больше, чем в среднем по экономике, добавил заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ [Рынок труда в России, www].

Бесспорно, электронная связь порождает новые формы общения как профессионального, так и межличностного. Мобильные телефонные устройства, сеть Интернет и связанные с этим технологии стали ведущим средством коммуникации и массовой информации, основной системой телекоммуникации и важнейшим информационным ресурсом для многих стран мира. Так, сети и мессенджеры, например, WhatsApp, Telegram, трансформируют модели общения людей. Нельзя не замечать очевидных вещей: «Проникновение информационных технологий (ИТ) во все сферы общественной жизни меняет общество, которое переходит на качественно новую ступень развития» [Морозова, 2023, 5].

Повышается эффективность бизнес-процессов, снижая роль географических и временных факторов. Ускоряются коммуникации, формируют новые способы создания стоимости. Благодаря распространению мобильных устройств, технологиям искусственного интеллекта, обработки больших данных, интернета вещей, облачных вычислений цифровые технологии применяются во многих сферах деятельности. Платформы электронной коммерции, наиболее заметны Amazon, Alibaba, eBay, изменяют механизмы торговли. Платформы совместного пользования, вроде Uber, Lyft произвели революцию в обмене товарами и услугами, обеспечили потребителей доступом к активам вместо необходимости владения ими. Количественные изменения всегда переходят в качественные, цифровые платформы, в силу своего доминирующего положения в экономике, во все большей степени становятся политическими акторами, действующими не только в пределах стран пребывания, но и в международном масштабе.

Поисковые системы Google, Яндекс предоставляют субъектам почти мгновенный доступ к огромным базам информации.

Конечно, деятельность платформ сопровождается рисками и угрозами: конфиденциальность персональных данных, манипулирование участниками и отраслями экономики, сферами деятельности и т.д. В связи с этим назрела необходимость гибкой регуляторной политики в отношении информационных технологий и формирования соответствующей институциональной среды.

Процесс информатизации общества по своей сути является далеко не чисто техническим, но важнейшим социальным процессом, последствия которого, не только позитивные, но и негативные, еще по-настоящему не осознаны и не изучены. Структуры практически любой профессиональной деятельности становятся информационно насыщенными и высокотехнологичными. Массовое применение новых технических средств и информационных технологий кардинальным образом изменяет процедуры принятия решений, содержание

деятельности государственных и муниципальных служащих, даже стиль и образ жизни громадного большинства населения Земного шара. Высочайшая степень автоматизации, роботизации, использования искусственного интеллекта, Big data, интернета вещей, а в недалекой перспективе и киборгизации, к которой стремится современное общество, ставит его в опасную зависимость от используемых им информационных технологий, от которых, в свою очередь, зависит благополучие и даже жизнь множества людей.

Вместе с тем, современная научная и учебная литература в большей степени насыщены тематикой роботизации, использования искусственного интеллекта, Big data, интернета вещей, в ущерб традиционным базовым технологиям, на которых и строятся указанные новейшие информационные подходы, алгоритмы и методики. Понятно, что «выбор конкретного программного решения в государственном и муниципальном управлении представляет актуальную проблему. Это требует значительных финансовых затрат и специального составления технического задания» [Иванов, Коробова, 2021, 10]. В то же время и эти базовые технологии претерпевают значительные изменения, проистекающие из появления новых аппаратных средств, новых возможностей запоминающих устройств, колоссального, невиданного ранее увеличения быстродействия телекоммуникационных каналов, процессоров, серверов, иной компьютерной техники.

Заключение

Цель исследования заключается в совершенствовании базовых информационных технологий, используемых в сфере государственного и муниципального управления.

Объектом исследования являются автоматизированные системы органов государственного и муниципального управления, государственных унитарных предприятий.

Предмет исследования – закономерности разработки и использования информационных технологий в сфере государственного и муниципального управления.

Научная новизна проведенного исследования заключается в следующем:

- уточнено понятие информации, циркулирующей в сфере государственного и муниципального управления;
- с позиций сферы государственного и муниципального управления систематизированы известные концепции и теоретические подходы к исследованию феномена информации (синтаксические, семантические, прагматические, энергетические);
- осуществлена систематизация научных представлений содержания информации, об элементах, содержащих информацию, и способах их сочетания;
- систематизированы доступные авторам представления, касающиеся свойств и видов информации, а также источниках возникновения управленческой информации, которые представляются наиболее важными с позиций государственного и муниципального управления;
- обосновано авторское уточненное понятие информационной технологии, используемой в сфере государственного и муниципального управления;
- дана авторская трактовка структурированного представления об информационной базе, а также лингвистического обеспечения применительно к автоматизированным системам в сфере государственного и муниципального управления;

- исследована сущность сбора (получения) информации, оценка информации, а также передачи, накопления, хранения, обработки и выдачи (представления) информации как информационных процессов, из которых складываются информационные технологии в сфере государственного и муниципального управления;
- раскрыта сущность и виды информационных потоков в сфере государственного и муниципального управления, а также методы их исследования и оптимизации;
- исследованы инструментальные средства компьютерных технологий информационного обслуживания управленческой деятельности в сфере ГМУ.

Вопрос об уровне готовности граждан к жизни в новой цифровой реальности определяется сочетанием факторов, характеризующими разные его уровни и стороны, и аккумулируется в том случае, если человек сам является активным субъектом процесса и становится в позицию активного пользователя новыми технологиями [Козлов, Гиршон, Веремеенко, 2006, 57]. Добавим, что при введении людей в мир цифры такое понимание цели становится квазиактуальным. Обозначим компоненты, маркирующие такой показатель:

- аксиологический компонент – понимание стратегии через организацию процесса, где доминантой становится понимание такого рода проблем;
- мотивационный компонент – выстраивание работы через составляющую, способную повлиять на инициацию в деятельности;
- когнитивный компонент – представление о существующих проблемах и достижениях в науке и цифровой практике;
- рефлексивный компонент – развитые умения самооценки и самоанализа в осуществлении информационной деятельности и полученного результата в рамках вхождения в новую цифровую реальность.

Так, все изложенные позиции постигаются не только в теории, но и в практической деятельности в муниципалитетах республики. Для этого изучают успешный опыт российских городов в обозначенной плоскости на сайтах и других электронных площадках. Учитывая названные подходы и изученный опыт, активно используются технологии в работе с решением различных вопросов.

Библиография

1. Адольф В.А., Антипина Е.А., Строгова Н.Е. Воспитательный аспект проблемы взаимодействия между учащимися поколениями z и педагогами // Педагогика. 2023. № 1. Т. 87. С. 5-15.
2. Иванов В.В., Коробова А.Н. Государственное и муниципальное управление с использованием информационных технологий. М., 2021. 383 с.
3. Игошин Д.Р. О цифровой трансформации в государственном секторе // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 8. С. 29-35.
4. Ковалев Д.В. Стратегии, инструменты и технологии цифровизации экономики. Ростов-на-Дону, Таганрог, 2020. 224 с.
5. Козлов В.В., Гиршон А.Е., Веремеенко Н.И. Интегративная терапия. СПб.: Речь, 2006. 286 с.
6. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru>
7. Морозова О.А. Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении. М.: Юрайт, 2023. 142 с.
8. Муковнин М.А. Информационное обеспечение публичного управления в условиях цифровизации: дис. ... канд. экон. наук. Курск, 2021. 203 с.
9. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 (ред. от 31 марта 2021 г.).

10. Панкратов А.А. Влияние ИТ-кластеров на социально-экономическое развитие регионов России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2021. 193 с.
11. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам.
12. Рынок труда в России. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>
13. Титоренко Г.А. (ред.) Информационные системы и технологии управления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 591 с.
14. Ушакова О.А. Критерии управления устойчивым развитием в условиях модернизации экономики. Новосибирск, 2011. 80 с.
15. Хорунжий А.Г. Антропологические проблемы информационной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2008. № 3. С. 6.

The process of information technology implementation to the state and municipal administration: issues and solutions, prospects and projects

Mikhail N. Gubachev

PhD in Philosophy,
Institute of Chemical Technologies and Engineering,
Ufa State Petroleum Technological University,
450044, 12, Kosmonavtov str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gubachev_1958@mail.ru

Almaz I. Khabibullin

Student,
Institute of Chemical Technologies and Engineering,
Ufa State Petroleum Technological University,
450044, 12, Kosmonavtov str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: habibullinalmaz116@gmail.com

Abstract

Today, the social environment is characterized by specifics determined by the need for timely updating of the components of the new technological reality. What is this feature? To answer this question, we will not touch on all components, since it is multicomponent. Let's single out one of them, informatization, which is a strategy for updating Russian society, focused on involving citizens with their needs in social reality. The article deals with topical issues of the introduction of digital information technologies in the field of management, both state and municipal. The author sees the solution to this problem in the synergy of using approaches to the organization of this process: systemic, integrative, digital – in preparing all participants of the process to work with information technologies, including the introduction of digital document management. The fundamental condition is the digital culture of citizens, capable of changing the personality and coordinating the information relations of people in the world around them. The meaning-forming link in this process is the transformative possibilities of new digital technologies. The prospects of their use lie in the degree of preparation of citizens and government agencies themselves to carry out such activities through an understanding of the components, levels, principles of digital technologies that determine the content of their introduction into practice.

For citation

Gubachev M.N., Khabibullin A.I. (2023) Protsess vnedreniya informatsionnykh tekhnologii v gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie: voprosy i resheniya, perspektivy i proekty [The process of information technology implementation to the state and municipal administration: issues and solutions, prospects and projects]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 66-72. DOI: 10.34670/AR.2024.58.16.005

Keywords

Digital culture, information technologies, state and municipal management, digital technologies, digital document management.

References

1. Adolf V.A., Antipina E.A., Strogova N.E. (2023) Vospitatel'nyi aspekt problemy vzaimodeistviya mezhdou uchashchimisya pokoleniyami z i pedagogami [Educational aspect of the problem of interaction between students of generations z and teachers]. *Pedagogika* [Pedagogy], 1, 87, pp. 5-15.
2. Igoshin D.R. (2020) O tsifrovoy transformatsii v gosudarstvennom sektore [On digital transformation in the public sector]. *Voprosy ustoichivogo razvitiya obshchestva* [Issues of sustainable development of society], 8, pp. 29-35.
3. Ivanov V.V., Korobova A.N. (2021) Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie s ispol'zovaniem informatsionnykh tekhnologii [State and municipal management using information technologies]. Moscow.
4. Khorunzhii A.G. (2008) Antropologicheskie problemy informatsionnoi bezopasnosti [Anthropological problems of information security]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. International relationships], 3, p. 6.
5. Kovalev D.V. (2020) Strategii, instrumenty i tekhnologii tsifrovizatsii ekonomiki [Strategies, tools and technologies for digitalization of the economy]. Rostov-na-Donu, Taganrog.
6. Kozlov V.V., Girshon A.E., Veremeenko N.I. (2006) Integrativnaya terapiya [Integrative therapy]. St. Petersburg: Rech' Publ.
7. Ministerstvo tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsii Rossiiskoi Federatsii [Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation]. Available at: <https://digital.gov.ru> [Accessed 11/11/2023]
8. Morozova O.A. (2023) Informatsionnye tekhnologii v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii [Information technologies in state and municipal administration]. Moscow: Yurait Publ.
9. Mukovnin M.A. (2021) Informatsionnoe obespechenie publichnogo upravleniya v usloviyakh tsifrovizatsii. Doct. Dis. [Information support of public administration in the conditions of digitalization. Doct. Dis.]. Kursk.
10. Ob utverzhenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Informatsionnoe obshchestvo»: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 313 (red. ot 31 marta 2021 g.) [On approval of the state program of the Russian Federation "Information Society": Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 313 (as amended on March 31, 2021)].
11. Pankratov A.A. (2021) Vliyanie IT-klastero v na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov Rossii. Doct. Dis. [The influence of IT clusters on the socio-economic development of Russian regions. Doct. Dis.]. Moscow.
12. Pasport natsional'nogo proekta «Natsional'naya programma «Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii»: utverzhen prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nym proektam [Passport of the national project "National Program "Digital Economy of the Russian Federation": approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects].
13. Rynok truda v Rossii [Labor market in Russia]. Available at: <https://www.tadviser.ru/index.php/> [Accessed 11/11/2023]
14. Titorenko G.A. (ed.) (2017) Informatsionnye sistemy i tekhnologii upravleniya [Information systems and management technologies]. Moscow: YuNITI-DANA Publ.
15. Ushakova O.A. (2011) Kriterii upravleniya ustoichivym razvitiem v usloviyakh modernizatsii ekonomiki [Criteria for managing sustainable development in the context of economic modernization]. Novosibirsk.

УДК 101.1

DOI: 10.34670/AR.2024.48.30.006

Философское осмысление феномена биоэтики

Измайлова Джамиля Ибрагимовна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Донецкий национальный университет экономики и торговли,
283050, Российская Федерация, Донецк, ул. Щорса, 31;
e-mail: jamilyushka@yandex.ru

Данное исследование проведено в рамках реализации финансируемой госбюджетной научно-исследовательской тематики «Экомир и социокультурные проблемы современности: концептуальное пространство экофилософии во взаимодействии фундаментального и прикладного в пространстве общества знаний» (FRRZ-2023-0003) (заключение комиссии РАН №142023/1023030700034-5-6.3.1)

Аннотация

Данное исследование посвящено определению содержания биоэтики как междисциплинарной науки в контексте социальной философии, а также в установлении ее философских истоков. Методологический каркас исследования составляют следующие методы: логико-философского анализа; эмпирического уровня, типологии, синтеза и обобщения. Основные результаты исследования можно обобщить в следующем выводе: современная биоэтика – это не просто качественно новый уровень философского познания жизни и ее дальнейшего сохранения в масштабах планеты, но и основополагающая часть новой биософии – философии, ориентированной на приоритет жизни, при чем не только в биологическом смысле, но и в философско-культурологическом измерении. Очевидно, что сегодня биоэтика приобретает особый научный и социально-культурный статус, являясь комплементарной не только биополитике и биомедицинскому праву, но и философии и религии. В предметное поле биоэтики как междисциплинарной области знаний вошли проблемы не только биомедицинских исследований значения жизни в судьбе человеческой цивилизации, но и философского осмысления деятельности людей. Таким образом, в предметную область биоэтики сегодня входит куда более широкий спектр феноменов, чем чисто медицинские. Сегодня биоэтика – это не только качественно новый уровень философского познания жизни и ее дальнейшего сохранения в масштабах планеты, но и новая биософия.

Для цитирования в научных исследованиях

Измайлова Д.И. Философское осмысление феномена биоэтики // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 73-81. DOI: 10.34670/AR.2024.48.30.006

Ключевые слова

Биоэтика, жизнь, этика жизни, природа, философия, гуманизм.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена, в первую очередь, тем фактом, что в научном дискурсе до сих пор не существует однозначного определения феномена биоэтики и содержания ее проблемного поля. В связи с этим в разных областях знания по-разному интерпретируют задачи биоэтики, походя к их решению с точки зрения медицинских, философских, религиозных, нравственных и этико-правовых оснований, главным недостатком которых является незавершенность разработки единой и целостной концепции биоэтики как системы знаний. Именно поэтому возникает необходимость если не привести все существующие подходы к некоему (пусть даже условному) единству, то хотя бы выявить связь этих подходов с философией, установив тем самым социально-философские истоки современной биоэтики как междисциплинарной науки.

Цель: рассмотреть и концептуализировать содержание биоэтики как междисциплинарной науки в контексте социальной философии; установить и проанализировать философские истоки зарождения современной биоэтики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд исследовательских *задач*:

- изучить и проанализировать генезис и эволюцию термина «биоэтика», а также его содержательное наполнение в контексте междисциплинарного подхода;
- проанализировать идейные истоки биоэтики в различных философских и мировоззренческих системах;
- проследить и выявить основные идеи биоэтики в русской философии;
- установить основные философские и этические принципы современной биоэтики.

Теоретико-методологической базой данного исследования стали труды известных отечественных и зарубежных ученых, среди которых нужно выделить фундаментальные исследования Огурцова А.П., Хрусталева Ю.М., Юдина Б.Г., а также работы Поттера В.Р., Сасса Х.-М., Хеллегерса А., Яра Ф. Методологический каркас данного исследования составляют следующие методы и принципы: метод логико-философского анализа (позволил раскрыть сущность исследуемого явления); методы эмпирического уровня использовались для оценки текущей ситуации по исследуемой проблеме и анализа трудов ученых, занимавшихся аналогичными исследованиями. Методы типологии, синтеза и обобщения применялись для обеспечения системного исследования основных идей и выводов о содержании биоэтики как научной дисциплины.

Элементами авторской новизны данного исследования можно считать обобщение главных философских принципов, лежащих в гуманистическом фундаменте биоэтики как глобальной этики, а также определение базовых этических традиций, лежащих в ее основе. К элементам новизны также следует отнести авторскую коннотацию термина «биософия», существенно расширяющем имеющиеся биософские программы.

Основная часть

Возникновение биоэтики во второй половине XX-го века стало закономерным результатом сложных, и порой противоречивых, процессов социального взаимодействия не только в диалогичной системе «врач-пациент», но и на значительно более глобальном уровне Человек-Общество-Природа. Являясь по сути продуктом западного общества, биоэтика, в том числе и медицинская, заняла прочные позиции в российском научном пространстве.

Являясь междисциплинарной наукой, сформированной на базе ряда естественных наук,

---

юриспруденции и гуманной философии, биоэтика неразрывно связана с учением о морали и нравственности. Безусловно, в первую очередь, речь идет о морально-нравственной стороне взаимоотношений в системе «врач – пациент», морально-правовых основаниях биомедицинских исследований, об этике справедливости распределения ресурсов и возможностей современного здравоохранения. Как указывает Хрусталеv Ю.М.: «Под наукой биоэтикой понимается не некая биологическая этика как прикладная этика в области биологии, а особая междисциплинарная область естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, духовно-виртуально-нравственных ценностей, охватывающих широкий круг философско-этических проблем, вызванных ныне к жизни бурным развитием научных, биологических, медицинских и социально-гуманитарных дисциплин» [Хрусталеv, 2012, 6-15].

Однако отметим, что, став своеобразным продолжением медицинской этики и деонтологии, биоэтика является продуктом социально-философского осмысления проблем сохранения жизни. В связи с этим, Хрусталеv Ю.М. утверждает: «Она <биоэтика> стала результатом кардинальных изменений в общественной среде и индивидуальной жизни и деятельности людей. Ее содержание рассматривается в контексте обновления и гуманизации философии, которые характерны для постклассической науки и биотехнологии» [Хрусталеv, 2013, 8].

Принято считать, что сам термин «биоэтика» впервые появился в 60-70-х гг. прошлого столетия в работах американского биохимика В.Р. Поттера, а вскоре, но независимо от него, в трудах А. Хеллегерса. Нужно отметить, что концепции обоих авторов имели существенные различия в своей сути. Согласно представлениям Поттера, биоэтика – это, прежде всего, новая философия, призванная объединить биологию, экологию, медицину и человеческие ценности [Potter, 1970]. В свою очередь для Хеллегерса ядром биоэтики были этические проблемы, порождаемые научно-техническим прогрессом в области здравоохранения и медицины [Hellegers, 1971]. Для того, чтобы утвердить оригинальность своей концепции В.Р. Поттер в дальнейшем говорит о развитии глобальной биоэтики. Говоря о содержании биоэтики сам В.Р. Поттер в свое время писал: «Я выбрал корень bio для обозначения биологического знания, науки о живом, и ethics для символического обозначения системы человеческих ценностей» [Potter, 1970, 6]. При этом, важно отметить, что современное западноевропейское понимание биоэтики слишком сузилось в контексте проблем биомедицины и биотехнологий. Таким образом, сегодня куда большее распространение получает актуализация биоэтики, в первую очередь, как медицинского феномена, что очевидно противоречит изначальному конституированию содержания биоэтики Поттером. В пользу этого вывода выступает ряд исследователей, прямо указывая: «...биоэтика столкнулась с опасностью того, что исходная широкая концепция Поттера будет сведена к одной лишь медицинской этике» [Muzur, Rincic, 2012, 169]. Однако, в отличие от западной парадигмы развития биоэтики, ориентированной в основном на индивидуалистическую модель, где акцент смещается на проблемы, возникающие в рамках биотехнологий и защиты прав и свобод личности, развитие биоэтики в России ориентировано не только на учет социальных интересов, но и в фокусе внимания имеет те этические проблемы, которые выходят за рамки биомедицинских исследований.

Исследования профессора Х.-М. Сасса (Германия, Рурский университет) позволяют со всей определенностью утверждать, что термин «биоэтика» появился практически за полвека до исследований В.Р. Поттера, а именно в 1920-х годах XX века в работах протестантского священника Фрица Яра [Sass, 2007, 1-33]. Его статья под названием «Био-этика» (именно так, через дефис) вышла в 1927 году в журнале «Космос», в ней он конституировал биоэтику как «принятие этической ответственности по отношению не только к людям, но и ко всем живым

существом» [Fritz, 2013, 77]. Идеиные источники понимания и толкования биоэтики Ф. Яром лежат в исследованиях Ф. Шлеймахера, И.Г. Гердера, К.Кр.Ф. Краузе. В соответствии с утверждениями Краузе, необходимо уважать любое живое существо как таковое и не разрушать его без цели, поскольку, по его мнению, и растения, и животные, наравне с людьми, наделены равными (но не идентичными) правами, необходимыми для реализации своего природного предназначения [Krause, 1874, 255]. Из этого определения следует, что основополагающие принципы биоэтики восходят к принципам классического гуманизма, а основной ее задачей, следовательно, становится ориентация человека на идеи гуманной философии, осознания собственной ответственности за построение универсальной модели мира, в котором бы главенствовали принципы гармоничного *со-действия* (курсив автора) между обществом и природой.

Таким образом, трактуя биоэтику не в узком медицинском смысле, а экстраполируя ее содержание в философскую плоскость, перед нами встанут вопросы, выходящие далеко за рамки чисто медицинской этики, требующие философского осмысления вопросов не только антропоцентрических, но и вопросов отношения к биосфере в целом [Измайлова, 2022, 503-506]. Очевидно, что понимание биоэтики Ф. Яром содержательно близко к пониманию В.Р. Поттера, его интерес сосредоточен на этике отношения человека ко всему живому.

Отметим, что подобные идеи не являются оригинальными или принципиально новыми, их истоки заложены в религиозных традициях буддизма и индуизма, текстах Франциска Ассизского и апостола Павла. В таком разрезе современная биоэтика наиболее сопряжена с философско-этической концепцией А. Швейцера, основная идея которой выражается в принципе «благоговения перед жизнью». В своих трудах А. Швейцер писал, что любое духовное бытие связано с природным, т.е. благоговение перед жизнью может быть отнесено как к духовным, так и природным явлениям, а преклонение перед природной (естественной) жизнью влечет за собой и преклонение перед жизнью духовной [Schweitzer, 1964, 180-194].

Идеи биоэтики как глобального этического мировоззрения зародились, пожалуй, в философии буддизма и их можно связать с основополагающим принципом буддизма – принципом ахимса – непричинение зла всему живому. В эпоху Античности первые идеи биоэтики можно проследить в идеях Пифагора, представлявшего философскую школу анимистов, основным тезисом которых было утверждение доброго отношения к животным (и всему живому) как основы нравственного поведения человека. Представители философии витализма, в частности, Аристотель имели противоположную анимистам точку зрения, утверждая, что связь между душой и телом отсутствует. Отметим, что философия витализма впоследствии заглушила нравственные императивы Пифагора и анимистов, которые возродились лишь к XIII веку под влиянием аквинцев и доминиканцев. Эпоха Средневековья ознаменовалась этическими учениями Франциска Ассизского, философия которого характеризовалась любовью к природе и единству человека со всем живым. Величайшими философами эпохи Возрождения с биоэтическим мировоззрением можно уверенно назвать Томаса Мора и Мишеля Монтеня, по утверждению которых, человек связан не только с животными, поскольку те имеют жизнь и разум, но и с растениями. В эпоху Просвещения все больше философов прониклись и распространяли идеи биоцентризма, среди которых стоит, в первую очередь, выделить Вольтера и Ж.-Ж. Руссо.

Исследования социально-философских истоков биоэтики в русской философской мысли связаны с именем А.П. Огурцова, изучавшего оригинальные направления русской философии конца XIX – начала XX-го века, непосредственно связанные с этикой жизни. В одной из своих

работ А.П. Огурцов пишет: «...термин «биоэтика» указывает на то, что она ориентируется на исследования живых существ независимо от того, находят ли они свое применение в терапии или нет» [Огурцов, 1994, 49], т.е. А.П. Огурцов, сходно с Ф. Яром, конституирует широкое понимание биоэтики, распространяя его на всю русскую этическую мысль и называя «этикой жизни», для которой характерно понимание жизни как фундаментальной ценности. На основании такой коннотации термина «биоэтика», им было выделено два направления в русской философской мысли, касающихся «этики жизни»: первое направление – это идеи, которые заимствованы из философско-религиозных источников, второе – вытекает из достижений естественных наук. Каждое из выделенных направлений соотносится с именами русских мыслителей и философов, имеющих разные взгляды на исследуемую проблему. Например, космистская этика всеединства, разработанная В. Соловьевым, а также идеи Н. Бердяева, С. Булгакова и Н. Федорова берут свое начало в идеях Русской Православной Церкви, «живая этика» Н. Рериха и «космическая этика» К. Циолковского неразрывно связаны с идеями буддизма [Юдин, 2018, 227]. Второе направление связано с именами Николая Умова и Петра Кропоткина. Критикуя неокантианское ограничение этики исключительно нравственными поступками личности и нравственными отношениями между людьми, Н. Умов сохранял ориентацию на естествознание и утверждал, что «величественная задача гения человечества – охранение, утверждение жизни на земле» [Умов, 1916, 162]. В попытке выработать свою версию этики жизни П. Кропоткин, находясь под большим влиянием эволюционной теории Ч. Дарвина, выдвинул идею этики альтруизма, согласно которой эволюция происходит не столько за счет борьбы за существование и естественного отбора, сколько за счет взаимной помощи. В своей работе «Взаимная помощь как фактор эволюции» он писал: «помимо закона Взаимной Борьбы в природе существует закон Взаимной помощи, который для прогрессивной эволюции видов играет более важную роль» [Кропоткин, 1907, 1].

Ключевой идеей биоэтики в русской философской мысли можно считать идею Л.Н. Толстого, высказанную им в работе «Путь жизни» еще в 1910 году (т.е. задолго до появления системных представлений о биоэтике): «Не убий относится не к человеку только, но и ко всему живому. Заповедь эта была записана в сердце человека прежде, чем она была записана на скрижалях» [Толстой, 1936, 52]. Тем самым, биоэтика в понимании русской философской мысли включает в себя этические регулятивы отношения ко всему живому и ориентируется на исследование живых существ, по выражению А.П. Огурцова «для нее характерно прежде всего осознание самоценности жизни, нравственное освящение жизни как фундаментальной ценности» [Огурцов, 1994, 49].

Понимание и определение феномена биоэтики в русской философии XX-го века неразрывно связано с именем И.Т. Фролова. Его понимание биоэтики состояло в преодолении отрыва этической составляющей от непосредственного научного исследования, т.е. этика науки не должна рассматриваться изолированно от общества, а исключительно в социальном контексте. Именно в этом ракурсе философские принципы биоэтики обретают сегодня особую актуальность и значимость. Оригинальность и актуальность философского подхода И.Т. Фролова обусловлена тем, что, определяя предметное поле биоэтики он объединяет фундаментальные и жизнеобразующие принципы целостности, универсальности и уникальности человека. Это стало не только новым пониманием способов взаимодействия философии и науки, но и важным механизмом преодоления биоэтических проблем, вызванных игнорированием наукой сложности и неповторимости человека, рассмотрения его лишь в качестве расчлененного объекта или человеко-функции [Фролов, 2001, 45-46]. Ставшие

привычными, обыденными и даже до некоторой степени понятными сегодня слова и понятия «глобальные проблемы», «глобальная этика», «биоэтика» родились в нашей стране много позже, нежели сама социальная философия. Заслуга И.Т. Фролова заключается в том, что он не просто заложил основы нового направления – биоэтики, как глобальной интегративной этики науки, но и сформулировал ее основную идею, постулирующую соединение разума с гуманностью, как единственный путь сохранения человека и человечества.

Продолжателем идей И.Т. Фролова и единомышленником в философском осознании феномена биоэтики стал Б.Г. Юдин. Он указывает, что биоэтика выступает не просто как наука, но и как область поиска общеприемлемых решений, куда вовлекаются представители не только смежных областей научного знания, но и юристы, теологи, священнослужители и рядовые представители гражданского общества. В результате их совместной деятельности создается не только новое знание, но и вырабатываются этические рекомендации о возможности его реализации и применения, а отсюда биоэтику можно считать и сводом правил, сродни категорическому императиву Канта или биоэтическому императиву Ф. Яра. В своих многочисленных исследованиях он акцентирует внимание на том, что само слово «биоэтика», имея греческие корни, звучит дословно как «этика жизни» и именно представители русской философской школы разработали ряд перспективных подходов к глобальной и интегративной биоэтике, выходя за пределы чисто медицинских исследований и этических проблем, связанных с ними.

Примечательно, что в условиях современной реальности и имеющихся цивилизационных вызовов, подход к пониманию биоэтики Фролова и Юдина остается весьма актуальным, поскольку он все еще опережает степень социального осознания вызовов современности и отставание морали от технологического могущества человечества, когда прогресс науки и прогресс оружия идут шаг в шаг. Исходя из подобного трактования, современная биоэтика является ничем иным, как фундаментом для формирования новой биософии – философии, ориентированной на приоритет жизни, при чем не только в биологическом смысле, но и в философско-культурологическом измерении.

Проанализировав идейные истоки биоэтики в историко-персонологическом ракурсе, можем сделать вывод, что, во-первых, философские истоки биоэтики можно найти в различных философских традициях; во-вторых, биоэтика как таковая является весомой точкой роста философского знания.

Опираясь на проделанное исследование, можно сделать следующие обобщенные выводы.

В основе современной биоэтики, как глобальной интегральной теоретической этики, лежат два важнейших философских принципа:

1. принцип благоговения перед жизнью, согласно которому любая форма жизни имеет абсолютную ценность, наделяя всех живущих существ равными правами;

2. принцип внутреннего единства человека и прочих форм живого, формирующий и постулирующий ответственность человека за сохранение жизни.

Оба этих принципа составляют гуманистический фундамент биоэтики, и наряду с ними, автор считает необходимым выделить в качестве фундаментальных для биоэтики такие этические традиции как:

- деонтология – в контексте этики долга;
- телесность – в контексте этики заботы о теле и его здоровье;
- утилитаризм – в контексте этики достижения наибольшего блага для наибольшего числа людей.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что сегодня биоэтика приобретает особый научный и социально-культурный статус, являясь комплементарной не только биополитике и биомедицинскому праву, но и философии и религии. В предметное поле биоэтики как междисциплинарной области знаний вошли проблемы не только биомедицинских исследований значения жизни в судьбе человеческой цивилизации, но и философского осмысления деятельности людей.

Таким образом, в предметную область биоэтики сегодня входит куда более широкий спектр феноменов, чем чисто медицинские. Сегодня биоэтика – это не только качественно новый уровень философского познания жизни и ее дальнейшего сохранения в масштабах планеты, но и новая биософия.

Библиография

1. Измайлова Д.И. Вопросы гендерного самоопределения в проблемном поле биоэтики: социально-философский аспект // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 503-506.
2. Кропоткин П.М. Взаимопомощь как фактор эволюции. СПб.: Знание, 1907. С. 1.
3. Огурцов А.П. Этика жизни или биоэтика: аксиологические альтернативы // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 49.
4. Толстой Л.Н. Путь жизни // Полное собрание сочинений. М., 1936. Т. 45. С. 52.
5. Умов Н.А. Собрание сочинений. М., 1916. Т. 3. С. 162.
6. Фролов И.Т. О науке // Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. М.: Наука, 2001. С. 45-46.
7. Хрусталева Ю.М. Биоэтика. Философия сохранения жизни и сбережения здоровья. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. 400 с.
8. Хрусталева Ю.М. Новая этика современной жизнедеятельности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 1 (17). С. 6-15.
9. Юдин Б.Г. Человек: выход за пределы. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 472 с.
10. Fritz J. Three studies on the fifth commandment. 1934 // Essays in Bioethics 1924-1948. Lit.Verl. Munster, 2013. P. 77.
11. Hellegers A. Bioethics Center Formed // Chemical and Engineering News. 1971. No 7 (11 Oct.). P. 52-78
12. Krause K. Das System der Rechtsphilosophie. Leipzig, 1874. P. 255.
13. Muzur A., Rincic I. Fritz Jahr: On how he had discovered bioethics and how bioethicists have discovered him // Fritz Jahr and the foundations of global bioethics. Lit Verlag Munster, 2012. P. 169.
14. Potter R. Bioethics: The Science of Survival // Perspectives in Biology and Medicine. 1970. No 14. P. 127-153.
15. Sass H.-M. Fritz Jahr's Bioethischer Imperativ // 80 Jahre Bioethik in Deutschland von 1927 bis 2007. Medizinethische Materialien. 2007. 175. P. 1-33.
16. Schweitzer A. The Ethics of Reverence for Life // Clark H. The Philosophy of Albert Schweitzer. L., 1964. P. 180-194.

Philosophical reflection of the phenomenon of bioethics

Dzhamilya I. Izmailova

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Donetsk National University of Economics and Trade,
283050, 31, Shchorsa str., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: jamilyushka@yandex.ru

Abstract

This study is devoted to determining the content of bioethics as an interdisciplinary science in the context of social philosophy, as well as establishing its philosophical origins. The methodological framework of the study consists of the following methods: logical and philosophical analysis; empirical level, typology, synthesis and generalization. The main results of the study can be summarized in the following conclusion: modern bioethics is not just a qualitatively new level of philosophical knowledge of life and its further preservation on a planetary scale, but also a fundamental part of the new biosophy, a philosophy focused on the priority of life, and not only in the biological sense, but also in the philosophical and cultural dimension. It is obvious that today bioethics is acquiring a special scientific and socio-cultural status, being complementary not only to biopolitics and biomedical law, but also to philosophy and religion. The subject field of bioethics as an interdisciplinary field of knowledge includes problems not only of biomedical research into the meaning of life in the fate of human civilization, but also of philosophical understanding of human activity. Thus, the subject area of bioethics today includes a much wider range of phenomena than purely medical ones. Today, bioethics is not only a qualitatively new level of philosophical knowledge of life and its further preservation on a planetary scale, but also a new biosophy.

For citation

Izmailova D.I. (2023) Filosofskoe osmyslenie fenomena bioetiki [Philosophical reflection of the phenomenon of bioethics]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 73-81. DOI: 10.34670/AR.2024.48.30.006

Keywords

Bioethics, life, ethics of life, nature, philosophy, humanism.

References

1. Fritz J. (2013) Three studies on the fifth commandment. 1934. In: *Essays in Bioethics 1924-1948*. Lit. Verl. Munster.
2. Frolov I.T. (2001) O nauke [About science]. In: *Akademik Ivan Timofeevich Frolov. Ocherki. Vospominaniya. Izbrannye stat'i* [Academician Ivan Timofeevich Frolov. Essays. Memories. Selected articles]. Moscow: Nauka Publ.
3. Hellegers A. (1971) Bioethics Center Formed. *Chemical and Engineering News*, 7 (11), pp. 52-78
4. Izmailova D.I. (2022) Voprosy gendernogo samoopredeleniya v problemnom pole bioetiki: sotsial'no-filosofskii aspekt [Issues of gender self-determination in the problematic field of bioethics: social and philosophical aspect]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 8 (171), pp. 503-506.
5. Khrustalev Yu.M. (2013) *Bioetika. Filosofiya sokhraneniya zhizni i sberezheniya zdorov'ya* [Bioethics. The philosophy of preserving life and preserving health]. Moscow: GEOTAR-Media Publ.
6. Khrustalev Yu.M. (2012) Novaya etika sovremennoi zhiznedeyatel'nosti [New ethics of modern life]. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya* [Humanitarian: current problems of humanities and education], 1 (17), pp. 6-15.
7. Krause K. (1874) *Das System der Rechtsphilosophie*. Leipzig.
8. Kropotkin P.M. (1907) *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii* [Mutual assistance as a factor of evolution]. St. Petersburg: Znanie Publ.
9. Muzur A., Rincic I. (2012) Fritz Jahr: On how he had discovered bioethics and how bioethicists have discovered him. In: *Fritz Jahr and the foundations of global bioethics*. Lit Verlag Munster.
10. Ogurtsov A.P. (1994) Etika zhizni ili bioetika: aksiologicheskie al'ternativy [Ethics of life or bioethics: axiological alternatives]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 3, p. 49.
11. Potter R. (1970) Bioethics: The Science of Survival. *Perspectives in Biology and Medicine*, 14, pp. 127-153.
12. Sass H.-M. (2007) Fritz Jahr's Bioethischer Imperativ. *80 Jahre Bioethik in Deutschland von 1927 bis 2007. Medizinethische Materialien*, 175, pp. 1-33.
13. Schweitzer A. (1964) The Ethics of Reverence for Life. In: Clark H. *The Philosophy of Albert Schweitzer*. London.

-
14. Tolstoy L.N. (1936) Put' zhizni [The Path of Life]. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow. Vol. 45.
  15. Umov N.A. (1916) *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow. Vol. 3.
  16. Yudin B.G. (2018) *Chelovek: vykhod za predely* [Man: going beyond limits]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2024.32.42.007

Духовно-нравственные аспекты интегрирования цифровых технологий в социально-управленческой деятельности

Аторин Роман Юрьевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Государственный университет управления,
109542, Российская Федерация, Москва, Рязанский пр., 99;
e-mail: romanos-85@yandex.ru

Докукин Константин Юрьевич

Аспирант,
Государственный университет управления,
109542, Российская Федерация, Москва, Рязанский пр., 99;
e-mail: kodooff@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются духовно-нравственные аспекты жизнедеятельности, трансформируемые под воздействием развивающихся цифровых технологий, и принципы использования цифровизации в социальной и управленческой деятельности. В центре внимания находится духовно-нравственный потенциал человека, как особо значимый в качестве основного фундамента личности. Рассматривая влияние цифровизации на образование единого мирового виртуального пространства (со своими культурными нормами), выделяются особенности использования цифровых технологий в социально-управленческой деятельности, которые выступают детерминантами формирования духовно-нравственных ценностей современных людей, осуществляющих взаимодействия в социальных системах. Сегодня формируется множество цифровых форм деятельности, которые обуславливают возникновение как новых перспектив для развития общества, так и определенных проблемных зон, требующих внимания со стороны представителей социально-управленческих сфер. Результатами исследования является то, что цифровые технологии создают особую виртуальную реальность, приводя тем самым к изменениям в систему духовно-нравственных ценностей современного общества, в силу чего происходит переосмысление личностных ценностей. В перспективе такая трансформация духовно-нравственных аспектов может привести к переоценке общемировых ценностей и сформировать новые подходы к осуществлению социально-управленческой деятельности с помощью цифровых технологий.

Для цитирования в научных исследованиях

Аторин Р.Ю., Докукин К.Ю. Духовно-нравственные аспекты интегрирования цифровых технологий в социально-управленческой деятельности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 82-88. DOI: 10.34670/AR.2024.32.42.007

Ключевые слова

Цифровые технологии, духовно-нравственные аспекты, ценности, управленческая деятельность, общество, государство, виртуальная реальность.

Введение

Особенностью современного мира является масштабность интегрирования цифровых технологий во все сферы деятельности, осуществление глобализационных процессов, обусловленных воздействием виртуального пространства вследствие чего происходит трансформация духовно-нравственных аспектов личности [Прончев, 2022а, 2022б]. Государство и общество сегодня тесно связано с цифровыми технологиями, которые детерминируют духовно-нравственные позиции граждан. При этом деятельность социально-управленческих институтов трансформируется под воздействием процессов цифровизации, задавая при этом векторы развития общества на следующие десятилетия.

Основная часть

Рассмотрением духовно-нравственных ценностей занимались такие исследователи, как Н.А. Бердяев, И.В. Киреевский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Б.Г. Ананьев, В.М. Бехтерев, А. Камю, Э. Фромм, Л. Фестингер, Э. Гидденс, Л.П. Киященко, А.В. Лубский, В.И. Моисеев, Е. Князева и др. [Казанцева, Ивентьев, 2021]. Сегодня трансформация духовности и нравственности в связи с интегрированием цифровых технологий изучается представителями различных наук, такими авторами, как Д.Б. Казанцева, которая видит в духовно-нравственном потенциале возможность сохранения родовой и ментальной силы [там же]; Г.Ф. Гараева [Великая, Гребняк, 2023], рассматривающая позитивные и негативные тенденции, вызванные трансформацией права и нравственности в эпоху цифровизации; Н.И. Джегутанова, которая видит в духовно-нравственном потенциале личности стремление к самосовершенствованию [Джегутанова, 2007]; М.А. Антипов, считающий, что влияние информатизации и цифровизации на сознание современного человека меняет его мышление [Антипов, 2023]; Н.М. Великая, обосновывающая, что современным гражданам необходимо владеть новыми навыками и расширять практики взаимодействия с цифровой средой [Великая, Гребняк, 2023] и т.д. Обобщая взгляды различных ученых на духовно-нравственные ценности, можно сказать, что под ними подразумеваются культурные, социальные, религиозные и человеческие установки личности и ядро идентичности, детерминирующие общественное поведение и сознательную деятельность [Казанцева, Ивентьев, 2021].

Духовно-нравственный потенциал личности является результатом, воспитания и взаимодействия ее с социумом. Как отмечают некоторые исследователи, современная социокультурная обстановка подвергается изменениям в связи с масштабным интегрированием цифровых технологий, переводя большинство коммуникаций в виртуальное пространство [Молчан, 2019]. Виртуальные социальные взаимодействия, происходящие в цифровом мире, разрушают прежние стереотипы и ценности, и формируют новые поведенческие шаблоны и актуализируя иные ценности. Данный процесс имеет проблемные перспективы, связанные с

дальнейшим изменением духовно-нравственных ценностей.

Духовно-нравственный потенциал базируется на ментальности, раскрываясь через самореализацию благодаря культурному коду и этапам прогрессивного развития. Поскольку под воздействием цифровых технологий в жизнь государства и общества происходит трансформация социально-управленческой деятельности, претерпевают изменения и духовно-нравственные ценности граждан. Многие исследователи видят проблему в наличии противоречия между тремя сторонами современных взаимодействий: осуществлением социально-управленческой деятельности, русской цивилизационной культурой и глобальными процессами и ценностями иных цивилизационных культур [Казанцева, Ивентьев, 2021].

Изменения духовно-нравственных аспектов во многом обусловлены происходящим смещением социокультурных сфер, в результате чего российский менталитет с его ценностями и установками смещается с привычных позиций [Сорокина, 2023]. Сегодня происходит не только трансформация русской цивилизационной культуры, но и других мировых культур, в чем значительную роль играет широкое внедрение цифровых технологий. В России с переходом к рыночной модели экономики и интегрированием цифровых технологий во все сферы жизни наблюдается резкий скачок трансформации духовно-нравственных принципов. Если ранее российскому менталитету были близки ценности Родины, общества, семьи, бескорыстие и альтруизм, то сегодня в основном наблюдается преследование личных интересов, стремление к максимальному извлечению выгоды и «самореализации». В результате формирования единого мирового виртуального пространства национальные культурные нормы стираются, обогащаясь элементами других культур и традиций.

Активное использование цифровых технологий в социально-управленческой деятельности имеет свои особенности, поскольку возникают детерминанты трансформации духовно-нравственных ценностей. Возникает целый ряд проблем, которые ранее не приходилось разрешать [Молохович, 2023]. Различные аспекты влияния интегрирования цифровых технологий в жизнь государства и общества на духовно-нравственные установки представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Влияние цифровых технологий на духовно-нравственные установки граждан

	Положительные перспективы	Проблемные зоны
Трансформация духовно-нравственных установок личности	<p>Доступность виртуализированного диалогического взаимодействия:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Высокий уровень развития когнитивной сферы диалогического взаимодействия – Раскрытие эмоциональной стороны личности, выделение ее самости – Большой круг интересов, расширение кругозора – Возможность мгновенного доступа к неограниченному количеству ресурсов – Наличие условий для развития и обучения личности, приобретения 	<ul style="list-style-type: none"> – Разрушение стереотипов коммуникаций и ценностей социальных систем – Утрата способности налаживать отношения – Неуверенность и замкнутость, уход в виртуальное пространство – Быстрая смена ценностей, нежелание заниматься в одной деятельностью, частая смена профессий – Преваляирование мнимых ценностей – Информационная дезадаптированность, отсутствие необходимости развития логического и критического мышления – Утрата духовно-нравственных ценностей реального мира – Ослабление реальной диалогизации

	Положительные перспективы	Проблемные зоны
	новых друзей и единомышленников.	<ul style="list-style-type: none"> – Погружение в виртуальный мир фантомов мифологических объектов. – Подмена реальных ценностей «мнимыми» – Непонимание ценности добра, уход в мир зла – Демонизация сознания – Уничтожение нравственных установок
Применение цифровых технологий в социально-управленческой деятельности	<ul style="list-style-type: none"> – Формирование доступной и понятной системы муниципальных интернет-платформ и сервисов для вовлечения граждан в принятие управленческих решений. – Создание системы оказания различного рода социальных услуг. – Развитие цифровых каналов взаимодействия граждан с органами местного самоуправления 	<ul style="list-style-type: none"> – Недостаток цифровых компетенций у работников социально- управленческих сфер. – Необходима разработка и реализация новых моделей управления различного уровня власти. – Необходимо создание и своевременное обновление интернет-платформ и мобильных приложений, позволяющих гражданам и бизнесу осуществлять свою деятельность и взаимодействие с властью

Интеграция цифровых технологий в жизнь государства и общества и использование их в социально-управленческой деятельности способствует формированию концепции «сервисного государства», которая тесно связана с моделью «электронного государства» [Шинкарецкая, 2019]. В формате «сервисного государства» возможно развитие духовно-нравственных аспектов в виде социальной и политической активности граждан, их ответственности за текущее состояние государства и будущие поколения. Развитие сервисного государства «предполагает развитие сферы государственных публичных услуг, коммуникативных технологий их контроля и планирования, целевую спецификацию информации в соответствии с запросами потребителей, а также развитие различных пользовательских информационных сервисов среды Интернет» [Майоров и др., 2019]. Чтобы указанные функции эффективно осуществлялись, современные социальные и управленческие системы должны быть гибкими, способными удовлетворять запросы и интересы граждан, а также вести конструктивный диалог.

Сегодня практически все социально-управленческие процессы имеют аналог ценностно-содержательной информации в цифровом формате, что повышает их доступность для широкого круга заинтересованных лиц, однако они доступны исключительно в виртуальном интернет-пространстве. Информация является базовой ценностью виртуального пространства, что влечет за собой формирование мнимых ценностей, поскольку актуальные духовно-нравственные ценности формируются в реальном социальном пространстве, в процессе диалогического взаимодействия на поведенческом уровне. Сложность формирования адекватных духовно-нравственных аспектов заключается в том, что цифровое пространство, предлагая множество моделей поведения, не может создать условия для их реализации, помещая данные модели исключительно в когнитивно-эмоциональную сферу. Духовно-нравственная сфера современного человека, осуществляющего свою социальную деятельность в Интернете, недополучает практический опыт поведения, что обедняет ее соучастие во взаимодействии, происходящем в реальности. К тому же возможность осуществлять коммуникации с помощью цифровых технологий под вымышленным именем провоцирует людей, имеющих склонность к асоциальному поведению, к совершению противоправных действий, что способствует деформации духовно-нравственных принципов, принятых в обществе. Происходит перенос фантомного образа в реальный мир, что сказывается на реальных отношениях в обществе [Молчан, 2019].

Заключение

Таким образом, сегодня наблюдается изменение духовно-нравственных аспектов под воздействием интегрирования цифровых технологий в жизнь государства и общества. В целом использование цифровых технологий в социально-управленческой деятельности предполагает улучшение качества работы структур власти и учреждений социальной сферы, повышение гражданской активности населения, увеличение ответственности чиновников и граждан.

Исходя из вышесказанного, представляется важным формирование активного гражданского самосознания у населения для вовлечения его в процесс социально-управленческой деятельности. Учитывая, что все более увеличивающийся информационный поток несет синергетический эффект, который может привести как к непредсказуемым проблемам, так и к активному развитию духовно-нравственных качеств личности, добиться гармоничного развития общества возможно совместными усилиями и координацией взаимодействия структур социально-управленческой деятельности с населением. Это положительно образом скажется на перспективе дальнейшего развития государства. В любом случае, новая виртуальная реальность вносит принципиальные изменения в смысл социокультурных коммуникаций, в результате чего происходит переоценка мировых ценностей, изменяя социальную и культурную системы социума.

Библиография

1. Антипов М.А. Человек в информационном обществе: социально-феноменологический аспект // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 3. С. 122-132.
2. Великая Н.М., Гребняк О.В. Развитие человеческого потенциала в условиях цифровой трансформации в современной России // Вопросы управления. 2023. № 2 (81). С. 33-44.
3. Гараева Г.Ф., Терентьев И.А. Право и нравственность: особенности взаимосвязи в эпоху цифровой трансформации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 9. С. 126-129.
4. Дзегутанова Н.И. Потенциал личности как основа духовно-нравственного воспитания будущего учителя // Преподаватель XXI век. 2007. № 2. С. 170-175.
5. Казанцева Д.Б., Ивентьев С.И. Духовно-нравственный потенциал личности в политической сфере современной России // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21. № 1. С. 78-95.
6. Майоров А.В. и др. Цифровые технологии в управленческой деятельности: философско-антропологический и прикладной аспекты // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2019. № 1. С. 34-47.
7. Молохович М.В. Цифровизация управленческой деятельности: приоритеты и перспективы // Тенденции экономического развития в XXI веке. Ч. 1. Мн., 2023. С. 308-311.
8. Молчан Э.М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // Современные философские исследования. 2019. № 2. С. 55-66.
9. Сорокина С.Г. Дискурс потребления как инструмент формирования современных ценностей // Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики. М.: Языки Народов Мира, 2023. С. 210-217.
10. Прончев Г.Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Ч. 1 // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 6. С. 47-57.
11. Прончев Г.Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Ч. 2 // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7. С. 47-56.
12. Шинкарецкая Г.Г. Цифровизация – глобальный тренд мировой экономики // Образование и право. 2019. № 8. С. 119-123.

Spiritual and moral aspects of the integration of digital technologies in social and managerial activities

Roman Yu. Atorin

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
State University of Management,
109542, 99, Ryazanskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: romanos-85@yandex.ru

Konstantin Yu. Dokukin

Postgraduate,
State University of Management,
109542, 99, Ryazanskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kodooff@yandex.ru

Abstract

The article examines the spiritual and moral aspects of life transformed under the influence of developing digital technologies, and the principles of using digitalization in social and managerial activities. The focus is on the spiritual and moral potential of a person, as particularly significant as the main foundation of personality. Considering the impact of digitalization on the formation of a single global virtual space (with its own cultural norms), the features of the use of digital technologies in social and managerial activities are highlighted, which act as determinants of the formation of spiritual and moral values of modern people interacting in social systems. Today, many digital forms of activity are being formed, which cause the emergence of both new prospects for the development of society and certain problem areas that require attention from representatives of socio-managerial spheres. The results of the research are that digital technologies create a special virtual reality, thereby bringing changes to the system of spiritual and moral values of modern society, which is why there is a rethinking of personal values. In the future, such a transformation of spiritual and moral aspects may lead to a reassessment of global values and form new approaches to the implementation of social and managerial activities using digital technologies.

For citation

Atorin R.Yu., Dokukin K.Yu. (2023) Dukhovno-nravstvennye aspekty integrirovaniya tsifrovoykh tekhnologii v sotsial'no-upravlencheskoi deyatel'nosti [Spiritual and moral aspects of the integration of digital technologies in social and managerial activities]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 82-88. DOI: 10.34670/AR.2024.32.42.007

Keywords

Digital technologies, spiritual and moral aspects, values, management activities, society, state, virtual reality.

References

1. Antipov M.A. (2023) Chelovek v informatsionnom obshchestve: sotsial'no-fenomenologicheskii aspekt [Man in the information society: socio-phenomenological aspect]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 11, 3, pp. 122-132.
2. Dzhegutanova N.I. (2007) Potentsial lichnosti kak osnova dukhovno-nravstvennogo vospitaniya budushchego uchitelya [Personal potential as the basis for the spiritual and moral education of a future teacher]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century], 2, pp. 170-175.
3. Garaeva G.F., Terent'ev I.A. (2022) Pravo i nravstvennost': osobennosti vzaimosvyazi v epokhu tsifrovoi transformatsii [Law and morality: features of the relationship in the era of digital transformation]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social sciences], 9, pp. 126-129.
4. Kazantseva D.B., Ivent'ev S.I. (2021) Dukhovno-nravstvennyi potentsial lichnosti v politicheskoi sfere sovremennoi Rossii [Spiritual and moral potential of the individual in the political sphere of modern Russia]. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya* [Humanitarian: current problems of humanitarian science and education], 21, 1, pp. 78-95.
5. Maiorov A.V. et al. (2019) Tsifrovye tekhnologii v upravlencheskoi deyatelnosti: filosofsko-antropologicheskii i prikladnoi aspekty [Digital technologies in management activities: philosophical, anthropological and applied aspects]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University], 1, pp. 34-47.
6. Molchan E.M. (2019) Vliyaniye tsifrovizatsii na formirovaniye dukhovno-nravstvennykh tsennostei sub"ektov vzaimodeistviya v epokhu globalizatsii [The influence of digitalization on the formation of spiritual and moral values of subjects of interaction in the era of globalization]. *Sovremennyye filosofskie issledovaniya* [Modern philosophical studies], 2, pp. 55-66.
7. Molokhovich M.V. (2023) Tsifrovizatsiya upravlencheskoi deyatelnosti: priority i perspektivy [Digitalization of management activities: priorities and prospects]. In: *Tendentsii ekonomicheskogo razvitiya v XXI veke. Ch. 1* [Trends in economic development in the 21st century]. Minsk.
8. Pronchev G.B. (2022) Stanovleniye elektronno-tsifrovoi tsivilizatsii: klyucheveye ponyatiya. Ch. 1 [The formation of electronic-digital civilization: key concepts. Part 1]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 6, pp. 47-57.
9. Pronchev G.B. (2022) Stanovleniye elektronno-tsifrovoi tsivilizatsii: klyucheveye ponyatiya. Ch. 2 [The formation of electronic-digital civilization: key concepts. Part 2]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 7, pp. 47-56.
10. Shinkaretskaya G.G. (2019) Tsifrovizatsiya – global'nyi trend mirovoi ekonomiki [Digitalization is a global trend in the world economy]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 8, pp. 119-123.
11. Sorokina S.G. (2023) Diskurs potrebleniya kak instrument formirovaniya sovremennykh tsennostei [Discourse of consumption as a tool for the formation of modern values]. In: *Segodnya i vsegda: aktual'nye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i lingvodidaktiki* [Today and always: current problems of literary criticism, linguistics and linguodidactics]. Moscow: Yazyki Narodov Mira Publ.
12. Velikaya N.M., Grebnyak O.V. (2023) Razvitiye chelovecheskogo potentsiala v usloviyakh tsifrovoi transformatsii v sovremennoi Rossii [Development of human potential in the context of digital transformation in modern Russia]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2 (81), pp. 33-44.

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2024.44.75.008

Парадигма экологической безопасности в глобальном техногенном мире

Иоселиани Аза Давидовна

Доктор философских наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: aza-i@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена концептуальному ядру осмысления цивилизации. Это ядро образуют понятия экологии, гуманизма и безопасности. Особое внимание уделяется проблеме гуманного отношения к миру, ведущего к новым парадигмам и сохранению хрупкого баланса антропо-социо-техно-природного комплекса. Автор статьи аргументирует идею о том, что современные версии гуманизма связаны с экологией, с формированием экологического мышления, совершенствованием экологического образования и усилением экологической безопасности. В работе анализируются факторы и детерминанты, влияющие на экологическую безопасность.

Для цитирования в научных исследованиях

Иоселиани А.Д. Парадигма экологической безопасности в глобальном техногенном мире // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 89-96. DOI: 10.34670/AR.2024.44.75.008

Ключевые слова

Техногенный мир, экология, экологическая безопасность, экологический императив, гуманизм, природа.

Введение

Основа противоречий между взаимодействиями общества техногенного мира и экологии заключается в несоответствии потребностей человека экологическим возможностям биосферы. Это обстоятельство делает важным ответ на вопрос, касающийся приоритетов социального развития: эскалация потребностей, которая в конечном итоге ставит под сомнение само сохранение условий для существования человечества. Оптимальное самоограничение способствовало бы дальнейшему прогрессу и одновременно не нарушало бы зыбкого баланса функционирования антропо-техно-социо-природного комплекса. Ведущий вектор дальнейшего человеческого развития должен выступать в качестве принципа соответствия природного и социального, а деятельность человека должна определяться экологическим императивом, экологическим образованием, а также экологической безопасностью.

Основное содержание

Экологическая сфера оказалась дезинтегрирована наукой и техникой: техника составляет среду обитания современного человека. Внутри этой среды обитания человек живет, мыслит, чувствует, приобретает опыт. Новейшие технологические структуры стали для человека «инородной занозой» вместо того, чтобы быть органом живого целостного организма. Поэтому для человека необходимо формирование новой концептуальной парадигмы, требующей трезвого, более гуманного подхода по отношению к природе. Природа – это сложный организм, с которым человек обязан взаимодействовать так, чтобы не вызывать дисбаланс между потреблением и восстановлением экологии, обретать больше функциональных связей с природой.

На всех этапах эволюции техники и технологии наблюдается явление, носящее название «отчуждения» и характеризующее статус человека в техногенном мире [Ioseliani, 2022, 225-226]. Философское понятие «отчуждение» – многомерно. Оно охватывает мир явлений: разрыв человека с природой, оторванность человека от других людей, оторванность индивидов от результатов своего труда, от общества, от собственности, социально-политических институтов,

Научно-технический прогресс (НТП) многократно умножил возможности человека в отношении освоения природы. Однако грандиозные масштабы преобразовательной деятельности человека привели к антропогенному воздействию на природу. Это воздействие можно сопоставить с самыми крупными природными катаклизмами и чревато необратимыми последствиями, как то: ежегодное вымирание десятков видов растений и животных (и этот процесс невозможно остановить ни с помощью заповедников, ни с помощью искусственного разведения); по причине вырубки, защелачивания почв и захоронения отходов сокращается лесной массив; площадь пустынь увеличивается, а водоемы загрязняются (в океане ежегодно растекается по поверхности миллионы тонн нефти); объем кислорода уменьшается, а общий состав атмосферы ухудшается (выбросы золы, водорода, угля, двуокиси серы и др.). По подсчетам ученых, если все остальные страны доведут свой индустриальный уровень до уровня США, то экосистема не выдержит нагрузки и разрушится.

Таким образом, вопрос «Не погубит ли человек планету?» становится очень животрепещущим. По ответам на этот вопрос все человечество условно разделится на две группы: на тех, кто верит в научно-технический прогресс (в то, что он разрешит все проблемы), и на тех, кто настроен пессимистически. При этом стоит отметить, что природозащитных

движений становится все больше (например, постоянно расширяется движение «зеленых»), появляются организации и комитеты, которые активно претворяют в жизнь программы по охране экологии [Каракo, 2016].

Человек – это часть природы, однако имеет место существование некоторых различий в понимании того, как, какими образом должны быть выстроены отношения человека с миром природы: в первом варианте люди признают первородство и могущество природы, а во втором варианте люди претендуют на статус «венца творения» и на то, что мир является инструментом и объектом для удовлетворения потребностей человека. В третьем варианте люди признают тот факт, что человек является одним из примеров живой материи, обладающей надчеловеческим абсолютным смыслом. Это очень гармонично сочетается с религиями Востока (буддизмом, даосизмом, индуизмом, конфуцианством), которые основаны на гармонии между человеком и природой.

Также, как замечает А.Н. Чумаков, «для западной (техногенной) модели культурно-цивилизационного развития характерно стремление к овладению силами и богатствами природы... Восток же, напротив, ассоциируется с преемственностью культуры, где проявляется тенденция невмешательства в природные процессы. Здесь традиционно доминирует коллективистское начало, в то время как на Западе – индивидуальное; и потому человек на Востоке больше ориентирован на адаптацию, а не на ее преобразование, как это характерно для западного менталитета» [Чумаков, 2021].

Что касается современных вариантов гуманизма, формирующих экологическое мышление, то в европейской ментальности они берут начало в конце XIX века. И только к концу XX века окончательно пришло осознание того, что безопасная экология является формой самоопределения цивилизации.

Экологическому подходу свойственен новый тип мышления, это так называемое «монистическое мышление». Зачатки этого мышления появились благодаря системным исследованиям и методологии системного подхода. Новый тип мышления исходит из того, что объект исследования берется в целостной конкретности в виде иерархически организованной системы.

Данный подход оказался революционным в когнитивной психологии и смежных с ней дисциплинах, таких как лингвистика, искусственный интеллект, символическая логика, эпистемология, а также в других дисциплинах, где изучаются познавательные процессы. То есть пошел процесс цепной реакции, приведши к возникновению программ междисциплинарного характера, исследующих мышление и познание (эпистемологической, когнитивистской и психологической).

В исследованиях мышления «экологический подход» базируется на теоретико-познавательных основаниях.

Старые парадигмы мышления исчерпали себя, показав ограниченность некоторых постулатов, которые содержались в традиционных версиях, а именно: а) изоляция мышления от прочих процессов сознания; б) мыслительные функции и свойства рассматривались в терминах объекта, который ими отображался, при этом субъект оставался за скобками анализа; в) проблемы мышления были в отрыве от практики, от общения, истории и культуры.

Для преодоления вышеуказанных недостатков необходима постановка проблемы мышления на междисциплинарных стыках философского и специально-теоретического подходов. Для стратегии изучения мышления на междисциплинарном уровне характерна направленность на конкретизацию его субъективных и объективных оснований.

«Экологический подход» предполагает, что сущность мышления представляет собой естественный (то есть природный) характер, он является результатом биосоциального развития, фило- и онтогенеза.

Экологический подход отличается прогрессивным характером. Этот подход направлен против редуccionизма (физиологического, механистического, информационного, биологического, социального). Одновременно эта направленность является ограниченной, поскольку она опирается на позитивистско-аналитическую и культурную традицию в философии [Мамедов, 2016].

Экологическому подходу присущ философский редуccionизм, и это ведет к понижению результативности его применения, что связано с недостатками системной методологии. Однако эти недостатки могут быть преодолены посредством синергетического подхода. Время диктует потребность в изменении мышления человека в соответствии с развитием теории самоорганизации.

В контексте цивилизационного развития необходимо выявить зависимость между развитием гуманитарного и индустриального интеллектов; необходимо обеспечить сохранение закона техно-гуманитарного баланса, который зависит от потенциала производственных технологий. Чем он выше, тем совершеннее средства влияния на экологию и меньше агрессивности в борьбе за выживание человечества.

Как замечает А.П. Назаретян, «планетарная цивилизация, которая овладела громадным технологическим потенциалом, может избежать самоистребления только тогда, когда люди успеют вовремя усовершенствовать систему базовых ценностей, норм и механизмов самоорганизации в соответствии с новыми требованиями истории» [Назаретян, 1997, 96]. Эту возможность А.П. Назаретян видит в более широком использовании электронных сетей, «которые освобождают человеческие контакты от пространственных зависимостей» [Назаретян, 1997, 97].

Рассмотрим ряд особенностей нового отношения к миру, ведущего к новым парадигмам мышления.

Во-первых, меняется отношение к природе. Природа уже не рассматривается как кладовая, удовлетворяющая потребности человека.

Во-вторых, это изменение отношения к человеку, его нравственности – насколько она соответствует потребностям современности.

В-третьих, человечество глобализируется, при этом возрастает ценность, а также взаимозависимость отдельных регионов и стран, основой политики является приоритет общечеловеческих ценностей, отвергается насилие.

В-четвертых, нет противопоставления объекта и субъекта.

По мнению А. Печчеи (основателя Римского клуба), экологическое понимание гуманизма должно иметь три базовых начала: любовь к справедливости, нетерпимость к насилию и чувство глобальности [Печчеи, www]

Сегодня гуманизм – это не абстрактное этическое понятие, то есть не важно, что в это понятие вкладывает какой-либо конкретный человек. Это понятие, отражающее передовые разработки науки относительно потенциальной гибели человечества, вернее, разработки путей предотвращения этой гибели. Содержание понятия «гуманизм» раскрывается посредством рассмотрения двух ипостасей: человек – космос, человек – социум.

Целью процесса гуманизации личности является установление гармонии личности и общества, а также установление гармонии природы и личности. Процесс гуманизации не

сводится только к социализации, так как если гуманизация способствует прогрессу, то социализация иногда бывает доминантой деструктивного разрушения личности. Гуманизация может вести к безопасному миру, а социализация – к рождению рисков. Насколько совершенна гуманизация, выявляется тем, насколько отношения открыты качественным изменениям и являются ли они предпосылкой для дальнейшего развития.

Безусловно, общество играет значительную роль в процессе формирования сознания человека.

В XX веке появилось такое понятие, как «гуманистика». Это новый способ познания живого и достижения понимания мира посредством понимания человека. Путем познания в этом случае является эмпатия, то есть человек отождествляется с живым существом и видит мир глазами этого живого существа. Обладая способностью чувствовать за другого, человек получает возможность понимания одушевленности живых существ. И это не поддается логическому объяснению [Олескин, 1992].

В конце XX века понимание гуманизма конкретизировалось в понятиях «диалог», «ненасилие», «образованность».

Современная философия постмодернизма обозначила проблемы безусловных экологических требований глобализации и их противоречие; проблемы экологической однородности мира, которые обусловлены культурной фрагментацией; проблемы микроэкологии, экологического фундаментализма (чему способствовало движение «зеленых») и проблемы экологической экспертократии.

В конечном итоге новое цивилизационное сознание как новая форма экологического сознания и гуманизма изменяет стержневое концептуальное ядро, в котором точкой интенсивности является не человек, а живой космос. Определенная неопределенность и хрупкость существования цивилизации объясняется столкновением естественного и искусственного в среде обитания человека.

Проблема нового гуманизма генетически связана с экологической безопасностью. Экологический гуманизм и экологическая безопасность находятся в отношении взаимообусловленности и детерминации.

Экологический кризис, многочисленные проявления которого указывают на общую дестабилизацию экосистемы планеты, по своему характеру, свойственным ему причинам и сущности является цивилизационным кризисом.

Специфика философского анализа проблем безопасности заключается в том, что посредством логического обобщения конкретных фактов безопасность анализируется как явление, свойственное определенной системе, как результат деятельности политических субъектов, государств, а также изучается процесс деятельности, направленный на достижение целей обеспечения безопасности человека, общества и государства.

Ядро философских проблем экобезопасности заключается в научном решении проблемы, в анализе ключевых факторов, влияющих на экобезопасность, в рассмотрении реальных и возможных экологических угроз для жизни и здоровья людей, их интересов и потребностей, целей, идеалов и прав, современного характера проявлений и возможных трансформаций экологических угроз и опасностей.

Проблемы экологической безопасности усугубляются с развитием промышленности, техники, транспорта, объектов инфраструктуры, постоянно увеличивая антропогенное воздействие на природу и природные экосистемы. Нынешнее состояние экологической безопасности во всем мире вызывает глубокую озабоченность: под угрозой вымирания

находится все живое, включая людей; растут масштабы экологических и техногенных катастроф, появилась опасность экологического терроризма, вызванного процессами глобализации; возникают новые разновидности опасности (даже на генетическом уровне); усиливаются тенденции деградации живого и сокращения биологического разнообразия. Природа не успевает самовосстанавливаться при все возрастающем антропогенном давлении и потреблении.

Экологическая безопасность охватывает такие векторы развития, которые определяют приоритеты экологической политики, вырабатывают принципы, стандарты, средства и методы обеспечения экологической безопасности, стабильности и устойчивого развития.

Экологическая безопасность является частью комплексной многоуровневой социально-техничко-природной системы. Формирование экологической безопасности происходит благодаря объективным процессам – под влиянием различных факторов, таких как внешние и внутренние, политические и экономические, климатические и природные, экологические и техногенные. Эти факторы, в свою очередь, также подвержены влиянию окружающей среды, уровню развития цивилизации и т.д.

Если под понятием «фактор» понимать детерминанту, причину какого-либо процесса, то к факторам обеспечения безопасности экологии от угроз, вызванных антропогенным давлением на окружающую среду, следует отнести те феномены общественной жизни, а также те объективные и субъективные процессы, которые порождают защищенность жизненно важных интересов государства, общества и человека.

В современных условиях развития цивилизации могут возникнуть (или создаваться) реалии социальной жизни, которые вместе с устранением или уменьшением негативного воздействия неблагоприятных факторов, влияющих на экологическую безопасность, могут оказать благоприятное воздействие на охрану окружающей среды или, по крайней мере, сделать возможным более широкое использование имеющихся факторов такого типа. В этом ключе необходимо отметить такие детерминанты, как демографические, социокультурные и психологические.

Таким образом, речь идет о детерминации процесса обеспечения экобезопасности, об анализе субъективных и объективных, негативных и позитивных природных, техногенных и социальных факторов, которые влияют на этот процесс. Кроме того, многие факторы взаимосвязаны, так как, оказывая комплексное влияние на экологическую безопасность, они нередко дублируют друг друга. Тем не менее, определенные факторы могут косвенно влиять и не поддаваться прямому наблюдению и анализу. Такие ситуации затрудняют разработку методов укрепления экологической безопасности и принятия необходимых решений на локальном, региональном, экономическом, политическом и других уровнях.

Заключение

В качестве заключения сформулируем несколько суждений:

Новое цивилизационное сознание изменяет, во-первых, свое концептуальное ядро. Во-вторых, экология выступает в качестве новой формы гуманизма. Точка интенсивности гуманизма сместилась с человека на живой космос. И в-третьих, неопределенность существования цивилизации задается столкновением естественного и искусственного в среде обитания человека.

Экологическая безопасность должна определять приоритеты экологической политики,

вырабатывать четкие принципы, средства и методы обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития через анализ и изучение всех детерминантов, позволяющих прогнозировать будущее экологического развития и формировать новое экологическое мировоззрение.

Библиография

1. Карак П.С. Философия природы: прошлое, настоящее, будущее. Минск: Экоперспектива, 2016. 251 с.
2. Мамедов Н.М. Экологическая концепция культуры: философско-методологические основания // Вестник экологического образования в России. 2016. № 2(80). С. 1-5.
3. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги. // ОНС – Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 96.
4. Олескин А.В. Гуманистика как новый подход к познанию живого // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 149-160.
5. Печчеи А. Человеческие качества. URL: <http://www.rulit.me/books/chelovecheskie-kachestva-read-244874-1.html>.
6. Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный конспект. М.: Проспект, 2021. 496 с.
7. Ioseliani A.D. Global Digital Society and The Problems of Social Adaptation // Philosophical Aspects of Globalization: a Multidisciplinary Inquiry. Series «Russian Philosophy». Leiden, 2022. P. 224-235.
8. Joffe N., Webster F., Shenker N. Support for breastfeeding is an environmental imperative // *Bmj*. – 2019. – Т. 367.
9. Kotler P. Reinventing marketing to manage the environmental imperative // *Journal of marketing*. – 2011. – Т. 75. – №. 4. – С. 132-135.
10. Steiner F. et al. The ecological imperative for environmental design and planning // *Frontiers in Ecology and the Environment*. – 2013. – Т. 11. – №. 7. – С. 355-361.

Paradigm of ecological safety in the global technogenic world

Aza D. Ioseliani

Doctor of Philosophy, Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: aza-i@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the conceptual core of understanding civilization. This core is formed by the concepts of ecology, humanism and security. Particular attention is paid to the problem of a humane attitude towards the world, leading to new paradigms and maintaining the fragile balance of the anthropo-socio-techno-natural complex. The author of the article argues for the idea that modern versions of humanism are associated with ecology, with the formation of environmental thinking, improving environmental education and strengthening environmental safety. The paper analyzes the factors and determinants that influence environmental safety.

For citation

Ioseliani A.D. (2023) Paradigma ekologicheskoi bezopasnosti v global'nom tekhnogenom mire [Paradigm of ecological safety in the global technogenic world]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 89-96. DOI: 10.34670/AR.2024.44.75.008

Keywords

Technogenic world, ecology, environmental security, environmental imperative, humanism, nature.

References

1. Chumakov A.N. (2021) *Metafizika globalizatsii. Kul'turno-tsivilizatsionnyi konspekt* [Metaphysics of globalization. Cultural and civilizational summary]. Moscow: Prospekt Publ.
2. Ioseliani A.D. (2022) Global Digital Society and The Problems of Social Adaptation // *Philosophical Aspects of Globalization: a Multidisciplinary Inquiry. Series «Russian Philosophy»*. Leiden, pp. 224-235.
3. Joffe, N., Webster, F., & Shenker, N. (2019). Support for breastfeeding is an environmental imperative. *Bmj*, 367.
4. Karako P.S. (2016) *Filosoftya prirody: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Philosophy of nature: past, present, future]. Minsk: Ekoperspektiva Publ.
5. Kotler, P. (2011). Reinventing marketing to manage the environmental imperative. *Journal of marketing*, 75(4), 132-135.
6. Mamedov N.M. (2016) Ekologicheskaya kontseptsiya kul'tury: filosofsko-metodologicheskie osnovaniya [Ecological concept of culture: philosophical and methodological foundations]. *Vestnik ekologicheskogo obrazovaniya v Rossii* [Bulletin of environmental education in Russia], 2(80), pp. 1-5.
7. Nazaretyan A.P. (1997) Sinergetika v gumanitarnom znanii: predvaritel'nye itogi [Synergetics in humanities: preliminary results]. *ONS – Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [ONS – Social Sciences and Modernity], 2, p. 96.
8. Oleskin A.V. (1992) Gumanistika kak novyi podkhod k poznaniyu zhivogo [Humanistics as a new approach to the knowledge of living things]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 11, pp. 149-160.
9. Pechchei A. *Chelovecheskie kachestva* [Human qualities]. Available at: <http://www.rulit.me/books/chelovecheskie-kachestva-read-244874-1.html> [Accessed 16/12/2023].
10. Steiner, F., Simmons, M., Gallagher, M., Ranganathan, J., & Robertson, C. (2013). The ecological imperative for environmental design and planning. *Frontiers in Ecology and the Environment*, 11(7), 355-361.

УДК 141.3

DOI: 10.34670/AR.2024.27.21.021

Философия банка и философия банковской деятельности**Зубов Вадим Владиславович**

Кандидат исторических наук,
доцент Департамента политологии,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: zubov305@yandex.ru

Ивлев Виталий Юрьевич

Доктор философских наук, профессор,
завкафедрой философии факультета социальных и гуманитарных наук,
Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана;
профессор Департамента гуманитарных наук,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: vitalijivlev@yandex.ru

Осеledчик Михаил Борисович

Доктор философских наук,
профессор департамента гуманитарных наук,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;
профессор кафедры философии,
Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана,
105005, Российская Федерация, Москва, 2-я Бауманская ул., 5;
e-mail: fobos3000@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований («Этносоциальная идентичность на стыке культур в изменяющейся социальной реальности на постсоветском пространстве»), проект № 21-511-07002».

Аннотация

В данной статье рассматривается разница концептов философия банка» и «философия банковской деятельности» и анализируются основные вопросы, исследуемые философией банковской деятельности как частью философии экономики. В статье дается анализ банковской деятельности как онтологического и гносеологического с точки зрения философии феномена. Философия банковской деятельности рассматривается как новое самостоятельное направление, как раздел философии экономики, помогающий выявить подлинные реальные социокультурные основания и противоречия, лежащие в природе

банковской деятельности и провоцирующие в конечном счете мировые финансово-экономические кризисы со всеми их негативными последствиями для человечества в целом. Таким образом, различение концептов «философия денег», «философия хозяйства», «философия банка» и «философия банковской деятельности» позволяет выделить философию банковской деятельности как самостоятельную концепцию – как особый раздел философии экономики и, соответственно, социальной философии. Актуальность создания такой концепции очевидна: она дает возможность по-настоящему понять глубинные причины тех проблем, которые неизбежно возникают в ходе банковской деятельности и постоянно провоцируют мировые финансово-экономические кризисы, несущие столько неприятных последствий для обычных людей.

Для цитирования в научных исследованиях

Зубов В.В., Ивлев В.Ю., Оселедчик М.Б. Философия банка и философия банковской деятельности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 97-107. DOI: 10.34670/AR.2024.27.21.021

Ключевые слова

Банковская деятельность, банки, философия банка, философия банковской деятельности, экономическая философия.

Введение

Банковская деятельность – это сложный экономический и социокультурный, динамически развивающийся и функционирующий феномен, а банк и банковская система как проявления и реальная институционализация этого феномена – системообразующие социальные институты, напрямую зависимые от существующих властных структур общества и их целей и установок и от конкретной исторически сложившейся стадии общественного экономического развития и состояния экономики и культуры конкретного государства и мировой экономики в целом.

По аналогии с философией экономики мы утверждаем, что философия банковской деятельности – это анализ основных концепций, идей и принципов банковского дела, его исторически сложившихся и эволюционирующих форм и механизмов.

Следовательно, основные проблемы философии банковского дела это:

- сущность человека в процессе создания благ в рамках банковской деятельности – антропологический анализ;
- проблемы экономического пространства и времени в банковской деятельности – онтологический анализ;
- подлинные цели создания материальных и духовных благ в рамках банковской деятельности – когнитивный анализ,
- внутреннее устройство банка и его деятельности – структурные базовые элементы и связи между ними, их системный анализ;
- анализ банка и банковской системы как по необходимости кооперативной структуры, устанавливающей кооперативные связи и вырабатывающей соответствующую этим связям организацию и координацию элементов – синергетический анализ;
- выявление реальных закономерностей, механизмов и форм процессов создания материальных и духовных благ в банковском секторе – феноменологический анализ;

- определение способов управления процессом создания благ (прямые и обратные связи внутри системы) – прагматический анализ;
- выявление основных источников информации для функционирования банка как системы – информационный анализ;
- анализ банковской деятельности как семиотической системы;
- иерархичность строения банковской структуры экономики.

Философия банковского дела изучает:

- те реальные скрытые философские и мировоззренческие основания, на которых действительно базируется банковское дело, его подлинные цели и задачи, используемые им методы;
- этнокультурные, религиозные, этические, психологические и региональные основания и детерминируемые ими особенности структуры и принципов функционирования банков;
- фундаментальные тенденции развития и закономерности банковской деятельности;
- объективное и субъективное в банковской деятельности;
- этические, культурные, личностные, когнитивные, аксиологические, прагматические и логические аспекты банковской деятельности;
- реальные закономерности денежного обращения как способа идеального обмена;
- процесс развития и трансформации денег как социокультурного феномена и социоэкономического института;
- роль личности, ее потребностей и интересов в возникновении, развитии и функционировании банковской деятельности, банков и банковских систем;
- проблемы соотношения банковской деятельности с реальными экономическими и социокультурными процессами;
- специфику банков как самоорганизующихся систем с функцией самопостроения для решения проблемы эффективной адаптации банковской деятельности для реализации удовлетворения изменяющихся во времени и появляющихся новых потребностей общества и экономики и для решения реальных экономических и социальных задач, детерминируемых этими потребностями, при условии соблюдения своих интересов в плане получения прибыли и иных предпочтений;
- синергетические эффекты в банковской деятельности;
- роль банков, их систем и их деятельности в обществе;
- проблемы моральной ответственности банков перед обществом.

С точки зрения философии банковская деятельность – это квинтэссенция обмена благами и услугами, который сложился в процессе исторической эволюции общества, превратившись в конечном счете в динамическую нелинейную систему кредитно-денежных отношений, без которых немислимо и невозможно существование современного общества. Одна из важных форм такого обмена – отношение займодавца и заемщика, поскольку в практически в любые времена с возникновения института собственности люди что-то занимали и одалживали друг у друга, давали в долг и возвращали долги, договаривались о сроках и способах возврата долга и о санкциях в случае невозврата, и о бонусе займодавца. Потом в определенной своей части эти отношения между физическими лицами превратились в кредитование, стороны которого могли по-прежнему быть физическими лицами или уже некоторыми организациями разных форм. Собственно говоря, исторически это и стало зародышем возникновения элементов банковской деятельности, а потом появления банков и банковских систем.

Говоря о банковской деятельности, мы обязательно должны разделять ее понимание как онтологического феномена - банковская деятельность как самостоятельный сложный социокультурный процесс, субстанциальной основой которого являются банки как экономические институты, связанные в сложную систему – и одновременно с этим как феномена гносеологического – как науку о банковской деятельности. В сферу интересов философии банковской деятельности, естественно, входят оба указанных нами феномена.

В первом случае исследовательской областью философии банковской деятельности, во-первых, являются философские основания и философские аспекты собственно банковского дела и история его возникновения и развития, формы и механизмы, сами банки как онтологические объекты и объединяющие их сложноконфигурированные системы а, во-вторых, влияние специфических когнитивных (философских, логических и социокультурных) установок акторов банковской деятельности на выбор вариантов организации банка как социального института и принципы ведения его деятельности и возникновения на этой базе банковской системы.

Во втором случае областью исследования философии банковской деятельности становятся идеи и закономерности становления банковской деятельности как научной дисциплины во всем многообразии ее исторически сложившихся многообразных идей и концепций.

Предметом нашего исследования в первую очередь выступает именно философский онтологический и феноменологический анализ социокультурных, логических, антропологических и философских оснований реальной деятельности банка и принципов ее организации.

Именно поэтому особое внимание с точки зрения парадигмы современной постнеклассической науки мы в первую очередь должны уделить скрытым социокультурным и личностным факторам, объективно влияющим на формы и механизмы осуществления банковской деятельности. Для пояснения этой мысли мы приведем очень яркую цитату:

«Мысль, лежащая в основе практически всех концептуальных построений Дж. Сороса, гениально проста – психология участников любого исторического процесса является его неотъемлемой компонентой и, находясь в непрерывном взаимодействии с реальностью, образует рефлексивный процесс: реальная ситуация влияет на мышление и поведение участников, а их мышление и поведение воздействует на развитие ситуации, участниками которой они являются. Представления, оценки, ожидания и превалирующие предпочтения участников, которые в силу своей природы являются несовершенными, во многом определяют естественный ход событий и его принципиальную неопределенность. В силу этой принципиальной неопределенности тот, кто способен раньше других осознать текущие тенденции этого процесса, эволюцию его психологических и материально-энергетических факторов, кто способен раньше других внести (и раньше других вынести) свою лепту в различные потоки этого процесса – того неминуемо ждет успех, кто не успел – становится жертвой успеха других, неудачником и аутсайдером. Такова логика Истории (недаром в русском языке слова «успех» и «успеть» имеют один корень)» [Бирштейн, Боршевич, 2001, 91].

Путаница в анализе этой темы в первую очередь связана с одновременным существованием сразу нескольких по-разному интерпретируемых концептов: «философия банка», «философия экономики», «философия денег», «философия хозяйства».

Наша задача в данной статье – разобраться, в сущности, этих концептов.

Философия экономики – это философское исследование принципов, предпосылок и последствий экономических отношений, нацеленное на понимание сущности экономических явлений и разработку основных принципов экономической деятельности. Философия

экономики является основой для разработки экономических и социальных теорий, а также для анализа и критики различных экономических систем и политик. Она помогает оценить и понять взаимосвязь между экономикой, этикой, политикой и социальным развитием, а также разрабатывает принципы и ценности, которые имеют важное значение для устойчивого и справедливого развития общества.

Для прояснения смысла концепта «философия банка» мы воспользуемся идеями Р.В. Пашкова, изложенными им в статье «Философия европейского банка – концепция миссии и база стратегии развития».

Р.В.Пашков пишет: «Философия банка – это особый взгляд банка в окружающий мир, в котором банк формирует и формулирует свою позицию как части кредитно-финансовой сферы национальной экономики, обозначает свою принадлежность к банковской системе и создает корпоративную культуру у сотрудников, сплачивая их вместе» [Пашков, 2016, 91].

Философия банка в принципе должна быть не набором красивых пафосных слов, как это часто бывает на самом деле, а фактически воплощаться в реальность и формировать настоящие алгоритмы и механизмы банковской деятельности.

Основные элементы философии банка это:

1. Девиз или главный слоган бренда: «Это как бы смысл бренда, его словесный знак. Он может быть и таким: «Работая на благо каждого отдельного клиента, быть полезным обществу в целом». Смысл девиза в том, что банк, выполняя потребности клиентов, получая прибыль, содействует тем самым и общему благу. То есть, выполняя частное, банк создает общее благо тем самым. Банк всегда обязан содействовать общему благу, выполняя задачи по развитию реального сектора экономики. Банк всегда часть общего в стране и банк никогда не должен за бывать об этом» [там же].

2. Миссия как главная цель развития банка в окружающем мире. «Миссия раскрывает девиз банка и формулирует главную цель развития банка. Часто она ошибочно называется «наша философия». Это сверхцель банка. Миссия раскрывает позицию банка по отношению к миру, это его бытие в мире, обществе и государстве, среди клиентов. Миссия должна приумножать богатство клиентов и общества, позволяя банку зарабатывать прибыль для акционеров, создавать рабочие места для сотрудников. Цель деятельности банка определяет значение его работы и философию. Как следствие, это влияет на формирование ценностей, морали и принципов работы банка. Миссия «для внутреннего использования» воспроизводит главные цели, задачи и принципы банковской деятельности, включая взаимоотношения со всем окружением, а это клиенты, акционеры, партнеры, местные органы управления и СМИ. Все сотрудники банка должны вынести для себя важное при ответе на вопрос, для кого и что мы предлагаем, существуя на рынке. Цель существования или миссия Банка (во втором варианте трактовки) заключается в определении основного направления деятельности, которое проявляется как главное основание для появления Банка на рынке финансовых услуг и отражает его ценные качества и принципы» [там же].

3. Краткое описание философии это, как бы описание кредо, квинтэссенция, краткий набор утверждений о банке. Философия – это «система взглядов банка на свое место в государстве и обществе как кредитном учреждении» [там же, 92]. Философия банка определяет и определяется совокупностью принципов работы банка на рынке. «Философию Банка можно понимать и как перечень этических ценностей, которые Банк разделяет и которым будет добровольно следовать в отношениях с участниками, сотрудниками, партнерами, регулирующими органами и другими связанными с его деятельностью лицами» [там же]. Это

определенная совокупность правил и принципов, регулирующих работу банка.

4. Ценности банка как высшее: то, во что верит банк как кредитное учреждение. «Ценности – это значимые положения бизнеса банка, это то, чем руководствуется банк в своих целях, общие корпоративные цели сотрудников, ядро корпоративной культуры. Ценности создают коллектив банка как общее, то, что соединяет и разделяется всеми сотрудниками. Ценности цементируют коллектив на выполнение миссии банка, несут положительные действия банка в мир. Ценности банка объединяют и создают общий бизнес банка и его клиентов через общую судьбу в мире, уплачивая налоги и содействуя прозрачности бизнеса банка и клиентов» [там же, 93]. К числу ценностей банка относятся: клиентоориентированность, ориентация на результат, ответственность, инициативность, предсказуемость, командная работа, брэнд, единство, активность, лидерство, гармоничность, развитие, открытость, перспективность, мобильность, безопасность, актуальность, мобильность, конструктивность.

5. Клиентская политика как неотъемлемая часть философии банка: определение целей и задач банка по отношению к его клиентам.

Таким образом, мы можем резюмировать.

Философия банка – это концептуальный подход, основанный на определенных ценностях, принципах и установках, которые определяют стратегию и поведение банка при осуществлении своей деятельности. Она описывает основные принципы, цели, задачи и ценности, которые лежат в основе деятельности банка. Как правило, это первоочередные принципы, определяющие рыночную стратегию банка.

Философия банка включает следующие аспекты: - определение основной цели банка, которая обычно заключается в обеспечении прибыли для акционеров и клиентов; - установление основных принципов, в которых банк осуществляет свою деятельность, таких как эффективность, надежность, прозрачность и доверие; - разработку долгосрочной стратегии развития банка, включающей в себя выбор направлений и методов банковской деятельности; - определение этических принципов, которыми должны руководствоваться работники банка при взаимодействии с клиентами, сотрудниками и другими участниками банковских процессов; - философия акцент на внедрение инноваций и прогрессивных технологий для улучшения качества услуг и процессов в банке.

Философия деятельности банка помогает банку установить свою индивидуальность и отличие от других похожих конкурентов на рынке, а также ориентироваться на достижение поставленных целей и задач.

Иными словами, философия банка – это в первую очередь декларируемая банком, точнее его собственниками и топ-менеджерами, система принципов и ценностей его деятельности. Как правило современные банки формулируют свою философию в виде документов в открытом доступе и активно пропагандируют ее среди клиентов и общества в целом.

Таким образом, философия банка – его официальная кодифицированная идеология и стратегия, которые активно декларируются для создания в обществе позитивного имиджа конкретного кредитного учреждения. Это, по сути, составная часть маркетинговой политики банка, нацеленная на привлечение клиентов и их вкладов и, соответственно, на увеличение прибыли банка как коммерческого предприятия. Но при этом, несмотря на множество красивых слов и пафос, эта кодифицированная философия банка совершенно не обязательно соответствуют действительности.

Почему? Да потому что реальная философия банковской деятельности – это сложная динамичная система скрытых подлинных социокультурных, личностных, логических и

философских ценностей, установок и принципов акторов банковской деятельности, на которых реально базируется работа конкретного банка и которые ее действительно детерминируют. И эти подлинные установки далеко не всегда совпадают с декларируемыми. Рассогласование сущего и должного всегда по определению присутствует в банковской деятельности, которая по своей экономической природе должна быть ориентирована на получение прибыли или реализацию и достижение некоторых политических целей для достижения власти, которая по своему статусу опять-таки дает прибыль в ее различных формах ее обладателям. Банк, деятельность которого не прибыльна, просто разорится и прекратит свое существование, если его не поддержат внешние силы и дополнительные источники ресурсов.

(Для подтверждения этих слов вспомним историю банкротства знаменитого швейцарского банка Credit Suisse, просуществовавшего 166 лет. Банк за неделю практически ушел на дно «...после массивного репутационного удара, бегства клиентов/инвесторов и закрытия лимитов на банк со стороны ведущих финансовых контрагентов». Потеря имиджа банка Credit Suisse спровоцировала бегство клиентов. Банк Credit Suisse пошел на слияние с другим банком только благодаря помощи государства, либо он стал бы банкротом со всеми вытекающими из этого события негативными последствиями.

При этом на сайте Credit Suisse сформулирована прекрасная философия этого банка, с которой до сих пор могут ознакомиться все желающие:

«Цель группы Credit Suisse лежит в основе всего, что мы делаем. Наша четкая цель и твердые ценности помогают нам реализовать наши амбиции и способствуют нашему прогрессу на протяжении более 160 лет. Мы создаем долговременную ценность, заботливо обслуживая наших клиентов и проявляя предпринимательский дух. Наша цель лежит в основе всего, что мы делаем. Она отражает для нас, наших клиентов и других заинтересованных сторон суть того, «почему» мы существуем как организация.

Инклюзивность создает организацию, в которой каждый может процветать. Наличие разнообразной рабочей силы и инклюзивной культуры – это просто правильное решение для наших сотрудников и общества.

Меритократия: в Credit Suisse мы верим в меритократию – среду, в которой люди достигают успеха на основе того, что они делают, а не благодаря своему происхождению или связям.

Партнерство: мы верим в силу партнерства для достижения общих целей. Это означает партнерское взаимодействие с клиентами, поставщиками и сообществами, в которых мы работаем, для создания долговременной ценности.

Подотчетность: мы подотчетны многим заинтересованным сторонам, включая акционеров, клиентов, регулирующие органы, общество в целом и, конечно, друг друга.

Ориентация на клиента: мы здесь для того, чтобы создавать долгосрочные ценности для наших клиентов, проявляя заботу и предпринимательский дух. Какой бы ни была наша роль, ориентация на клиента определяет, насколько хорошо мы достигаем нашей цели.

Доверие: доверие трудно заслужить и легко потерять. Клиенты доверяют нам свои финансовые активы, а мы, в свою очередь, доверяем нашим клиентам и другим контрагентам соблюдать их соглашения с нами» [Our purpose & values, www].

Прекрасные слова и прекрасная кодифицированная философия банка. Но, по сути, эта декларируемая философия банка оказалась философией откровенного лицемерия. Но на деле банк Credit Suisse и его топ-менеджеры в собственных корыстных интересах постоянно вели неверные инвестиционные операции, шли на ненужные риски, пользовались подтасованными отчетами экспертов, нарушали налоговое законодательство, отмывали деньги, нарывались на

штрафы, были замешаны в коррупции, выдавали рискованные кредиты, его сотрудники неоднократно мошенничали ради бонусов и постоянно провоцировали скандалы. Закономерный итог – крах банка Credit Suisse и огромные финансовые потери его клиентов, которые доверяли банку и его декларациям: миссии и философии деятельности.

Таким образом, мы видим, что в виде философии банка озвучивается лишь некоторая часть на словах декларируемых принципов и ценностей, но большая часть действительных оснований деятельности банка остается скрытой и непонятной для большинства доверчивых людей, которые деятельность банков воспринимают как некоторую загадочную данность, а банк как некий сакральный институт, наделенный высоконравственными характеристиками, и крайне редко задумываясь над подлинным ее смыслом. Расхождение слов и дела с философской точки зрения здесь предельно велико.

Резюмируя вышесказанное, мы утверждаем:

- философия банка – кодифицированная и открыто и широко публично декларируемая система ценностей и принципов деятельности конкретного банка;
- философия банковской деятельности – раздел философии экономики, осуществляющий анализ реальных скрытых религиозных, социокультурных, личностных, психологических, логических и философских оснований, детерминирующих реально проявляющиеся формы организации банка и подлинные ценности и принципы его деятельности.

Основная задача философии банковской деятельности – выявление и объяснение подлинных скрытых оснований и определение закономерностей этой деятельности, детерминированных ее скрытыми основаниями.

Банковская деятельность в первую очередь – специфическая деятельность по обслуживанию обращения денежных средств.

Выделим несколько основных атрибутов банковской деятельности, воспользовавшись идеями, изложенными в статье С.А.Набиева «Сущность и роль банковской деятельности в финансовой деятельности государства» [Набиев, 2019, 218].

- Банковская деятельность – исходный пункт финансовых правоотношений, основа существования и социально-экономического развития общества для образования, использования и централизованных (децентрализованных) денежных фондов (доходов) государства и органов местного самоуправления.
- Конечная задача банковской деятельности – извлечение прибыли, иначе существование банка как экономического субъекта становится бессмысленным.
- Банковская деятельность – посредничество между экономическими хозяйствующими субъектами.
- Банковская деятельность – развитая форма экономических отношений, осуществляемая посредством денег [там же, 2011].
- В основе банковской деятельности лежит системный подход: она динамична, опирается на разветвленность кредитных организаций, отличается сложностью и многогранностью связей, объединяет огромную массу постоянно движущихся финансовых ресурсов [там же, 214].
- Банковская деятельность – непрерывно повторяющийся поток привлечения, распределения (кредитования) и использования денежных средств.
- Именно банковская деятельность – средство взаимосвязи и взаимодействия элементов

рынка [там же, 216].

- Основа и главный социальный смысл банковской деятельности – кредитование. Именно в этом заключается экономическая связь кредитной организации с гражданами [там же, 215].
- Опорой банковской деятельности является совокупность однородных предприятий, осуществляющих эту деятельность.

Концепт «философия денег» представляет собой исследование и рассуждения о роли и значениях денег в человеческом обществе: что такое деньги, сущность и значение денег, как они возникают и эволюционируют, как они влияют на нашу жизнь и общество, их роль в экономике и политике, их метафизическая природа, и как они связаны с другими аспектами человеческого бытия, такими как этика, мораль и справедливость.

В рамках философии хозяйства само понятие «хозяйство» исторически рассматривалось как сложноструктурированное многофакторное образование, где, кроме экономической составляющей, присутствуют психологические, социальные, ценностные, институциональные факторы. Особое место в философии хозяйства всегда уделялось анализу «духа хозяйства», под которым понималась совокупность душевных и духовных свойств человека и их функций.

Заключение

Таким образом, различение концептов «философия денег», «философия хозяйства», «философия банка» и «философия банковской деятельности» позволяет выделить философию банковской деятельности как самостоятельную концепцию – как особый раздел философии экономики и, соответственно, социальной философии. Актуальность создания такой концепции очевидна: она дает возможность по-настоящему понять глубинные причины тех проблем, которые неизбежно возникают в ходе банковской деятельности и постоянно провоцируют мировые финансово-экономические кризисы, несущие столько неприятных последствий для обычных людей.

Библиография

1. Бирштейн Б., Боршевич В. Теория рефлексивности Дж. Сороса: опыт критического анализа // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. Т. 1. С. 88-101.
2. Набиев С.А. Сущность и роль банковской деятельности в финансовой деятельности государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1 (126). С. 201-218.
3. Пашков В.В. Философия европейского банка – концепция миссии и база стратегии развития // Инновации и инвестиции. 2016. № 2. С. 90-96.
4. Швейцарский банк с 166 летней историей банкрот или бизнес по-европейски. URL: <https://vc.ru/money/639737-shveycarskiy-bank-s-166-letney-istoriey-bankrot-ili-biznes-po-evropeyski>
5. Our purpose & values. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/our-company/who-we-are/our-purpose-and-values.html>
6. Robinson J., Dow S. Economic philosophy. – Routledge, 2021.
7. McGee R. W. What are the top 20 questions in economic philosophy? a chatgpt reply // A Chatgpt Reply (April 8, 2023). – 2023.
8. Cramer E. H. The Philosophy of Bank Capitalization // The Journal of Finance. – 1951. – Т. 6. – №. 1. – С. 62-65.
9. De Bruin B. et al. Philosophy of money and finance. – 2018.
10. Benedikter R., Benedikter R. Social banking and social finance. – Springer New York, 2011. – С. 1-128.

The philosophy of the bank and the philosophy of banking

Vadim V. Zubov

PhD in History,
Associate Professor of the Department of Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: zubov305@yandex.ru

Vitalii Yu. Ivlev

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Philosophy,
Moscow Bauman State Technical University;
Professor of the Department of Humanities,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vitalijivlev@yandex.ru

Mikhail B. Oseledchik

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Financial University under the Government of the Russian Federation;
Professor of the Department of Philosophy,
Moscow Bauman State Technical University,
105005, 5, Vtoraya Baumanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: fobos3000@gmail.com

Abstract

This article examines the difference between the concepts “philosophy of a bank” and “philosophy of banking” and analyzes the main issues explored by the philosophy of banking as part of the philosophy of economics. The article provides an analysis of banking activity as an ontological and epistemological phenomenon from the point of view of philosophy. The philosophy of banking is considered as a new independent direction, as a section of the philosophy of economics, which helps to identify the true real socio-cultural foundations and contradictions that lie in the nature of banking and ultimately provoke global financial and economic crises with all their negative consequences for humanity as a whole. Thus, the distinction between the concepts “philosophy of money”, “philosophy of economy”, “philosophy of the bank” and “philosophy of banking” allows us to distinguish the philosophy of banking as an independent concept, or as a special section of the philosophy of economics and, accordingly, social philosophy. The relevance of creating such a concept is obvious: it makes it possible to truly understand the underlying causes of those problems that inevitably arise in the course of banking activities and constantly provoke global financial and economic crises that carry so many unpleasant consequences for ordinary people.

For citation

Zubov V.V., Ivlev V.Yu., Oseledchik M.B. (2023) *Filosofiya banka i filosofiya bankovskoi deyatel'nosti* [The philosophy of the bank and the philosophy of banking]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 97-107. DOI: 10.34670/AR.2024.27.21.021

Keywords

Banking, banks, philosophy of the bank, philosophy of banking, philosophy of economics.

References

1. Birshtein B., Borshevich V. (2001) *Teoriya refleksivnosti Dzh. Sorosa: opyt kriticheskogo analiza* [The theory of reflexivity of J. Soros: experience of critical analysis]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie* [Reflexive processes and management], 1, 1, pp. 88-101.
2. Nabiev S.A. (2019) *Sushchnost' i rol' bankovskoi deyatel'nosti v finansovoi deyatel'nosti gosudarstva* [The essence and role of banking activities in the financial activities of the state]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 1 (126), pp. 201-218.
3. *Our purpose & values*. Available at: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/our-company/who-we-are/our-purpose-and-values.html>
4. Pashkov V.V. (2016) *Filosofiya evropeiskogo banka – kontseptsiya missii i baza strategii razvitiya* [The philosophy of a European bank – the concept of mission and the basis of development strategy]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments], 2, pp. 90-96.
5. *Shveitsarskii bank s 166 letnei istoriei bankrot ili biznes po-evropeiski* [A Swiss bank with a 166-year history is bankrupt or doing business in a European way]. Available at: <https://vc.ru/money/639737-shveycarskiy-bank-s-166-letney-istoriy-bankrot-ili-biznes-po-evropeyski>
6. Robinson, J., & Dow, S. (2021). *Economic philosophy*. Routledge.
7. McGee, R. W. (2023). What are the top 20 questions in economic philosophy? a chatgpt reply. *A Chatgpt Reply* (April 8, 2023).
8. Cramer, E. H. (1951). The Philosophy of Bank Capitalization. *The Journal of Finance*, 6(1), 62-65.
9. De Bruin, B., Herzog, L., O'Neill, M., & Sandberg, J. (2018). *Philosophy of money and finance*.
10. Benedikter, R., & Benedikter, R. (2011). *Social banking and social finance* (pp. 1-128). Springer New York.

УДК 101.1:316

DOI: 10.34670/AR.2024.61.95.027

**Медиация в разрешении социально-правовых конфликтов:
социально-философский дискурс**

Тищенко Александр Викторович

Соискатель,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: alex.tishchenko1973@icloud.com

Моргачев Олег Леонидович

Соискатель,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: Olegmorgachev@yandex.ru

Юрчевская Галина Гавриловна

Соискатель,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: polinka-polich@mail.ru

Корсаков Александр Николаевич

Соискатель,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: alxkors@mail.ru

Аннотация

Для государства эффективное функционирование системы права является одним из важнейших условий регулирования социальных процессов. Это определяет заинтересованность государства в следовании членов общества действующим нормам права. В связи с этим одним из преобладающих механизмов в условиях социально-правовых противоречий или правонарушений является правосудие, ориентированное на принудительное приведение социальной практики в соответствие с действующими нормами права. Особенность принятия судебных решений состоит в том, что они исходят, в первую очередь, из интересов государства в четком функционировании правовых норм, в то время как интересы сторон конфликта зачастую не учитываются. Это влечет за собой ряд проблем, связанных с нарушением интересов сторон правового конфликта в ходе судебного процесса и по факту его завершения. В статье рассматривается вопрос о важности медиации как альтернативного механизма урегулирования правовых

конфликтов. Обосновывается важность преодоления конфликтной ситуации в рамках медиации и дается анализ социально-сберегающего потенциала медиации. Обосновывается важность принятия мер по развитию практики медиации в российском обществе.

Для цитирования в научных исследованиях

Тищенко А.В., Моргачев О.Л., Юрчевская Г.Г., Корсаков А.Н. Медиация в разрешении социально-правовых конфликтов: социально-философский дискурс // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 108-114. DOI: 10.34670/AR.2024.61.95.027

Ключевые слова

Общество, право, правосудие, правовой конфликт, судебная тяжба, медиация, общество.

Введение

Понятие «правосудие» является дискуссионной темой ряда научных областей – социальной философии, философии права, социологии, политологии, юриспруденции – на протяжении достаточно длительного периода времени. Так еще в античный период зарождения науки как таковой и появления первых философских трудов, касающихся бытия человека и общества, правосудие являлось предметом категорией оценки бытия отдельного человека в рамках общества и отношения самого общества к жизни конкретного своего члена. Мы можем найти первые попытки осмысления правосудия как категории социально-философского знания в трудах Аристотеля и Платона.

Современное общество продолжает свое развитие, основывающееся на принципах демократии, либерализма, гуманизма. В этой связи считаем, что сущность правосудия выполняет для социума двойственную роль. С одной стороны деятельность судей носит характер арбитра, третьей стороны, незаинтересованной в результате разрешения спора. С другой стороны правосудие представляет собой меру бытия отдельного человека, осуществления общественных процессов, справедливости принимаемых властными структурами решений.

Основная часть

Одной из ключевых функций права является регуляция отношений между членами общества, при этом, в рамках анализа значения правовой системы нередко подчеркивается значение общей системы права для утверждения и защиты прав отдельных членов общества. Это позволяет позиционировать правовую систему как свод правил, ориентированных, в конечном счете, на удовлетворение ключевых интересов и потребностей членов общества. Однако, если рассмотреть различные уровни общественной организации, можно прийти к выводу о том, что существуют различные уровни, на которых можно рассматривать субъектов общественных отношений и, соответственно, их общественные интересы. В рамках теории структурного функционализма, получившей разработку в трудах Т. Парсонса [Парсонс, 1998, 270] и Р. Мертона [Мертон, 2006, 873] находит отражение идея многоуровневой структуры

социального взаимодействия, в рамках которой интересами могут обладать не только отдельные члены общества, но и коллективные социальные субъекты, объединенные в различные сообщества и институты. Причем интересы социальных структур высокого порядка не слагаются из интересов включенных в них людей, а, скорее, подчиняют их, исходя из своей функциональной направленности. Это позволяет рассматривать сферы экономики, политики, права и т.д. в качестве самостоятельных областей общественной жизни, обладающих собственными векторами развития и собственными интересами.

В этом контексте, рассматривая механизмы социально-правовой регуляции, можно поставить вопрос о том, интересы какого порядка имеют приоритетное значение в том или ином аспекте организации правовой сферы. Одной из областей права, на уровне которой отчетливо прослеживается приоритет общесоциальных интересов над индивидуальными является область правосудия, на уровне которой осуществляется разрешение правовых конфликтов, а также определение санкций, налагаемых на членов общества, совершивших правонарушение. Особенность правосудия состоит в том, что в его рамках реализуется приведение социальной практики в соответствие с действующими нормами права, что реализуется в рамках обязательного к исполнению судебного решения, принимаемого на основании действующих правовых норм и подведения под них конкретного рассматриваемого случая. Таким образом, правосудие реализуется в рамках парадигмы рассмотрения права в качестве универсального и всеобщего социального механизма, регулирующего область общественных отношений. Именно установка на всеобщность права выводит за скобки индивидуальные особенности конкретной рассматриваемой ситуации. Еще одним аспектом правосудия, характеризующим приоритетность интересов общества в целом над интересами отдельных социальных субъектов, является реализация карательной функции правосудия в рамках ситуаций совершения правонарушения.

Как отмечают исследователи, современное российское право ориентировано на применение штрафных санкций по отношению к преступнику, в то время как механизмы возмещения причиненного ущерба потерпевшему не заложены в форму ответственности субъекта правонарушения на уровне уголовного законодательства [Шеслер, 2015, 129-135]. Таким образом, в рамках осуществления правосудия, реализуется наказание, выступающее в качестве воспитательной меры и поддерживающее принцип неотвратимости наказания, как основание для несовершения преступления членами общества [Цуриков, 2007, 73-81]. Это, опять же, представляет собой форму реализации интересов общества в целом, но не отдельных его представителей, непосредственно вовлеченных в уголовный процесс (потерпевшего и преступника). Подобного рода модель реализации правосудия, при всех своих очевидных сильных сторонах имеет существенный недостаток, который проявляется на уровне действующих участников правового конфликта, интересы которых не удовлетворяются в достаточной мере.

В отличие от репрессивного права, ориентированного на насаждение закона безотносительно к интересам отдельных участников социального процесса, исследователи выделяют такую форму организации правовых отношений, как реститутивное право, ориентированное в условиях правового конфликта не на подавление одной из сторон конфликта с учетом действующих норм права, но на преодоление самой конфликтной ситуации и минимизацию ущерба, причиненного обществу (и участвующим сторонам) этим конфликтом. Парадигма реститутивного права получила в ряде западных стран развитие в рамках реализации процедуры медиации, как альтернативы традиционному судебному процессу. Особенность

медиации состоит в том, что в рамках ее реализации происходит согласование интересов сторон конфликта, в результате чего сам по себе конфликт прекращается, а интересы договаривающихся сторон оказываются в равной степени удовлетворены.

Медиация представляет собой значительно более гибкую социальную практику, поскольку позволяет учитывать индивидуальные особенности каждой конкретной ситуации, включая область потребностей и интересов ее участников. Кроме того, процедура медиации позволяет минимизировать затраты сторон конфликта на его преодоление, сохранить в тайне отдельные обстоятельства конфликта (что проблематично на уровне судебного решения конфликта в силу публичного характера судебных слушаний), будучи при этом построенной на принципах свободы и добровольного участия сторон в формировании договоренности. Важной особенностью медиации является то, что по факту осуществления медиации не производится подавление одной из сторон, что является весомым основанием для развития конфликта между сторонами в дальнейшем, а обращение к посреднику в межличностной сфере рассматривается как значительно более мягкая мера, нежели обращение в суд. Все это позволяет произвести постановку вопроса о серьезном социально сберегающем значении медиации, способствующей нормализации общественных отношений на микроуровне социального взаимодействия.

Заключение

В российском обществе практика медиации возникла сравнительно недавно – с момента введения 27.07.2010 ФЗ 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» прошло лишь десятилетие. В настоящее время практика медиации в России не имеет широкого распространения, что связано с рядом проблем институционального, законодательного и информационного плана. Зачастую члены общества не располагают информацией о возможности альтернативного разрешения правового конфликта, при этом механизмы направления на медиацию не реализованы в современной судебной сфере в достаточной мере. Все это свидетельствует, с одной стороны, о важности медиации как одного из социально-сберегающих механизмов, с другой – о необходимости принятия мер по созданию условий для развития практики медиации в российском обществе. Причем имеет значение как пристальное изучение условий развития и актуального состояния медиации в России, так и анализ перспективных направлений, в которых может быть реализована регулятивная деятельность, ориентированная на развитие медиации в российском обществе.

Библиография

1. Абдулкадыров У.У. Понятие и значение медиации // Государственная служба и кадры. 2019. № 2. С. 84-85.
2. Антипов А.Н., Антипов В.А. История возникновения и развития медиации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4. С. 23-25.
3. Барбина Н.С. Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012. 189 с.
4. Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 464 с.
5. Зеленцова М.Г. Универсальность человеческой природы и проблема обоснования ценностей // Вестник КГУ. 2011. № 3. С. 65-69.
6. Каа С.А., Мырзаханова М.Н. Инновационное развитие медиации в обществе // Символ науки. 2018. № 9. С. 28-30.
7. Кезин А.В. Проблемы развития медиации в РФ // Евразийский научный журнал. 2015. № 6. С. 127-128.
8. Конт О. Курс положительной философии // Западноевропейская социология XXI в. М., 1996. 234 с.

9. Лисицын В.В. Полтора века медиации в России // Медиация и право. 2008. № 2 (8). С. 112.
10. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
11. Овчинникова Т.М. Этнокультурная составляющая моделирования медиации: структурный подход // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 44-47.
12. Парсос Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
13. Сахарова Ю.В. Феномены инверсии и медиации в природе, обществе и познании: предпосылки философского осмысления // Общественные науки. 2012. № 6-1. С. 15-20.
14. Станишевская Л.П. Медиация и права человека // Научные стремления. 2017. № 21. С. 32-34.
15. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
16. Цуриков В.И. Оптимальен ли принцип неотвратимости наказания за преступление? (экономический подход к преступлениям и наказаниям) // Экономическая наука современной России. 2007. № 2. С. 73-81.
17. Шеслер А.В. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации об уголовных наказаниях // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 129-135.
18. Юнгус Г.А. Медиация: социально-философский анализ: дис. ... канд. философ. наук. Владивосток, 2020. 178 с.

Mediation in the resolution of socio-legal conflicts: socio-philosophical discourse

Aleksandr V. Tishchenko

Applicant,
Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova str., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: alex.tishchenko1973@icloud.com

Oleg L. Morgachev

Applicant,
Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova str., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: Olegmorgachev@yandex.ru

Galina G. Yurchevskaya

Applicant,
Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova str., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: polinka-polich@mail.ru

Aleksandr N. Korsakov

Applicant,
Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova str., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: alxkors@mail.ru

Abstract

For the State, the effective functioning of the legal system is one of the most important conditions for regulating social processes. This determines the interest of the state in following the current norms of law of the members of society. In this regard, one of the prevailing mechanisms in the context of socio-legal contradictions or offenses is justice, focused on the forced reduction of social practice in accordance with the current norms of law. The peculiarity of judicial decisions is that they proceed, first of all, from the interests of the state in the clear functioning of legal norms, while the interests of the parties to the conflict are often not taken into account. This entails a number of problems related to the violation of the interests of the parties to the legal conflict during the trial and upon its completion. The article discusses the importance of mediation as an alternative mechanism for resolving legal conflicts. The authors of the paper conclude that the importance of overcoming the conflict situation within mediation is substantiated and the analysis of the social-saving potential of mediation is given. The importance of taking measures to develop mediation practice in Russian society is substantiated in the paper.

For citation

Tishchenko A.V., Morgachev O.L., Yurchevskaya G.G., Korsakov A.N. (2023) *Mediatsiya v razreshenii sotsial'no-pravovykh konfliktov: sotsial'no-filosofskii diskurs* [Mediation in the resolution of socio-legal conflicts: socio-philosophical discourse]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 108-114. DOI: 10.34670/AR.2024.61.95.027

Keywords

Society, law, justice, legal conflict, litigation, mediation, society.

References

1. Abdulkadyrov U.U. (2019) *Ponyatie i znachenie mediatsii* [The concept and significance of mediation]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Public service and personnel], 2, pp. 84-85.
2. Antipov A.N., Antipov V.A. (2013) *Istoriya vozniknoveniya i razvitiya mediatsii* [History of the emergence and development of mediation]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [Penal system: law, economics, management], 4, pp. 23-25.
3. Barebina N.S. (2012) *Kognitivnyi mekhanizm kontrargumentatsii v diskurse mediatsii. Doct. Dis.* [Cognitive mechanism of counterargumentation in mediation discourse]. Irkutsk.
4. Comte A. (1996) *Kurs polozhitel'noi filosofii* [Course of positive philosophy]. In: *Zapadnoevropeiskaya sotsiologiya XXI v.* [Western European sociology of the XXI century]. Moscow.
5. *Federal'nyi zakon ot 27.07.2010 № 193-FE «Ob al'ternativnoi protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)»* [Federal Law No. 193-FE dated July 27, 2010 "On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of a mediator (mediation procedure)"].
6. Husserl E. (2005) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.
7. Kaa S.A., Myrzakhanova M.N. (2018) *Innovatsionnoe razvitie mediatsii v obshchestve* [Innovative development of mediation in society]. *Simvol nauki* [Symbol of science], 9, pp. 28-30.
8. Kezin A.V. (2015) *Problemy razvitiya mediatsii v RF* [Problems of development of mediation in the Russian Federation]. *Evrasiiskii nauchnyi zhurnal* [Eurasian scientific journal], 6, pp. 127-128.
9. Lisitsyn V.V. (2008) *Poltora veka mediatsii v Rossii* [A century and a half of mediation in Russia]. *Mediatsiya i pravo* [Mediation and law], 2 (8), p. 112.
10. Merton R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST Publ.
11. Ovchinnikova T.M. (2018) *Etnokul'turnaya sostavlyayushchaya modelirovaniya mediatsii: strukturnyi podkhod* [Ethnocultural component of mediation modeling: a structural approach]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities studies], 3 (20), pp. 44-47.

12. Parsos T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv* [System of modern societies]. Moscow: Aspekt Press Publ.
13. Sakharova Yu.V. (2012) Fenomeny inversii i mediatsii v prirode, obshchestve i poznanii: predposylki filosofskogo osmysleniya [Phenomena of inversion and mediation in nature, society and knowledge: prerequisites for philosophical understanding]. *Obshchestvennye nauki* [Social sciences], 6-1, pp. 15-20.
14. Shesler A.V. (2015) Kontseptsiya ugovovno-pravovoi politiki Rossiiskoi Federatsii ob ugovovnykh nakazaniyakh [The concept of the criminal legal policy of the Russian Federation on criminal penalties]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 3 (24), pp. 129-135.
15. Stanishevskaya L.P. (2017) Mediatsiya i prava cheloveka [Mediation and human rights]. *Nauchnye stremleniya* [Scientific aspirations], 21, pp. 32-34.
16. Tsurikov V.I. (2007) Optimalen li printsip neotvratimosti nakazaniya za prestuplenie? (ekonomicheskii podkhod k prestupleniyam i nakazaniyam) [Is the principle of inevitability of punishment for a crime optimal? (economic approach to crimes and punishments)]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic science of modern Russia], 2, pp. 73-81.
17. Yungus G.A. (2020) *Mediatsiya: sotsial'no-filosofskii analiz. Doct. Dis.* [Mediation: socio-philosophical analysis. Doct. Dis.]. Vladivostok.
18. Zelentsova M.G. (2011) Universal'nost' chelovecheskoi prirody i problema obosnovaniya tsennosti [The universality of human nature and the problem of justifying values]. *Vestnik KGU* [KSU Herald], 3, pp. 65-69.

УДК 340.1

DOI: 10.34670/AR.2024.74.39.028

Интегральный подход к правопониманию деятельности российской полиции

Курносенко Андрей Анатольевич

Кандидат социологических наук, доцент,
начальник Главного управления экономической безопасности
и противодействия коррупции МВД России,
107078, Российская Федерация, Москва, Рязанский пер., 1г.;
e-mail: 12000@gmail.com

Гришай Анна Владимировна

Адъюнкт,
Краснодарский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
350005, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ярославская, 128;
e-mail: kostyukanna777@mail.ru.

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные для современной науки вопросы профессиональной деятельности сотрудников полиции в системе государственных органов исполнительной власти РФ. Представлены авторские тезисы к постановке и решению задачи научного анализа системы подготовки и профессиональной переподготовки сотрудников полиции. В статье предпринята попытка анализа интегративного подхода в правопонимании деятельности российской полиции с позиции его идей и оценки современного состояния. Итогом изучения научной литературы, обобщения и сопоставления различных точек зрения стало формулирование авторского определения категории «правопонимание» и представление научно обоснованной интегративной теории правопонимания, которая максимально соответствует требованиям времени и обладает существенным потенциалом. В качестве вывода по данной теме полагаем считать установленным, что, во-первых, социально-философское исследование социальной природы и правового содержания функций полиции в современной России должно быть обращено к оформлению соответствующего понятийного аппарата. Во-вторых, переход от теории к практике фиксируется в моральном закреплении профессиональных аспектов деятельности сотрудников полиции. В таком содержании правовые установки стимулируют правовую активность и ценностные основания правомерного поведения для специфической системы государственных органов исполнительной власти.

Для цитирования в научных исследованиях

Курносенко А.А., Гришай А.В. Интегральный подход к правопониманию деятельности российской полиции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 115-122. DOI: 10.34670/AR.2024.74.39.028

Ключевые слова

Право, государство, культура, правовое сознание, полиция, интегральное право, интегративное правопонимание.

Введение

Общее развитие правовых идей и представлений о праве как единстве ценностей, форм, отношений и специфической упорядоченности социума, объективно способствует категориальному и процессуальному усложнению норм в динамике воспроизводства права. Важным направлением в сфере правопонимания становится обсуждение принципов, идей, теоретических положений интегративности, востребованных в схемах законодательного признания и получающих подтверждение, закрепление в правовой деятельности полиции РФ. С одной стороны, совокупность представлений о существе права находит выражение в наборе объективных причин и следствий развития юриспруденции. С другой – субъективные восприятия и характеристики правопонимания предполагают широкий спектр оценки, переоценки и обмена мнениями в эвристической картине интегрального (интегративного) правопонимания.

Основная часть

В тематике деятельности органов и структур полиции интегративное правопонимание не следует отождествлять с интегративной функцией права. В статусе объекта научного исследования, интегративная функция права обращена к вариантам объединения людей в формате единых норм права, обращенных к согласованию социальных, культурных, религиозных, профессиональных интересов. Здесь грань между функцией и типологией интегративности достаточно прозрачная, но разграничение есть и, более того, претендует на философское категориальное обоснование конкретных правоотношений, факторов сознания, понимания и поведения людей в сфере права.

Начальные идеи в научное содержание интегративной теории права заложили Джером Холл (интегративная юриспруденция) и Жан-Луи Бержелль. Они полагали, что по функциям и содержанию, право является одновременно продуктом событий социальной реальности и проявлений сознания, воли, ценностных восприятий, идеалов моральных и общественных. Такая совокупность включает явления культуры, исторический фон, законодательные предписания, идеалы государства, общества и граждан. Соответственно, по замыслу указанных исследователей, интегральное восприятие права наиболее содержательно концентрирует существенные моменты естественно-правового, аксиологического, феноменологического подходов. Такое обобщение затрагивает не только согласованные, совпадающие теории разных научных течений, но и те положения, которые носят взаимоисключающий характер.

Исходя из представленного краткого обзора, оформим тезис о том, что ведущая тенденция современного правопонимания в сознании сотрудников полиции - углубление представлений о праве, актуальных идеях, принципах, нормах, отношениях, юридических действиях, как интегральном целом.

В отечественной гуманитарной теории различным аспектам обоснования принципов и методологии интегрального (интегративного) подхода к правопониманию отведены отдельные труды таких авторов, как С.С. Алексеев, Л.П. Ануфриева, О.В. Анциферова, В.И. Аршинов, А.С.

Ахметов, М.И. Байтин, К.Ю. Бакланова, М.В. Бондаренко, М.С. Галиев, Д.М. Евстифеев, А.В. Зырянов, В.Н. Кудрявцев, В.Л. Кулапов, В.А. Лебедев, Т.С. Лесовая, Н.И. Матузов, А.В. Малько, Л.А. Морозова, Ф.С. Набиев, В.С. Нерсисянц, А.В. Петров, Т.Н. Радько, А.В. Скоробогатов, О.А. Строева, А.А. Федорова, А.Г. Хабибова, А.Ф. Черданцев, Ю.Ю. Штурцев, Е.Ю. Яковлева.

Как правило, современные авторы раскрывают феноменальность правопонимания в комплексе философско-правовых категорий, обозначенных в нечетком единстве концепций естественно-правового, идеологического, аксиологического, нормативистского (позитивистского) и социально-философского подходов. Такое разностороннее накопление опыта в методологии интегрального (интегративного) подхода к правопониманию способствует описательному обогащению теории для данного феномена, однако не обеспечивает формат структурных обобщений. По нашему мнению, относительно устойчивым формальным основанием, объединяющим указанные подходы, является многомерная, но внутренне противоречивая типология правопонимания.

Согласно известным определениям, типологический подход основан на группировке определенных фактов, процессов, явлений по каким-либо общим показателям, признакам, свойствам сходного состава, содержания. Соответственно проблема правосознания, рассматриваемая как атрибут права, в философских акцентах обращена к исследованию включенности правосознания в действие права и может быть адекватно решена лишь в контексте типологического анализа» [Строева, 2017, 134-137].

В свою очередь понятие «типизация» обращено к процедурам придания чему-либо типовых форм, обеспечивающих создание, обоснование и использование типичных, общих для многих объектов приемов, процессов, единых методов, подходов и алгоритмов решения научных, практических, повседневных и перспективных задач. В философии проблемой исследования становится выявление соотношения типизации и «ускользания» от типизации [Калистратова, 2010, 94-98].

Как определяет БЭС, типизация – это разработка типовых конструкций или технологических процессов на основе общих для ряда изделий (процессов) технических характеристик. Один из методов стандартизации [Прохоров, 2004].

Как синоним понятия «стандартизация», понятие «типизация» чаще привлекается к описанию технических характеристик и процессов разной степени сложности. То есть к формулировке и разработке типовых конструкций, инженерных условий или технологических процессов на основе механистических характеристик и моделирования. Объективно, типизация норм права возможна, однако понятийно, типизация, прежде всего это один из методов инженерно-технической стандартизации, что в целом, не относится к предмету нашего исследования.

В значительно большей степени актуальность и самостоятельное значение в совокупности предметно обозначенных характеристик и предполагаемых принципов имеет общая типология права. Понятие «типология права» до настоящего времени не находит полноценного теоретического обоснования, однако в философских текстах и в юридических документах достаточно распространено. Как пишет К.Х. Делокаров - правовые знания – сложный, открытый, развивающийся объект, связанный многочисленными нитями с реальностью. Право – один из инструментов взаимодействия общества и личности, помогающий адаптироваться человеку к меняющемуся миру. Многозначность связей человека с миром находит отражение в праве, учитывающем сложность и противоречивость бытия. Отсюда такие взаимосвязанные

уровни правового познания как прикладное, специальное, отраслевое, общеправовое и философско-правовое [Делокаров, 2016, 17].

В философски ориентированных установках юридической науки интегративное правопонимание приоритетно обращено к диалектическому единству государства и права, как специфической масштабной парной категории. К примеру, авторскую классификацию принципов типологии государства и права приводит Л.П. Рожкова. В диссертации кандидата юридических наук она пишет о том, что классификация исследуемых явлений всегда играла огромную роль в науке как средство упорядочения накопленных знаний. Так же как и «Являясь важной методологической проблемой, вопросы классификации и систематизации неизбежно привлекали к себе внимание выдающихся мыслителей всех эпох. Много внимания уделяли этим проблемам Платон, Аристотель, Сем-Симон, Кант, Гегель. ... Особенно большое значение проблемы классификации приобрели в эпоху научно-технической революции, приведшей к так называемому информационному взрыву, то есть резкому увеличению объема знаний во всех областях науки. В этих условиях теоретическая разработка проблем классификации в исследовании государства и права становится важным условием дальнейшего прогресса научного познания» [Рожкова, 1980, 29].

Действительно, следует признать достаточно аргументированными философские предпосылки к истории и теории государства и права о взаимосвязанном возникновении, развитии и преобразовании элементов сферы юридической теории и практики. Как пишут В.В. Богатырев и М.А. Дубровин: «...Глобализация является закономерным итогом человеческого развития и в настоящее время превалирует. Под воздействием глобализационных процессов государство, подстраиваясь под них, меняет основные направления своей деятельности, то есть свои основные функции. При этом интегративная функция выходит на первое место. ... Необходимо уточнить содержание ключевых понятий, таких как: интеграция, функции государства, глобализация, а также установить их межпонятийные связи и закономерности. Интеграция свойственна многим сферам деятельности, в связи с чем существуют различные в зависимости от особенностей действий определения данного термина» [Богатырев, Дубровин, 2016, 43].

Однако, в отличие от вышеприведенных типовых ссылок, для нашей темы в качестве единичного приоритета исследования выступает предмет интегративного правопонимания. Соответственно за пределами темы данной статьи мы оставляем актуальные задачи исследования содержания понятия «интегративного государствоведения».

Одним из ведущих элементов комплексной типологической характеристики интегративного подхода к пониманию права является триединый комплекс инструментальных функций права. Это, во-первых, право как регулятор общественной жизни. Во-вторых, право как критерий, норма и гарант справедливой реализации функций социальных, экономических, культурных, образовательных, профессиональных и иных институтов современного общества. В-третьих, юридическое обоснование правопонимания в совокупности типовых форм поведения и действий человека и социальной группы.

Как пишет Е.Г. Потапенко: «... в юриспруденции интеграция означает закономерный процесс социально-правового развития, обеспечивающий за счет применения правовых средств и формирования качественно однородной правовой основы поэтапное объединение социальных (политических, экономических, культурных, правовых, информационных) систем в единую консолидированную социальную систему высшего уровня, а также поддержание целостности и единства уже существующей социальной системы» [Потапенко, 2010, 10]. По нашему мнению, реализация разнонаправленных положений комплексной теории интегрального

(интегративного) подхода к правопониманию будет способствовать возрастанию эффективности в использовании потенциала ресурсного взаимодействия государственных органов исполнительной власти с общественными организациями и инициативными объединениями граждан.

В частном положении для данной темы целесообразно указать обстоятельства актуальной группировки правовых подходов по признакам интегративного обобщения. Например, принципам интегративности вполне соответствуют формы судопроизводства, которое осуществляется на основе положений УПК РФ о равноправии и состязательности сторон. То есть в юридической теории стороны обвинения и защиты имеют законодательно закрепленную возможность реализовать свои права и обязанности. К сожалению, на практике в этом положении отмечается определенное неравноправие сторон. Связано это и с тем, что законодатель в значительной степени обращает внимание на общие декларации, в ущерб терминологическим технологиям. Полагаем, что предлагаемая практика интегрального множества позволит упорядочить перспективы создания условий для соблюдения принципа состязательности сторон.

Таким образом, формирование правопонимания относится к категории сложных видов деятельности. Однако именно комплексная интегративная юридическая аргументация наиболее эффективно обеспечивает развитие социальных организаций и решение возникающих социальных проблем. В ряду актуальных аргументов для данного тезиса рассматриваются следующие присущие правовой интеграции характеристики:

- интегративность направлена на достижение целей и задач правоприменения в сфере публичных интересов и совместной деятельности людей;
- теория правовой интегративности рассматривается и развивается в связи с потребностью юридического просвещения граждан, регулирования деятельности людей, социальных, профессиональных организаций;
- стремление к повышению авторитета государственных органов исполнительной власти через наделение субъекта управленческой деятельности актуальными правовыми полномочиями и управленческими функциями;
- конституционно обоснованное правовое единство как основа закрепления разнообразных организационных связей для участников управленческой деятельности.

Отметим, что актуальная для выделенных тезисов современная информатизация имеет статус перспективного развивающегося процесса, который в том числе обеспечивает поддержание и повышение некоторого критериального, предустановленного уровня правовой информированности населения. Также здесь обозначено единство исполнительских норм и установок сознания в контексте принципов, заложенных в характеристиках интегрального (интегративного) подхода к правопониманию для деятельности сотрудников полиции РФ.

Соответственно мы полагаем, что в целом, право как интегральный инструмент гуманитарного знания в обосновании профессиональной деятельности сотрудников полиции, призвано к решению многих актуальных задач для гражданина и общества. Это познание, воспитание, оценка и переоценка уровня общих и юридических знаний, актуального опыта правовой коммуникации. На практике внедрение интегрального (интегративного) подхода к правопониманию должно способствовать правильной оценке, обоснованности и своевременности принимаемых решений в сфере правового упорядочивания совместной деятельности людей. Соответственно в позитивной перспективе, научная школа интегративной юриспруденции призвана деятельно и эффективно суммировать различные подходы к праву по условиям комплексной реализации состава положений, актуальных в рамках каждого подхода.

Заклучение

В качестве вывода по данной теме полагаем считать установленным, что, во-первых, социально-философское исследование социальной природы и правового содержания функций полиции в современной России должно быть обращено к оформлению соответствующего понятийного аппарата. Во-вторых, переход от теории к практике фиксируется в моральном закреплении профессиональных аспектов деятельности сотрудников полиции. В таком содержании правовые установки стимулируют правовую активность и ценностные основания правомерного поведения для специфической системы государственных органов исполнительной власти.

Библиография

1. Богатырев В.В., Дубровин М.А. Интегративная функция государства в современном глобализирующемся мире // Пробелы в российском законодательстве. 2016. Вып. 8. С. 43.
2. Бондаренко М.В. Правовые установки как детерминирующий фактор правомерного поведения субъектов права // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2 (3). С. 36-42.
3. Делокаров К.Х. Философия. Право. Философия права // Право и современные государства. 2016. № 4. С. 17.
4. Калистратова Е.А. Человек в мире повседневности: ускользание от типизации // Омский научный вестник. 2010. № 2. С. 94-98.
5. Кошелев М.С. Интегративный подход к выявлению ценностного содержания права в русской философии права // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 2. С. 6-8.
6. Кульков М.О. Теоретические проблемы типологии форм государства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 198 с.
7. Лавриненко О.В. Правоохранительная деятельность служащих органов внутренних дел (философско-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 337-343.
8. Ланцова Л.А. Гражданское общество: проблемы формирования и развития. СПб., 2019. 281 с.
9. Марченко М.Н. Современные философско-методологические проблемы права. М.: Зерцало-М., 2007. 144 с.
10. Пищулин А.В. Правопонимание: теоретические вопросы формирования понятия «Философия, этика, религиоведение» // Вестник Московского университета. Серия 11. 2012. № 1. С. 29-43.
11. Потапенко Е.Г. Теоретические основы правовой интеграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 10.
12. Прохоров А.М. (ред.) Большой энциклопедический словарь. М., 2004. 1456 с.
13. Рожкова Л.П. Принципы и методы типологии государства и права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1980. С. 29.
14. Строева О.А. Типология права и правосознания: теоретико-правовая характеристика // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2 (3). С. 134-137.

An integral approach to the legal understanding of the activities of the Russian police

Andrei A. Kurnosenko

PhD in Sociology, Associate Professor,
Head of the Main Department of Economic Security
and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
107078, 1g, Ryazanskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: l2000@gmail.com

Anna V. Grishai

Adjunct,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
350005, 128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: kostyukanna777@mail.ru.

Abstract

The article deals with topical issues of professional activity of police officers in the system of state executive authorities of the Russian Federation for modern science. The author's theses for the formulation and solution of the problem of scientific analysis of the system of training and professional retraining of police officers are presented. The article attempts to analyze the integrative approach in the legal understanding of the activities of the Russian police from the perspective of its ideas and assessment of the current state. The result of the study of scientific literature, generalization and comparison of various points of view was the formulation of the author's definition of the category "legal understanding" and the presentation of a scientifically based integrative theory of legal understanding, which maximally meets the requirements of the time and has significant potential. As a conclusion on this topic, we consider it established that, firstly, the socio-philosophical study of the social nature and legal content of the functions of the police in modern Russia should be addressed to the design of the corresponding conceptual apparatus. Secondly, the transition from theory to practice is fixed in the moral consolidation of the professional aspects of the activities of police officers. In this content, legal guidelines stimulate legal activity and value foundations of lawful behavior for a specific system of state executive authorities.

For citation

Kurnosenko A.A., Grishai A.V. (2023) Integral'nyi podkhod k pravoponimaniyu deyatelnosti rossiiskoi politsii [An integral approach to the legal understanding of the activities of the Russian police]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 115-122. DOI: 10.34670/AR.2024.74.39.028

Keywords

Law, state, culture, legal consciousness, police, integral law, integrative legal understanding.

References

1. Bogatyrev V.V., Dubrovin M.A. (2016) Integrativnaya funktsiya gosudarstva v sovremennom globaliziruyushchemsya mire [Integrative function of the state in the modern globalizing world]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 8, p. 43.
2. Bondarenko M.V. (2018) Pravovye ustanovki kak determiniruyushchii faktor pravomernogo povedeniya sub"ektov prava [Legal guidelines as a determining factor in the lawful behavior of subjects of law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2 (3), pp. 36-42.
3. Delokarov K.Kh. (2016) Filosofiya. Pravo. Filosofiya prava [Philosophy. Law. Philosophy of law]. *Pravo i sovremennye gosudarstva* [Law and modern states], 4, p. 17.
4. Kalistratova E.A. (2010) Chelovek v mire povsednevnosti: uskol'zanie ot tipizatsii [Man in the world of everyday life: escaping typification]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2, pp. 94-98.
5. Koshelev M.S. (2013) Integrativnyi podkhod k vyyavleniyu tsennostnogo sodержaniya prava v russkoi filosofii prava [An integrative approach to identifying the value content of law in Russian philosophy of law]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 2, pp. 6-8.

6. Kul'kov M.O. (2008) *Teoreticheskie problemy tipologii form gosudarstva. Doct. Dis.* [Theoretical problems of the typology of state forms. Doct. Dis.]. Saratov.
7. Lantsova L.A. (2019) *Grazhdanskoe obshchestvo: problemy formirovaniya i razvitiya* [Civil society: problems of formation and development]. St. Peterburg.
8. Lavrinenko O.V. (2006) Pravookhranitel'naya deyatelnost' sluzhashchikh organov vnutrennikh del (filosofsko-pravovoi aspekt) [Law enforcement activities of employees of internal affairs bodies (philosophical and legal aspect)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2 (30), pp. 337-343.
9. Marchenko M.N. (2007) *Sovremennye filosofsko-metodologicheskie problemy prava* [Modern philosophical and methodological problems of law]. Moscow: Zertsalo-M Publ.
10. Pishchulin A.V. (2012) Pravoponimanie: teoreticheskie voprosy formirovaniya ponyatiya «Filosofiya, etika, religiovedenie» [Legal understanding: theoretical issues of formation of the concept “Philosophy, ethics, religious studies”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11* [Bulletin of Moscow University. Series 11], 1, pp. 29-43.
11. Potapenko E.G. (2010) *Teoreticheskie osnovy pravovoi integratsii. Doct. Dis.* [Theoretical foundations of legal integration. Doct. Dis.]. Saratov.
12. Prokhorov A.M. (ed.) (2004) *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Large encyclopedic dictionary]. Moscow.
13. Rozhkova L.P. (1980) *Printsipy i metody tipologii gosudarstva i prava. Doct. Dis.* [Principles and methods of typology of state and law. Doct. Dis.]. Leningrad.
14. Stroeva O.A. (2017) Tipologiya prava i pravosoznaniya: teoretiko-pravovaya kharakteristika [Typology of law and legal consciousness: theoretical and legal characteristics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2 (3), pp. 134-137.

УДК 316.4

DOI: 10.34670/AR.2024.24.34.029

Социальные практики противодействия экстремизму сотрудниками полиции: социально-философский анализ

Ишунин Владимир Андреевич

Соискатель,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: 7543688@mail.ru

Аннотация

Актуальность проблемы борьбы с проявлениями экстремизма обусловлена тем, что они посягают на права и свободы человека и гражданина, основы конституционного строя России, целостность и безопасность российского государства. Экстремистские объединения распространили свое влияние на многие регионы России. По данным МВД РФ, в России 12 тыс. молодых людей входят в экстремистские группировки. На учетах в ОВД состоят свыше 300 организаций, из которых более половины склонны к агрессивным действиям. В предлагаемой статье автор в контексте проведения анализа исследует социальные практики сотрудников полиции при реализации ими одной из своих основных служебных обязанностей, а именно – противодействию угрозе экстремизма. Автором особо подчеркивается, что наиболее эффективно данный вид деятельности показывает себя при комплексной профилактической работе, в частности, с молодежью и детьми школьного и дошкольного возраста. Основное направление социальной практики сотрудников полиции должно включать в себя по большей части элемент разъяснения, воспитания, чем строгого запрета. Чтобы в полной мере реализовать поставленную перед сотрудниками полиции задачу по социальному обеспечению противодействия экстремизму, каждый сотрудник полиции должен сам обладать высоким уровнем толерантности, уважительного отношений к иным культурам и религиям, правовой грамотности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ишунин В.А. Социальные практики противодействия экстремизму сотрудниками полиции: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 123-128. DOI: 10.34670/AR.2024.24.34.029

Ключевые слова

Общество, экстремизм, экстремистская деятельность, виды и формы экстремизма, агитация, пропаганда, просветительская деятельность, сотрудник полиции.

Введение

Проблема противодействия экстремизму продолжает повышать свою актуальность для современного российского общества по ряду причин, основными из которых можно признать сложную геополитическую обстановку и наличие в социуме разнообразных, зачастую, полярных мнений насчет идеологической и политической доктрины, которых должны придерживаться государственные органы власти при принятии ими властных решения.

Основная часть

Природа экстремистской теории заключается в логическом развитии каких-либо идей или взглядов, вырванных из контекста. Большинство таких теорий основываются на незначительном числе теоретических посылок, которые зачастую абсолютизируются и обрастают рядом следствий и выводов. Экстремистские течения, как правило, не связаны с властью и стремятся к диктатуре.

Проявления экстремизма разнообразны – от возбуждения гражданской ненависти, вражды до функционирования многочисленных незаконных вооруженных формирований, ставящих перед собой цели изменения конституционного строя Российской Федерации и нарушения ее территориальной целостности. Пересечение экстремистских проявлений и преступлений привело к возникновению нового вида социально опасной деятельности – преступного экстремизма.

Свобода мнения и слова, регламентированные нашей Конституцией, ошибочно воспринимаются отдельными представителями населения как право пропагандировать любые, даже самые радикальные, основанные на ненависти и ксенофобии идеи. Для того, чтобы оградить преступные проявления свободы мысли от ее нормальной формы, в деятельности сотрудников полиции отдельным направлением, важность которого особо подчеркивается на различных представительских мероприятиях из года в год, выделяется противодействие экстремизму. Особое внимание следует уделить тому, что экстремизм как сложное социально-политическое явление требует консолидированных усилий, в том числе, социального характера, направленных на борьбу с его причинами и условиями внутри общества, а не на сглаживание внешних проявлений.

Выбранная тема исследования представляется актуальной, а обращение к ней – своевременным. Результаты проведенного исследования, в том числе, могут быть использованы в практической деятельности сотрудников полиции и при разработке теоретического обеспечения их деятельности.

Основной проблемой противодействия экстремизму в российском правовом поле выступает отсутствие четкой формулировки политического экстремизма как правовой категории. В научном сообществе данный факт, даже после принятия Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» вызывает активные дискуссии, а при практической реализации деятельности сотрудников ОВД при противодействии экстремизму – серьезные трудности в вопросах квалификации правонарушений.

Одной из наиболее распространенных точек зрения является суждение В.В. Лапаевой о том, что при разрешении проблем политического экстремизма с правовых позиций федеральный законодатель должен работать на опережение при соответствующей требованиям Конституции РФ продуманной политико-правовой стратегии противодействия экстремистской деятельности [Лапаева, 2021]. Мы также разделяем указанное мнение. При этом важно помнить, что стратегия

противодействия экстремизму в нашем государстве, в частности, и в мировом правовом поле в общем должна учитывать специфику данного общественного феномена в связи с его разновидностями. В этом и заключается основная опасность экстремистской деятельности: при единых целях и инструментах реализации в зависимости от сферы общественных отношений экстремизм может отличаться по сущности, признакам. Так различают религиозный, молодежный, экономический, политический, экологический и т. д. Любая радикальная мысль в любой области общественных отношений может перерасти в экстремистскую деятельность. Однако сущностное основание экстремизма как социального явления остается неизменным.

В связи с этим крайне важно изучить и разработать практику противодействия экстремизму, сущность которой заключалась бы с работой с причинами и условиями формирования экстремизма еще в поле социальных взаимодействий и которую реализовывали бы сотрудники полиции как основные должностные лица, в служебные обязанности которых входит обеспечение общественной безопасности и общественного правопорядка.

Социальная практика – это форма социальной активности определенная последовательность действий, носящих преобразующий социальный характер; вид деятельности, направленный на приобретение позитивного социального опыта и получения навыков социальной компетентности и реального действия в обществе

Прежде всего, необходимо уточнить, что основными, вызывающими наибольшую опасность для благополучия российского общества, формами экстремистской деятельности следует признать экстремизм национальный и религиозный. Данный факт обусловлен многонациональным составом населения России, в котором в разной степени представлены разнообразные конфессиональные традиции. Отдельными представителями экстремистских движений религия используется как эффективный инструмент для управления общественным сознанием в силу того, что во многих национальных республиках современной России конфессия и конфессиональные традиции продолжают оказывать заметное, даже основополагающее влияние на социальные процессы и мировоззрение ее представителей.

В данном контексте деятельность органов внутренних дел должна иметь целенаправленный характер борьбы с подобными антиконституционными проявлениями. Одним из направлений социальной практики можно назвать борьбу с агитацией экстремистских идей и их распространением в обществе. Такая работа должна быть направлена на повышение уровня неприятия у населения идей экстремизма, воспитание у подрастающего поколения идей толерантного, уважительного отношения к представителям другой национальной, культуры, веры. Указанная мера в большей степени относится к профилактическим.

Важно помнить, что основным инструментом пропаганды экстремизма в обществе должна выступать антиэкстремистская агитация. Ее необходимо проводить как на государственном уровне посредством трансляции в федеральных средствах массовой информации не только материалов против экстремизма, но и информации, которая способствовала бы повышению уровня интернационализма и уважения народов к культуре и особенностям традиций друг друга, так и с помощью общественных организаций и лиц, пользующихся авторитетом в социальной среде. Роль сотрудников полиции в указанном направлении заключается в организации пропагандистской и просветительской деятельности среди граждан, которая позволила бы сформировать устойчивое неприятие радикальных и экстремистских идей, объективное понимание опасности экстремистской деятельности как одной из угроз безопасности и целостности государства.

Основное противодействие любому виду преступности, в том числе, и экстремистской деятельности, заключается в его профилактике. Легче не допустить преступление, чем его

расследовать или предотвращать последствия. Особенно эффективной нам представляется социальная работа, направленная на воспитание мировоззрения несовершеннолетних лиц.

«В первую очередь необходимо нейтрализовать негативное влияние социальной среды, ограничить отрицательное воздействие внешних факторов и создать условия для позитивной занятости детей и молодежи в свободное время посредством освоения культурных и социальных практик. В такой ситуации актуализируется организация позитивной занятости детей после уроков - во внеурочной деятельности и в дополнительном образовании. Такие установки содержат нормативно-правовые и государственные программные документы, об этом говорят лидеры государства, связывая свои ожидания с исправлением негативных тенденций» [Буйлова, 2022].

В задачи органов внутренних дел в таком контексте входит, во-первых, обеспечение безопасности проведение занятий с детьми, а во-вторых – комплексная, направленная на разъяснительную деятельность работа, позволяющая не только заниматься правовой социализацией молодежи, но и воспитывать их в духе уважительного отношения к представителям иной национальности и культуры. Важно отметить, что сотрудники полиции при проведении работы с несовершеннолетними лицами должны не только пропагандировать здоровые межнациональные отношения, но и повышать их правовую грамотность. Последний аспект реализуется посредством разъяснения действующего законодательства.

Заключение

Чтобы в полной мере реализовать поставленную перед сотрудниками полиции задачу по социальному обеспечению противодействия экстремизму, каждый сотрудник полиции должен сам обладать высоким уровнем толерантности, уважительного отношений к иным культурам и религиям, правовой грамотности.

Библиография

1. Арчаков М.К. Политический экстремизм в России (сущность, проявление, меры противодействия): автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2016. С. 8-9.
2. Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2012. С. 15.
3. Бааль Н.Б. Молодежный политический экстремизм в современном российском обществе // Российский следователь. 2007. № 12. С. 27-28.
4. Буйлова Л.Н. Роль социальных и культурных практик в профилактике рисков терроризма и экстремизма в образовательной среде. URL: <https://prodod.moscow/archives/22251/>
5. Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra. Правоохранительные органы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 463 с.
6. Ерыгина В.И. Проблема ответственности политических партий за экстремизм в российском законодательстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 8. С. 41-44.
7. Лапаева В.В. Политический и религиозный экстремизм: проблемы совершенствования законодательства // Адвокат. 2021. № 10. С. 5.
8. Сазанова Е. Молодежный экстремизм как социальный феномен // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008. С. 43-46.
9. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. в 2-х тт. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 47-548.
10. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».
11. Шарапов А.К. Политический экстремизм. Чита, 2017. С. 71-100.
12. Юрчевский С.Д. Некоторые проблемы противодействия политическому экстремизму (региональный аспект) // Административное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 9-13.

Social practices of countering extremism by police officers: a socio-philosophical analysis

Vladimir A. Ishunin

Applicant,
Essentuki Institute of Management, Business and Law,
357600, 2, Ermolova str., Essentuki, Russian Federation;
e-mail: 7543688@mail.ru

Abstract

The urgency of the problem of combating manifestations of extremism is due to the fact that they encroach on the rights and freedoms of man and citizen, the foundations of the constitutional standing of Russia, the integrity and security of the Russian state. Extremist associations have spread their influence to many regions of Russia. According to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 12 thousand young people in Russia are members of extremist groups. More than 300 organizations are registered in the Department of Internal Affairs, of which more than half are prone to aggressive actions. In the proposed article, the author, in the context of the analysis, examines the social practices of police officers in the implementation of one of their main official duties, namely, countering the threat of extremism. The author emphasizes that this type of activity shows itself most effectively in complex preventive work, in particular, with young people and children of school and preschool age. The main direction of the social practice of police officers should include, for the most part, an element of explanation, education, rather than a strict prohibition. In order to fully realize the task assigned to police officers to socially ensure counteraction to extremism, each police officer must himself have a high level of tolerance, respect for other cultures and religions, and legal literacy.

For citation

Ishunin V.A. (2023) Sotsial'nye praktiki protivodeistviya ekstremizmu sotrudnikami politsii: sotsial'no-filosofskii analiz [Social practices of countering extremism by police officers: a socio-philosophical analysis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 123-128. DOI: 10.34670/AR.2024.24.34.029

Keywords

Society, extremism, extremist activity, types and forms of extremism, agitation, propaganda, educational activities, police officer.

References

1. Archakov M.K. (2016) *Politicheskii ekstremizm v Rossii (sushchnost', proyavlenie, mery protivodeistviya)*. *Doct. Dis.* [Political extremism in Russia (essence, manifestation, countermeasures). *Doct. Dis.*]. Yekaterinburg.
2. Baal' N.B. (2007) Molodezhnyi politicheskii ekstremizm v sovremennom rossiiskom obshchestve [Youth political extremism in modern Russian society]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 12, pp. 27-28.
3. Baal' N.B. (2012) *Politicheskii ekstremizm rossiiskoi molodezhi i tekhnologii ego preodoleniya*. *Doct. Dis.* [Political extremism of Russian youth and technologies for overcoming it. *Doct. Dis.*]. Nizhny Novgorod.

4. Builova L.N. *Rol' sotsial'nykh i kul'turnykh praktik v profilaktike riskov terrorizma i ekstremizma v obrazovatel'noi srede* [The role of social and cultural practices in preventing the risks of terrorism and extremism in the educational environment]. Available at: <https://prodod.moscow/archives/22251/>
5. Erygina V.I. (2010) Problema otvetstvennosti politicheskikh partii za ekstremizm v rossiiskom zakonodatel'stve [The problem of responsibility of political parties for extremism in Russian legislation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 8, pp. 41-44.
6. *Federal'nyi zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ «O protivodeistvii ekstremistskoi deyatel'nosti»* [Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ “On Combating Extremist Activities”].
7. Galuzo V.N. (2016) *Teoriya pravoohrany v Rossiiskoi Federatsii: pro et contra. Pravookhranitel'nye organy* [The theory of law enforcement in the Russian Federation: pro et contra. Law enforcement agencies]. Moscow: YuNITI-DANA Publ.
8. Lapaeva V.V. (2021) Politicheskii i religiozniy ekstremizm: problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva [Political and religious extremism: problems of improving legislation]. *Advokat* [Advocate], 10, p. 5.
9. Sazanova E. (2008) Molodezhnyi ekstremizm kak sotsial'nyi fenomen [Youth extremism as a social phenomenon]. In: *Ekstremizm i drugie kriminal'nye yavleniya* [Extremism and other criminal phenomena]. Moscow.
10. Sharapov A.K. (2017) *Politicheskii ekstremizm* [Political extremism]. Chita.
11. Solov'ev V.S. (1988) Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification for good. Moral philosophy]. In: *Soch. v 2-kh tt.* [Op. in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 1.
12. Yurchevskii S.D. (2012) Nekotorye problemy protivodeistviya politicheskomu ekstremizmu (regional'nyi aspekt) [Some problems of countering political extremism (regional aspect)]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and municipal law], 2, pp. 9-13.

УДК 101.1:316

DOI: 10.34670/AR.2024.27.77.030

Политическая власть в контексте социально-философского осмысления

Зенин Константин Анатольевич

Кандидат социологических наук, доцент, докторант,
Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт,
357108, Российская Федерация, Невинномысск, б-р Мира, 17;
e-mail: 5094977@mail.ru

Аннотация

Статья рассматривает политическую власть как объект исследования социально-гуманитарного знания. Описывается ее значение в регулировании социальных процессов и влиянии на жизнь членов общества. Статья написана с учетом педагогического контекста и может быть использована в качестве материала для обучения студентов социальных наук. Размышления о природе власти и идеологии всегда находились в центре философского внимания. Человек становится «существом политическим», как только он начинает функционировать в качестве субъекта общественной жизни. И потому сфера политической деятельности, так или иначе, но неизменно оказывается в поле философских исследований. Но при этом, подчеркивается в статье, политическая деятельность является именно объектом философского исследования, а сам философ должен быть дистанцирован от власти. Эта по самой своей сути двойственная позиция порождает проблему взаимоотношений философии и власти в целом, что обнаруживается в конфликте между философской позицией мыслителя, стремящегося к свободному мышлению, и его вовлеченностью в конкретную идеологическую ситуацию, которая всегда оказывается концентрированным выражением интереса власти. В данной работе рассматриваются парадигмы и подходы к интерпретации феномена власти и ее философского осмысления. Автор предпринял попытку обосновать способы рефлексии над феноменом власти посредством обращения к их социально-гуманитарным аспектам.

Для цитирования в научных исследованиях

Зенин К.А. Политическая власть в контексте социально-философского осмысления // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 129-133. DOI: 10.34670/AR.2024.27.77.030

Ключевые слова

Общество, политическая власть, социальная философия, социальные процессы, регулирование, социально-гуманитарное знание, обучение.

Введение

Понимание политической власти и ее механизмов является важной задачей для социально-философских исследований. Ведь властные отношения являются частью общественных отношений и присутствуют в различных сферах жизни. Поэтому изучение политической власти может помочь в понимании социальных процессов и взаимодействия между участниками общества. Эта тема также является важной для педагогического процесса, ведь обучение основам гражданской и политической культуры включает в себя изучение политических институтов, права и власти.

Основная часть

Современная политическая сфера подвержена различным трансформационным процессам: от глобализации общественных отношений до демократизации характера власти, испытывает на себе влияние других трансформационных изменений, происходящих в обществе. Указанные причины являются основными стимулами для проведения детальных и глубоких исследований политической власти как феномена общественной жизни. В связи с этим вопрос о теоретико-методологическом аспекте изучения политической власти представляется нам особенно актуальным, так как позволяет выявить основные правила и закономерности исследования политической власти, что несет в себе как теоретическую, так и практическую ценность для современного научного сообщества и социума в целом. При этом следует отметить, что при изучении имеющейся научно-исследовательской литературы, был сделан вывод о недостаточной представленности актуальных исследований на данную тему, хотя общество как постоянно динамично развивающаяся структура нуждается в постоянно обновлении и актуализации научного материала, на основе которого разрабатываются практические рекомендации по регулированию общественной жизни.

Происходящие в мире процессы заставляют по-новому взглянуть на роль и значение власти, как в международном, так и внутригосударственном плане. Необходим пересмотр некоторых устоявшихся традиционных представлений о политических режимах, властных принципах, характере соотношения между собой регулятивных категорий. В этих условиях особую значимость приобретает анализ теоретико-методологических оснований власти, факторов, определяющих ее сущность и роль в обществе [Меньшиков, 2005, 318].

В любом коллективе, общности людей, проживающих на единой территории, мы можем установить системность общественных отношений, их четкую организованность вне зависимости от уровня развития социума. Организация повседневной жизни и деятельности является неотъемлемым элементом как быта первых человеческих поселений, так современного социума, находящегося на постиндустриальной ступени развития. При этом любая, даже самая примитивная организация требует определенной иерархии подчинения одних ее членов другим, то есть наличия властных отношений. Форма и признаки властных отношений зависят от многих факторов, в числе которых:

- рассматриваемый исторический период;
- своеобразие социальных условий;
- конструкция общества;
- наличие органа правления, его вид;
- уровень развития основных сфер жизни общества.

Существует еще множество других факторов, которые при изучении каждого конкретного случая властных отношений будут качественно влиять на их сущностные признаки. По этой

причине политическая власть отличается многоплановостью и функциональным разнообразием.

Политическая власть в Древнем Риме как объект изучения будет качественно и сущностно отличаться от реализации политической власти в Средневековом Китае или современной Австралии, хотя основные критерии и элементы изучения, также как и методы и методология проведения такого исследования будут абсолютно одинаковыми.

По этой причине теоретико-методологический аспект и занимает центральное место в исследованиях, посвященных методике проведения изучения того или иного социального феномена, фактора или явления. Именно благодаря теоретико-методологическому аспекту социально-философского исследования мы получаем богатый и разнообразный материал для изучения других актуальных вопросов, связанных с политической властью. Рассматриваемый нами аспект можно назвать инструментом, средством исследований. Говоря о политической власти, выявление посредством теории и методов ее сущностного содержания позволяет изучить ее роль и значение для общества, политической сферы, государства, выявить возможности более эффективного регулирования данной области, а также избежать возможных ошибок.

На сегодняшний день сложились отдельные традиции теоретико-методологического изучения политической власти с точки зрения социально-философской науки. Так в середине XIX века сформировалась так называемая классическая западная модель, исследующая политическую власть в историческом контексте от античного периода развития общества до современности. Основными теоретико-методологическими аспектами указанной традиции являются:

- выяснение сущностных характеристик власти как социального и политического явления;
- понимание политической власти как фактора, оказывающего доминирующее регулятивное воздействие на организацию политической жизни общества, государства;
- разработка методологических оснований для классификации форм правления;
- обоснование необходимости разделения властей.

В отечественной науке для российской исследовательской сферы, характерна следующая методология изучения политической власти:

- научный анализ зарубежных исследований политической власти;
- анализ властных изменений в постсоветской России, поиск путей совершенствования деятельности властных структур в условиях демократических преобразований;
- понимание политической власти как одной из регулятивных форм, ее соотношение с другими регулятивными формами;
- исследование информационно-волевого механизма властного взаимодействия;
- анализ форм, принципов и методов осуществления политической власти;
- выявление факторов, обуславливающих легитимность политической власти;
- проблема идентификации и сводимости интересов;
- исследование вопроса о прогнозировании властных процессов.

Важно отметить, что исследование политической власти в основном строится на изучении концепций, созданные К. Марксом и М. Вебером. Данные точки зрения на сущность политической власти имеют совершенно полярную структуру, сущность и признаки, однако именно на них строится большинство концепций изучения рассматриваемого нами феномена общественной жизни.

На сегодняшний день теоретико-методологический аспект изучения политической власти основывается на следующих элементах:

- интеграция социальной философии, социологии, социальной психологии и политической науки в исследовании власти;
- нацеленность политических исследований на практический результат, опора на факты;
- широкое использование социально-философских методов в исследовании политики и власти;
- наличие концептуальных нетрадиционных подходов к пониманию и трактовке власти и ее разновидностей.

Заключение

Таким образом, на современном этапе развития социально-философских исследований политической власти, нацеленных на актуализацию накопленного научного и практического материала, мы видим особенно эффективным и целесообразным использовать сочетание классических методов познания указанного социально-политического явления с современными тенденциями, получившими распространение как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Библиография

1. Байтин М.И. Государство и политическая власть. Саратов, 1973. С. 12.
2. Вебер М. Избранные произведения. М., 1991. 808 с.
3. Гоббс Т. Сочинения: в 2-х т. М., 1991. 622 с.; 731 с.
4. Гобозов И.А. Философия политики. М., 2002. 154 с.
5. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 2014. 233 с.
6. Куфтырев А.И. Политическая организация общества. М., 1981. С. 30.
7. Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. 384 с.
8. Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. 503 с.
9. Матусевич А.В. Политическая система. Мн., 1992. 148 с.
10. Ментальность россиян. Специфика сознания больших групп населения России. М., 1997. С. 10.
11. Меньшиков В.В. Власть и властные отношения: Теоретико-методологический аспект: дис. ... д-ра. полит. наук. Краснодар, 2005. 318 с.
12. Раджиев К.С., Ильин В.В., Панарин А.С. Философия власти. М., 1993. 440 с.
13. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты: энцикл. словарь. М.: Республика, 2001. С. 190.
14. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.
15. Тощенко Ж.Т. Политическая социология: Курс лекций. М., 1993. 526 с.

Political power in the context of socio-philosophical understanding

Konstantin A. Zenin

PhD in Sociology, Associate Professor, Doctoral Applicant,
Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute,
357108, 17, Mira b., Nevinnomyssk, Russian Federation;
e-mail: 5094977@mail.ru

Abstract

The article considers political power as an object of research of social and humanitarian knowledge. Its importance in regulating social processes and influencing the lives of members of society is described. The article is written taking into account the pedagogical context and can be

used as a material for teaching students of social sciences. Reflections on the nature of power and ideology have always been at the center of philosophical attention. A person becomes a "political being" as soon as he begins to function as a subject of public life. And therefore the sphere of political activity, one way or another, but invariably turns out to be in the field of philosophical research. But at the same time, the article emphasizes, political activity is precisely the object of philosophical research, and the philosopher himself should be distanced from the authorities. This inherently ambivalent position gives rise to the problem of the relationship between philosophy and power in general, which is revealed in the conflict between the philosophical position of a thinker striving for free thinking and his involvement in a specific ideological situation, which always turns out to be a concentrated expression of the interest of power. In this paper, paradigms and approaches to the interpretation of the phenomenon of power and its philosophical understanding are considered. The author has tried to substantiate the ways of reflection on the phenomenon of power by referring to their socio-humanitarian aspects.

For citation

Zenin K.A. (2023) Politicheskaya vlast' v kontekste sotsial'no-filosofskogo osmysleniya [Political power in the context of socio-philosophical understanding]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 129-133. DOI: 10.34670/AR.2024.27.77.030

Keywords

Society, political power, social philosophy, social processes, regulation, social and humanitarian knowledge, education.

References

1. Baitin M.I. (1973) *Gosudarstvo i politicheskaya vlast'* [State and political power]. Saratov.
2. Gobozov I.A. (2002) *Filosofiya politiki* [Philosophy of politics]. Moscow.
3. Hobbes T. (1991) *Sochineniya: v 2-kh t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow.
4. Il'in V.V., Panarin A.S. (2014) *Filosofiya politiki* [Philosophy of politics]. Moscow.
5. Kuftyrev A.I. (1981) *Politicheskaya organizatsiya obshchestva* [Political organization of society]. Moscow.
6. Ledyayev V.G. (2001) *Vlast': kontseptual'nyi analiz* [Power: a conceptual analysis]. Moscow.
7. Machiavelli N. (1982) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow.
8. Matusevich A.V. (1992) *Politicheskaya sistema* [Political system]. Minsk.
9. Men'shikov V.V. (2005) *Vlast' i vlastnye otnosheniya: Teoretiko-metodologicheskii aspekt. Doct. Dis.* [Power and power relations: Theoretical and methodological aspect. Doct. Dis.]. Krasnodar.
10. (1997) *Mental'nost' rossiyan. Spetsifika soznaniya bol'shikh grupp naseleniya Rossii* [Mentality of Russians. Specifics of consciousness of large groups of the Russian population]. Moscow.
11. Radzhiev K.S., Il'in V.V., Panarin A.S. (1993) *Filosofiya vlasti* [Philosophy of power]. Moscow.
12. (2001) *Rossiiskaya tsivilizatsiya. Etnokul'turnye i dukhovnye aspekty: entsikl. slovar'* [Ethnocultural and spiritual aspects: encyclopedic dictionary]. Moscow: Respublika Publ.
13. Sorokin P. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow.
14. Toshchenko Zh.T. (1993) *Politicheskaya sotsiologiya: Kurs lektsii* [Political sociology: Course of lectures]. Moscow.
15. Weber M. (1991) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow.

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2024.37.39.010

Эпистемологические критерии формирования инфраструктуры поддержки талантливой молодежи

Смирнова Светлана Михайловна

Старший преподаватель,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80;
e-mail: Oos39@mail.ru

Шастун Тамара Александровна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80;
e-mail: shastun-ta@yandex.ru

Галушкин Владимир Викторович

Старший преподаватель,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80;
e-mail: super-club@mail.ru

Аннотация

В статье показано, что для успешного развития одаренных детей необходимо обеспечить условия, способствующие интеллектуальному и творческому росту. Это включает организацию специализированных мероприятий, таких как кружки, лагеря, мастер-классы и конкурсы, где дети с выдающимися способностями могут проявить свой потенциал и общаться с единомышленниками. Кроме того, важно предоставить доступ одаренным детям к качественному образованию, соответствующему их потребностям. Это может включать индивидуализированные учебные программы, дополнительные материалы, консультации специалистов и наставников. Следует также уделить внимание социальной адаптации одаренных детей, поскольку высокий уровень интеллекта иногда может привести к социальным проблемам. Поэтому поддержка и понимание со стороны окружающих, а также создание дружественной и поддерживающей среды играют важную роль в успешном развитии одаренных детей. Для эффективного развития одаренности необходим системный подход, который включает взаимодействие образовательных учреждений, родителей, педагогов, психологов и других специалистов. Только совместными усилиями можно создать условия для раскрытия потенциала каждого одаренного ребенка и помочь им стать успешными и счастливыми взрослыми.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнова С.М., Шастун Т.А., Галушкин В.В. Эпистемологические критерии формирования инфраструктуры поддержки талантливой молодежи // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 134-140. DOI: 10.34670/AR.2024.37.39.010

Ключевые слова

Творческий потенциал, эпистемологические критерии, системный подход, одаренные дети, индивидуализированное обучение, социальная адаптация.

Введение

Обучение одаренной молодежи считается ключевым фактором для развития общества, поскольку талантливые люди способствуют прогрессу в науке, экономике и культуре страны. Поэтому необходимо создавать условия, которые помогут каждому талантливому человеку раскрыть свой потенциал наиболее эффективно.

Однако важно не только изучать педагогические методы для развития талантов, но и создавать политические инструменты, которые обеспечат сохранение потенциала одаренной молодежи внутри страны. Проблема утраты талантливой молодежи из-за недостаточного патриотического воспитания, отсутствия поддержки и признания в России является одной из актуальных проблем современного общества.

Исследование этой проблемы с учетом политических аспектов является важной темой для исследований, поскольку позволит понять, какие меры можно предпринять для удержания талантливой молодежи в стране и обеспечения ее успешного развития и реализации потенциала.

Основное содержание

В общем смысле одаренные или талантливые дети, подростки или молодежь обладают умственными способностями, которые значительно превышают типичный уровень для их возраста. Они могут быть одаренными в различных областях, таких как вербальные, математические, естественно-научные или художественные навыки. Также выделяют интеллектуально и творчески одаренную молодежь, где одаренность связана с выдающимися способностями или знаниями.

Некоторые ученые различают "одаренность" и "талант", относя первое к природным способностям, а второе — к приобретенным навыкам. Однако многие считают эти термины взаимозаменяемыми. Независимо от различий между ними, "одаренность" как понятие была определена различными способами на протяжении истории исследований.

Льюис Терман, один из авторитетных исследователей в области одаренности, использовал количественные показатели, такие как высокий уровень IQ, для определения одаренности. Он провел долгосрочное исследование развития 1528 одаренных детей с IQ выше 135. С тех пор исследователи пришли к выводу, что одаренность часто не может быть охарактеризована только одним параметром.

В 1972 году Управление образования США определило одаренность как превосходство в шести областях: общие интеллектуальные способности, конкретные академические навыки, творческое мышление, лидерские способности, изобразительное и исполнительское искусство,

а также психомоторные способности. Позднее, в 1978 году, была предложена Модель Рензулли, которая включала три кольца: приверженность к выполнению сложных задач, высокую креативность и способности выше среднего. Другие исследователи и практики расширили определение одаренности, учитывая многомерный характер интеллекта. Например, Г. Гарднер предложил концепцию множественных видов интеллекта, включая вербально-лингвистический, логико-математический, визуально-пространственный, музыкальный, телесно-кинестетический, внутриличностный, межличностный и естественно-научный. Р. Стернберг в своем исследовании 1985 года выделил три основных вида интеллекта: аналитические (академические), синтетические (творческие) и практические (прикладные) способности, сфокусировавшись на когнитивных процессах.

Согласно теории, классификация одаренности базируется на различных типах интеллекта. Независимо от того, как понимается одаренность, процесс признания и развития таланта имеет свои социально-политические особенности. Исследования в области психологии одаренной молодежи показывают, что одаренные ученики должны осознать свою уникальность, а также уметь справляться с социальными и эмоциональными проблемами. Для одаренной молодежи важны две вещи: реализация своих способностей и признание их со стороны общества. При отсутствии признания и возможностей в своей стране молодые одаренные люди могут искать возможности за ее пределами. Поэтому политические стратегии развития талантливой молодежи должны включать в себя как развитие способностей, так и признание их значимости. Кроме того, такие стратегии должны включать элементы патриотического воспитания, чтобы одаренная молодежь чувствовала себя ценной для своей страны и стремилась использовать свои способности на благо общества.

Исследования в области одаренности начались примерно 90 лет назад. Сначала они были сфокусированы на выявлении небольшой группы одаренных детей и подростков, но со временем эта концепция изменилась на более широкое развитие талантов у всех учащихся. Сегодня важно стремиться к развитию потенциала всех учеников, включая тех, кто находится в зоне риска, менее способных, талантливых и одаренных. Это новое понимание можно рассматривать как попытку решения социальных проблем, связанных с балансом между равенством и стремлением к совершенству. Концепция одаренности и таланта стала более многомерной, включая такие аспекты как приверженность, мастерство, разнообразные виды мышления и креативность. Таким образом, общепринятое представление об интеллекте как единого показателя в виде IQ становится все менее адекватным для определения одаренности. Воспитательные аспекты стали ключевыми при определении одаренности наряду с другими качествами.

Хотя некоторые специалисты в области образования сегодня из-за удобства или традиции по-прежнему фокусируются только на интеллектуально одаренных детях и молодежи и идентифицируют их, используя высокий показатель IQ (например, 130), растет признание расширенного понятия одаренности и многомерной концепции развития интеллекта среди педагогов в области образования одаренных детей. Ожидается, что тенденция основывать образовательную практику на расширенных представлениях об одаренности сохранится, и дальнейшее расширение будет учитывать различные концепции одаренности в различных культурных условиях.

Помимо мультикультурных соображений в расширении концепций одаренности, существует также тенденция поиска объяснений одаренности, основанных на современных знаниях о функциях мозга из области неврологии или нейропсихологии.

Таким образом, практическое применение расширяющихся знаний о функциях мозга в исследованиях обучения одаренных учащихся продолжит превращаться в основную тенденцию в образовании одаренных в следующем десятилетии. Другой важной тенденцией в течение следующего десятилетия, вероятно, станет все более широкое использование технологий учебной коммуникации, основанных на достижениях в области информационных технологий.

В настоящее время является развитыми институты развития талантов молодежи в творчестве и спорте посредством институтов специализированного образования, наличия системы соревнований и конкурсов, позволяющих получить признание и поддержку. В то же время институты поддержки молодежи талантливой в аналитическом или прикладных аспектах в настоящее время в России находятся в стадии развития. Фактически, самым распространенным инструментом реализации одаренности является ускоренное прохождение школьной программы с дальнейшим поступлением в ВУЗ в более раннем возрасте без учета уровня социальной адаптации. Очевидно, что если в настоящее время существуют инструменты реализации научного потенциала студентов ранних курсов, то возможно аналогично формирование системы дополнительного развития одаренных школьников посредством участия в дополнительной учебной деятельности на более глубоком уровне без ускоренного обучения в системе школьного образования.

Сегодня многие образовательные специалисты все еще сосредотачиваются на идентификации интеллектуально одаренных детей и подростков через высокий уровень IQ, но все больше педагогов признают необходимость более широкого понимания одаренности и развития интеллекта. Они стремятся учитывать разнообразные аспекты одаренности, а не только интеллектуальные способности. Будущее образования одаренных детей, вероятно, будет основано на расширенных представлениях об одаренности и учете культурных различий.

Помимо этого, современные знания о функциях мозга из области неврологии и нейропсихологии также вносят свой вклад в понимание одаренности. Применение этих знаний в образовании одаренных учащихся становится все более распространенным и будет играть важную роль в образовательном процессе в следующем десятилетии.

В будущем можно ожидать расширенное использование технологий обучения, основанных на информационных технологиях. Также развиты институты поддержки талантливой молодежи в области творчества и спорта, но системы поддержки для талантливых школьников в аналитических или прикладных областях требуют дальнейшего развития. Важно также развивать системы дополнительного образования для одаренных школьников без ускоренного прохождения программы, чтобы обеспечить им более глубокое развитие без потери социальной адаптации.

Заключение

В мировой практике существуют различные подходы к созданию инфраструктуры для развития одаренной молодежи с высокими когнитивными способностями. Один из подходов заключается в интеграции развития личности в социокультурную среду через специальные программы поддержки, в то время как другой подход предполагает создание специализированных учреждений для одаренной молодежи до поступления в вузы. Оба подхода имеют свои преимущества и недостатки.

В России в настоящее время основное внимание уделяется второму подходу, где создаются специализированные центры для развития различных видов одаренности. Эти центры также

проводят патриотическое воспитание, формируя не только будущих профессионалов, но и ответственных граждан. Комплексные программы для одаренных должны уделять особое внимание эмоциональному и социальному развитию учащихся.

Для дальнейшего развития политики поддержки талантливой молодежи необходимо разработать нормативные документы, определяющие методики оценки различных видов одаренности. Эти критерии помогут улучшить прозрачность процесса отбора одаренных детей для участия в специализированных программах. Также важно проводить проверку всех школьников на наличие природных склонностей и следить за их развитием в рамках образовательной системы. Необходимо создать систему поддержки семей с одаренными детьми и уделять внимание воспитанию духовных ценностей и патриотизма, учитывая индивидуальные потребности каждого ребенка.

Библиография

1. Ананьева Т. Н. и др. Всероссийская студенческая олимпиада как механизм выявления талантливой молодежи // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2013. – №. 4. – С. 56-65.
2. Зарайский А.А. Морфемная структура неологизмов в современном английском языке (раздел в главе 1 "Язык и цифровое пространство") // Языковая и культурная идентичность в цифровую эпоху: [кол. монография]/ под общ. ред. А.А. Зарайского. - Саратов: ООО "Амирит", 2019. - 162 с.
3. Зарайский А.А. Морфемная структура неологизмов в современном английском языке // Языковая и культурная идентичность в цифровую эпоху: [кол. монография]. Саратов: Изд. центр "Амирит", 2019. 162 с.
4. Зарайский А.А. Язык и мир изучаемого языка: лингводидактические и межкультурные аспекты преподавания иностранных языков в неязыковом вузе // Язык и мир изучаемого языка: сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов: Саратовский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 127-136.
5. Леонидова Г. В. Генерация знаний талантливой молодежи в интересах интеллектуализации человеческого капитала: методы и формы осуществления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – Т. 13. – №. 1. – С. 90-100.
6. Мягких А. А. Проблемы и механизмы совершенствования общенациональной системы выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи в России // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – №. 75. – С. 227-248.
7. Файзрахманова А. Л., Файзрахманов И. М. Развитие проектной культуры талантливой молодежи в области декоративно-прикладного творчества // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – №. 1-1. – С. 197-201.
8. Филимонова Н. М., Ползунова Н. Н. Направления развития государственной политики в области поддержки талантливой молодежи в регионе // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №. 2-2. – С. 408-408.
9. Renzulli J. S. What makes giftedness? Reexamining a definition // Phi delta kappan. – 1978. – Т. 60. – №. 3. – С. 180.
10. Sternberg R. J. Beyond IQ: A triarchic theory of human intelligence. – CUP Archive, 1985.
11. Sternberg R. J. et al. (ed.). Conceptions of giftedness. – New York, NY : Cambridge University Press, 2005. – Т. 2.

Epistemological criteria for creating an infrastructure to support talented youth

Svetlana M. Smirnova

Senior Lecturer,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
125190, 80 Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Oos39@mail.ru

Tamara A. Shastun

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
125190, 80 Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shastun-ta@yandex.ru

Vladimir V. Galushkin

Senior Lecturer,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
125190, 80 Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: super-club@mail.ru

Abstract

The article shows that for the successful development of gifted children it is necessary to provide conditions conducive to intellectual and creative growth. This includes organizing specialized events such as clubs, camps, master classes and competitions where children with outstanding abilities can show their potential and interact with like-minded people. In addition, it is important to provide gifted children with access to quality education that meets their needs. This may include individualized training programs, additional materials, consultations with specialists and mentors. Attention should also be paid to the social adaptation of gifted children, since a high level of intelligence can sometimes lead to social problems. Therefore, support and understanding from others, as well as the creation of a friendly and supportive environment, play an important role in the successful development of gifted children. For the effective development of giftedness, a systematic approach is required, which includes the interaction of educational institutions, parents, teachers, psychologists and other specialists. Only through joint efforts can we create conditions for unlocking the potential of every gifted child and help them become successful and happy adults.

For citation

Smirnova S.M., Shastun T.A., Galushkin V.V. (2023) Epistemologicheskie kriterii formirovaniya infrastruktury podderzhki talantlivoi molodezhi [Epistemological criteria for creating an infrastructure to support talented youth]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 134-140. DOI: 10.34670/AR.2024.37.39.010

Keywords

Creative potential, epistemological criteria, systematic approach, gifted children, individualized learning, social adaptation.

References

1. Ananyeva T. N. et al. All-Russian Student Olympiad as a mechanism for identifying talented youth //Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. - 2013. – No. 4. – pp. 56-65.
2. Zarskiy A.A. Morphemic structure of neologisms in modern English (section in Chapter 1 "Language and digital space")//Linguistic and cultural identity in the digital age: [Col. monograph]/ under the general ed. of A.A. Zarskiy. - Saratov: LLC "Amirit", 2019. - 162 p.

3. Zaiskiy A.A. Morphemic structure of neologisms in modern English // Linguistic and cultural identity in the digital age: [Col. monograph]. Saratov: Publishing center "Amirit", 2019. 162 p.
  4. Zaiskiy A.A. Language and the world of the studied language: linguodidactic and intercultural aspects of teaching foreign languages in a non-linguistic university // Language and the world of the studied language: Collection of scientific articles Issue 1. Saratov: Saratov Institute (branch) of RGTEU, 2011. pp. 127-136.
  5. Leonidova G. V. Generation of knowledge of talented youth in the interests of intellectualization of human capital: methods and forms of implementation // Economic and social changes: facts, trends, forecast. – 2011. – Vol. 13. – No. 1. pp. 90-100.
  6. Soft A. A. Problems and mechanisms of improvement of the national system of identification and support of gifted and talented youth in Russia // Public administration. Electronic Bulletin. – 2019. – no. 75. – pp. 227-248.
  7. Fayzrakhmanova A. L., Fayzrakhmanov I. M. Development of project culture of talented youth in the field of decorative and applied creativity // Modern high-tech technologies. – 2016. – No. 1-1. – pp. 197-201.
  8. Filimonova N. M., Polzunova N. N. Directions of development of state policy in the field of support of talented youth in the region // Modern problems of science and education. - 2015. – No. 2-2. – pp. 408-408.
  9. Sternberg, R. J., & Davidson, J. E. (Eds.). (2005). *Conceptions of giftedness* (Vol. 2). New York, NY: Cambridge University Press.
  10. Renzulli, J. S. (1978). What makes giftedness? Reexamining a definition. *Phi delta kappan*, 60(3), 180.
  11. Sternberg, R. J. (1985). *Beyond IQ: A triarchic theory of human intelligence*. CUP Archive.
-

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2024.98.26.012

Самоэффективность преподавателя естественнонаучных дисциплин как философская проблема

Бунькина Надежды Ивановна

Кандидат технических наук,
Доцент кафедры высшей математики, и естественно-научных дисциплин,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 80;
e-mail: bunkina@inbox.ru

Шевченко Кармен Константиновна

Кандидат экономических наук, Доцент,
Кафедра Высшей математики и естественно научных дисциплин
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 80;
e-mail: shevchenco@mail.ru

Аннотация

В данном исследовании было изучено, как уверенность учителей в своих способностях влияет на их работу и успехи учеников в области науки. Результаты показали, что убеждения учителя оказывают влияние на их методы преподавания, что, в свою очередь, влияет на уровень удовлетворенности работой и успехи учеников. Исследование подтвердило, что использование научных методов преподавания связано с улучшением результатов учеников в науке. Хотя непосредственной связи между убеждениями учителя и успехами учеников не было выявлено, были обнаружены косвенные связи через методы преподавания. Эта модель была проверена на учителях и учениках из Чешской Республики и Франции и продемонстрировала свою эффективность. Исследование также выявило, что учителя, имеющие веру в свои преподавательские способности, чаще используют инновационные методики обучения и стремятся к постоянному профессиональному развитию. Это помогает им быть более успешными в работе и оказывать положительное влияние на успехи своих учеников. Такие исследования могут помочь школьным администраторам и образовательным организациям лучше понять, как поддержать учителей в развитии их убеждений и методов преподавания, с целью повышения общего уровня образования. В результате этого возможно улучшение результатов учеников и создание более благоприятной образовательной среды.

Для цитирования в научных исследованиях

Бунькина Н.И., Шевченко К.К. Самоэффективность преподавателя естественнонаучных дисциплин как философская проблема // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 141-149. DOI: 10.34670/AR.2024.98.26.012

Ключевые слова

Социально-философский анализ, методики обучения, профессиональное развитие, образовательные организации, уровень качества образования, результаты учеников, образовательная среда

Введение

В последнее время исследователи все чаще признают важность самоэффективности учителя для сохранения удовлетворенности и эффективности педагогов, а также для максимизации успехов учащихся, особенно в области STEM. Этот фактор получил поддержку не только в научных кругах, но и в общественной политике и СМИ как способ помочь ученикам достигать успехов и предотвращать выгорание учителей. Исследования показали, что самоэффективность учителя оказывает положительное влияние на результаты как для учителей (например, снижение выгорания, повышение удовлетворенности), так и для учеников (например, лучшие успехи, большая мотивация, улучшенная поддержка в учебе). Однако существующие исследования обычно фокусируются либо на учителях, либо на учениках, и не всегда учитывают взаимосвязь между убеждениями учителей в собственной эффективности, их методами преподавания и образовательными результатами. Таким образом, необходимо разработать интегрированные модели, которые объединяют данные об учителях и учениках для более глубокого понимания того, как убеждения учителей влияют на их работу и успехи студентов.

В нашем исследовании мы использовали социально-когнитивный подход для создания и проверки модели, объединяющей убеждения учителей в собственную эффективность в преподавании науки, методы преподавания и образовательные результаты для учителей и учеников. Мы исследовали взаимосвязь между самооценкой учителя в преподавании науки, методами обучения на основе запросов, успехами учеников в науке, учебной поддержкой и уровнем удовлетворенности работой учителя. Мы также изучили, как самооценка учителя влияет на средний успех класса и учебную поддержку через методы обучения на основе запросов. Мы применили многоуровневые структурные модели уравнений для анализа этих взаимосвязей на индивидуальном и классовом уровнях. Таким образом, мы исследовали необходимость интеграции данных об учителе и ученике для более глубокого понимания того, как убеждения учителей связаны с их собственными и результатами студентов.

Согласно обобщению международной практики было выявлено, что самооценка учителя имеет значительное влияние на образовательные результаты учеников. Учителя, которые верят в свою эффективность и компетентность, часто проявляют большую мотивацию и энтузиазм при преподавании, что способствует более успешному обучению учеников. Кроме того, методы обучения на основе запросов, которые используются учителем, могут оказать существенное влияние на понимание материала и успех учеников. Интересно отметить, что уровень удовлетворенности работой учителя также сыграл важную роль в исследовании. Учителя, которые чувствуют радость и удовлетворение от своей работы, часто более эффективны в преподавании и могут создавать более поддерживающую обучающую среду для своих учеников. Таким образом, наше исследование подчеркивает важность понимания взаимосвязей между убеждениями учителей, методами преподавания, образовательными результатами учеников и уровнем удовлетворенности работой для создания более успешной и поддерживающей образовательной среды.

Основное содержание

В последние годы все больше исследователей признают важность уверенности учителя в собственных способностях для поддержания высокого уровня удовлетворенности и эффективности преподавания, особенно в области STEM. Этот аспект стал ключевым в общественной политике и СМИ, способствуя успехам учащихся и предотвращая профессиональное выгорание учителей. Исследования показывают, что уверенность учителя влияет как на его собственные результаты (например, уровень удовлетворенности работой), так и на успехи учеников (например, повышение мотивации и улучшение успеваемости). Однако до недавнего времени исследования в этих областях проводились отдельно друг от друга, что привело к появлению интегративных моделей, объединяющих данные об учителях и учениках. Наше исследование использовало социокогнитивный подход для изучения взаимосвязей между уверенностью учителя в собственных способностях при преподавании наук, их методами обучения и результатами для учителей и учеников. Мы обнаружили, что уверенность учителя напрямую влияет на методы обучения, научные достижения, атмосферу в классе и уровень удовлетворенности работой. Также мы изучили косвенное влияние уверенности учителя на средние результаты класса через методы обучения. Полученные результаты помогают лучше понять связь между убеждениями учителей, их методами преподавания и успехами учеников, что может быть полезно для разработки эффективных образовательных моделей.

Самоеффективность учителя определяется как восприятие способности организовать и выполнить действия, необходимые для успешного выполнения задач преподавания на желаемом уровне. Эти восприятия способностей предполагается, что являются результатом не только самооценки личных преподавательских способностей, но и оценок требований конкретных областей преподавательских задач, включая оценку ограничений и ресурсов, доступных для завершения задачи. В соответствии с основаниями этой модели в теории социокогнитивного обучения, специфика области является ключевой для суждений о преподавательской самоеффективности. Областью данного исследования является обучающая и учебная среда по наукам. Следовательно, в этой области нас интересует самоеффективность преподавания наук, которая относится к восприятию учителя о способности успешно преподавать науку на желаемом уровне производительности, включая убеждения о возможности самоеффективной реализации обучающих рутин науки и вовлечения учеников в процесс изучения науки.

Модель процесса, предложенная в конце 2010-х, направлена на объяснение отношений и достижений, связанных с самоеффективностью учителей. Конкретно, модель предполагает пути, по которым самоеффективность учителя может быть связана с отношениями учеников (например, чувством поддержки) и достижениями (например, мотивацией, успехами). Согласно этой модели, ожидается, что в классах с учителями, которые обладают более сильным чувством способности выполнять преподавательские задачи, ученики будут иметь лучшие отношения и достижения.

Одной из причин, предложенных моделью для этих положительных эффектов самоеффективности учителя на результаты учеников, является то, что учителя с такими повышенными верованиями в способности более вероятно создадут образовательную среду, характеризующуюся использованием самоеффективных подходов к обучению и управлению, что не только лучше поддерживает студентов в классе, но и способствует большему достижению.

Настоящее исследование теоретически основано на модели социально-когнитивного процесса взаимосвязей между самооэффективностью учителей и результатами учащихся. Центральным элементом этой модели является концептуальное определение самооэффективности учителя в соответствии с теорией самооэффективности учителя. С этой точки зрения самооэффективность учителя определяется как восприятие способности организовать и выполнить действия, необходимые для успешного выполнения задач преподавания на желаемом уровне. Эти восприятия способностей предполагается, что являются результатом не только самооценки личных преподавательских способностей, но и оценок требований конкретных областей преподавательских задач, которые включают оценку ограничений и ресурсов, доступных для выполнения задачи. В соответствии с основами социально-когнитивной теории, специфичность области является ключевым элементом для суждений о преподавательской эффективности. Областью данного исследования является обучающая и учебная среда по наукам. Следовательно, в этой области нас интересует самооэффективность преподавания наук, что относится к восприятию учителя своей способности успешно преподавать науку на желаемом уровне производительности, включая убеждения в способности проводить эффективные научные учебные рутины и вовлечение студентов в процесс обучения наукам.

Самоэффективность учителя определяется как восприятие способности организовать и выполнить действия, необходимые для успешного выполнения задач преподавания на желаемом уровне. Эти восприятия способностей предполагается, что являются результатом не только самооценки личных преподавательских способностей, но и оценок требований конкретных областей преподавательских задач, включая оценку ограничений и ресурсов, доступных для завершения задачи. В соответствии с основаниями этой модели в теории социокогнитивного обучения, специфика области является ключевой для суждений о преподавательской эффективности. Областью данного исследования является обучающая и учебная среда по наукам. Следовательно, в этой области нас интересует самооэффективность преподавания наук, которая относится к восприятию учителя о способности успешно преподавать науку на желаемом уровне производительности, включая убеждения о возможности эффективной реализации обучающих рутин науки и вовлечения учеников в процесс изучения науки.

В последние годы была разработана модель, которая исследует связь между самооценкой учителей и их влиянием на отношения с учениками и успехи в учебе. Эта модель утверждает, что самооценка учителя может повлиять на то, как ученики воспринимают его поддержку и на их успехи в обучении. Исследования показывают, что в классах, где учителя уверены в своих преподавательских навыках, ученики чувствуют себя более поддержанными и достигают лучших результатов в учебе.

Одной из причин, по мнению модели, объясняющей положительное влияние самооценки учителя на успехи учеников, является то, что учителя с высокой уверенностью в своих способностях склонны создавать образовательную среду, где применяются эффективные методы обучения и управления. Это не только способствует лучшей поддержке студентов в классе, но и способствует их более высоким достижениям. Исследование основано на теории социально-когнитивного процесса, описывающей взаимосвязи между самооценкой учителей и успехами учащихся.

Эта модель основана на идее, что ключевым аспектом является то, как учитель оценивает

свою способность эффективно организовывать и выполнять необходимые действия для успешного обучения на нужном уровне. Согласно этой концепции, самоэффективность учителя определяется его убеждением в собственных способностях справиться с задачами преподавания, учитывая требования и ресурсы, доступные для их выполнения в конкретных областях обучения.

Согласно социально-когнитивной теории, важно понимать, что специфика области играет ключевую роль в оценке эффективности преподавания. В данном исследовании мы фокусируемся на обучении и учебной среде по наукам. Поэтому наш интерес заключается в том, как преподаватели воспринимают свою способность успешно преподавать науку на нужном уровне, включая уверенность в своей способности использовать эффективные методики обучения наукам и вовлечение студентов в учебный процесс по наукам.

В настоящее время принятая модель предполагает, что уровень самоэффективности учителя может влиять на отношения с учащимися (например, на уровень поддержки) и на их успехи (например, на мотивацию и результаты). Согласно этой модели, ожидается, что учителя с более высокой самооценкой своих преподавательских навыков будут иметь лучшие отношения с учащимися и достигнут большего успеха в обучении.

Кроме того, высокий уровень самооценки учителя может способствовать повышению их профессиональной мотивации, что в свою очередь может отразиться на качестве обучения. Уверенность в своих способностях может помочь учителям лучше справляться с вызовами в классе, эффективнее участвовать в профессиональном развитии и оставаться вдохновленными для постоянного улучшения своей работы.

Однако важно помнить, что высокая самооценка учителя должна быть сбалансирована с реалистичным видением своих сильных и слабых сторон, чтобы избежать чрезмерного самомнения или недооценки собственных способностей. В конечном итоге, комбинация высокой самооценки, профессионализма, эмпатии и стремления к постоянному росту может способствовать успешной преподавательской деятельности и благополучию учащихся.

Одной из причин, предложенных моделью для этих положительных эффектов самоэффективности учителя на результаты учащихся, является то, что учителя с такими укрепленными убеждениями в своих способностях более вероятно создадут обучающую среду, характеризующуюся использованием эффективных образовательных и управленческих подходов, что не только лучше поддерживает студентов в классе, но и способствует большему повышению успехов. Хотя модель процесса, основывается на понимании взаимовлияния самоэффективности учителя и результатов учащихся, она также особенно подходит для теоретизации относительно результатов преподавательской самоэффективности включая академические результаты. Действительно, современные социально-когнитивные модели предполагают положительные связи между профессиональными убеждениями в собственной самоэффективности работников и удовлетворенностью их работой. При этом лучшие результаты благополучия учителя (например, более высокая удовлетворенность работой) ожидаются у учителей, которые обладают более высокими убеждениями в своей самоэффективности, по крайней мере частично из-за образовательной среды, которую они создают в своем классе.

При этом, в значительном количестве исследований показана важность изучения взаимосвязей между самоэффективностью учителя, практиками в классе, результатами учащихся и успешностью учителя. Интегрируя эти различные аспекты, исследователи могут

получить более всестороннее понимание того, как убеждения и практики учителей влияют как на студентов, так и на учителей.

Разработка и тестирование интегративных моделей, учитывающих взаимосвязь этих факторов, является ключевым для продвижения образовательных исследований и практики. Изучая, как самооффективность учителя влияет на учебные практики и, впоследствии, на успех учащихся, благополучие учителя и динамику класса, исследователи могут предоставить ценные идеи, которые могут информировать эффективные образовательные вмешательства и системы поддержки.

При разработке и апробации таких интегративных моделей, исследователи могут внести свой вклад в более глубокое понимание сложных взаимодействий в образовательной среде. Такой подход может привести к более целенаправленным стратегиям по повышению эффективности учителя, улучшению результатов учащихся и содействию общему благополучию в образовательной среде.

В настоящее время в научной литературе считается признанным положение о том, что воспринимаемая поддержка учителя определяется как восприятие студентами того, насколько учителя предоставляют инструкции и организационные практики, ориентированные на развитие учебных навыков студентов в научной среде обучения. Это включает ясные инструкции, объяснения и ожидания по академической работе, обратную связь в коммуникации учитель-ученик, создание интересных и сложных задач, позволяющих студентам применять новые навыки и развивать критическое мышление, а также поддержание уважительного отношения к студентам.

Поскольку уверенность учителя в собственные способности предполагается влиять на поведение учителя в классе, различия в самооффективности могут оказать влияние на уровень поддержки, предоставляемый студентам. Учителя с низкой самооффективностью могут испытывать трудности в мотивации к направленному на цель поведению, необходимому для обеспечения достаточного уровня поддержки студентам, и вместо этого могут отстраняться от отношений учитель-ученик.

Предыдущие исследования показали, что учителя с более сильным высоким уровнем самооффективности создают более поддерживающую обстановку в классе, характеризующуюся более ясными объяснениями и ожиданиями, конструктивными ответами на ошибки и недоразумения студентов, большим количеством возможностей для выполнения сложных и интересных задач, требующих критического мышления.

Современные социокогнитивные точки зрения утверждают, что более высокие убеждения в собственной профессиональной самооффективности приводят к большему удовлетворению работой. Удовлетворенность работой относится к положительному когнитивно-эмоциональному состоянию, которое возникает из положительной оценки опыта работы. При этом, учителя с сильным чувством самооффективности более склонны вкладывать усилия в достижение целей и продвигаться к их достижению, что может иметь внутренние и внешние вознаграждения, приносящие удовлетворение. Кроме того, чувство уверенности в том, что можно спланировать и выполнить необходимые действия для выполнения задач на достаточно высоком уровне для достижения целей, само по себе может оказало положительное воздействие на профессиональную деятельность. Согласно ранее проведенным исследованиям, учителя с более высокой самооффективностью сообщают о большем уровне удовлетворенности — результат, который обобщается на различные уровни образования и различные культурные контексты.

Заключение

Хотя практики исследовательского обучения учителей обычно изучаются с точки зрения их влияния на результаты обучения учащихся, может также быть так, что такие педагогические практики имеют последствия для результатов на уровне учителя. По данным авторов, ни одно исследование эмпирически не исследовало, влияет ли внедрение обучения на основе исследовательского подхода на результаты удовлетворенности деятельности учителей. Однако социокогнитивные исследования утверждают, что образовательные процессы, включая педагогические практики учителей, могут иметь последствия удовлетворенность работой.

Международные сравнения являются критическими для развития теории, поскольку они предлагают ценную эвристическую базу для проверки внешней валидности и обобщаемости своих мер, теорий и моделей. Помимо этих общих преимуществ международного анализа, согласно социокогнитивным моделям, контекст, в котором работают люди, может влиять не только на развитие веры в собственные способности, но и на отношения веры в собственные способности с результатами. Один из возможно значимых контекстных факторов для учителей — это страна, в которой они работают. До настоящего времени международные исследования самоэффективности учителя были заняты изучением различий в уровнях самоэффективности учителей по странам и географическим регионам. Однако, чтобы понять контекстуальные процессы, лежащие в основе влияния веры учителей в собственные способности на свои собственные результаты и результаты студентов, необходимо изучить обобщается ли связь веры учителя в собственные способности с важными результатами через различные национальные контексты.

Библиография

1. Абашидзе А.Х., Григорьева Н.А., Конева А.Е., Симонова М.А. Опыт русской православной церкви в сфере защиты семьи и детей: правовые основания и инновационный поиск // Глобальный научный потенциал. 2016. No 10 (67). С. 34 – 38.
2. Абашидзе А.Х., Григорьева Н.А., Конева А.Е., Симонова М.А. Опыт русской православной церкви в сфере защиты семьи и детей: правовые основания и инновационный поиск // Глобальный научный потенциал. 2016. No 10 (67). С. 34 – 38.
3. Букалерева Л.А., Муратханова М.Б., Остроушко А.В., Симонова М.А. Охрана интересов несовершеннолетних в условиях цифровой экономики в Российской Федерации и республике Казахстан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. No 1. С. 149 – 165.
4. Портнова И.В. Специфика и значение научных анималистических изображений в отечественном искусстве первой половины XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. No 35. С. 128 – 133.
5. Симонова М.А. Социальная деятельность русской православной церкви в 1990-2000-е гг.: концептуальные основания и опыт реализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. No 4. С. 157 – 165.
6. Симонова М.А. Государственная политика в сфере школьного образования в 2000-х гг.: взаимодействие власти и церкви // Теория и практика общественного развития. 2014. No 2. С. 283 – 285.
7. Sakiroglu J., Sara-Ayudin Y., Hoy A. W. Science teaching efficacy beliefs // Second international handbook of science education. – 2012. – С. 449-461.
8. Lumpe A. et al. Teacher professional development and self-efficacy beliefs // The role of science teachers' beliefs in international classrooms. – Brill, 2014. – С. 49-63.
9. Velthuis C., Fisser P., Pieters J. Teacher training and pre-service primary teachers' self-efficacy for science teaching // Journal of science teacher education. – 2014. – Т. 25. – No 4. – С. 445-464.
10. Zavyalova N. Dataset for an analysis of communicative aspects of finance // Data in Brief. 2017. Vol. 11. P. 197 – 203.

Science teacher self-efficacy as a philosophical problem

Nadezhda I. Bun’kina

PhD in Technical Sciences
Associate Professor,
Department of Higher Mathematics and Natural Science,
Moscow Finance and Industry University “Synergy”,
125190, 80, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: bunkina@inbox.ru

Karmen K. Shevchenko

PhD in Physics and Mathematics
Associate Professor of the Department of higher mathematics and natural sciences,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
125190, 80 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shevchenko@mail.ru

Abstract

This study examined how teachers' self-confidence in their abilities influences their performance and students' achievement in science. The results showed that teachers' beliefs influence their teaching methods, which in turn influences job satisfaction and student achievement. The study confirmed that the use of science teaching methods is associated with improved student achievement in science. Although no direct relationship was found between teacher beliefs and student achievement, indirect connections through teaching methods were found. This model has been tested on teachers and students in the Czech Republic and France and has been shown to be effective. The study also found that teachers who have confidence in their teaching abilities are more likely to use innovative teaching methods and strive for continuous professional development. This helps them be more successful at work and have a positive impact on the success of their students. Such research can help school administrators and educational organizations better understand how to support teachers in developing their beliefs and teaching practices to improve the overall level of education. As a result, it is possible to improve student outcomes and create a more favorable educational environment.

For citation

Bun’kina N.I., Shevchenko K.K. (2023) Samoeffektivnost' prepodavatelya estestvennonauchnykh distsiplin kak filosofskaya problema [Science teacher self-efficacy as a philosophical problem]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 141-149. DOI: 10.34670/AR.2024.98.26.012

Keywords

Social and philosophical analysis, teaching methods, professional development, educational organizations, level of quality of education, student results, educational environment.

References

1. Abashidze A.H., Grigorieva N.A., Koneva A.E., Simonova M.A. The experience of the Russian Orthodox Church in the field of family and child protection: legal foundations and innovative search // *Global scientific potential*. 2016. No. 10 (67). pp. 34-38.
2. Abashidze A.H., Grigorieva N.A., Koneva A.E., Simonova M.A. The experience of the Russian Orthodox Church in the field of family and child protection: legal foundations and innovative search // *Global scientific potential*. 2016. No. 10 (67). pp. 34-38.
3. Bukalerova L.A., Muratkhanova M.B., Ostroushko A.V., Simonova M.A. Protection of the interests of minors in the digital economy in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // *Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2019. Vol. 10. No. 1. pp. 149-165.
4. Cakiroglu J., Capa-Aydin Y., Hoy A. W. Science teaching efficacy beliefs // *Second international handbook of science education*. – 2012. – C. 449-461.
5. Lumpe A. et al. Teacher professional development and self-efficacy beliefs // *The role of science teachers' beliefs in international classrooms*. – Brill, 2014. – C. 49-63.
6. Portnova I.V. Specificity and significance of scientific animalistic images in Russian art of the first half of the XX century // *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2016. No. 35. pp. 128 – 133.
7. Simonova M.A. Social activity of the Russian Orthodox Church in the 1990s-2000s: conceptual foundations and experience of implementation // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia*. 2014. No. 4. pp. 157-165.
8. Simonova M.A. State policy in the field of school education in the 2000s: interaction of government and the church // *Theory and practice of social development*. 2014. No. 2. pp. 283-285.
9. Velthuis C., Fisser P., Pieters J. Teacher training and pre-service primary teachers' self-efficacy for science teaching // *Journal of science teacher education*. – 2014. – T. 25. – №. 4. – C. 445-464.
10. Zavyalova N. Dataset for an analysis of communicative aspects of finance // *Data in Brief*. 2017. Vol. 11. P. 197 – 203.

УДК 316.6

DOI: 10.34670/AR.2024.84.18.020

Народные бунты в Московском государстве XVII века как проявление массового сознания: социально-философский анализ

Никольская Анастасия Всеволодовна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 33с1,
e-mail: tonokazutoya@gmail.com

Черепанова Елена Викторовна

Независимый исследователь,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: Elcher17@mail.ru

Аннотация

В статье описаны многочисленные народные бунты, происходившие в России в 17 веке. Бунты рассматриваются как поведенческие проявления массового сознания. Описаны факторы, влиявшие на массовые настроения, такие как идеология, политико-экономическая ситуация, православная религия, взаимодействие власти с народом. На основе имеющихся исторических источников сделана попытка реконструкции эмоциональной, когнитивной, ценностно-потребностной сфер массового сознания. Весь 17 век остался в массовом сознании веком противоречий. Во времена Смуты возникли сомнения в законности московского царя, цари менялись, нарушая основополагающий идеологический принцип государства – сакральность монарха. Было непонятно, какой из царей настоящий. Смутное время было периодом глубоких потрясений для России, когда страна столкнулась с политическим и социальным кризисом после смерти Ивана Грозного. Нарушение принципа сакральности монарха вызывало сомнения и неуверенность в правильности царской власти. Это создавало атмосферу нестабильности и неопределенности, что способствовало возникновению бунтов и выражению недовольства населения. Изучение эмоциональной, когнитивной и ценностно-потребностной сфер массового сознания того времени позволяет лучше понять динамику общественного мнения и механизмы формирования коллективных действий. Реконструкция этих аспектов помогает нам сегодня лучше осознать исторические процессы и уроки, которые можно извлечь из прошлого для современности.

Для цитирования в научных исследованиях

Никольская А.В., Черепанова Е.В. Народные бунты в Московском государстве XVII века как проявление массового сознания: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 150-160. DOI: 10.34670/AR.2024.84.18.020

Ключевые слова

Массовое сознание, правовое сознание, патриотическое сознание, религиозное сознание, массовые представления, социальные процессы.

Введение

Проблема проявлений массового сознания актуальна в любом историческом периоде. В первую очередь, в силу свойств массового сознания, а именно: его нацеленности на проблемы, затрагивающие большинство; внушаемости и быстрому распространению информации; интенсивности и быстрой смене настроений; иррациональности. Во-вторых, массовое сознание регулирует социальные отношения, оценивает социальные явления, формирует запрос к власти на организацию социальных процессов в соответствии с массовыми представлениями [Исаев, 2019]. В этом смысле представление о массовых настроениях может способствовать пониманию общественных процессов, происходящих в стране. С другой стороны, массовое сознание инерционно и достаточно стабильно, но стабильность массового сознания не является величиной постоянной и зависит от кризисов в жизни страны, наличия или отсутствия раскола в обществе, культурно-образовательного уровня населения, сопоставимости ценностей элиты и масс. С этой точки зрения представляется актуальным выявить константы и зависимые переменные массового сознания населения России за несколько веков. Такой анализ мог бы способствовать дополнительной идентификации предикторов массового поведения.

Далее в работе мы будем опираться на дифференциационно-интеграционную теорию развития, согласно которой всякое развитие начинается с исходных глобально-целостных состояний и форм и идет к состояниям и формам все более дифференцированным и иерархически упорядоченным, что преобразовывает начальную целостность во все более сложно организованную. Параллельно идут процессы интеграции, которые обеспечивают удержание начальной целостности и формируют эту целостность в составе новых, более высоких иерархических уровней [Чуприкова, 2011]. Другим методологическим принципом, используемым в работе, является модель функциональной системы психики, согласно которой в психике, прежде всего, должна быть отражена объективная предметная действительность (когнитивная сфера), нужды и степень их удовлетворения (потребностная сфера, которую применительно к нашему исследованию мы будем рассматривать как ценностно-потребностную), значение внешних процессов, внутренних состояний, последствий поведения (эмоциональная сфера), обмен результатами отражения действительности (коммуникативная сфера). Результаты взаимодействия этих сфер выражаются в конкретных актах поведения [Чуприкова, 2009].

Наконец, третий методологический принцип, на который опирается работа, это социальный конструкционизм, согласно которому люди формируют свою социальную реальность в процессе взаимодействия, создавая ценности и традиции [Бергер, Лукман, 1995].

Основная часть

Результатом Смутного времени стала экономическая разруха. Во многих уездах размер пахотных земель сократился в 20 раз, а численность крестьян – в 4 раза [Милов, 2007].

В годы правления Михаила Федоровича (1613-1645) в стране на полтора десятилетия устанавливается двоевластие: Филарет и Михаил Романов. Соединение светской и духовной

власти укрепляло статус слабого царя еще и потому, что в годы Смуты авторитет православной церкви поднялся до небывалых вершин. Стабилизация власти способствовала усилению государства.

При этом сохранялись названия властных институтов и должностей, обычаи, региональное деление. То есть, сохранялась видимость сходства со временем до Смуты. «Верность старине» была возведена в ранг высшей добродетели. Русским людям XVII века хотелось, чтобы все снова стало как прежде, до Смуты. Новшества Лжедмитрия I породили недоверие ко всему новому; опыт иностранной интервенции усилил подозрительность ко всему чужеземному. Важную роль играла православная церковь, сыгравшая огромную роль в деле освобождения от интервенции. Платой за это стало активное вмешательство высшего духовенства в земные дела.

Цепляние за «старину», подозрительное отношение к новациям, конечно, не могли привести к эффективному развитию. Но изменения происходили.

Фигура царя перестала быть единственной опорой государственной системы. Об этом напрямую говорится в псковском «Сказании о бедах и скорбех и напастях»: что Михаила «к роте приведоша» (привели к присяге), а потом «царя нивчтожевменища и не бояшеса его» [Туфанова, 2018].

Ограничение власти монарха сопровождалось восстановлением позиций Боярской думы. Дума фактически стала центральным правительством. Так, в 1642 году на Земском соборе решалось брать ли в подданство Азов, и если брать, то как удерживать [Рождественский, 1905]. Ответы разнились в зависимости от сословий. Духовенство обещало помочь молитвой, но отказалось дать какой-либо конкретный ответ. Дворяне отвечали, что и уступить нельзя, но и сражаться из-за бедности нечем. Купцы жаловались на плохую торговлю, но обещали жертвовать ради христианского дела. Посадские принялись перечислять притеснения, которым они подвергаются. Воевать готовы были стрельцы. В целом собор декларировал преданность монарху и надежду на царскую мудрость, общество не было готово принимать участие в управлении. Требовалась централизация.

Таким образом, к факторам, влияющим на массовое сознание в период с 1613 по 1645 годы, можно отнести: изоляционизм, а следовательно, и вытекающую из него ксенофобию, деспотизм, автаркию, крайне низкую открытость опыту.

Для восстановления авторитета высшей власти понадобились долгие годы и усилия. Одной из таких мер стал знаменитый указ о «слове и деле государевом» – доносе на зазорные речи в адрес царя. Всякий, кто посмел хулить самодержца, хоть бы даже спьяну, подвергался жестокому наказанию [Черникова, 2021]. Почтение к династии прививали через страх.

В годы правления Алексея Михайловича (1645-1676) существенным событием, затронувшим массы, стал церковный раскол на «никонианство» и «старообрядчество», начавшийся в 1650-х годах.

Протест принял как социальную, так и идейную формы. Образованное сословие и духовенство сопротивлялись самой идее обновления. Что же касается протеста простого народа, то, поскольку церковных книг крестьяне и посадские не читали, то все, что они вынесли из церковных изменений – это запрет креститься двумя пальцами, как делалось веками. Это было непонятно и воспринято, как наступление конца времен [Петрушко, 2020].

И. Бессонов [Бессонов, 2014] пишет, что эсхатология была одной из важнейших составляющих массового сознания русского народа, начиная именно с XVII в., когда природные и социальные катастрофы начинают восприниматься как приближение конца света. Вероятно, поэтому социальный протест против расколичества оказался самым жизнестойким, не

поддающимся искоренению и приведшим к созданию старообрядческой церкви. Как мы помним, населению долгое время внушалось, что русское православие – единственный оплот христианской истины после падения Византии, а потому и русская церковная обрядность была священна.

А поскольку Смута в массовом сознании воспринималась как наказание Господне, то верность старине возводилась в постулат. И когда сама церковь начала обновление, оно было воспринято как приход Антихриста [Визавитин, 2016].

Тем не менее, возникает вопрос, почему не вся народная масса подалась в раскольников. В процентном отношении раскольников было незначительное количество. Возможно, поэтому, что в 1656 году была провозглашена анафема на раскольников, они были отлучены от официальной церкви и прокляты [Бессонов, 2014]. Кроме того, церковная реформа имела сильную государственную поддержку.

Поскольку экономическое состояние страны определялось внешней политикой – несколькими войнами, дефицит бюджета компенсировался поборами с населения. Помимо денежных налогов, были введены дополнительные налоги продовольствием для снабжения войск. Кроме того, у крестьян забирали лошадей и подвод, сгоняли на дорожные работы [Рождественский, 1905].

Власть понимала экономическую несостоятельность страны, особенно в сравнении с западными странами после неудачного исхода войн с Польшей и Швецией, и вынуждена была размышлять о ее причинах. Возникла необходимость заимствований у запада знаний и технологий.

Конечно, экономическая несостоятельность общества и его невежество были в первую очередь осознаны элитой, которая имела возможность видеть, как устроен западный мир, и понимала, что, добившись политической независимости, Россия не сможет избежать заимствований. Относительно собственно науки было принято решение приглашать западнорусских и греческих православных монахов, но иноверцы появлялись в России в виде наемных офицеров, заводчиков, врачей и мастеровых. Элита знакомилась с новыми удовольствиями и удобствами – музыкальные инструменты, удобные кареты, часы, театральные постановки [Забелин, 2014]. Западные устремления элиты были обусловлены борьбой за статус и потребностью увеличения комфорта. О приобщении к западной мысли, ее философии и идеологии, речи не шло. При этом власть была против контактов населения с иностранцами, боясь заражения безбожными обычаями. Любые разговоры с иностранцами навлекали подозрения в измене вере, обычаям, а следовательно, и политической измене. Вплоть до 1703 года все внутренние новости с внешние события считались государственной тайной [Пайпс, 2012].

На поведенческом уровне это вылилось в бунты: соляной бунт 1648 года в Москве, «хлебные бунты» в Новгороде и Пскове, медный бунт 1662 года, восстание Степана Разина. После Смуты Государство не могло не озаботиться задачей централизации власти, проводя налоговую и судебную реформы, и еще сильнее закрепощая крестьян. Вмешательство государства во все сферы жизни вызывало недовольство и антиправительственную активность.

В 1646 году тогдашним главой правительства, боярином Морозовым, была введена единая пошлина на соль, что привело к ее удорожанию в 4 раза [Олеарий, 2019]. Царю подали челобитную против влиятельных чиновников, являвшихся бенефициарами нововведения, а также с требованием созыва земского собора и утверждения новых законодательных актов. Когда требования не были удовлетворены, восставшие перешли к действиям и начали грабить

боярские дворы. Бунтовщики требовали освободить от государственных постов и выдать им главных правительственных чиновников: «и покамест его, великого государя, о том указ к нам не будет, и мы из города из кремля вон не пойдем; и будет междуусобная брань и кровь большая з бояры и со всяких чинов людьми у нас, у всяких людей и у всей черни и у всего народу!» [Исаев, 2019, 175].

Царь отсрочил взимание недоимок, что успокоило восставших. Другим итогом Соляного бунта стало решение о созыве Земского собора и составлении нового кодекса законов. Но слухи о возможных новых беспорядках и волнениях ходили в столице до 1650 года [Тихомиров, 1969].

В 1648-1650 годах восстания произошли в Воронеже, Курске, Козлове, Челнавском остроге, Сокольске, в Томске, в Устюге и Сольвычегодске, в Пскове и Новгороде. Д. Ляпин считает эти мятежи, во-первых, связанными с соляным бунтом, а во-вторых, с «попытками отстраниться от власти воеводы под предлогом его предательства, измены или некомпетентности» [Ляпин, 2014, 57].

В 1650 году в Пскове и Новгороде бунт возник из-за хлеба. Расплачиваясь со шведами по прежним обязательствам, правительство пообещало отправить за границу 11 000 четвертей ржи. На время закупки необходимого количества зерна всякая частная хлеботорговля в регионе воспрещалась, но это запрещение можно было обойти за взятку. Восставшие (мелкие торговцы, ремесленники, стрельцы и городская беднота), громили дворы зажиточных торговцев, духовенства и знати. Через месяц они захватили власть, создав свои органы управления – мирской сход и Земскую избу. Восставшие подали бумагу с требованиями царю. Требования содержали реформы городского самоуправления, а также жалобы на произвол чиновников.

Реакцией власти было подавление восстания силами отправленного в Псков карательного отряда.

В Новгороде городская беднота, ремесленники и часть стрельцов отстранили от власти воеводу и разгромили дворы зажиточных горожан. Восставшие избрали земских старост и избili новгородского митрополита Никона за то, что проклял новых правителей города. Восстание также было подавлено [Рождественский, 1905].

Столь выраженные социальные протесты стали возможны именно после Смуты. Пошатнувшаяся сакральность власти привела к тому, что, если в прежние времена люди ворчали и мирились с любым произволом, то теперь они бунтовали.

В 1662 году возник медный бунт. Чрезмерный выпуск медных денег привел к их обесцениванию. Все товары резко подорожали. Все это привело к появлению фальшивомонетчиков, подделывавших медные деньги, у которых были покровители из числа бояр, в том числе тесть царя, Илья Милославский. Безнаказанность элит возмутила население. Люди требовали выдать им бояр, угрожая, что если царь не отдаст бояр добром, то они сами начнут расправу. После отказа разойтись была применена сила. Многие погибли, многие были казнены, претерпев перед этим пытки, многие были сосланы [Котошихин, 2000].

Итогом бунта стала отмена медной монеты. В 1663 году возобновилась чеканка серебряных монет. Ущерб от провалившейся монетной реформы был огромным. Цены опять взлетели и беднота, в первую очередь городская, оказалась на грани голодной смерти.

Здесь обращает на себя внимание горизонтальная (объединение с целью отстоять свои права) и вертикальная (власть-народ) коммуникация. Реакция власти на бунты была неоднозначной: с одной стороны, ссылка Морозова, отмена взыскания недоимок, отмена медной монеты, с другой стороны – жестокое подавление бунтов.

А в 1667-1671 гг возникла крестьянская война (восстание Разина). Отечественные историки

называют разные причины восстания: указ о бессрочном сыске беглых крестьян, чрезмерное закрепощение. Затяжные войны за западнорусские земли привели к ослаблению экономики, что привело к увеличению государственных налогов. На этом фоне началась эпидемия моровой язвы и массовый голод. Многие крестьяне бежали на Дон и становились там казаками, представляя собой беднейшую прослойку. Именно среди таких казаков всегда находили горячий отклик призывы к «воровским» походам [Перри, 2009]. Возможно, сыграла свою роль и двойственная позиция власти.

Изначально восстание не предполагало антиправительственных целей, а представляло собой классическую разбойничью эпопею. Разин посещал Царицын и Астрахань, сорил там деньгами, после чего беднота стала примыкать к его войску. В 1670 году войско Разина захватило Царицын, а Астрахань горожане сдали сами. Воеводу и дворян казнили, после чего восставшие организовали в Астрахани свое правительство. В Камышине казнили стрельцов, дворян, воеводу. Так Разин сделал своим врагом правительство, и разбой превратился в войну с государством.

Пока войско Разина стояло в Астрахани, у бунтовщиков возник конфликт с митрополитом, который призывал их покориться приближающейся армии царя и упрекал их в бунте против царя. Митрополита пытали и казнили. Этот эпизод в рамках нашего рассмотрения интересен тем, что, несмотря на наличие веры и православные ценности, носители этих ценностей (священники) не обладали в глазах народа неприкосновенностью. Авторитет духовенства был сильно подорван Никоновскими реформами и последовавшим расколом. Уровень образования священников был низок, и отношение населения к ним не отличалось уважением [Рождественский, 1905].

После взятия Астрахани на сторону Разина перешли Саратов и Самара, а также такие народности как чуваша, марийцы, татары, мордва. Были захвачены часть Симбирска, Алатырь, Саранск, Пенза, Козьмодемьянск. Повсюду вспыхивали массовые крестьянские восстания [Долматов, 2021]. Этому способствовало то, что Разин объявлял каждого примкнувшего свободным. Далее Разин заявил, что с ним патриарх Никон (про которого в народе ходили слухи, что он чем-то не угодил боярам, а значит, пострадал за правду) и царевич Алексей, что увеличило приток бойцов в его ряды. Разин призывал всех, кто хочет бить бояр за творимое ими беззаконие, а также посадить на трон истинного наследника.

Несмотря на разгром восстания в 1670 году, народные волнения продолжались до конца 1671 года.

На этот раз реакция власти противоречивой не была. Правительство ответило на восстания массовыми казнями, поражающими воображение [Сообщение касательно подробностей мятежа..., 1968].

По сути, восставшие преследовали своей целью отмену крепостного права и уничтожение дворянства. Своей цели они не достигли, поскольку в обществе не было ни представления о том, каково может быть общественное устройство, ни силы/сословия, которое могло бы не только предъявить такое представление обществу, но и возглавить протест.

В когнитивной сфере массового сознания присутствовал добрый, но слабый царь, которого нужно освободить от власти плохих, злых чиновников и бояр. Соловьев описывает русскую народную песню времен царствования Алексея Михайловича о борьбе с Польшей за русские земли [Рождественский, 1905]: царь объявляет боярам, купцам и солдатам, что король просит Смоленск, а взамен дает Химскую землю. Далее царь спрашивает, следует ли соглашаться на обмен. Князь астраханский от лица бояр и князь бухарский от лица купцов рекомендуют

соглашаться. От лица солдат отвечает Милославский и говорит, что нужно отстоять Смоленск. Царь делает Милославского смоленским воеводой, а астраханского и бухарского князя казнит. В пересказе этой песни особенно интересно то, что: 1) правительство допускает свободу мнений, но народ в своем творчестве руками царя казнит людей, чьи мнения не нравятся (толерантность не была присуща русскому народу), 2) для людей важно не отдать Смоленск. Возможно, в этой песне проявляются первые зачатки собственно патриотического сознания.

Любой, кто негоден боярам (в данном случае – якобы примкнувший к разинцам патриарх Никон) пострадал несправедливо. Здесь интересно отметить, что в массовом сознании достижения тождественны страданиям, что вполне укладывается в православную идеологию. Успехи восставших также на слуху.

Эмоциональная сфера наполнена гневом, чувством неправильности происходящего, азартом победы. В ценностно-потребностной сфере появляются потребность в свободе от произвола помещиков и чиновников, но свобода понимается как воля, отсутствие обязательств. Коммуникативная сфера заполнена слухами о восстании и лозунгами восставших.

Итак, можно говорить о том, что в массовом сознании присутствовало ощущение неправильности происходящего, поборы, тяготы службы. В эмоциональной сфере – недовольство, страх (грабежа, насилия, наказания, порчи, божьего гнева), в потребностно-мотивационной сфере – ценности выживания, духовные ценности смирения, поклонения, покорности, но не ценности сохранения личного достоинства и личной чести. Честь относилась к ценностям материальным или статусным, но не духовным [Коллман, 2023]. На поведенческом уровне в среде бояр и дворян это проявлялось в борьбе за сохранение статуса, т.е. честь была ценностью социальной, но не личностной. Возможно, виной тому подавление личности государством [Черная, 1991]. Отсутствие понятия личной чести у элиты не способствовало его появлению у простых людей, особенно учитывая выраженное присутствие в массовом сознании православных ценностей покорности, смирения и поклонения. Дворяне 17 века идею исключительности и богоизбранности России разделяли, поэтому демонстрировали монархический патриотизм, понимаемый как отождествление богоизбранного монарха и отечества. Преданность царю выражалась в службе, которая позволяла получить верховное покровительство. Типичным проявлением преданности был обычай «бить царю челом до земли». При такой зависимости от царя, дворяне надеялись на его защиту и покровительство [Милешина, 2010]. Но времена Смуты с частой сменой царей и прекращением династии десакрализовали облик царя, на время оставив дворянство без монархического патриотизма, но с ценностями веры и статуса.

Ценность личности не была сформирована в 17 веке ни в среде элиты, ни, тем более, среди населения, не существовало и понятия «справедливость». В системе тогдашнего мировоззрения россиян справедливым было то, что установлено Богом, поэтому вплоть до 18 века слово «справедливость» не являлось на Руси широкоупотребимым [Печерская, 2011].

Обобщая сказанное, можно сказать, что, учитывая глубокую религиозность людей, в своей картине мира люди не имели ни нравственной свободы, ни самостоятельности, являясь безвольными инструментами в руках Божьих. По сути, такое представление себя в мире снимает ответственность за свою судьбу, позволяя перекладывать ее на высшие силы. Поскольку Богу виднее, то нет направленности ни на поиск знания, ни на поиск истины, необходимо лишь понять знаки, подаваемые Господом, и следовать его указаниям. В рамках таких представлений о мире не нужна логика и рациональность, опыт носит эмоциональный характер. Мышление является первобытным. Все представления о мире обусловлены мистическими причинами и

коллективными/сословными/общинными, родовыми представлениями. Регламент жизни регулируется церковью (посты, праздники, секс и пр), церковь же призывает к покаянию и объясняет тщетность всего земного [Маштафаров, 2009]. Поскольку земная жизнь тщетна, то бессмысленно стремиться к чему-то большему. Труд при таких установках становится просто способом выживания, но не реализации. Несправедливость не воспринимается как таковая, скорее, притеснения со стороны властей понимаются как неправильные, не от Бога. Неслучайно, царь хороший (от Бога), а бояре плохие. Многочисленные народные восстания 17 века проходили либо под знаменем «истинного» царя, либо против самовластия бояр, когда условия жизни населения становились невыносимыми.

Заключение

Таким образом, весь 17 век остался в массовом сознании веком противоречий. Во времена Смуты возникли сомнения в законности московского царя, цари менялись, нарушая основополагающий идеологический принцип государства – сакральность монарха. Было непонятно, какой из царей настоящий. Оставалась опора на веру. Но, стоило восстановиться династии законных царей, возникло сопротивление церковному правительству и раскол. Следствия раскола не ограничились появлением движения раскольников. Население в массе своей стало задумываться о том, на чьей стороне правда, что привело не просто к недумению, но и к некоторой холодности к церкви как к социальному институту. Отсюда отсутствие уважения к духовенству. Результатом раскола и понимания элитами экономического отставания от запада стала необходимость заимствований и образования в стране, где ксенофобия, недоверие и презрение к иноверцам были одной из составляющих массового сознания. Многочисленные бунты против произвола властей не имели идеологической составляющей в стране, не имеющей представления о личном достоинстве, и были обречены на поражение.

Библиография

1. Белинский В.Г. Эстетика и литературная критика. М.: Художественная литература, 1959. Т. 1. С. 636.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
3. Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014. 336 с.
4. Визавитин О.И. Раскол русской православной церкви в XVII веке // Молодой ученый. 2016. № 6 (110). С. 634-636.
5. Долматов А.А. «Побито де их на приступах под Синбирском тысячи три...» Синбирский кремль против войска атамана Разина // Военно-исторический журнал. 2021. № 11. С. 94-101.
6. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Архивная копия от 31 марта 2020 на Wayback Machine. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 315.
7. Исаев Б.А. Социология в схемах и комментариях. М.: Юрайт, 2019. 124 с.
8. Коллман Н. Россия и ее империя: 1450-1801. М.: Academic Studies Press, 2023. 783 с.
9. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 9-146.
10. Ляпин Д.А. Народные волнения в России в 1648-1650 гг.: Актуальные вопросы исследования // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 3. С. 54-58.
11. Маштафаров А.В. «Предисловие во книгу Синодик о пособии мертвым» – малоизвестный литературный памятник кон. XVII в. // Вестник церковной истории. 2009. № 3-4 (15-16). С. 307-318.
12. Милешина Н.А. Трансформация патриотического сознания российского дворянства в XVII-XIX столетиях // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 14-21.
13. Милов Л.В. (ред.) История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2007. С. 512-514.
14. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., 2019. 391 с.
15. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2012. 480 с.

16. Перри М. Самозванцы XVII в. и вопрос о легитимности правящего царя (Материалы международного научного семинара). Будапешт, 2009. 200 с.
17. Петрушко В.И. История Русской Церкви. Первый патриарший период (конец XVI-XVII в.). М., 2020. 460 с.
18. Печерская Н. «Правда» как «истина» и «справедливость». К истории понятий. Справедливость: между правдой и истиной. История формирования концепта в русской культуре // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М.: Ключ-С, 2011. Вып. 22. С.15-48.
19. Рождественский С.В. О земском соборе 1642 года. СПб., 1905. 10 с.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solovlec.htm>
21. Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным Архивная копия от 5 января 2019 на WaybackMachine // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Т. 1. Л.: Наука, 1968. 174 с.
22. Тихомиров М.Н. Соборное уложение и городские восстания середины XVII в. // Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. С. 170-189.
23. Туфанова О.А. Загадка псковской летописной повести «О бедах и скорбех...»: Предисловие и текст // Вестник Славянских культур. 2018. № 47. С. 159-168.
24. Черная Л.А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI-XVII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 56-83.
25. Черникова Т.В. «Государево слово и дело» во времена первых Романовых // Россия и современный мир. 2021. № 4 (113). С. 6-28.
26. Чуприкова Н.И. Функциональная система психики: Филогенетические истоки и сознание человека // Психологические исследования. 2009. Т. 2. № 4. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/990>
27. Чуприкова Н.М. Дифференциально-интеграционная теория развития. М.: Языки славянских культур, 2011. 496 с.

Popular uprisings in the Moscow state of the 17th century as a manifestation of mass consciousness: social-philosophical analysis

Anastasiya V. Nikol'skaya

PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of Psychology,
Kosygin Russian State University,
115035, 1, 33, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tonokazutoya@gmail.com

Elena V. Cherepanova

Independent Researcher,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Elcher17@mail.ru

Abstract

The article describes numerous popular riots that took place in Russia in the 17th century. Riots are seen as a behavioral manifestation of mass consciousness. The factors that influenced mass sentiment, such as ideology, the political and economic situation, the Orthodox religion, and interaction between the authorities and the people are described. Based on available historical sources, an attempt of reconstruction of the emotional, cognitive, value-need domains of mass consciousness was made. The entire 17th century remained in the public consciousness as a century of contradictions. Doubts arose about the legitimacy of the Moscow Tsar; tsars changed, violating

the fundamental ideological principle of the state, the sacredness of the monarch. But as soon as the dynasty of legitimate kings was restored, resistance to the church government and a schism arose. The consequences of the schism were not limited to the emergence of the schismatic movement. The population began to think about whose side was right, which led not only to lack of thinking, but also to a certain coldness towards the church as a social institution. The result of the split and the elites' understanding of the economic lag behind the West was the need for borrowing and education in a country where xenophobia, distrust and contempt for people of other faiths were one of the components of the mass consciousness. Numerous riots against the arbitrariness of the authorities had no ideological component in a country that had no idea of personal dignity, and were doomed to failure.

For citation

Nikol'skaya A.V., Cherepanova E.V. (2023) Narodnye bunty v Moskovskom gosudarstve XVII veka kak proyavlenie massovogo soznaniya: socialno-filosofski analiz [Popular uprisings in the Moscow state of the 17th century as a manifestation of mass consciousness: social-philosophical analysis]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 150-160. DOI: 10.34670/AR.2024.84.18.020

Keywords

Mass consciousness, legal consciousness, patriotic consciousness, religious consciousness, mass ideas, social processes.

References

1. Belinskii V.G. (1959) *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and literary criticism]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 1.
2. Berger P., Luckmann T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality]. Moscow: Academia-Tsentr; Medium Publ.
3. Bessonov I.A. (2014) *Russkaya narodnaya eskhatologiya: istoriya i sovremennost'* [Russian folk eschatology: history and modernity]. Moscow: Gnozis Publ.
4. Chernaya L.A. (1991) «Chest'»: predstavleniya o chesti i beschestii v russkoi literature XI-XVII vv. [“Honor”: ideas about honor and dishonor in Russian literature of the 11th-17th centuries]. In: *Drevnerusskaya literatura. Izobrazhenie obshchestva* [Old Russian literature. Portrayal of society]. Moscow.
5. Chernikova T.V. (2021) «Gosudarevo slovo i delo» vo vremena pervykh Romanovykh [“The sovereign's word and deed” during the time of the first Romanovs]. *Rossiya i sovremennyyi mir* [Russia and the modern world], 4 (113), pp. 6-28.
6. Chuprikova N.I. (2009) Funktsional'naya sistema psikhiki: Filogeneticheskie istoki i soznanie cheloveka [Functional system of the psyche: Phylogenetic origins and human consciousness]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies], 2, 4. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/990>
7. Chuprikova N.M. (2011) *Differentsionno-integratsionnaya teoriya razvitiya* [Differentiation-integration theory of development]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.
8. Dolmatov A.A. (2021) «Pobito de ikh na pristupakh pod Sinbirskom tysyachi tri...» Sinbirskii krem' protiv voiska atamana Razina [“Three thousand of them were beaten in attacks near Sinbirsk...” Sinbirsk Kremlin against the troops of Ataman Razin]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 11, pp. 94-101.
9. Isaev B.A. (2019) *Sotsiologiya v skhemakh i kommentariyakh* [Sociology in schemes and comments]. Moscow: Yurait Publ.
10. Kollman N. (2023) *Rossiya i ee imperiya: 1450-1801* [The Russian Empire 1450-1801]. Moscow: Academic Studies Press Publ.
11. Kotoshikhin G. (2000) O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha [About Russia during the reign of Alexei Mikhailovich]. In: *Moskoviya i Evropa* [Muscovy and Europe]. Moscow: Fond Sergeya Dubova Publ.
12. Lyapin D.A. (2014) Narodnye volneniya v Rossii v 1648-1650 gg.: Aktual'nye voprosy issledovaniya [Popular unrest in Russia in 1648-1650: Current research issues]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal studies], 3, pp. 54-58.

13. Mashtafarov A.V. (2009) «Predislovie vo knigu Sinodik o posobii mertvym» – maloizvestnyi literaturnyi pamyatnik kon. XVII v. [“Preface to the book of the Synodic on benefits for the dead”, a little-known literary monument of the late XVII century]. *Vestnik tserkovnoi istorii* [Bulletin of Church History], 3-4 (15-16), pp. 307-318.
14. Mileschina N.A. (2010) Transformatsiya patrioticheskogo soznaniya rossiiskogo dvoryanstva v XVII-XIX stoletiyakh [Transformation of the patriotic consciousness of the Russian nobility in the 17th-19th centuries]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 12, 2, pp. 14-21.
15. Milov L.V. (ed.) (2007) *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVII veka* [History of Russia from ancient times to the end of the 17th century]. Moscow.
16. Olearius A. (2019) *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [Description of the journey to Muscovy]. Moscow.
17. Pipes R. (2012) *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow.
18. Pecherskaya N. (2011) «Pravda» kak «istina» i «spravedlivost'». K istorii ponyatii. Spravedlivost': mezhdru pravdoi i istinoy. Istoriya formirovaniya kontsepta v russkoi kul'ture [“Truth” as “objective truth” and “justice”. On the history of concepts. Justice: between truth and objective truth. History of the formation of the concept in Russian culture]. In: *«Pravda»: diskursy spravedlivosti v russkoi intellektual'noi istorii* [“Truth”: discourses of justice in Russian intellectual history]. Moscow: Klyuch-S Publ. Is. 22.
19. Perry M. (2009) *Samozvantsy XVII v. i vopros o legitimnosti pravyashchego tsarya (Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminar)* [Impostors of the 17th century. and the question of the legitimacy of the ruling king (Materials of the international scientific seminar)]. Budapest.
20. Petrushko V.I. (2020) *Istoriya Russkoi Tserkvi. Pervyi patriarshii period (konets XVI-XVII v.)* [History of the Russian Church. The first patriarchal period (late XVI-XVII centuries)]. Moscow.
21. Rozhdestvenskii S.V. (1905) *O zemskom sobore 1642 goda* [About the Zemsky Sobor of 1642]. St. Petersburg.
22. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from ancient times]. Available at: <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solovlec.htm>
23. (1968) Soobshchenie kasatel'no podrobnosti myatezha, nedavno proizvedennogo v Moskovii Sten'koi Razinym Arkhivnaya kopiya ot 5 yanvarya 2019 na WaybackMachine [Message regarding the details of the rebellion recently carried out in Muscovy by Stenka Razin Archived copy dated January 5, 2019 on WaybackMachine]. In: *Zapiski inostrantsev o vosstanii Stepana Razina. T. 1* [Notes of foreigners about the uprising of Stepan Razin. Vol. 1]. Leningrad: Nauka Publ.
24. Tikhomirov M.N. (1969) Sobornoe ulozhenie i gorodskie vosstaniya serediny XVII v. [The cathedral code and urban uprisings of the mid-17th century]. In: *Klassovaya bor'ba v Rossii XVII v.* [Class struggle in Russia in the 17th century]. Moscow: Nauka Publ.
25. Tufanova O.A. (2018) Zagadka pskovskoi letopisnoi povesti «O bedakh i skorbekh...»: Predislovie i tekst [The mystery of the Pskov chronicle story “About troubles and sorrows...”: Preface and text]. *Vestnik Slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 47, pp. 159-168.
26. Vizavitin O.I. (2016) Raskol russkoi pravoslavnoi tserkvi v XVII veke [The split of the Russian Orthodox Church in the 17th century]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 6 (110), pp. 634-636.
27. Zabelin I.E. (2014) *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh*. Arkhivnaya kopiya ot 31 marta 2020 na Wayback Machine [Home life of Russian tsars in the 16th and 17th centuries. Archived March 31, 2020 on the Wayback Machine]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ.

УДК 371.4

DOI: 10.34670/AR.2024.52.31.026

Социально-философский анализ формирования системы преподавания естественно-научных дисциплин в странах в менее развитых странах

Смирнова Светлана Михайловна

Старший преподаватель,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80;
e-mail: Oos39@mail.ru

Шастун Тамара Александровна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80;
e-mail: shastun-ta@yandex.ru

Аннотация

В статье показано, что опыт менее развитых стран демонстрирует, что даже при ограниченных ресурсах в сельских районах с развитой образовательной культурой можно достичь успехов в обучении школьников, сравнимых с результатами городских школ. Ключевым фактором здесь является наличие развитой культуры организации образовательного процесса и наличие мотивированных педагогов, принадлежащих к тому же этносу, что и ученики, которые активно ищут новые методы обучения, ориентированные на практическое применение знаний. Преподавание естественно-научных дисциплин с использованием окружающей среды, такой как леса и сельскохозяйственные угодья, для демонстрации концепций предметов является эффективным методом. Этот подход, в сочетании с мотивированными педагогами, помогает уменьшить разрыв в образовании между городскими и сельскими школьниками, особенно в области естественно-научных дисциплин, что важно для подготовки квалифицированных специалистов для сельской местности. Этот опыт можно учитывать при разработке стратегий развития образования в отдаленных районах.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнова С.М., Шастун Т.А. Социально-философский анализ формирования системы преподавания естественно-научных дисциплин в странах в менее развитых странах // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 161-166. DOI: 10.34670/AR.2024.52.31.026

Ключевые слова

Сельские районы, методы обучения, естественно-научные дисциплины, социально-философский анализ, сельские школы, городские школы.

Введение

Изучение опыта стран, ищущих способы улучшения системы образования в контексте преподавания естественно-научных дисциплин, является актуальной темой исследований. В развивающихся и менее развитых странах возникают проблемы с организацией обучения в средних школах из-за ограничений в преподавании физики, химии и астрономии. Обучение в этих дисциплинах требует дорогостоящего оборудования, а получаемые компетенции не всегда связаны с основными навыками, такими как чтение, письмо и математика. Для поддержания интереса к этим дисциплинам необходимо развивать культуру их преподавания. Менее развитые страны, не располагая большими ресурсами и сталкиваясь с ограничениями в инфраструктуре для научной и инновационной работы, являются одними из самых быстроразвивающихся в мире. Их успехи в индустриализации прежде всего связаны с развитием образовательной системы, особенно в области преподавания естественных наук.

Основное содержание

В различных частях менее развитых стран можно выделить как экономически развитые районы, включая города и сельскохозяйственные зоны, так и отдаленные области, например, места проживания коренных народов, особенно в гористых районах. Эти места обычно имеют низкую плотность населения, ограниченную электрификацию и недостаточную транспортную инфраструктуру. Работа в этих регионах чаще всего связана с сферой строительства, туризма, государственного управления и международных организаций, что требует определенных культурологических компетенций и ценности образования.

Образование в средних школах в отдаленных районах менее развитых стран начало распространяться в конце 20 века. Обучение в этих школах чаще всего платное, стипендии предоставляются лишь некоторым ученикам с высокими успехами. Инфраструктурные ограничения и недостаток материальных ресурсов серьезно затрудняют организацию образовательного процесса. Например, во время дождей школы становятся труднодоступными, а в учебных классах часто не хватает оборудования для проведения занятий. Это приводит к тому, что возможности использования специализированного оборудования в процессе обучения ограничены.

Средние школы в отдаленных районах менее развитых стран обычно имеют преподавателей, принадлежащих к различным этническим группам, которые могут обучать учащихся. Перемещение кадров в этих школах не так часто происходит. В учебных заведениях таких районов школьники изучают биологию, химию, географию и сельское хозяйство. Индивидуальные занятия проводятся по расписанию, задания разрабатываются индивидуально преподавателями и оцениваются полугодовыми тестами, соответствующими национальным стандартам. Задания адаптируются к потребностям каждого ученика.

Хотя материальные ресурсы в этих школах ограничены, наличие национальных образовательных стандартов и квалифицированных преподавателей определяет специфику преподавания естественно-научных дисциплин. Преподаватели в области сельского хозяйства, биологии и географии используют образовательные методы, позволяющие эффективно вести учебный процесс в пределах установленных стандартов при ограниченных ресурсах. Они

активно используют окружающую среду, такие как сельскохозяйственные угодья и леса, для обучения и формирования культурологических компетенций в области естественных наук.

Для преподавания естественно-научных предметов в отдаленных районах, где недостаточно материальных ресурсов, учителя используют свои педагогические навыки вместо оборудованных лабораторий. Они создают разнообразные задания, учитывая отсутствие необходимого оборудования для лабораторных работ. Это специфический подход к обучению, который также включает индивидуальное внимание к каждому ученику, постоянный поиск новых методов обучения, высокую мотивацию и акцент на практическое обучение.

Этот подход позволяет учащимся освоить необходимые знания для сдачи экзаменов, используя свое окружение и семейный опыт, а также следуя детальной образовательной программе. Он способствует формированию уважительного отношения к науке и культуре знаний в целом. Это способствует развитию критического мышления у учащихся, поскольку они вынуждены искать альтернативные способы понимания и решения проблем из-за отсутствия стандартного оборудования. Учителя могут использовать повседневные предметы, доступные в окружающей среде, для демонстрации научных концепций и явлений. Также это позволяет способствовать развитию творческого мышления у учащихся, поскольку они вынуждены находить нестандартные решения и подходы к изучаемым материалам. Учителя могут стимулировать учащихся к самостоятельному исследованию и экспериментированию, что способствует их творческому развитию.

В целом, использование педагогических навыков вместо оборудованных лабораторий в отдаленных районах может быть эффективным способом обучения, который развивает не только знания учащихся, но и их критическое и творческое мышление.

Заключение

В менее развитых странах даже при ограниченных ресурсах в сельских районах, где инфраструктура образования ограничена, учащиеся могут достигать успехов в обучении, сравнимых с городскими школами. Основные проблемы включают отсутствие лабораторий, недостаток учебных материалов и транспортные сложности. Тем не менее, эти проблемы не мешают получению качественного образования и успешной сдаче тестов, созданных министерствами образования для всех школ. Ключевым фактором является наличие культуры, поддерживающей педагогический процесс, а также наличие мотивированных педагогов, которые активно ищут новые методы обучения, ориентированные на практику.

Эффективной практикой для развития такой культуры является использование природных объектов, таких как леса и сельскохозяйственные угодья, для демонстрации учебного материала. Применение этого подхода и наличие мотивированных педагогов помогают уменьшить разрыв в образовании между городскими и сельскими школьниками, особенно в области естественно-научных дисциплин, что особенно важно для подготовки специалистов для сельских районов. Этот опыт может быть учтен при разработке стратегий развития образования в удаленных районах.

Для успешной реализации образовательных программ в сельских районах менее развитых стран также важно уделить внимание таким аспектам, как развитие технологий и доступ к интернету могут значительно улучшить образование в сельских районах. Электронные образовательные ресурсы, онлайн-курсы и видеоуроки могут быть доступны для учащихся и

педагогов, даже если нет возможности посещать обычные учебные заведения. Поддержка учителей в сельских школах через программы профессионального развития поможет им совершенствовать свои навыки и применять инновационные методики обучения. Взаимодействие с местными общинами и организациями может помочь адаптировать образовательные программы к конкретным потребностям сельских жителей, а также обеспечить поддержку и вовлеченность родителей в образовательный процесс. Обеспечение финансирования для развития образования в сельских районах, строительство новых школ и обновление учебных материалов также играют важную роль в повышении качества образования.

Библиография

1. Турянская, О. Ф. История как средство сохранения культурной идентичности личности / О. Ф. Турянская // Духовное наследие Великой Отечественной войны - важнейший источник духовно-нравственного воспитания молодёжи : материалы V Международной научно-образовательной конференции «Нестеровские чтения», посвящённой Дню Памяти святого преподобного Нестора Летописца, а также празднованию 75-й годовщины победы в Великой Отечественной войне, Москва, 14 ноября 2019 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ПРИНТИКА", 2020. – С. 244-253. – EDN UCALHL.
2. Innovative methods of mastering economic knowledge by learning a foreign language / A. V. Kozharinov, O. A. Kalugina, N. V. Ryabchenko [et al.] // Frontier Information Technology and Systems Research in Cooperative Economics. – Heidelberg : Springer International Publishing, 2021. – P. 615-623. – DOI 10.1007/978-3-030-57831-2_66. – EDN EIWOXE.
3. Shizha E. Reclaiming indigenous cultures in sub-Saharan African education //Indigenous education: Language, culture and identity. – 2015. – С. 301-317.
4. Hennessy S., Harrison D., Wamakote L. Teacher factors influencing classroom use of ICT in Sub-Saharan Africa //Itupale online journal of African studies. – 2010. – Т. 2. – №. 1. – С. 39-54.
5. Spielman D. J. et al. An innovation systems perspective on strengthening agricultural education and training in sub-Saharan Africa //Agricultural systems. – 2008. – Т. 98. – №. 1. – С. 1-9.
6. Chisholm L., Leyendecker R. Curriculum reform in post-1990s sub-Saharan Africa //International Journal of educational development. – 2008. – Т. 28. – №. 2. – С. 195-205.
7. Tikly L. Globalisation and education in the postcolonial world: Towards a conceptual framework //Changing educational contexts, issues and identities. – Routledge, 2007. – С. 291-317.
8. Adebija E. E. Language attitudes in Sub-Saharan Africa: A sociolinguistic overview. – Multilingual Matters, 1994. – Т. 103.
9. Spielman D. J., Ekboir J., Davis K. The art and science of innovation systems inquiry: Applications to Sub-Saharan African agriculture //Technology in society. – 2009. – Т. 31. – №. 4. – С. 399-405.
10. Juma C., Clark N. Policy research in sub-Saharan Africa: An exploration //Public Administration and Development. – 1995. – Т. 15. – №. 2. – С. 121-137.

Social and philosophical analysis of the formation of the system of teaching natural sciences in countries in less developed countries

Svetlana M. Smirnova

Senior Lecturer,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
125190, 80, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Oos39@mail.ru

Tamara A. Shastun

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
125190, 80, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shastun-ta@yandex.ru

Abstract

The article shows that the experience of less developed countries demonstrates that even with limited resources in rural areas with a developed educational culture, it is possible to achieve educational success for schoolchildren comparable to the results of urban schools. The key factor here is the presence of a developed culture of organizing the educational process and the presence of motivated teachers belonging to the same ethnic group as the students who are actively looking for new teaching methods focused on the practical application of knowledge. Teaching science using environments such as forests and farmlands to demonstrate subject concepts is an effective method. This approach, coupled with motivated teachers, helps reduce the educational gap between urban and rural students, especially in the sciences, which is important for preparing qualified specialists for rural areas. This experience can be taken into account when developing strategies for developing education in remote areas.

For citation

Smirnova S.M., Shastun T.A. (2023) Sotsial'no-filosofskii analiz formirovaniya sistemy prepodavaniya estestvenno-nauchnykh distsiplin v stranakh v mence razvitykh stranakh [Social and philosophical analysis of the formation of the system of teaching natural sciences in countries in less developed countries]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 161-166. DOI: 10.34670/AR.2024.52.31.026

Keywords

Rural areas, teaching methods, natural sciences, socio-philosophical analysis, rural schools, urban schools.

References

1. Turyanskaya, O. F. History as a means of preserving the cultural identity of an individual / O. F. Turyanskaya // The spiritual heritage of the Great Patriotic War is the most important source of spiritual and moral education of youth: materials of the V International Scientific and Educational Conference "Nesterov's Readings", dedicated to Memorial Day Saint Nestor the Chronicler, as well as the celebration of the 75th anniversary of the victory in the Great Patriotic War, Moscow, November 14, 2019. – Moscow: Limited Liability Company "PRINTIKA", 2020. – P. 244-253. – EDN UCALHL.
2. Innovative methods of mastering economic knowledge by learning a foreign language / A. V. Kozharinov, O. A. Kalugina, N. V. Ryabchenko [et al.] // *Frontier Information Technology and Systems Research in Cooperative Economics*. – Heidelberg: Springer International Publishing, 2021. – P. 615-623. – DOI 10.1007/978-3-030-57831-2_66. – EDN EIWOXE.
3. Shizha E. Reclaiming indigenous cultures in sub-Saharan African education // *Indigenous education: Language, culture and identity*. – 2015. – P. 301-317.
4. Hennessy S., Harrison D., Wamakote L. Teacher factors influencing classroom use of ICT in Sub-Saharan Africa // *Itupale online journal of African studies*. – 2010. – T. 2. – No. 1. – pp. 39-54.
5. Spielman D. J. et al. An innovation systems perspective on strengthening agricultural education and training in sub-Saharan Africa // *Agricultural systems*. – 2008. – T. 98. – No. 1. – pp. 1-9.

6. Chisholm L., Leyendecker R. Curriculum reform in post-1990s sub-Saharan Africa //International Journal of educational development. – 2008. – T. 28. – No. 2. – pp. 195-205.
7. Tikly L. Globalization and education in the postcolonial world: Towards a conceptual framework //Changing educational contexts, issues and identities. – Routledge, 2007. – pp. 291-317.
8. Adebija E. E. Language attitudes in Sub-Saharan Africa: A sociolinguistic overview. – Multilingual Matters, 1994. – T. 103.
9. Spielman D. J., Ekboir J., Davis K. The art and science of innovation systems inquiry: Applications to Sub-Saharan African agriculture // Technology in society. – 2009. – T. 31. – No. 4. – pp. 399-405.
10. Juma C., Clark N. Policy research in sub-Saharan Africa: An exploration //Public Administration and Development. – 1995. – T. 15. – No. 2. – pp. 121-137.

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2024.76.36.022

Моральные дилеммы симулякров: влияние цифровизации на этику в вооруженных конфликтах

Некрасов Дмитрий Владимирович

Адъюнкт,
Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, 14, с. 1;
e-mail: nekrasovdml991@yandex.ru

Петряков Кирилл Сергеевич

Адъюнкт,
Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, 14, с. 1;
e-mail: kirill-petryak@mail.ru

Казаков Дмитрий Владимирович

Адъюнкт,
Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, 14, с. 1;
e-mail: ph.d.kazakov@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется влияние цифровизации на этические аспекты ведения военных действий. Авторы анализируют феномен «симулякров» – виртуальных образов, создаваемых с помощью цифровых технологий и их влияние на восприятие войны. Говорится о важной роли технологий виртуализации исходя из трансформации высших психических функций под воздействием цифровой среды. Анализируется такого рода накопленный опыт использования виртуальных технологий при ведении военных действий. Представлены рекомендации, которые могут быть использованы для решения имеющихся на сегодняшний день этических дилемм, связанных с использованием симулякров в военных целях. В заключении показано, что Разработать четкие этические рамки, которые должны учитывать специфику использования симулякров в военных действиях и обеспечивать баланс между военной эффективностью и гуманитарными соображениями; обеспечить прозрачность в разработке и использовании военных симулякров, а также установить механизмы контроля и подотчетности; вывод симулякров из «тени» и регламентировать их использование с точки зрения международного права.

Цифровизация вооруженных конфликтов представляет собой серьезный вызов для этики. Использование симулякров может привести к дегуманизации противника, эскалации военных действий и другим негативным последствиям. Для решения этих проблем необходимо выработать новые этические рамки, основанные на принципах гуманности, ответственности и транспарентности.

Для цитирования в научных исследованиях

Некрасов Д.В., Петряков К.С., Казаков Д.В. Моральные дилеммы симулякров: влияние цифровизации на этику в вооруженных конфликтах // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 167-172. DOI: 10.34670/AR.2024.76.36.022

Ключевые слова

Вооруженные силы, боевые действия, война, вооруженный конфликт, мораль, политика, симулякры, симуляции, цифровизация, этика.

Введение

Этические аспекты вооруженных конфликтов занимали особое место в работах западных и отечественных ученых, начиная от Античности и заканчивая нашим временем [Некрасов, 2022, с. 541-542; Некрасов, 2022, с. 140-142; Некрасов, Васильева, 2023, с. 311-313; Некрасов, 2022, с. 98-102]. Последние годы, в связи с активным скачком в области цифровизации [Прончев, 2022], а также в кризисный для международного права момент истории, когда конфликты все чаще решаются не в дипломатической плоскости, а на поле боя [Смирнов, 2005], игнорировать моральные аспекты в технологической сфере не представляется возможным.

А.Д. Куманьков пишет по этому поводу: «Война по-прежнему с нами, но освоила искусство маскировки и перевоплощения. Все чаще она скрывает свое истинное лицо, вторгаясь в нашу жизнь в виде удара умной бомбы, точечного удара боевого дрона или DDoS-атаки» [Куманьков, 2019, с. 156].

Вместе с тем, важно заметить, что, несмотря на актуальность силового решения конфликтных ситуаций между противоборствующими сторонами, геополитические акторы не снижают динамику использования не силовых методов. Мы все чаще слышим такие термины как «информационная война», «гибридная война», «ментальная война». Как пишет А.И. Горячев: «Противоборствующие стороны подвергают своего противника активному информационному воздействию, чтобы заставить его усомниться в себе, своих ценностях и целях, идеалах и принципах, заставить его отказаться от веры в свой народ, государство, власть, заставить его поверить, что все это у противника лучше, правильнее, умнее» [Горячев, Лутцев, 2022, с. 34].

Основное содержание

Цифровизация, пронизывающая все сферы жизни, оказывает существенное влияние на характер ведения боевых действий. Симулякры, виртуальные копии реальности, становятся неотъемлемой частью планирования операций, военных учений и непосредственно самих боевых действий. Однако это стремительное развитие данной сферы несет в себе ряд этических дилемм, требующих пристального внимания.

Что же такое симулякр и как он проявляется в массовом сознании населения? *Симулякр* (фр. Simulacre от лат. Simulacrum – подобие, копия) – это ключевой термин постмодернистской философии, который означает изображение, копию того, чего на самом деле не существует. Сегодня это понятие, введение в научный оборот которого и применение его для интерпретации реалий окружающего мира приписывается французскому философу Жану Бодрийяру, разумеется, как социокультурное событие или произведение, копирующие форму исходного образца [Алламуратова, Алламуратова, 2022, с. 93]. Симулякр может касаться каких угодно вещей и смыслов. В действительности симулякр – это понятие философского дискурса, которое впервые появилось в античной научной мысли для характеристики наряду с образами-копиями вещей таких образов, которые далеки от подобия вещам и выражают душевное состояние, фантазмы, химеры, фантомы, призраки, галлюцинации, репрезентации снов, страхов, бреда [Петряков, 2022, с. 104]. Средства и способы возникновения симулякров в связи с высокой информатизацией населения становятся все более и более технологичными [Петрий, Петряков, 2024, с. 53-57; Петряков, 2022, с. 131-134; Петряков, Петрий, 2022, с. 40-45].

Симулякры играют важную роль при подготовке военнослужащих и планировании военных операций, так как создаваемые с помощью компьютерного моделирования, искусственного интеллекта и виртуальной реальности симуляции, могут имитировать различные аспекты военных действий. Это позволяет военнослужащим тренироваться в условиях, максимально приближенных к реальным, без риска для жизни. Однако использование симулякров в военных целях вызывает ряд этических проблем. Мы выделяем следующие:

- *Размытие границ между реальностью и виртуальностью.* Симулякры могут десенсибилизировать солдат к насилию, делая их менее чувствительными к реальным страданиям и потерям.
- *Эскалация военных действий.* Легкость, с которой симулякры позволяют «убивать» и «уничтожать» в виртуальном мире, может привести к снижению порога применения силы в реальных конфликтах.
- *Опасность дегуманизации.* Симулякры противника могут привести к его обезличиванию, делая его менее ценным в глазах солдат.
- *Манипуляция и пропаганда.* Симулякры могут использоваться для манипулирования общественным мнением и оправдания военных действий.

Заключение

Для решения этических дилемм, связанных с использованием симулякров в военных целях, необходимо:

Разработать четкие этические рамки, которые должны учитывать специфику использования симулякров в военных действиях и обеспечивать баланс между военной эффективностью и гуманитарными соображениями; обеспечить прозрачность в разработке и использовании военных симулякров, а также установить механизмы контроля и подотчетности; вывод симулякров из «тени» и регламентировать их использование с точки зрения международного права.

Цифровизация вооруженных конфликтов представляет собой серьезный вызов для этики. Использование симулякров может привести к дегуманизации противника, эскалации военных

действий и другим негативным последствиям. Для решения этих проблем необходимо выработать новые этические рамки, основанные на принципах гуманности, ответственности и транспарентности.

Библиография

1. Алламуратова Г.Ж., Алламуратова А.Ж. Сопоставительный анализ понятия предательство в лингвокультурологическом аспекте // Запад и Восток в диалоге культур: Материалы XI Международной научно-практической конференции и Всероссийской научно-просветительской конференции с международным участием / Под общ. ред. В.Б. Царьковой, Е.А. Поповой, А.А. Люлюшина, Е.Г. Труновой. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. – С. 90-99.
2. Горячев А.И., Луццев М.В. Информационная война в ментальном пространстве // Военный академический журнал. 2022. № 1 (33). – С. 33-40.
3. Куманьков А.Д. Война, или В плену насилия. - Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 164 с.
4. Некрасов Д.В. Мораль, политика, война в философии Иммануила Канта // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). – С. 541-542.
5. Некрасов Д.В. Соотношение политики и морали в контексте войны в работах античных философов // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. – С. 140-142.
6. Некрасов Д.В., Васильева М.С. Гуманитарные интервенции в современных геополитических процессах // Евразийский юридический журнал. 2023. № 9 (184). – С. 311-313.
7. Некрасов Д.В. Особенности трактовки морали и политики в российской философской мысли допетровской // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. № 7 (64). – С. 98-102.
8. Петрий П.В., Петряков К.С. Симулякры цифросферы как угроза духовному суверенитету России // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. – С. 53-57.
9. Петряков К.С. Симулякры массового сознания в условиях частичной мобилизации России // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 6. – С. 131-134.
10. Петряков К.С. Симулякры массового сознания как новое средство ведения вооруженной борьбы // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. – С. 103-106.
11. Петряков К.С., Петрий П.В. Массовое сознание в пространстве современной информационной войны: к постановке проблемы // Военный академический журнал. 2022. № 1 (33). – С. 40-45.
12. Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: Монография / В.Б. Батиевская, М.В. Келехсаева, Т.Е. Ситохова [и др.]; Гл. редактор Э.В. Фомин. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. – 196 с.
13. Прончев Г.Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Ч. 1 // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 6. – С. 47-57.
14. Прончев Г.Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Ч. 2 // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7. – С. 47-56.
15. Смирнов М.Г. Некоторые вопросы миротворческой деятельности по урегулированию вооруженных конфликтов // Право и государство: теория и практика. 2005. № 3. – С. 138-143.
16. Смирнов М.Г. Эволюция правила Jus ad bellum в международном гуманитарном праве: к вопросу разграничения терминов jus in bello и jus ad bellum // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 12А. – С. 251-257.
17. Абашидзе А.Х., Григорьева Н.А., Конева А.Е., Симонова М.А. Опыт русской православной церкви в сфере защиты семьи и детей: правовые основания и инновационный поиск // Глобальный научный потенциал. 2016. № 10 (67). С. 34 – 38.
18. Букалерева Л.А., Муратханова М.Б., Остроушко А.В., Симонова М.А. Охрана интересов несовершеннолетних в условиях цифровой экономики в Российской Федерации и республике Казахстан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 149 – 165.
19. Даниленко И.А. О некоторых вопросах ограничения права на выезд за территорию российской федерации лиц, имеющих допуск к сведениям, составляющим государственную тайну // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 78 – 84.
20. Завьялова Н. А. Коммуникативные универсалии как средство интеллектуального воздействия // Теория и практика общественного развития. – 2015. № 6. С. 121 – 125.
21. Симонова М.А. Социальная деятельность русской православной церкви в 1990-2000-е гг.: концептуальные основания и опыт реализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 4. С. 157 – 165.

Moral dilemmas of simulacrum: the impact of digitization on ethics in armed conflicts

Dmitrii V. Nekrasov

Adjunct,
Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
123001, 14 Bolshaya Sadovaya str., p. 1, Moscow, Russian Federation;
e-mail: nekrasovdm1991@yandex.ru

Kirill S. Petryakov

Adjunct,
Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
123001, 14 Bolshaya Sadovaya str., p. 1, Moscow, Russian Federation;
e-mail: kirill-petryakov@mail.ru

Dmitrii V. Kazakov

Adjunct,
Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
123001, 14 Bolshaya Sadovaya str., p. 1, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ph.d.kazakov@mail.ru

Abstract

The article examines the impact of digitalization on the ethical aspects of warfare. The authors analyze the phenomenon of “simulacra” - virtual images created using digital technologies and their impact on the perception of war. The important role of virtualization technologies is discussed based on the transformation of higher mental functions under the influence of the digital environment. This kind of accumulated experience in the use of virtual technologies in the conduct of military operations is analyzed. Recommendations are presented that can be used to resolve the current ethical dilemmas associated with the use of simulacra for military purposes.

For citation

Nekrasov D.V., Petryakov K.S., Kazakov D.V. (2023) Moral'nye dilemmy simulyakrov: vliyanie tsifrovizatsii na etiku v vooruzhennykh konfliktakh [Moral dilemmas of simulacrum: the impact of digitization on ethics in armed conflicts]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 167-172. DOI: 10.34670/AR.2024.76.36.022

Keywords

Army, combat operations, war, armed conflict, morality, politics, simulacra, simulations, digitalization, ethics.

References

1. Allamuratova G.Zh., Allamuratova A.Zh. Comparative analysis of the concept of betrayal in the linguistic and cultural aspect // West and East in the dialogue of cultures: Materials of the XI International Scientific and practical Conference and the All-Russian Scientific and educational conference with international participation / Under the general editorship of V.B. Tsarkova, E.A. Popova, A.A. Lyulyushina, E.G. Trunova. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2022. – pp. 90-99.
2. Goryachev A.I., Luttsev M.V. Information war in mental space // Military Academic Journal. 2022. № 1 (33). – Pp. 33-40.
3. Kumankov A.D. War, or In captivity of violence. - St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2019. – 164 p.
4. Nekrasov D.V. Morality, politics, war in the philosophy of Immanuel Kant // Eurasian Law Journal. 2022. № 9 (172). – Pp. 541-542.
5. Nekrasov D.V. Correlation of politics and morality in the context of war in the works of ancient philosophers // Socio-humanitarian knowledge. 2022. No. 6. – pp. 140-142.
6. Nekrasov D.V., Vasilyeva M.S. Humanitarian interventions in modern geopolitical processes // Eurasian Law Journal. 2023. No. 9 (184). – pp. 311-313.
7. Nekrasov D.V. Features of the interpretation of morality and politics in the Russian philosophical thought of the pre-Petrine // Mission of confessions. 2022. Vol. 11. No. 7 (64). – pp. 98-102.
8. Petri P.V., Petryakov K.S. Simulacra of the digital sphere as a threat to the spiritual sovereignty of Russia // Socio-political Sciences. 2024. Vol. 14. No. 1. – pp. 53-57.
9. Petryakov K.S. Simulacra of mass consciousness in conditions of partial mobilization of Russia // Socio-political sciences. 2022. Vol. 12. No. 6. – pp. 131-134.
10. Petryakov K.S. Simulacra of mass consciousness as a new means of conducting armed struggle // Socio-humanitarian knowledge. 2022. No. 5. – pp. 103-106.
11. Petryakov K.S., Petri P.V. Mass consciousness in the space of modern information warfare: towards the formulation of the problem // Military Academic Journal. 2022. № 1 (33). – Pp. 40-45.
12. Law and economic development: topical issues: Monograph / V.B. Batievskaya, M.V. Kelekhsayeva, T.E. Sitokhova [et al.]; Editor-in-chief E.V. Fomin. – Cheboksary: Publishing House "Wednesday" LLC, 2023. – 196 p.
13. Pronchev G.B. The formation of an electronic digital civilization: key concepts. Part 1 // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2022. No. 6. – pp. 47-57.
14. Pronchev G.B. The formation of an electronic digital civilization: key concepts. Part 2 // Theory and practice of social development. 2022. No. 7. – pp. 47-56.
15. Smirnov M.G. Some issues of peacekeeping activities for the settlement of armed conflicts // Law and the state: theory and practice. 2005. No. 3. – pp. 138-143.
16. Smirnov M.G. Evolution of the Jus ad bellum rule in international humanitarian law: on the issue of distinguishing the terms jus in bello and jus ad bellum // Issues of Russian and international law. 2021. vol. 11. No. 12A. – pp. 251-257.
17. Abashidze A.H., Grigorieva N.A., Koneva A.E., Simonova M.A. The experience of the Russian Orthodox Church in the field of family and child protection: legal foundations and innovative search // Global Scientific potential. 2016. No. 10 (67). pp. 34-38.
18. Bukalerova L.A., Muratkhanova M.B., Ostroushko A.V., Simonova M.A. Protection of the interests of minors in the digital economy in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2019. Vol. 10. No. 1. pp. 149-165.
19. Danilenko I.A. On some issues of restricting the right to travel outside the territory of the Russian Federation of persons who have access to information constituting a state secret // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2018. No. 2 (42). pp. 78-84.
20. Zavyalova N. A. Communicative universals as a means of intellectual influence // Theory and practice of social development. – 2015. No. 6. pp. 121 – 125.
21. Simonova M.A. Social activity of the Russian Orthodox Church in the 1990s-2000s: conceptual foundations and experience of implementation // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia. 2014. No. 4. pp. 157-165.

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2024.17.26.025

Социально-философский анализ цифрового поведения и цифрового бытия современного человека

Филиппова Елена Юрьевна

Преподаватель кафедры философии,
истории и социального инжиниринга,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
450077, Российская Федерация, Уфа, ул. Карла Маркса, 12;
e-mail: info@rusoil.net

Аннотация

Формация современного общества постоянно подвергается трансформации из-за ускорения технологических, информационных факторов развития, формируя тем самым новый вид бытия – цифровое бытие, что требует социально-философского анализа и осмысления. Объектом исследования является цифровое общество. Предметом исследования – цифровое бытие и цифровое поведение, как предмет социально-философского анализа. Цель исследования заключается в социально-философском анализе изменения формации общественного устройства и общественного бытия в сторону цифровизации всех аспектов жизнедеятельности человека. В статье раскрывается содержание понятия цифрового бытия, как эволюционной ступени развития информационного общества. В статье аргументируется, что несмотря на широкое распространение технологий, доступ к ним неодинаков для всех членов общества, что создает очевидные проблемы в дифференциации возможностей в цифровой среде. Члены общества, уже обладающие технологическими преимуществами, обладают ими и в цифровой сфере и в большей степени получают выгоды от внедрения и использования цифровых технологий, таким образом цифровое поведение всегда предполагает дифференциацию возможностей, что определяет содержание и форму цифрового поведения, а технологический детерминизм, предполагающий, что доступ к технологиям решит социальные проблемы, является на самом деле утопичным.

Для цитирования в научных исследованиях

Филиппова Е.Ю. Социально-философский анализ цифрового поведения и цифрового бытия современного человека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 173-178. DOI: 10.34670/AR.2024.17.26.025

Ключевые слова

Цифровое общество, цифровая трансформация, цифровое неравенство, цифровая среда, цифровое поведение.

Введение

В настоящее время наблюдается возрастающий вклад цифровой информации в формирование технологического прогресса и социокультурных изменений в обществе, когда нелинейные и неопределенные процессы цифровой среды оказывают значительное воздействие на общество. Цифровое преобразование сферы общественных отношений и общественной жизни обусловлено гипервысоким объемом информационного обмена и высокоскоростным распространением цифровых решений. Структурные и содержательные изменения объективной реальности через развитие цифровой среды рассматриваются как фактор, способствующий или тормозящий социокультурные преобразования в обществе: «Через категорию «психологическое поле» Левин рассматривал жизненное пространство человека, его предметный мир. Он полагал, что истинной средой обитания человека является не физическая реальность и не социальная среда, а лишь элементы отражения этой среды в сознании человека, что и обуславливает его поведение. Благодаря исследованиям Левина к критериям субъективного пространства добавились место и направление» [Галаганова, 2022, 161]. Наблюдается динамичное развитие цифровой реальности, содержание которой постоянно преобразуется, включая социокультурные шаблоны, ценности, смыслы и идеи и одновременно происходит революционное изменение ее структуры, ведущее к появлению новых элементов, свойств и процессов в социальной среде и эти изменения затрагивают как отдельных индивидуумов, так и общество в целом. Социальная философия предоставляет возможность оценить ситуацию в изменяющемся общественном пространстве, учитывая глубинные процессы, влияющие на функционирование общества и социальное развитие. Социально-философский анализ цифровой реальности направлен на определение условий ее трансформации и воздействия на индивидов.

Основная часть

Цифровая среда является аспектом общественной среды, которая трансформирует привычный образ жизни человека: «Сегодня, говоря о цифровых технологиях, имеют в виду компоненты робототехники и сенсорики, технологии больших данных, виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта, промышленного интернета, беспроводной связи, квантовых технологий и систем распределенного реестра в контексте образовательных запросов Индустрии 4.0» [Зырянов, 2023, 435-436] и становится вполне логичным, что взаимодействие с цифровыми технологиями определяет уровень цифровизации общественной жизни, тем самым определяя действия человека, формируя его цифровое поведение. Таким образом, цифровое поведение можно охарактеризовать двояко: как поведение человека в смысле взаимодействия с цифровыми технологиями и как проекцию себя как человека в цифровую реальность, прежде всего, социальные сети. Распространение цифровых технологий в объективной действительности формирует цифровое общество и следует согласиться с отечественными исследователями, что цифровое общество, это следующий этап эволюции информационного общества: «Нам же видится, что цифровое общество это этап, следующий за информационным или компьютеризированным обществом. Бесспорно, одно вытекает из другого и без него существовать не может. Вместе с тем цифровое общество аккумулирует ресурсы не только общества людей, но и их слияние с киберпространством: в процессе жизнедеятельности вся скопленная в физическом пространстве информация в виде

«больших данных» отправляется в киберпространство, где посредством искусственного интеллекта выбирается наиболее соответствующее решение и направляются обратно в физическое пространство» [Семенова, 2020, 33]. Таким образом, все большая трансформация общественных процессов в смысле аспекта их цифровизации как следствие формирует цифровое бытие современного индивида. Цифровое бытие можно охарактеризовать, как философскую категорию целостного существования в цифровой реальности ассоциированной проекции сознания индивида, при этом предполагалось, что на протяжении ближайших лет возникнет возможность развития цифрового общества, основанного на следующих ключевых принципах:

- Сохранение цифрового национального суверенитета, когда необходимость защиты интересов государства и обеспечения контроля над цифровыми ресурсами будет превалировать над глобализацией и чего фактически не произошло.
- Свободный и равный доступ к цифровым активам, которые гарантируют равные возможности для всех членов общества при использовании цифровых технологий, чего опять же не происходит, так как свобода и равенство в цифровой среде остаются абстрактными понятиями, не реализованными в объективной действительности.
- Предполагалось, что будет реализовано преимущество использования национальных цифровых технологий через поддержку отечественных разработок и инноваций в цифровой сфере, а фактически сформированы два центра цифровизации в мире, это Китай и США.
- Предполагалось формирование единого цифрового пространства через создание интегрированной и взаимосвязанной среды для эффективной реализации цифровых процессов в обществе.
- Также предполагалось развитие цифровых компетенций и формирование единой системы знаний через стимулирование обучения и развития цифровых навыков у различных групп населения.
- И также недостижимым оказалось формирование новых цифровых ценностей и культуры, с уважением к традиционным, общественным и национальным ценностям и культуре: совмещение новаторских подходов с сохранением и уважением культурного наследия, так как фактически цифровое бытие размывает исторические культурные ценности объективной реальности.

Цифровое общество, как сложная система связей более субъективна в своем бытии и требует системного подхода и базируется на архитектурных принципах построения системы, что требует оснований на связанных фундаментальных проекциях объективной действительности:

- Правовая проекция, которая устанавливает законодательную базу и правила для цифрового пространства.
- Организационная проекция, которая определяет структуру и организацию управления цифровыми процессами.
- Технологическая проекция, которая описывает используемые технологии и их взаимосвязь с функционированием цифрового общества.

Объединяя эти проекции, можно разработать единую модель цифрового общества, обеспечивая гармоничное взаимодействие между ними, так как одним из ключевых вызовов, определяющих негативный характер развития цифрового общества, это социальное и цифровое неравенство, которые остаются актуальными как на уровне национальной, так и глобальной политики. Возникновение информационного общества вначале рассматривалось как

возможность сокращения неравенства, улучшения доступа к информации и стимулирования участия граждан в политической и общественной жизни. Исходно доминировал оптимистический взгляд, рассматривающий Интернет как нейтральное пространство, при этом традиционные СМИ определялись как централизованные структуры, контролируемые небольшим числом владельцев с пассивными аудиториями [Lythreath et al., 2022]. Однако скорость цифровой трансформации и глобальное распространение интернета создали новые вызовы, так как выгоды от цифровой революции не распределились равномерно. Несмотря на широкое распространение технологий, доступ к ним неодинаков для всех членов общества, что создает очевидные проблемы в дифференциации возможностей в цифровой среде.

В мире существуют географические различия во внедрении цифровых технологий, что приводит к неравным преимуществам и выгодам для различных членов цифрового общества, особенно в сравнении с развитыми странами. Даже внутри одной страны выгоды от цифровой трансформации общественных процессов распределены неравномерно среди граждан в зависимости от их социально-экономического и демографического статуса и различия проявляются в проникновении информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь человека, в мотивации, навыках, образе жизни, а также в социально-экономической и демографической динамике [Исмагилов, 2023]. Члены общества, уже обладающие технологическими преимуществами, обладают ими и в цифровой сфере и в большей степени получают выгоды от внедрения и использования цифровых технологий, таким образом цифровое поведение всегда предполагает дифференциацию возможностей, что определяет содержание и форму цифрового поведения. Культурные, социальные, экономические и политические аспекты играют важную роль в понимании цифрового поведения, цифрового неравенства и их социальных последствий, так как различия в социальной структуре и цифровом мире тесно взаимосвязаны. Интернет как социальный феномен создает новые возможности, влияя на социальную мобильность и социальную идентификацию и способность к самореализации людей, но социальное неравенство всегда сохраняется из-за фундаментальных социально-экономических различий, несмотря на некоторые исключения в социальной мобильности благодаря цифровым технологиям [Филиппова, 2023]. Иерархически организованное общество с богатыми и бедными социальными слоями формирует различия в социальном неравенстве, отражающиеся в распределении ресурсов и вознаграждений, при этом социальная структура и неравенство цифрового мира переплетены и зависят от экономических, половых, возрастных, статусных и политических факторов.

Заключение

Социокультурные и экономические условия цифровизации общества существенно влияют на принятие и использование цифровых технологий в самом обществе, формируя новую форму цифрового бытия и также на получение преимуществ для пользователей цифровой среды. Цифровое неравенство оказывает серьезное влияние на социальную интеграцию, формируя негативное цифровое поведение, связанное с социальным статусом в объективной действительности. Технологический детерминизм, предполагающий, что доступ к технологиям решит социальные проблемы, является утопичным, необходимо учитывать социально-экономические преимущества, возникающие при целенаправленном использовании информационно-коммуникационных технологий, формирующих новое цифровое бытие общества.

Библиография

1. Алексейчева Е.Ю. Новые тренды в управлении образовательными системами // Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе: Коллективная монография. М.: Книгодел, 2021. С. 68-97.
2. Алексейчева Е.Ю. Современные подходы к организации научного продюсинга // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Экономика». 2020. № 4 (26). С. 100–108. DOI 10.25688/2312-6647.2020.26.4.09
3. Алексейчева Е.Ю. Этика distant-образования. В сборнике: Актуальные проблемы образования. материалы методологического семинара. Сер. "Библиотека Мастерской оргдеятельностных технологий МГПУ" Ярославль, 2020. С. 78-84.
4. Алексейчева Е.Ю., Ананишнев В.М., Ермоленко Г.А., Жукоцкая А.В., Казенина А.А., Кожевников С.Б., Нехорошева Е.В., Осмоловская С.М., Сахарова М.В., Скородумова О.Б., Хасянов А.Ж., Хилханов Д.Л., Хилханова Э.В., Черненко С.В. Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе. Коллективная монография. Москва, 2021.
5. Галаганова С.Г. Субъективное семантическое пространство человека в условиях цифровой трансформации общества // Человеческий капитал. 2022. № 10 (166). С. 159-172.
6. Зырянов В.В. Цифровая трансформация общества: рефлексия социологического образования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7. № 4. С. 435-444.
7. Исмагилов И.И. Цифровая экономика: компонентный анализ определений понятия // Дискуссия. 2023. № 4 (119). С. 6-16.
8. Семенова И.С. Цифровое общество: новые вызовы // Наука, образование и культура. 2020. № 5 (49). С. 33-37.
9. Филиппова Е.Ю. Цифровизация общества как культурный феномен социального прогресса // Евразийский юридический журнал. 2023. № 9 (184). С. 326-327.
10. Lythreath S. et al. The digital divide: A review and future research agenda // Technological Forecasting and Social Change. 2022. Vol. 175. P. 121-359.

Socio-philosophical analysis of digital behavior and digital existence of modern man

Elena Yu. Filippova

Lecturer of the Department of Philosophy,
History and Social Engineering,
Ufa State Petroleum Technological University,
450077, 12, Karla Marksa str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: info@rusoil.net

Abstract

The formation of modern society is constantly undergoing transformation due to the acceleration of technological, informational factors of development, thereby forming a new type of existence, digital existence, which requires socio-philosophical analysis and comprehension. The object of research is digital society. The subject of the research is digital existence and digital behavior as a subject of socio-philosophical analysis. The purpose of the study is a socio-philosophical analysis of changes in the formation of social order and social existence towards the digitalization of all aspects of human life. The article reveals the content of the concept of digital existence as an evolutionary stage in the development of the information society. The article argues that despite the widespread use of technologies, access to them is not equal for all members of society, which creates obvious problems in differentiating opportunities in the digital environment. Members of society who already have technological advantages have them in the digital sphere and benefit to a greater

extent from the introduction and use of digital technologies, thus digital behavior always presupposes differentiation of opportunities, which determines the content and form of digital behavior, and technological determinism, which assumes that access to technology will solve social problems is actually utopian.

For citation

Filippova E.Yu. (2023) Sotsial'no-filosofskii analiz tsifrovogo povedeniya i tsifrovogo bytiya sovremennogo cheloveka [Socio-philosophical analysis of digital behavior and digital existence of modern man]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 173-178. DOI: 10.34670/AR.2024.17.26.025

Keywords

Digital society, digital transformation, digital inequality, digital environment, digital behavior.

References

1. Alekseicheva E.Yu. (2020) Etika distant-obrazovaniya [Ethics of distant education] V sbornike: Aktual'nye problemy obrazovaniya. materialy metodologicheskogo seminar. Ser. "Biblioteka Masterskoj orgdeyatelnostnyh tekhnologij MGPU" YARoslavl' [In the collection: Current problems of education. materials of the methodological seminar. Ser. "Library of the Workshop of organizational and activity technologies of the Moscow State Pedagogical University" Yaroslavl] pp. 78-84.
2. Alekseicheva E.Yu. (2020) Sovremennye podhody k organizacii nauchnogo prodysinga [Modern approaches to the organization of scientific production] Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Ekonomika» [Vestnik of Moscow City University. Series «Economics»], 4 (26), pp. 100-108.
3. Alekseicheva E.Yu. (2021) Novye trendy v upravlenii obrazovatel'nymi sistemami [New trends in the management of educational systems] Cifrovaya gumanitaristika: chelovek v «prozrachnom» obshchestve: Kollektivnaya monografiya. M.: Knigodel [Digital humanities: a person in a "transparent" society: Collective monograph. M.: Knigodel], pp. 68-97.
4. Alekseicheva E.Yu., Ananishnev V.M., Ermolenko G.A., Zhukotskaya A.V., Kazenina A.A., Kozhevnikov S.B., Nekhorosheva E.V., Osmolovskaya S.M., Sakharova M.V., Skorodumova O.B., Khasyanov A.J., Hilkanov D.L., Hilkanova E.V., Chermenkaya S.V. (2021) Cifrovaya gumanitaristika: chelovek v «prozrachnom» obshchestve. Kollektivnaya monografiya. Moskva [Digital humanities: a person in a "transparent" society. A collective monograph. Moscow]
5. Filippova E.Yu. (2023) Tsifrovizatsiya obshchestva kak kul'turnyi fenomen sotsial'nogo progressa [Digitalization of society as a cultural phenomenon of social progress]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 9 (184), pp. 326-327.
6. Galaganova S.G. (2022) Sub"ektivnoe semanticheskoe prostranstvo cheloveka v usloviyakh tsifrovoi transformatsii obshchestva [Subjective semantic space of a person in the conditions of digital transformation of society]. *Chelovecheskii kapital* [Human capital], 10 (166), pp. 159-172.
7. Ismagilov I.I. (2023) Tsifrovaya ekonomika: komponentnyi analiz opredelenii ponyatiya [Digital economy: component analysis of definitions of the concept]. *Diskussiya* [Discussion], 4 (119), pp. 6-16.
8. Lythreatis S. et al. (2022) The digital divide: A review and future research agenda. *Technological Forecasting and Social Change*, 175, pp. 121-359.
9. Semenova I.S. (2020) Tsifrovoe obshchestvo: novye vyzovy [Digital society: new challenges]. *Nauka, obrazovanie i kul'tura* [Science, education and culture], 5 (49), pp. 33-37.
10. Zyryanov V.V. (2023) Tsifrovaya transformatsiya obshchestva: refleksiya sotsiologicheskogo obrazovaniya [Digital transformation of society: reflection of sociological education]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships], 7, 4, pp. 435-444.

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2024.68.42.009

Социально-философские основания развития методологии математического образования

Хамидуллин Равгат Явдатович

Кандидат технических наук, доцент,
завкафедрой высшей математики и естественнонаучных дисциплин,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, пр. Ленинградский, 80;
e-mail: ravgat@yandex.ru

Аннотация

Развитие методологии математического образования имеет глубокие социально-философские основания, которые определяют его цели, содержание и методы. К ним относится демократизация образования. Согласно этой принципе математическое образование должно быть доступным для всех слоев общества. Развитие методологии в этом контексте направлено на создание таких методов обучения, которые могут быть успешно применены в различных социокультурных средах. Математика способствует развитию логического и аналитического мышления. Методология математического образования должна поощрять студентов к критическому мышлению, анализу информации и поиску решений проблем. В современном мире математика тесно связана с технологиями. Методология математического образования должна учитывать использование современных информационных технологий и программного обеспечения для улучшения процесса обучения. Кроме того, математическое образование не только развивает умственные способности, но и формирует ценностные ориентации учащихся. Методология должна способствовать формированию ценностей справедливости, точности, трудолюбия и ответственности. Математическое образование должно поддерживать развитие социальной ответственности учащихся, понимание важности математики для различных областей жизни и ее влияния на общество в целом.

В заключении делается вывод о том, что социально-философские основания развития методологии математического образования направлены на создание гармоничной системы обучения, способствующей развитию личности, формированию ценностей и подготовке к участию в современном информационном обществе.

Для цитирования в научных исследованиях

Хамидуллин Р.Я. Социально-философские основания развития методологии математического образования // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 179-186. DOI: 10.34670/AR.2024.68.42.009

Ключевые слова

Математическое образование, демократизация образования, развитие критического мышления, технологические инновации, формирование ценностей, социальная ответственность.

Введение

В современном обществе математическое образование играет важную роль в формировании мышления, развитии критического мышления, логического анализа, принятии решений и решении реальных проблем. Оно также является ключевым элементом подготовки специалистов в различных областях, включая науку, технологии, экономику и другие. Исследование социально-философских оснований методологии математического образования позволяет понять, какие ценности, убеждения и культурные факторы влияют на формирование математических знаний и умений у студентов. Это позволяет разработать более эффективные методики обучения, учитывающие социокультурный контекст и потребности обучающихся. Кроме того, изучение социально-философских аспектов математического образования помогает понять влияние общественных изменений, технологического развития и глобализации на содержание и методику обучения математике. Это позволяет адаптировать образовательные программы к современным вызовам и требованиям рынка труда. Таким образом, изучение социально-философских оснований развития методологии математического образования не только способствует улучшению качества образования, но и помогает подготовить обучающихся к успешной адаптации в быстро меняющемся мире.

Основное содержание

В разных странах мира существуют различные подходы к математическому образованию, которые отражают культурные, образовательные и методологические особенности каждой страны. Рассмотрим подходы к математическому образованию в разных странах.

Финляндия известна своим успешным образовательным системам, включая математическое образование. Здесь акцент делается на понимании математических концепций, а не на механическом запоминании формул. Учителя в Финляндии обладают высоким уровнем профессионализма и индивидуализируют обучение, учитывая потребности каждого ученика.

Япония также имеет уникальный подход к математическому образованию, который базируется на строгих стандартах и акценте на развитии логического мышления. Японские ученики изучают математику интенсивно и начинают это делать с раннего возраста.

В США математическое образование часто ориентировано на практическое применение математики в реальной жизни. Здесь также активно используются технологии в обучении математике, такие как компьютеры и интерактивные учебные программы.

В Германии математическое образование характеризуется умеренным стрессом на практическое применение математики и большим вниманием к абстрактным математическим концепциям. Учеников учат строить логические цепочки и решать сложные задачи.

Это лишь несколько примеров различных подходов к математическому образованию в разных странах. Каждый из них имеет свои сильные стороны и особенности, которые отражают культурные и образовательные ценности соответствующей страны.

В СССР математическое образование имело свои особенности и подходы, которые отличались от подходов в других странах. В первую очередь к особенностям математического образования можно отнести академическую направленность. Математическое образование в СССР было ориентировано на развитие абстрактного мышления и логики. Учеников учили

строить математические доказательства, решать сложные задачи и работать с абстрактными математическими концепциями.

Кроме того, в СССР уделялось большое внимание углубленному изучению математики. Ученики изучали математику более интенсивно, чем в некоторых других странах, и часто начинали изучение сложных математических тем с раннего возраста. Не менее значимым было то, что в СССР существовала разветвленная система математических школ, где талантливые ученики могли углубленно изучать математику и готовиться к математическим олимпиадам. Это способствовало развитию математических способностей учеников. В учебном процессе активно использовались методы коллективного обсуждения задач, решения задач на доске перед классом, что способствовало развитию навыков самостоятельной работы и логического мышления.

Эти особенности математического образования в СССР отражали стремление к высокому уровню математической грамотности и развитию математических способностей учащихся.

После распада СССР в 1991 году математическое образование в России претерпело некоторые изменения и эволюцию. В настоящее время можно выделить несколько ключевых различий между подходом к математическому образованию в СССР и современном российском математическом образовании.

В первую очередь к ним можно отнести учебные программы и методики: В современной России учебные программы и методики обучения математике могут быть более современными и ориентированы на использование новых технологий и методов обучения. Вместе с тем, некоторые традиционные методы из СССР могут сохраняться в российских школах.

В России продолжается традиция проведения математических олимпиад и конкурсов, которые помогают выявлять и развивать математические способности учащихся. Однако форматы и задачи могут немного отличаться от олимпиад в СССР.

С развитием информационных технологий в образовании в России может быть больше акцентов на использование компьютеров, интерактивных учебных программ и онлайн-ресурсов для обучения математике. Кроме того, в современной России также больше внимания уделяется международному сотрудничеству в области образования, включая участие в международных математических олимпиадах и проектах.

Хотя некоторые аспекты математического образования в России могут отличаться от подхода в СССР, все же сохранение традиций и высокого уровня математической грамотности остается важным приоритетом для российской системы образования.

Улучшение математического образования в России может быть достигнуто через ряд мер и изменений в образовательной системе. К ним необходимо отнести:

- регулярное обновление учебных программ, чтобы они отражали современные тенденции и требования, а также включали в себя новые методики обучения и технологии;
- проведение регулярных курсов повышения квалификации для учителей математики, чтобы они могли эффективно преподавать материал с использованием современных методик;
- создание дополнительных программ для развития математических способностей одаренных учащихся, включая проведение олимпиад, конкурсов и мероприятий;
- интеграция информационных технологий в процесс обучения, например, использование интерактивных учебных программ, онлайн-ресурсов и компьютерных моделирований;

– поощрение учащихся к самостоятельному изучению математики, проведению исследований и участию в научных конференциях.

Обучение не только алгоритмам и формулам, но и развитие критического мышления, логического мышления и умения решать нетипичные задачи. Участие в международных математических олимпиадах и проектах для обмена опытом и повышения мотивации учащихся. Эти меры могут помочь улучшить качество математического образования в России и подготовить более компетентное поколение математиков и специалистов в этой области.

Заключение

Развитие методологии математического образования имеет глубокие социально-философские основания, которые определяют его цели, содержание и методы. К ним относится демократизация образования. Согласно этой принципе математическое образование должно быть доступным для всех слоев общества. Развитие методологии в этом контексте направлено на создание таких методов обучения, которые могут быть успешно применены в различных социокультурных средах. Математика способствует развитию логического и аналитического мышления. Методология математического образования должна поощрять студентов к критическому мышлению, анализу информации и поиску решений проблем. В современном мире математика тесно связана с технологиями. Методология математического образования должна учитывать использование современных информационных технологий и программного обеспечения для улучшения процесса обучения. Кроме того, математическое образование не только развивает умственные способности, но и формирует ценностные ориентации учащихся. Методология должна способствовать формированию ценностей справедливости, точности, трудолюбия и ответственности. Математическое образование должно поддерживать развитие социальной ответственности учащихся, понимание важности математики для различных областей жизни и ее влияния на общество в целом.

Таким образом, социально-философские основания развития методологии математического образования направлены на создание гармоничной системы обучения, способствующей развитию личности, формированию ценностей и подготовке к участию в современном информационном обществе.

Библиография

1. Innovative methods of mastering economic knowledge by learning a foreign language / A. V. Kozharinov, O. A. Kalugina, N. V. Ryabchenko [et al.] // *Frontier Information Technology and Systems Research in Cooperative Economics*. – Heidelberg : Springer International Publishing, 2021. – P. 615-623. – DOI 10.1007/978-3-030-57831-2_66. – EDN EIWQXE.
2. Турянская, О. Ф. История как средство сохранения культурной идентичности личности / О. Ф. Турянская // *Духовное наследие Великой Отечественной войны - важнейший источник духовно-нравственного воспитания молодёжи : материалы V Международной научно-образовательной конференции «Нестеровские чтения», посвящённой Дню Памяти святого преподобного Нестора Летописца, а также празднованию 75-й годовщины победы в Великой Отечественной войне, Москва, 14 ноября 2019 года.* – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ПРИНТИКА", 2020. – С. 244-253. – EDN UCALHL.
3. Колобкова, А. А. Учебные книги по французскому языку в России XVIII века / А. А. Колобкова // *Проблемы современного образования*. – 2020. – № 5. – С. 163-171. – DOI 10.31862/2218-8711-2020-5-163-171. – EDN SKVJPB.
4. Учебный русско-латинский словарь юридических терминов и крылатых выражений. – Ставрополь : Центр

- научного знания "Логос", 2019. – 310 с. – ISBN 978-5-907078-93-2. – EDN HDVHBC.
5. Колобкова, А. А. Реферативное изложение в обучении иностранным языкам / А. А. Колобкова // Развитие науки и образования на современном этапе : материалы Международных научно-практических конференций : в 2 ч., Энгельс, 23 декабря 2016 года – 10 2017 года. Том Часть 1. – Энгельс: Российский университет кооперации, 2017. – С. 51-52. – EDN ZARDZJ.
  6. Колобкова, А. А. Обучение реферативному изложению в процессе профессионально-ориентированного иноязычного чтения : Монография / А. А. Колобкова. – Москва : "Русайнс", 2015. – 160 с. – ISBN 978-5-4365-0643-2. – EDN VJQCKV.
  7. Федоров, М. В. Особенности механизма обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации / М. В. Федоров, А. В. Курдюмов // Агропродовольственная политика России. – 2013. – № 12(24). – С. 10-15. – EDN RQATYX.
  8. Маслаков, В. В. Методы государственного регулирования аграрного сектора экономики: теоретический аспект / В. В. Маслаков, А. В. Курдюмов // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 7(84). – С. 968-971. – EDN ZBODXN.
  9. Мезенин, Н. А. Принципы обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации и на постсоветском пространстве / Н. А. Мезенин, А. В. Курдюмов // Управленец. – 2012. – № 9-10(37-38). – С. 34-37. – EDN OHRHNU.
  10. Становление структурных особенностей малого предпринимательства в стратегических отраслях национальной экономики / А. В. Курдюмов, А. А. Паюсов, Е. Г. Шеина, Н. С. Громова // Вопросы истории. – 2022. – № 12-2. – С. 72-77. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi84. – EDN MQOAJE.
  11. Шайбакова, Л. Ф. Внутренние и внешние факторы конкурентоспособности промышленных предприятий России / Л. Ф. Шайбакова, А. В. Курдюмов, Н. С. Громова // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. – 2023. – № 11. – С. 111-123. – EDN NNIIHW.
  12. Малое предприятие в развитии промышленного сектора экономики России в условиях санкционного воздействия / Л. Ф. Шайбакова, А. В. Курдюмов, Е. Г. Шеина, Н. С. Громова // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. – 2022. – № 12. – С. 107-114. – EDN HSJJVK.
  13. Применение блокчейна в сельском хозяйстве / А. В. Курдюмов, Л. Ф. Шайбакова, Е. Г. Шеина, Н. С. Громова // Аграрная наука. – 2023. – № 12. – С. 18-20. – EDN BNFQGT.
  14. Морозова, Г. М. Личностно-ориентированные технологии обучения в вузе в условиях реализации компетентного подхода / Г. М. Морозова // Теория и практика мировой науки. – 2023. – № 12. – С. 32-35. – EDN AQIQRF.
  15. Морозова, Г. М. К вопросу налогообложения самозанятых лиц и государственной поддержки в условиях санкций / Г. М. Морозова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19, № 6. – С. 215-218. – EDN VYOVHI.
  16. Масалева, М. В. Методика прогнозирования расходов материальных ресурсов в подразделениях Федеральной противопожарной службы / М. В. Масалева // Проблемы теории и практики управления. – 2021. – № 4. – С. 103-113. – DOI 10.46486/0234-4505-2021-4-103-113. – EDN VLRSTX.
  17. Сатин, А. П. Некоторые особенности пополнения ресурсной базы подразделений Федеральной противопожарной службы / А. П. Сатин, М. В. Масалева, В. В. Симаков // Технологии техносферной безопасности. – 2015. – № 5(63). – С. 120-129. – EDN WCLCHZ.
  18. Масалева, М. В. Консолидация бюджетов органов государственной власти Российской Федерации и местного самоуправления при планировании ресурсного обеспечения деятельности подразделений федеральной противопожарной службы / М. В. Масалева // Сибирский пожарно-спасательный вестник. – 2018. – № 2(9). – С. 42-47. – EDN XEFCCC.
  19. Абашидзе А.Х., Григорьева Н.А., Конева А.Е., Симонова М.А. Опыт русской православной церкви в сфере защиты семьи и детей: правовые основания и инновационный поиск // Глобальный научный потенциал. 2016. No 10 (67). С. 34 – 38.
  20. Абашидзе А.Х., Симонова М.А. Высшее образование: всеобщая потребность и все более отдаленная цель (международные правозащитные аспекты) // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2021. Т. 16. No 21. С. 4 – 19.
  21. Симонова М.А. Государственная политика в сфере школьного образования в 2000-х гг.: взаимодействие власти и церкви // Теория и практика общественного развития. 2014. No 2. С. 283 – 285.
  22. Завьялова Н. А. Коммуникативные универсалии как средство интеллектуального воздействия // Теория и практика общественного развития. – 2015. No 6. С. 121 – 125.
  23. Zavyalova N. Dataset for an analysis of communicative aspects of finance // Data in Brief. 2017. Vol. 11. P. 197 – 203.
  24. Курина Т.Н. Система оценки талантливых сотрудников в рамках технологии "театра талантов" // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. No 1. С. 53 – 62.

Social and philosophical foundations for the development of mathematics education methodology

Ravgat Ya. Khamidullin

PhD in Technical Science, Associate Professor,
Head of the Department of Higher Mathematics and Natural Sciences,
Moscow Finance and Industry University "Synergy",
125190, 80, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ravgat@yandex.ru

Abstract

The development of mathematics education methodology has deep socio-philosophical foundations that determine its goals, content and methods. These include the democratization of education. According to this principle, mathematics education should be accessible to all segments of society. The development of methodology in this context is aimed at creating teaching methods that can be successfully applied in various sociocultural environments. Mathematics promotes the development of logical and analytical thinking. Mathematics education methodology should encourage students to think critically, analyze information, and find solutions to problems. In the modern world, mathematics is closely related to technology. The methodology of mathematics education should take into account the use of modern information technologies and software to improve the learning process. In addition, mathematics education not only develops mental abilities, but also shapes the value orientations of students. The methodology should promote the formation of values of fairness, accuracy, hard work and responsibility. Mathematics education should support the development of social responsibility in students, an understanding of the importance of mathematics in various areas of life and its impact on society as a whole. In conclusion, it is concluded that the socio-philosophical foundations for the development of the methodology of mathematics education are aimed at creating a harmonious educational system that promotes personal development, the formation of values and preparation for participation in the modern information society.

For citation

Khamidullin R.Ya. (2023) Sotsial'no-filosofskie osnovaniya razvitiya metodologii matematicheskogo obrazovaniya [Social and philosophical foundations for the development of mathematics education methodology]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 179-186. DOI: 10.34670/AR.2024.68.42.009

Keywords

Mathematics education, democratization of education, development of critical thinking, technological innovation, formation of values, social responsibility

References

1. Innovative methods of mastering economic knowledge by learning a foreign language / A. V. Kozharinov, O. A. Kalugina, N. V. Ryabchenko [et al.] // *Frontier Information Technology and Systems Research in Cooperative*

- Economics. – Heidelberg : Springer International Publishing, 2021. – P. 615-623. – DOI 10.1007/978-3-030-57831-2_66. – EDN EIWOXE.
2. Turyanskaya, O. F. History as a means of preserving the cultural identity of a person / O. F. Turyanskaya // The spiritual legacy of the Great Patriotic War is the most important source of spiritual and moral education of youth : materials of the V International Scientific and Educational Conference "Nesterov Readings" dedicated to the Day of Memory of St. Nestor the Chronicler, as well as the celebration of the 75th anniversary of Victory in the The Great Patriotic War, Moscow, November 14, 2019. – Moscow: PRINTIKA Limited Liability Company, 2020. – pp. 244-253. – EDN UCALHL.
  3. Kolobkova, A. A. Educational books on the French language in Russia of the XVIII century / A. A. Kolobkova // Problems of modern education. - 2020. – No. 5. – pp. 163-171. – DOI 10.31862/2218-8711-2020-5-163-171. – EDN CKBJPB.
  4. Educational Russian-Latin dictionary of legal terms and catch phrases. – Stavropol: Logos Scientific Knowledge Center, 2019. – 310 p. – ISBN 978-5-907078-93-2. – EDN HDVHBC.
  5. Kolobkova, A. A. Abstract presentation in teaching foreign languages / A. A. Kolobkova // Development of science and education at the present stage : materials of International scientific and practical conferences : at 2 o'clock, Engels, December 23, 2016 – December 10, 2017. Volume Part 1. – Engels: Russian University of Cooperation, 2017. – pp. 51-52. – EDN ZARDZJ.
  6. Kolobkova, A. A. Teaching abstract presentation in the process of professionally oriented foreign language reading : Monograph / A. A. Kolobkova. – Moscow : Rusains, 2015. – 160 p. – ISBN 978-5-4365-0643-2. – EDN VJQCKV.
  7. Fedorov, M. V. Features of the mechanism for ensuring food security of the Russian Federation / M. V. Fedorov, A.V. Kurdyumov // Agro-food policy of Russia. – 2013. – № 12(24). – Pp. 10-15. – EDN RQATYX.
  8. Maslakov, V. V. Methods of state regulation of the agricultural sector of the economy: a theoretical aspect / V. V. Maslakov, A.V. Kurdyumov // Economics and entrepreneurship. – 2017. – № 7(84). – Pp. 968-971. – EDN ZBODXN.
  9. Mezenin, N. A. Principles of ensuring food security in the Russian Federation and in the post-Soviet space / N. A. Mezenin, A.V. Kurdyumov // The Manager. – 2012. – № 9-10(37-38). – Pp. 34-37. – EDN OHRHNU.
  10. The formation of structural features of small business in strategic sectors of the national economy / A.V. Kurdyumov, A. A. Payusov, E. G. Sheina, N. S. Gromova // Questions of history. - 2022. – No. 12-2. – pp. 72-77. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi84. – EDN MQOAJE.
  11. Shaibakova, L. F. Internal and external factors of competitiveness of industrial enterprises of Russia / L. F. Shaibakova, A.V. Kurdyumov, N. S. Gromova // Forging and stamping production. Pressure treatment of materials. – 2023. – No. 11. – pp. 111-123. – EDN NNIHW.
  12. A small enterprise in the development of the industrial sector of the Russian economy under the conditions of sanctions / L. F. Shaibakova, A.V. Kurdyumov, E. G. Sheina, N. S. Gromova // Forging and stamping production. Pressure treatment of materials. – 2022. – No. 12. – pp. 107-114. – EDN HSJJVK.
  13. The use of blockchain in agriculture / A.V. Kurdyumov, L. F. Shaibakova, E. G. Sheina, N. S. Gromova // Agrarian Science. – 2023. – No. 12. – pp. 18-20. – EDN BNFQGT.
  14. Morozova, G. M. Personality-oriented technologies of higher education in the context of the implementation of the competence approach / G. M. Morozova // Theory and practice of world science. - 2023. – No. 12. – pp. 32-35. – EDN AQIQR.
  15. Morozova, G. M. On the issue of taxation of self-employed persons and state support in conditions of sanctions / G. M. Morozova // Problems of economics and legal practice. - 2023. – Vol. 19, No. 6. – pp. 215-218. – EDN VYOVHI.
  16. Masaleva, M. V. Methodology for forecasting the expenditure of material resources in the units of the Federal Fire Service / M. V. Masaleva // Problems of theory and practice of management. - 2021. – No. 4. – pp. 103-113. – DOI 10.46486/0234-4505-2021-4-103-113. – EDN VLRSTX.
  17. Satin, A. P. Some features of replenishment of the resource base of the Federal Fire Service units / A. P. Satin, M. V. Masaleva, V. V. Simakov // Technosphere safety technologies. – 2015. – № 5(63). – Pp. 120-129. – EDN WC LCHZ.
  18. Masaleva, M. V. Consolidation of budgets of state authorities of the Russian Federation and local self-government in planning resource support for the activities of departments of the federal fire service / M. V. Masaleva // Siberian Fire and Rescue Bulletin. – 2018. – № 2(9). – Pp. 42-47. – EDN XEFCC.
  19. Abashidze A.H., Grigorieva N.A., Koneva A.E., Simonova M.A. The experience of the Russian Orthodox Church in the field of family and child protection: legal foundations and innovative search // Global Scientific potential. 2016. No. 10 (67). pp. 34-38.
  20. Abashidze A.H., Simonova M.A. Higher education: a universal need and an increasingly distant goal (international human rights aspects) // Yearbook of Russian educational legislation. 2021. Vol. 16. No. 21. pp. 4-19.
  21. Simonova M.A. State policy in the field of school education in the 2000s: interaction between government and the Church // Theory and practice of social development. 2014. No. 2. pp. 283-285.

22. Zavyalova N. A. Communicative universals as a means of intellectual influence // Theory and practice of social development. – 2015. No. 6. pp. 121 – 125.
23. Zavyalova N. Dataset for an analysis of communicative aspects of finance // Data in Brief. 2017. Vol. 11. P. 197 – 203.
24. Kurina T.N. The system of evaluation of talented employees within the framework of the "theater of talents" technology // Economics, entrepreneurship and law. 2020. Vol. 10. No. 1. pp. 53 – 62.

УДКУ 001

DOI: 10.34670/AR.2024.97.26.013

Социально-философские основания развития медицинского образования

Хамидуллин Равгат Явдатович

Кандидат технических наук, доцент,
завкафедрой высшей математики и естественнонаучных дисциплин,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, пр. Ленинградский, 80;
e-mail: ravgat@yandex.ru

Ильгильдина Римма Наиловна

Старший преподаватель,
кафедра общей биологии и фармации,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80;
e-mail: rilgildina@mail.ru

Аннотация

В статье показано, что развитие медицинского образования имеет глубокие социально-философские основания, которые определяют его цели и принципы. Медицинское образование стремится формировать врачей, которые не только обладают необходимыми клиническими навыками, но и способны проявлять эмпатию, понимание и заботу о пациентах как личностях. Врачи должны руководствоваться высокими этическими стандартами, соблюдать конфиденциальность, уважать права пациентов и принимать решения в соответствии с общепринятыми медицинскими нормами. Медицинское образование должно учитывать взаимосвязь между различными областями науки, такими как биология, психология, социология и т.д., для более полного понимания здоровья и болезни. В то же время обучение врачей должно учитывать социокультурные различия, бороться с дискриминацией и стремиться к тому, чтобы медицинские услуги были доступны всем слоям населения. Медицинское образование должно поощрять врачей к постоянному обучению, самосовершенствованию и принятию новых методов лечения и диагностики. Эти социально-философские принципы играют важную роль в формировании качественного медицинского образования и определяют его значимость для общества в целом.

Для цитирования в научных исследованиях

Хамидуллин Р.Я., Ильгильдина Р.Н. Социально-философские основания развития медицинского образования // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 187-192. DOI: 10.34670/AR.2024.97.26.013

Ключевые слова

Медицинское образование, развитие, технологии, демография, пандемии, мультидисциплинарный подход, пациентоориентированность, здравоохранение.

Введение

Развитие медицинского образования имеет огромное значение в современном мире. Медицина постоянно развивается, появляются новые технологии, методики лечения и диагностики. Обучение врачей должно быть актуальным и соответствовать современным требованиям и возможностям. С увеличением продолжительности жизни и изменением структуры населения возрастают потребности в квалифицированных специалистах в области здравоохранения, что делает актуальным развитие медицинского образования. Кроме того, события, такие как пандемия COVID-19, подчеркивают важность готовности медицинских работников и системы здравоохранения. Обучение врачей должно быть способным подготовить специалистов к реагированию на кризисные ситуации. Современная медицина все больше ориентирована на командную работу различных специалистов. Медицинское образование должно учитывать этот аспект и подготавливать врачей к эффективной работе в команде. Кроме того, современные стандарты здравоохранения подчеркивают важность пациентоориентированного подхода. Медицинское образование должно уделять внимание развитию навыков общения, эмпатии и понимания потребностей пациентов. Развитие медицинского образования играет ключевую роль в обеспечении высокого уровня здравоохранения, повышении качества жизни людей и успешной борьбе с вызовами современной медицины.

Актуальность развития медицинского образования трудно переоценить, учитывая быстрое развитие медицинской науки, технологий и изменения в здравоохранении. Быстрое развитие медицинских технологий требует от медицинских специалистов непрерывного обучения и адаптации к новым методам диагностики и лечения. С увеличением средней продолжительности жизни и старения населения возрастают потребности в квалифицированных специалистах, способных обеспечить эффективное лечение хронических заболеваний. События, такие как пандемия COVID-19, подчеркивают важность готовности медицинских работников к реагированию на кризисные ситуации и эффективному управлению общественным здоровьем. Пациенты становятся более информированными и требуют более индивидуализированного и эмпатичного подхода со стороны медицинского персонала. Развитие медицинского образования также актуально для подготовки специалистов, способных эффективно сотрудничать с представителями других профессий в рамках командной работы в здравоохранении. В целом, развитие медицинского образования необходимо для обеспечения высокого уровня медицинской помощи, соответствующего современным стандартам и требованиям пациентов, а также для подготовки медицинских специалистов к вызовам будущего в области здравоохранения.

Основное содержание

Рассмотрим эволюцию институциональной среды сферы медицинского образования. История развития медицинского образования в мире насчитывает множество важных этапов и изменений. Медицинское образование имело свои корни в древних цивилизациях, таких как Древний Египет, Месопотамия, Греция и Рим. Гиппократ, отец западной медицины, сформулировал Гиппократову клятву, которая стала основой этики для врачей. В средние века медицинское образование было частично контролируемо церковью. В это время монастыри

стали центрами медицинского обучения, где изучались основы медицины и ботаники. В период Просвещения в Европе (XVII-XVIII века) началось академическое обучение медицине. Ученые, такие как Вильгельм Рёнтген и Эдуард Янссенс, внесли значительный вклад в развитие медицинской науки. XIX век стал периодом значительного развития медицинского образования. Основаны первые медицинские школы и университеты, начали активно изучаться анатомия, физиология и патология. В XX веке медицинское образование стало более специализированным и научно ориентированным. Появление новых технологий, таких как радиология и генетика, требовало более глубоких знаний от будущих медицинских специалистов. Сегодня медицинское образование стало более комплексным и интерактивным. Студенты изучают не только базовые науки, но и навыки коммуникации, этику, лидерство и сотрудничество. История развития медицинского образования свидетельствует о постоянном стремлении к улучшению качества здравоохранения и подготовке высококвалифицированных медицинских специалистов.

Медицинское образование в СССР имело свои особенности и этапы развития, которые отличали его от медицинского образования в других странах. После Октябрьской революции 1917 года были предприняты шаги по реформированию медицинского образования. Были созданы медицинские факультеты при университетах, а также медицинские институты. В период советской власти медицинское образование стало бесплатным и всеобъемлющим. Врачи получали широкий спектр знаний и навыков, включая основы марксизма-ленинизма. Обучение включало как теоретические дисциплины, так и практическую работу. В СССР была разработана система специализации врачей, которая предполагала последовательное повышение квалификации и профессионального роста. Врачи могли выбирать специализацию в определенной области медицины. Советское медицинское образование активно сотрудничало с научными исследованиями. Многие ученые и врачи вносили значительный вклад в различные области медицины, что способствовало развитию отечественной медицинской науки. В течение всего периода существования СССР медицинское образование постоянно совершенствовалось и модернизировалось в соответствии с новыми технологиями и требованиями здравоохранения. Хотя события после распада СССР привели к изменениям в системе здравоохранения и медицинском образовании, следует отметить, что советская модель медицинского образования оказала значительное влияние на формирование профессиональных навыков и подходов к здравоохранению в странах бывшего СССР.

Медицинское образование в СССР и в России имеет свои сходства и различия. В СССР медицинское образование было централизовано и единообразно для всех республик. После распада СССР каждая республика стала развивать свою систему медицинского образования, что привело к некоторым различиям в программе обучения и требованиях. В советское время медицинское образование было бесплатным, что позволяло многим людям получить качественное образование в этой области. В настоящее время в России существует платное и бесплатное медицинское образование, что создает различия в доступности для студентов. Современное медицинское образование в России старается соответствовать международным стандартам и требованиям, что может отличаться от подходов, принятых в СССР. С развитием технологий и методик в области медицины, программы обучения в России постоянно обновляются и адаптируются под современные требования. Это отличается от времен СССР, когда некоторые аспекты обучения могли быть менее актуальными. В настоящее время

медицинское образование в России становится более открытым для международных студентов, что способствует разнообразию и обмену опытом. Хотя есть отличия между медицинским образованием в СССР и современной России, обе системы стремятся к высокому уровню подготовки специалистов в области здравоохранения.

Заключение

Развитие медицинского образования имеет глубокие социально-философские основания, которые определяют его цели и принципы. Медицинское образование стремится формировать врачей, которые не только обладают необходимыми клиническими навыками, но и способны проявлять эмпатию, понимание и заботу о пациентах как личностях. Врачи должны руководствоваться высокими этическими стандартами, соблюдать конфиденциальность, уважать права пациентов и принимать решения в соответствии с общепринятыми медицинскими нормами. Медицинское образование должно учитывать взаимосвязь между различными областями науки, такими как биология, психология, социология и т.д., для более полного понимания здоровья и болезни. В то же время обучение врачей должно учитывать социокультурные различия, бороться с дискриминацией и стремиться к тому, чтобы медицинские услуги были доступны всем слоям населения. Медицинское образование должно поощрять врачей к постоянному обучению, самосовершенствованию и принятию новых методов лечения и диагностики. Эти социально-философские принципы играют важную роль в формировании качественного медицинского образования и определяют его значимость для общества в целом.

Библиография

1. Аникина В. В., Зотова Ю. А. Проблемы медицинского образования в России // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – Общество с ограниченной ответственностью «Наука и инновации», 2016. – Т. 6. – №. 1. – С. 161-161.
2. Баранова М. С., Ермолаева Е. В. Роль медицинского образования в современном обществе // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – Общество с ограниченной ответственностью «Наука и инновации», 2016. – Т. 6. – №. 1. – С. 158-158.
3. Беляков Н. А. и др. Российская модель последиplomного медицинского образования в контексте тенденций развития медицины на рубеже XX-XXI вв // Российский биомедицинский журнал. – 2002. – Т. 3. – С. 219.
4. Вартанян Ф. Е. Развитие медицинского образования на современном этапе // Аккредитация в образовании. – 2009. – №. 3. – С. 56-58.
5. Деревцова С. Н. Интеграция как вектор развития медицинского образования // Высшее образование сегодня. – 2009. – №. 2. – С. 80-82.
6. Магомедова С. И., Рожкова В. П., Ермолаева Е. В. Развитие медицинского образования в России // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – Общество с ограниченной ответственностью «Наука и инновации», 2016. – Т. 6. – №. 1. – С. 163-163.
7. Махмудова А. Н., Махмудова С. Гуманитаризация медицинского образования как фактор повышения качества обучения в вузе // Science and Education. – 2022. – Т. 3. – №. 6. – С. 709-718.
8. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления и проблемы для развития медицинских наук // Epistemology & Philosophy of Science. – 2019. – Т. 56. – №. 4. – С. 183-199.
9. Свистунов А. А., Улумбекова Г. Э., Балкизов З. З. Непрерывное медицинское образование для улучшения качества медицинской помощи // Медицинское образование и профессиональное развитие. – 2014. – №. 1 (15). – С. 21-31.
10. Шубина Л. Б. и др. Развитие медицинского образования в условиях инновационной экономики // Социальные аспекты здоровья населения. – 2010. – Т. 13. – №. 1. – С. 13.

Social and philosophical foundations for the development of medical education

Ravgat Ya. Khamidullin

PhD in Technical Science, Associate Professor,
Head of the Department of Higher Mathematics and Natural Sciences,
Moscow Finance and Industry University "Synergy",
125190, 80, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ravgat@yandex.ru

Rimma N. Il'gil'dina

Senior lecturer
Department of General Biology and Pharmacy
Moscow Finance and Industry University "Synergy",
125190, 80, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rilgildina@mail.ru

Abstract

The article shows that the development of medical education has deep socio-philosophical foundations that determine its goals and principles. Medical education strives to create physicians who not only have the necessary clinical skills, but are also able to show empathy, understanding, and care for patients as individuals. Physicians must be held to high ethical standards, maintain confidentiality, respect the rights of patients, and make decisions in accordance with generally accepted medical standards. Medical education must consider the interrelationship between various fields of science such as biology, psychology, sociology, etc. for a more complete understanding of health and disease. At the same time, physician training must take into account sociocultural differences, combat discrimination, and strive to ensure that health services are accessible to all segments of the population. Medical education should encourage physicians to continually learn, improve themselves, and adopt new methods of treatment and diagnosis. These socio-philosophical principles play an important role in the formation of quality medical education and determine its significance for society.

For citation

Khamidullin R.Ya., Il'gil'dina R.N. (2023) Sotsial'no-filosofskie osnovaniya razvitiya meditsinskogo obrazovaniya [Social and philosophical foundations for the development of medical education. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 187-192. DOI: 10.34670/AR.2024.97.26.013

Keywords

Medical education, development, technology, demography, pandemics, multidisciplinary approach, patient focus, healthcare

References

1. Anikina V.V., Zotova Yu.A. Problems of medical education in Russia // Bulletin of medical Internet conferences. – Limited Liability Company “Science and Innovation”, 2016. – T. 6. – No. 1. – pp. 161-161.
2. Baranova M. S., Ermolaeva E. V. The role of medical education in modern society // Bulletin of medical Internet conferences. – Limited Liability Company “Science and Innovation”, 2016. – T. 6. – No. 1. – pp. 158-158.
3. Belyakov N. A. et al. Russian model of postgraduate medical education in the context of trends in the development of medicine at the turn of the XX-XXI centuries // Russian Biomedical Journal. – 2002. – T. 3. – P. 219.
4. Vartanyan F. E. Development of medical education at the present stage // Accreditation in education. – 2009. – No. 3. – pp. 56-58.
5. Derevtsova S.N. Integration as a vector for the development of medical education // Higher education today. – 2009. – No. 2. – pp. 80-82.
6. Magomedova S.I., Rozhkova V.P., Ermolaeva E.V. Development of medical education in Russia // Bulletin of medical Internet conferences. – Limited Liability Company “Science and Innovation”, 2016. – T. 6. – No. 1. – pp. 163-163.
7. Makhmudova A. N., Makhmudova S. Humanitarianization of medical education as a factor in improving the quality of education at a university // Science and Education. – 2022. – T. 3. – No. 6. – pp. 709-718.
8. Rezaev A.V., Tregubova N.D. Artificial intelligence and artificial sociality: new phenomena and problems for the development of medical sciences // Epistemology & Philosophy of Science. – 2019. – T. 56. – No. 4. – pp. 183-199.
9. Svistunov A. A., Ulumbekova G. E., Balkizov Z. Z. Continuous medical education to improve the quality of medical care // Medical education and professional development. – 2014. – No. 1 (15). – P. 21-31.
10. Shubina L.B. et al. Development of medical education in an innovative economy // Social aspects of population health. – 2010. – T. 13. – No. 1. – P. 13.

УДК 1 (091)

DOI: 10.34670/AR.2024.46.81.014

Феномен долга и дара: философско-культурологический анализ в контексте социально-политической позиции П. Слотердайка

Сорокин Константин Алексеевич

Студент,
Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет,
620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: konstantin.sorokin1@gmail.com

Аннотация

Цель статьи заключается в исследовании идеи дара, которая присутствует в работе П. Слотердайка под названием «Zorn und Zeit» (ярость и время). В первой и второй частях статьи проводится философско-культурологический анализ понятий долга и дара с использованием метода сравнительного анализа. В третьей части статьи, на примерах интервью, которые вышли под названиями «Das heilige Feuer der Unzufriedenheit» (Священный огонь недовольства), а так же в беседе с Г. Штейнгартом, Т. Рике которая издано под заголовком «Die Staaten lassen Luft ab, und die Banken atmen tief durch» (Государства закладывают воздух, а банки глубоко дышат), исследуется практическое применение феномена дара в рамках сбора налогов. Задача статьи заключается в исследовании и анализе фундаментальных аспектов идеи долга и дара, присутствующих в творчестве П. Слотердайка. Она представляет собой критическое рассмотрение его взглядов на современную систему налогообложения. В ходе исследования будут проанализированы ключевые концепции и аргументы, связанные с феноменами дара и долга. В результате анализа мы сможем получить более полную картину, которая была затронута в творчестве П. Слотердайка о влиянии идеи долга и дара на современную систему налогообложения и оценить применимость в современном мире.

Для цитирования в научных исследованиях

Сорокин К.А. Феномен долга и дара: философско-культурологический анализ в контексте социально-политической позиции П. Слотердайка // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 193-202. DOI: 10.34670/AR.2024.46.81.014

Ключевые слова

Долг, дар, тимос, эрос, П. Слотердаик, Платон.

Введение

Тема, касающаяся проблематики, связанной с феноменом Дара, в XX веке в основном разобрана французскими философами такими как М. Энаффом, Ж. Дерридой, М. Моссом и Ж.-Л. Марионом. П. Слотердаjk пытается найти новое представление в проблематике Дара. В рамках своей аргументации автор сопоставляет феномены Дара и Долга как противоположности. Долг подразумевается в виде экономической взаимосвязи, представленной как обмен. В ситуации стороны не обладают эквивалентностью, и соответственно в процессе обмена одна из сторон оказывается в долге перед другой. Явление будет подвергнуто более детальному анализу в далее.

В работе под названием «*Zorn und Zeit*» (Ярость и Время) П. Слотердаjk подходит к этой проблеме с нетривиальной точки зрения, рассматривая ее связь с последующим проявлением экономико-этической стороны вопроса. Он идентифицирует явление, которое он называет «экономикой щедрости», чтобы продемонстрировать сдвиг, связанный с переходом от «эроса к тимосу» [Sloterdijk, 2006, 27]. Что подразумевается под этим высказыванием? Эрос – он определяет как силу, которая движет нами, желание обладать, стремление к мгновенному удовлетворению и инстинкт инкорпорации. Тимотические импульсы, с другой стороны, по его мнению, связаны со стремлением к признанию и самоуважению. В переходе от эроса к тимосу происходит изменение в нашем понимании щедрости в экономических отношениях между людьми. Беря на вооружение Платоновское понимание *Эроса и Тимоса* запряженные *Логосом* в колесницу, П. Слотердаjk размышляет о *Долге и Даре*.

Представление о феномене долга и дара в христианской теологии

Если попытаться взглянуть на соотношение долга и дара через призму средневековой эпохи, в которой христианская концепция мира была определяющей, мы сможем увидеть параллели между Эросом и Тимосом следующим образом: Классический каталог грехов, безусловно, представляет собой великолепную мозаику *эротических* и *тимотических* пороков, которая отражает сложность человеческой природы. К *эротическому* полюсу можно отнести *avaritia* (жадность), *luxuria* (похоть) и *gula* (чревоугодие, неводержанность), а к *тимотическому* – *superbia* (высокомерие, гордыня), *ira* (гнев) и *invidia* (зависть, ревность). Только *acedia* (уныние) избегает этого разделения, поскольку выражает печаль без субъекта и объекта.

Для того чтобы глубже понять сущность явлений «долг» и «дар» в контексте раннего христианства, обратимся к теологическим трудам Августина. Августиновское богословие о благодати воспроизводилось в диалоге с Пелагием, а именно с его учением о земных «заслугах», которые гарантировали награду в небесах. Позиция Пелагия, изложенная в «Послании к Деметриаде», заключалась в том, что человек в состоянии самостоятельно заслужить свое спасение, которое предоставляется достойным. В противном случае получается, что он не играет никакой роли в своем собственном спасении. В дискуссии с Пелагием, Августин развивает подход, в котором подчеркивается необходимость смирения и принятия благодати как дара от Бога, а не как чего-то, что можно заслужить: «И вообще не было бы никакой добродетели у того, кто пребывает в добре, если бы он не имел возможности перейти на сторону зла <...> иначе не по собственному побуждению сотворит он добро, если не может избрать также и зло» [Эразм Роттердамский, 1987, 597]. Августин осознает, что рассуждения Пелагия

основаны на логике простого обмена: человек обменивает свою справедливость, свои благие дела на благодать Божью, которая выступает своего рода денежным эквивалентом. Эта логика контрактных обязательств с Богом для Августина была оскорбительна. Как отмечает епископ Иппонийский: «Пелагиане стараются, насколько это возможно, показать, что благодать дается по нашим заслугам, то есть что благодать – не благодать. Ибо кому дается по заслуге, тому награда вменяется не по благодати, но по долгу, как ясно говорит апостол»¹. Бог, в своей свободе, неподвластен человеческим действиям и не подчиняется им. Августин аргументирует, что, если бы человек мог инициировать свое покаяние, веру и добрые дела, это бы нарушило природу благодати, которая является даром. В таком случае благодать была бы превращена в вознаграждение за начало веры или ее завершение. Он пишет: «Посмотрите, к чему придем мы, рассуждая так, – разве не к тому, что благодать Божия некоторым образом дается по нашим заслугам, и потому благодать – не благодать (*gratiam non esse gratiam*)? ведь в этом случае благодать дается как нечто должное, а не подается даром»². Если мы рассматриваем вопрос о свободе воли человека, то необходимо признать, что эта свобода не ограничена только выбором добра. На самом деле, свобода воли всегда открыта и ко злу. Инициатором любого благого дела является не кто-то иное, как сам Бог. Августин, переосмысливая проблему спасения, сводит ее к проблеме свободы воли. Он приходит к выводу о существовании свободного произволения, ведь иначе заповеди лишились бы смысла. Однако из-за первородного греха человеческая воля всегда склонна выбирать зло, если она не укреплена благодатью. Таким образом, мы видим, что свобода воли не означает автоматическое предпочтение добра. Она подразумевает возможность выбора и зла, но истинное благо может быть достигнуто только через восприятие и воздействие Божественной благодати.

Гордыня, по мнению отцов церкви, представляет собой вершину зла. *Superbia*, – является источником всех несчастий, которые могут обрушиться на человечество. По их мнению, она проникает в самые глубины нашего существования, разрушая гармонию и порождая страдания. Гордыня, подобно разрушительному огню, пожирает души верующих, лишая их истинного смысла жизни. Начиная с Григория I, *Superbia* возглавляет список грехов. Августин назвал ее матрицей восстания против божественного. Для отцов Церкви *superbia* означает акт сознательного нежелания того, чего хочет Бог. Когда о гордыне говорят, что она – мать всех пороков, это выражает убеждение, что человек создан для подчинения – и любое движение, выводящее из иерархии, может означать лишь шаг к гибели.

В свете приведенного выше можно отметить, что в христианской культуре средних веков существовала яркая контрастность между божественным даром и человеческой ответственностью. Феномен дара, воплощенный в Боге, был высшим проявлением трансцендентной щедрости и милосердия. В то же время, человек, ограниченный своими долговыми обязательствами, был лишен возможности обладать такой благодатью. Это неразрывное взаимодействие между божественным даром и человеческой долгом является неотъемлемой частью христианской этики и философии средних веков. Как выразил эту мысль Иоанн Павел II: «Жизнь – это долг человека перед Богом, долг, который нужно вернуть вовремя и достойно» [Aphorism.ru, www].

---

¹ De gratia et libero arbitrio V, 11 (цит. по: [Бодрийяр, 2011, 159]).

² Predestinatio II, 6 (цит. по: Бодрийяр, 2011, 326)].

Феномен долга и дара в Новое время

Европе пришлось ждать эпохи Возрождения и возникновения новой формации городской и буржуазной гордости, чтобы господствующая психология скромности, основанная на крестьянах, клириках и вассалах, была хотя бы частично вытеснена нео-тимологическим пониманием человека. Безусловно, существует ключевая роль в формировании гордости, которую играет так называемый «эффект производительности продукта» и становление национального государства. Это не случайно привлекло внимание великих мыслителей, таких как Макиавелли, Гоббс, Руссо, Смит и Гамильтон, которые переключили свои рассуждения на изучение человека как носителя оценочных страстей. Они осознали, что человек в первую очередь стремится к славе, тщеславию, наслаждению, честолюбию и признанию. Эти внутренние стремления формируют гордость, которая является неотъемлемой частью нашей идентичности и нашего самосознания. Как отмечает П. Слотердаjk: «Классически выражен в гражданском девизе XVIII века: *Felix meritis* – блаженство благодаря собственным заслугам. Это изречение с полным основанием украшает фасад одного из самых красивых неоклассических зданий Амстердама – храма просвещения на Кайзерграхте, построенного в 1787 году» [Sloterdijk, 2006, 27]. В связи с тем, что буржуазия создавала новую ценность под названием гордость и достоинство, а предприимчивым людям буржуазной эпохи сформировалась идея об успехе человека, который сделал себя сам, традиционная скромность уступает место стремлению продемонстрировать свои силы и достоинства перед публикой. Это проявляется в настойчивом желании показать свою самооценку и привлечь внимание к своим достижениям. Человек стремится не только познать Бога, но и, в некоей мере, сравняться с ним. Стремление проявляется в его способности дарить и делиться.

Если мы рассмотрим долг и задолженность с этической точки зрения, мы можем увидеть, что они имеют не только материальное, но и онтологическое значение. Долг и задолженность связывают нашу жизнь с прошлым, создавая своеобразный узел, который оказывает влияние на наше будущее. Этот узел – ретроспективное реляционное ограничение, которое позволяет прошлому сохранять свое господство над нашим будущим. Дар – это проекция в будущее, которая способна разрубить этот узел, освободив нас от его власти. Дар не только преображает нашу жизнь, но и позволяет нам взглянуть вперед, на новые возможности. Дар можно представить в виде метафоры свободы, с помощью которой мы преодолеваем прошлое.

Таким образом, долг и задолженность представляют собой не только экономические понятия, но и этико-онтологические концепции. Оплата и возврат долга – это акты, которые занимают центральное место в механизме рыночных отношений, и в конечном итоге они становятся источником обиды. Это наблюдение открывает перед нами осознание того, каким образом экономическая система влияет на наши эмоциональные состояния и социальные отношения. Взаимодействие на рынке становится не просто обменом товаров и услуг, но и взаимодействием между людьми. Если проследить концепцию обиды до ее материально-экономических истоков, то можно столкнуться с немислимой убежденностью в том, что ничто в мире не достается даром и любое преимущество должно быть оплачено до мелочей. П. Слотердаjk пишет: «Здесь экономическое мышление превращается в онтологию, а онтология – в этику» [там же, 29]. Бытие в данном случае представляет собой сложную взаимосвязь трансакций, которые обеспечивают равновесие между заемными средствами и их возвратом. Таким образом, мы сталкиваемся с еще одной сложностью, которую можно определить как «проблему эквивалентности». Как писал Ж. Бодрийяр: «Рыночный закон стоимости – это закон

эквивалентностей» [Бодрийяр, 2011, 53].

П. Слотердаjk отмечает: «В духе экономических идей возмещения, в начале метафизической эпохи даже смерть трактовалась как возвращение долга, который получатель жизни вступил в отношения с дарителем жизни» [Sloterdijk, 2006, 30]. Наивысшее выражение эта мысль получила в мрачном предложении Анаксимандра, в котором основное событие самого бытия трактуется как «возмещение». «...из каких начал вещам рождение, в те же самые гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу право законное возмещение» [Aforisimo.ru, www]. В XX веке Ницше смело выступает против принципа возмещения. Он стремится противостоять как Анаксимандру, так и христианской морали, утверждая, что: «Вот, нет никакого возмещения» [Ницше, 2009, 322].

Если мы взглянем на проблему долга не с экономической, а с этической точки зрения, то становится очевидным, что основой этой проблемы является тезис о фиктивности возмещения стоимости заимствования, который возникает благодаря использованию концепции эквивалентности. Само понятие эквивалентности сильно искажает наше понимание долга и его истинной природы. Бодрийяр определяет «адом равенства» [Бодрийяр, 2011, 54], как фундаментальное понятие эквивалентности, которое находится в центре. Сфера эквивалентности может показаться иллюзорной, и можно подвергнуть сомнению использования знака равенства между тем, что получаем, и тем, что отдаем. Человек, берущий в долг, никогда не сможет вернуть то же самое в полной мере. Этот факт вызывает вопросы о природе обмена.

Размышляя о том, что утрачивается в этом движении, направленном от символического к семиологическому, от амбивалентности к эквивалентности, от священного к профанному, Ж. Бодрийяр в виде образа солнца описывает процесс потери эквивалента. Символическое значение, которое когда-то было присуще солнцу, теперь исчезает, оставляя место семиологическому разбору его знакового значения. Потеря священности и переход к профанным интерпретациям являются лишь одним из примеров того, как расколдованность мира проникает в нашу современную культуру. В наши дни солнце, превратившись в некую «каникулярную» товарность, стало символом позитивного счастья, воплощением противоположности «плохой» погоде. Однако, его коллективная символическая функция, которую оно когда-то выполняло у ацтеков и египтян, сохранилась лишь частично. У него «больше нет той двойственной природной силы – силы жизни и смерти, животворящей и убивающей силы» [Бодрийяр, 2004, 106]. Человечество ощущает, что его взаимодействие с солнцем утратило свою символическую значимость. Раньше люди отдавали дань ему через жертвоприношение, признавая его силу и величие. Однако сейчас они видят в солнце не более чем абстрактную стоимость, циркулирующую в виде денег. Оно стало общим эквивалентом, который, в определенном смысле, затмил его амбивалентную природу. Таким образом, на мировом рынке возникают спекуляции и игры с его ценой. Как подчеркивает Ж. Бодрийяр: «Деньги наконец заняли подобающее им место...: земная орбита, по которой они восходят и заходят подобно искусственному солнцу» [Baudrillard, 1989, 33].

Если мы продолжим размышления Ж. Бодрийяра о мире спекуляций, то, согласно мнению П. Слотердаjка, мы увидим проявление экономической модели, которую можно аналогично сравнить с *эротическим полюсом* и как он сам определяет в виде инвестиционной модели. В этом контексте мир спекуляций становится не только сферой финансовых операций, но и ареной, на которой проявляется глубинная связь между экономическими процессами и человеческими страстями. Экономическая модель, подобная *эротическому полюсу*, отражает

взаимодействие индивидуумов в поиске прибыли в виде сиюминутных страстей: «...обычные инвесторы используют свои ресурсы, чтобы получить обратно больше, чем они вложили (их время – это время ожидания возврата инвестиций)» [Sloterdijk, 2006, 34]. Метафорически можно представить этот образ как «увеличение искусственного солнца», взяв за основу мысли Ж. Бодрийера.

В сфере *тимотического полюса* находится группа инвесторов, которые вкладывают свои ресурсы, стремясь удовлетворяя свою гордыню, ощутить таким образом счастье. Ряд французских мыслителей: Левинас, Рикёр, М. Мосс и др. рассматривая проблему дара связывали ее с принципом взаимности. П. Слотердаjk привносит новый аспект, связывая проблему дара с гордыней. Он утверждает, что «если обычная экономика, определяемая *эротическим полюсом*, строится на аффектах желания иметь, то экономика *тимотического полюса* основана на гордости тех, кто чувствует себя свободным давать» [Sloterdijk, 2006, 35]. Те, кто дарует, являются носителями морального примера, проявляя жест прощения, когда получающий имеет возможность освободиться от долга или не иметь его. В материальной сфере подобное действие проявляется через добровольный дар, не требующий предоставления кредита и не привязывающий получателя к каким-либо конкретным обязательствам. Ж. Деррида и Ж.-Л. Мариона в феноменологии данности рассматривают дар в рамках эпистемологической проблематики: «Дар в его чистоте не должен быть связан с обязательством или с обязанностью» [Деррида, Марион, 2011]. Такой же жест может выражаться в создании или прощении долга и в отказе от принудительного взыскания долга.

Подводя промежуточные итоги, можно выявить два фундаментальных направления, которые описывают феномены долга и дара.

Те, кто стремится стать только давателем в долг с целью накопления, не удаляются далеко от позиции должника, так как они сами становятся должниками в ходе процесса, известного как «накопление». Феномен долга, в первую очередь, описывает взаимосвязь между инвестором и должником. Оба субъекта объединены общим понятием – временем. Один предоставляет время в долг, в то время как другой получает его, позволяя себе отчасти отказаться от определенной суммы денег или их эквивалента, чтобы дать второму время на свои действия. Сам инвестор ожидает возврата с целью приумножения своего капитала, основой которого также является время. При этом должник и инвестор живут прошлым временем если у последнего конечная цель в накоплении.

П. Слотердаjk под эротическим полюсом подразумевает сферу низших уровней, где происходят вечно меняющиеся проявления бытия. Именно здесь формируются человеческие желания, тесно связанные с плотскими удовольствиями. В этом контексте можно рассматривать долг как пассивную инвестицию, направленную на приумножение богатства с целью обеспечения удовлетворения своих желаний. Таким образом, заработанные средства в виде накоплений могут служить своим желаниям, сделав их основной целью.

«К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали великий закон, по которому живут люди: каждая удовлетворенная потребность немедленно вызывает другую, рангом повыше. И никогда не остановится человек, никогда не обретет счастья и покоя, никогда не скажет: хватит, уже есть у меня все, чего вожделеет душа. Потому что великий поток изменчивости течет через низшую, вожделеющую часть души» [Перцев, 2021, 130]. Безусловно, в этой образности можно увидеть черного коня Платона, которого П. Слотердаjk запряг в свою метафорическую колесницу. Придав ему черты рантье, ростовщичества и банковской системы.

Феномен дара у П. Слотердаjка рассмотрен с точки зрения белого коня в контексте благородного тимотического полюса в экономической сфере. Дар стимулирует возникновение

альтернативной денежной экономики, где богатство сочетается с гордостью. Вместо традиционной модели, где деньги являются единственной мерой ценности и достижений, альтернативная экономика открывает возможность для более глубокого понимания ценности дара и его роли в формировании социального общества. Следует отметить, что концепция дара по мнению автора превращает богатство в нечто большее, чем просто накопление материальных благ. Он призывает к осознанию того, что настоящее богатство заключается в способности дарить. Великий меценат Э. Карнеги в 1900 году запишет афоризм: «Человек, который умирает богатым, умирает опозоренным» [Эндрю Карнеги, www]. Согласно опыту великих дарителей, хранение наследуемого или приобретенного богатства можно рассматривать лишь как упущенную возможность для его потребления. В то время как большинство предпринимателей, при благоприятных обстоятельствах, стремятся увеличить свое собственное состояние или состояние своих акционеров, инвесторы высшего порядка изменяют мир добавляя ему новые огни с помощью явления под названием дар.

По мнению П. Слотердайка: «тимотическая экономика основана на убежденности ее участников в том, что они делают более разумные инвестиции» [Sloterdijk, 2006, 36]. Они испытывают и понимают, что ценность как таковая возникает только тогда, когда, тратя себя и свои средства, человек свидетельствует о существовании вещей, которые выше всякой цены. Они делают со своим богатством то, что никогда не сможет сделать животное, которое просто хочет все больше и больше.

Тимотическая экономика, стимулирует альтернативную денежную экономику, в которой богатство предстает в сочетании с гордостью. П. Слотердаjk приводит один из самых известных случаев щедрого дарения из прибыли связан с именем Ф. Энгельса, который: «в течение тридцати лет использовал не слишком обильные излишки с прибыли манчестерской фабрики которые присылал ему Ф. Энгельс старший для поддержания на плаву семьи К. Маркса в Лондоне» [там же, 37]. Прекрасный пример проявления щедрости, но за чужой счет, в этом плане я имею в виду рабочих фабрики, которые как известно зарабатывали не так много. Идею экономики гордости П. Слотердаjk развивает в практическом ключе которые будут рассмотрены ниже.

Практическое применение тимотической позиции П. Слотердайка в современной экономике

Вышеизложенное представляет собой у П. Слотердайка набор конкретных идей в плане распределения государственных средств. В рамках мысленного эксперимента, предложенного им во многочисленных интервью, возникает концепция, которая заслуживает внимания и размышлений.

Представим себе, заявляет он, что вместо принудительного налогообложения, граждане государства ничего ему не должны, а могут на добровольных началах жертвовать суммы на общественные нужды. В таком случае каждый человек самостоятельно принимает решение о том, на что и в каком объеме он желает пожертвовать. Такая концепция предполагает, что граждане имеют возможность выразить свою поддержку и предпочтения, а государство создает прозрачную систему учета и контроля, стимулируя эти пожертвования. Это открывает новые горизонты для взаимодействия граждан и государства, основанные на доверии и сотрудничестве, а не на принуждении и обязательствах. Дар становится связующим между гражданином и государством. Такой подход позволяет каждому человеку осознать свою ответственность за судьбу общества и внести свой вклад в его развитие. Пожертвования

становятся не только финансовым вкладом, но и выражением гражданской свободы, активности и солидарности. В конечном счете это может привести к более справедливому и гармоничному обществу, основанному на взаимном уважении и понимании. В беседе с К. Метфесселем и К. Рамтуном которая вышла под названием «Богатство должно порождать самоуважение» в журнале *Wirtschaftswoche* 19 июля 2001 г. П. Слотердайк говорит следующее:

«К. Метфессель/К. Рамтун: как добиться того, чтобы граждане меньше страдали и с радостью отдавали?»

П. Слотердайк: важно субъективировать налоги, чтобы человек не просто отдавал что-то из заработанного, а направлял это на достижение какой-то цели. Спонсорство – пример того, что здесь можно сделать» [Sloterdijk, 2014, 76].

Единственная истинная сила, способная противостоять грабежу будущего, лежит в переосмыслении общества на социально-психологическом уровне. Это неотъемлемая революция, которая приведет к полномасштабной трансформации, где налоги перестанут быть принудительными, а станут свободными дарами, предоставляемыми населению. При этом общественное достояние не будет разорено, оно будет продолжать существовать и развиваться. Это тимотическое преобразование должно показать, что в нескончаемой борьбе между жадностью и гордостью последняя может иногда одерживать победу.

Каким образом налоги могут превратиться в альтруистические пожертвования – вопрос, который может занимать умы граждан любой страны. Фантастическое предложение П. Слотердайка достигает сюрреалистического понимания организации государства. Именно в этот момент стиль выражения сам по себе становится провокацией. Он заявляет следующее: «Я считаю, что это самая главная социально-психологическая задача нового поколения. Мы тоже должны работать над подготовкой климата общественной щедрости, в котором мы не всегда ждем от государства. Мы ждем практики совсем не героев щедрости, если позволите такое выражение. Нам нужно больше людей, убежденных в том, что у них есть что отдать, и считающих нормальным отдавать больше, налоги. Это будут люди, которые, исходя из своей самооценки, требуют от себя отдавать сверх максимальной ставки налога. Кроме того, давно пора путем дальнейшего развития законодательства о фондах и пожертвованиях добиться того, чтобы все большая часть перераспределяемых сумм становилась “умными” деньгами. Потому что: налоги – это глупые, слепые, анонимные деньги, ничьи деньги» [там же, 152]. Тема, которая касается идеи отмены налогов П. Слотердайк поднимает множество раз, например, в интервью с М. В. Накшбанди которое вышло под названием «Das heilige Feuer der Unzufriedenheit. Петер Слотердайк о прогрессе» в книге: Claassen, Utz/Hogrefe, Jürgen (eds.): *Das neue Denken – Thinking the New*, Steidl-Verlag, Göttingen или в беседе с Г. Штейнгартом и Т. Рике которая вышла под заголовком «Государства закладывают воздух, а банки глубоко дышат» в газете *Handelsblatt* от 17 декабря 2011 г.

Заключение

В идеях, описанных П. Слотердайком, можно увидеть фигуру рыцаря из романа М. Сервантеса, который смело сражается с ветряными мельницами. Как последователь Ф. Ницше он стремится переосмыслить и изменить привычные нормы и правила на противоположную позицию. Можно увидеть в этой бравате взгляд, ориентированный на античный полис под названием Афина, где аристократы самостоятельно принимали решения о необходимых взносах на его развитие. Эйсфора, налог на богатство самых состоятельных граждан, взималась лишь в

случае крайней необходимости, обычно в период войны.

Сегодня размышление П. Слотердайка скорее олицетворяют провокацию, а не реалистическую позицию. Когда мы рассматриваем его идеи о тимотической экономике или экономике благородства, стоит учесть, что в античных Афинах, помимо аристократов, существовали женщины, которые не были гражданами полиса, и рабы, которых даже не считали людьми.

Дон Кихот не смог обойтись без своего верного спутника Санчо Панса. Хотя тот существовал только в эротическом полюсе. И его прозвище Панса с испанского можно перевести как «брюхо». Его присутствие было неотъемлемой частью мировосприятия рыцаря. Так же на фабрике Ф. Энгельса в Манчестере рабочие, получая ничтожные деньги, трудились по тринадцать часов. Легко быть благородным щедрым дарителем, облаченным в рыцарские доспехи, на которых большими буквами написано «φυμός» но, это благородство как правило, происходит за чей-то счет.

Библиография

1. Августин Аврелий. Антипелагианские сочинения позднего периода. М.: АС-ТРАСТ, 2008. 478 с.
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга, 2004. 335 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2011. 398 с.
4. Деррида Ж., Марион Ж.-Л. О Даре: дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом // Логос. 2011. № 3 (82). С. 144-171.
5. Ницше Ф. Эссе Homo // Полное собрание сочинений. М.: Культурная революция, 2009. Т. 6. 408 с.
6. Пелагий. Послание к Деметриаде // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1987. 702 с.
7. Перцев А.В. Нескучная наука. Из истории античной философии. М.: Наука, 2021. 214 с.
8. Эндрю Карнеги. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Эндрю_Карнеги
9. Aforisimo.ru. URL: <https://aforisimo.ru/20463.html>
10. Aphorism.ru. URL: <https://aphorism.ru/comments/vpgutuvazf.html>
11. Baudrillard J. The Anorexic Ruins // Looking Back on the End of the World. N.Y.: Semiotext(e), 1989. 121 p.
12. Sloterdijk P. Ausgewählte Übertreibungen Gespräche und Interviews 1993-2012. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2014. 476 s.
13. Sloterdijk P. Zorn und Zeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2006. 356 s.

The phenomenon of the debt and the gift: philosophical and cultural analysis in the context of social-political position of P. Sloterdijk

Konstantin A. Sorokin

Graduate Student,
Ural Institute of Humanities,
Ural Federal University,
620002, 19, Mira str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: konstantin.sorokin1@gmail.com

Abstract

The purpose of this article is to explore the idea of gift, which is present in P. Sloterdijk's work entitled "Zorn und Zeit" (rage and time). In the first and second parts of the article, a philosophical and cultural analysis of the concepts of duty and gift is carried out using the method of comparative analysis. In the third part of the article, the practical application of the phenomenon of gift in the

framework of tax collection is investigated on the examples of interviews, which were published under the titles "Das heilige Feuer der Unzufriedenheit" (Sacred fire of discontent), as well as in the conversation with G. Steingart, T. Rieke, which was published under the title "Die Staaten lassen Luft ab, und die Banken atmen tief durch" (States lay down air, and banks breathe deeply). The aim of the article is to explore and analyse the fundamental aspects of the idea of debt and gift present in the work of P. Sloterdijk. It presents a critical examination of his views on the modern system of taxation. The study will analyse key concepts and arguments related to the phenomena of gift and debt. As a result of the analysis we will be able to get a more complete picture that has been addressed in P. Sloterdijk's work on the impact of the idea of debt and gift on the modern system of taxation and assess the applicability in the modern world.

For citation

Sorokin K.A. (2023) Fenomen dolga i dara: filosofsko-kul'turologicheskii analiz v kontekste sotsial'no-politicheskoi pozitsii P. Sloterdajka [The phenomenon of the debt and the gift: philosophical and cultural analysis in the context of social-political position of P. Sloterdijk]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 193-202. DOI: 10.34670/AR.2024.46.81.014

Keywords

Debt, gift, timos, eros, P. Sloterdijk, Plato.

References

1. *Aforisimo.ru*. Available at: <https://aforisimo.ru/20463.html> [Accessed 11/11/2023]
2. *Aphorism.ru*. Available at: <https://aphorism.ru/comments/vpgutuvazf.html> [Accessed 11/11/2023]
3. Augustine Aurelius (2008) *Antipelagijskie sochineniya pozdnego perioda* [Anti-Pelagian writings of the late period]. Moscow: AS-TRAST Publ.
4. Baudrillard J. (2011) *Simvolicheskii obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow: Dobrosvet Publ.
5. Baudrillard J. (1989) The Anorexic Ruins. In: *Looking Back on the End of the World*. N.Y.: Semiotext(e).
6. Baudrillard J. (2004) *K kritike politicheskoi ekonomii znaka* [For a Critique of the Political Economy of the Sign]. Moscow: Biblion – Russkaya kniga Publ.
7. Derrida J., Marion J.-L. (2011) O Dare: diskussiya mezhdu Zhakom Derrida i Zhan-Lyukom Marionom [About the Gift: a discussion between Jacques Derrida and Jean-Luc Marion]. *Logos*, 3 (82), pp. 144-171.
8. *Endryu Karnegi* [Andrew Carnegie]. Available at: https://ru.wikiquote.org/wiki/Endryu_Karnegi [Accessed 11/11/2023]
9. Nietzsche F. (2009) *Esse Homo*. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. Vol. 6.
10. (1987) Pelagius. *Poslanie k Demetriade* [Pelagius. Epistle to Demetrias]. In: Erasmus of Rotterdam. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical works]. Moscow: Nauka Publ.
11. Pertsev A.V. (2021) *Neskuchnaya nauka. Iz istorii antichnoi filosofii* [Not boring science. From the history of ancient philosophy]. Moscow: Nauka Publ.
12. Sloterdijk P. (2014) *Ausgewählte Übertreibungen Gespräche und Interviews 1993-2012*. Berlin: Suhrkamp Verlag.
13. Sloterdijk P. (2006) *Zorn und Zeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.

УДК 159.9.01

DOI: 10.34670/AR.2024.95.72.015

Историческая эволюция философии психоанализа

Шишков Дмитрий Христофорович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, истории
и социально-гуманитарных дисциплин,
Костромская государственная сельскохозяйственная академия,
156530, Российская Федерация, Караваево, Учебный городок, 34;
e-mail: schischkov2010@mail.ru

Волкова Елена Юрьевна

Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории,
Костромской государственной университет,
156005, Российская Федерация, Кострома, ул. Дзержинского, 17;
e-mail: V-0-8@yandex.ru

Рыбина Лариса Борисовна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры высшей математики,
Костромская государственная сельскохозяйственная академия,
156530, Российская Федерация, Караваево, Учебный городок, 34;
e-mail: larisa.rybina.2014@mail.ru

Аннотация

Цель данной работы – показать историческую эволюцию философии психоанализа в целом и на примере основных ее представителей. Показано влияние философии позитивизма, марксизма, буддистской философии и т.д. на становление и на дальнейшее развитие и историческую эволюцию психоанализа. Показана также роль позитивистской методологии на формирование фрейдизма. В работе представлено то, каким образом происходила трансформация основных категорий психоаналитической философии, как в целом, так и у основных ее представителей. Из всего проделанного анализа, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что психоанализ в целом также претерпевал определенную историческую эволюцию. Эволюция психоанализа в целом шла по пути уменьшения роли и значения «биологических» и других «природных», «натуралистических» факторов-детерминантов в психической жизни человека и, соответственно, по пути придания все большего значения иным, «небиологическим» и «ненатуралистическим» факторам. Гораздо большую значимость приобрели такие «ненатуралистические» факторы, как культурные, духовные, религиозные, социально-экономические, политические и т.п. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ходе своей исторической эволюции сам психоанализ становился все более культурно-духовным и социально-политическим и все менее «природно-натуралистическим» явлением.

Для цитирования в научных исследованиях

Шишков Д.Х., Волкова Е.Ю., Рыбина Л.Б. Историческая эволюция философии психоанализа // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 203-209. DOI: 10.34670/AR.2024.95.72.015

Ключевые слова

Философия, позитивизм, психоанализ, фрейдизм, бессознательное, философия буддизма.

Введение

В научной литературе имеется огромное количество монографий, коллективных трудов и статей, посвященных исследованию самых разных аспектов психоанализа. Их авторы пытаются осмыслить основные психоаналитические идеи, основные категории и понятия психоаналитической философии, определить место и роль в нем основных его представителей, Зигмунда Фрейда, Карла-Густава Юнга, Алфреда Адлера, Эриха Фромма и др. Самые разные исследователи пытаются определить значение психоанализа в целом в современной западной культуре, а также предпринимают попытки дать анализ общенаучной и мировоззренческой позиции психоанализа. Причем их оценки как фрейдизма, так и психоанализа в целом, оказываются столь разнородными и противоречивыми, что бывает очень сложно, а подчас и практически невозможно, попытаться свести их к какой-либо однозначной интерпретации. Все это многообразие суждений и оценок фрейдизма и психоанализа в целом свидетельствуют о наличии разноплановых, а зачастую и противоположных точек зрения на саму суть психоаналитических идей. Все вышесказанное в полной мере относится и к оценке исторической эволюции психоанализа.

Основная часть

Широко распространенной стала очень далекая от действительности точка зрения, что психоаналитические идеи Фрейда были основаны лишь на обобщении фактов клинического наблюдения за истерическими больными и анализом собственных сновидений и сновидений его пациентов. Что же касается влияния на него различных философских идей, то обычно отрицается какая-либо связь между ними, так как Фрейд с предубеждением относился к абстрактным размышлениям философов и к различным философским системам. Некоторые исследователи усматривают сходства и влияние таких философов, как Платон, Аристотель, Р. Декарт, Дидро, Руссо, Гассенди и многих других на развитие психоаналитических идей [Лейбин, 1990, 13-14]. Действительно, на развитие психоанализа З. Фрейда (1856-1939) большое влияние оказала философия А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Т. Липпса и позитивизм Дж. Милля.

Элизабет Рудинеско в своей книге «Почему именно психоанализ?», считает, что натурализм XIX века явился предтечей психоанализа. Она обращает внимание на то, что первоначально психоанализ рассматривался как некий «пансексуализм», сводящий всю сложность человеческих страстей и взаимоотношений к «гениталиям», в чем, несомненно, просматривается влияние натурализма XIX века [Roudinesco, 1999].

Значительное влияние на развитие фрейдизма оказала и позитивистская методология Милля.

3. Фрейд выступил даже в качестве переводчика на немецкий язык одного из томов английского издания сочинений Милля, отмечая, что работы Милля «очень остроумные и динамичные» [Лейбин, 2001, 146]. Но, в отличие от позитивистов, Фрейд считал, что дух и душа являются такими же объектами научного исследования, как и объекты природного мира. Фрейд не верил в интуицию, не имеющую отношения к закономерностям работы бессознательного. При этом само понятие психоанализа достаточно неопределенно. Если для одних психоанализ – это научная дисциплина, способствующая ответу на вопрос «как функционирует бессознательное?», то для других психоанализ – это искусство интерпретации языка бессознательного, которое ограничивается ответом на вопрос «почему бессознательное имеет иную логику, чем сознательное?», и выявляет его скрытый механизм и значение. В первом случае психоанализ рассматривается как наука, а во втором – как герменевтика, то есть искусство толкования.

Разногласия в психоаналитическом движении приводят в 1911-1913 гг. к разрыву между З. Фрейдом и его ближайшими учениками А. Адлером и К.-Г. Юнгом. Альфред Адлер (1870-1937) в таких своих работах, как «Познание человека» (1912), «Практика и теория индивидуальной психологии» (1920) отказывается от такого понятия как «коллективное бессознательное» и других важных «механизмов психической деятельности», таких как «вытеснение», «перенос» и т.п. В отличие от Фрейда, считавшего главным детерминантом поведения человека сексуальность и бессознательное, Адлер признает и социальные факторы. Характер человека складывается под влиянием «жизненного стиля», который, в свою очередь, складывается в детстве в качестве системы целенаправленных стремлений. В этих целенаправленных стремлениях происходит реализация компенсации «комплекса неполноценности» в виде собственной потребности достижения превосходства и самоутверждения. Так, например, знаменитый оратор Демосфен с детства страдал от дефекта речи, а такие знаменитые полководцы как Наполеон и А.В. Суворов имели низкий рост. Свою систему Адлер предпочитал называть «индивидуальной психологией».

В противоположность З. Фрейду, Карл-Густав Юнг (1875-1961) исходил из существования вневременной, синхронной, акаузальной связи между явлениями физическими и психическими. Он считал, что именно синхронный, а не причинный характер связей определяет взаимодействие мозга и психики, материального и идеального. С его точки зрения, для индивидуального и общественного бытия человека существуют две опасные крайности. Первая опасность – это религиозно-мистические культы, где личность как таковая оказывается полностью растворенной в архаической структуре «коллективного бессознательного». Другая крайность – это научно-практическая экспансия европейского «Я», где подавляется и искажается коллективно-бессознательная сущность человеческой психики. К.-Г. Юнг отказывается от таких положений фрейдизма, как «Эдипов комплекс», «комплекс Электры», «вытеснение», «сублимация» и т.п., так как рассматривает их как «нереальные», «символические» понятия. Центральным для Юнга становится понятие бессознательное, освобожденное от сексуальности, но обладающей при этом некой универсальной, надличностной природой.

Чтобы избежать этих двух крайностей, Юнг пытается найти некий «третий путь», с помощью развития учения об индивидуальности. Индивидуальность при этом им понимается как интеграция сознательного и бессознательного начал человеческой психики. Аллегорическому объяснению З. Фрейда К.-Г. Юнг противопоставил символическое толкование. Он вводит такое понятие как «архетип бессознательного», для обозначения символических сцеплений структурных элементов коллективного бессознательного. Он

исходил из того, что бессознательное вновь и вновь создает некие схемы, которые и формируют представления человека. Сам Юнг именует их то как «изначальные образы», то как «архетипы бессознательного». Безусловной заслугой Юнга, на наш взгляд, является то, что он одним из первых ввел в научный оборот то, что традиционная классическая европейская наука на протяжении целых столетий квалифицировала не иначе, как заведомо иррациональное и «антинаучное». Это относится, в частности, к рассматриваемым Юнгом различных мистических учений Востока, учения о карме, метемпсихозе, реинкарнации, парапсихологии и т.п. В более поздний период его творчества особенно заметными становятся усиливающиеся религиозно-мистические тенденции. Эти тенденции наиболее рельефно просматриваются, например, когда он рассуждает о том, каков реальный механизм вещих снов, пророчеств, астрологических предсказаний и о том, какая часть нашей психики продолжает существовать и после физической смерти. По его собственному признанию, на его мировоззрение оказала сильное влияние философия буддизма. Так, в своем «Психологическом комментарии к «Тибетской книге мертвых», Юнг, в частности пишет, что с момента выхода первого издания в англоязычных странах «Бардо Тхедол», удачно, по мнению самого Юнга, названной редактором У.Й. Эвансом-Вентцем «Тибетской книгой мертвых», эта книга стала его постоянным спутником на протяжении многих лет. И именно ей Юнг «обязан не только многими направляющими идеями и открытиями, но также многими глубокими прозрениями» [Юнг, 1992, 10]. Онтологической основой решения религиозно-мистических и оккультных вопросов для Юнга стало противопоставление идеи акаузальных синхронных связей, принципиально противостоящим каузальным, причинно-следственным связям классической европейской науки.

В психоанализе Эриха Фромма (1900-1980) также можно заметить существенный отход от ортодоксального фрейдизма. Наряду с марксистской философией и социологией Э. Фромма привлекла также религиозная философия и психология религии. До его эмиграции из Германии за рубеж (в США, Мексику, Швейцарию). Э. Фромм полностью поддерживал психоаналитические теории З.Фрейда (теорию влечений, «Эдипова комплекса» и т.п.). Но после эмиграции в США Э. Фромм воспринял идею межличностных отношений, для которой ключевой проблемой являлось отношение каждого человека к миру, которая рассматривалась им как альтернатива теории влечений Фрейда. В дальнейшем Э. Фромм все больше расходится с З. Фрейдом. Фромм так же, как и Юнг, испытал сильное влияние философии буддизма, особенно в его дзэн-буддистской версии профессора Д.Т. Судзуки, которым он занимался в своей религиозной практике, особенно в более поздний период своего творчества. Э. Фромм попытался синтезировать в некое новое интегративное целое психоанализ, философию буддизма и марксистскую философию, и социологию. С точки зрения Э. Фромма, марксистской социально-философской концепции недостает одного наиболее существенного момента, а именно теории опосредующих звеньев между способом производства, социально-экономической основой общества (базисом) и соответствующими государственными, социально-политическими институтами (надстройкой, идеологией в широком смысле и т.п.). В таких своих работах, как «Политика и психоанализ» (1931), «Заметки о психоанализе и историческом материализме» (1932) и др., Фромм пытается установить глубинные психические связи общих позиций, ценностей и ориентиров различных социальных групп в обществе с социально-экономическими и политическими условиями, которые определяют их образ жизни. Но для достижения этой цели, по мнению Э. Фромма, необходимо отказаться от фрейдовских идей, сводящих сознание, мышление, чувства и поступки людей к сексуальности. Не приходится удивляться тому, что в нашей стране официальная пропаганда приписывала Э. Фромму попытки поднять авторитет «дискредитировавшего себя психоанализа» за счет

высокого авторитета, которым пользуется «у всего прогрессивного человечества» учение «классиков марксизма».

Заключение

Из всего вышесказанного, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что психоанализ в целом также претерпевал определенную историческую эволюцию. Эволюция психоанализа в целом шла по пути уменьшения роли и значения «биологических» и других «природных», «натуралистических» факторов-детерминантов в психической жизни человека и, соответственно, по пути придания все большего значения иным, «небиологическим» и «ненатуралистическим» факторам. Гораздо большую значимость приобрели такие «ненатуралистические» факторы, как культурные, духовные, религиозные, социально-экономические, политические и т.п. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ходе своей исторической эволюции сам психоанализ становился все более культурно-духовным и социально-политическим и все менее «природно-натуралистическим» явлением.

Нельзя не согласиться с мнением А.М. Эткнда о том, что психоанализ распространялся во всех национальных культурах, проявляя свои национально-специфические черты, примером которых может служить структуралистский психоанализ Жака Лакана во Франции и необычно глубокое взаимопроникновение психоанализа и медицины в США [3, с. 332].

Библиография

1. Лейбин В.М. Классический психоанализ: история, теория, практика. М., 2001. 1056 с.
2. Лейбин В.М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990. 397 с.
3. Эткнд А.М. Эрос невозможного: Развитие психоанализа в России. М.: Гнозис, Прогресс-Комплекс, 1994. 376 с.
4. Юнг К.-Г. Психологический комментарий к «Тибетской книге мертвых» // Тибетская книга мертвых. СПб., 1992. С. 7-25.
5. Roudinesco E. Pourquoi la psychoanalyse? P.: Fayard, 1999. 218 p.
6. Kumar S. Relevance of Buddhist philosophy in modern management theory // Psychology and Education. – 2020. – Т. 58. – №. 2. – С. 2104-2111.
7. Laumakis S. J. An introduction to Buddhist philosophy. – Cambridge University Press, 2023.
8. Garfield J. L. Buddhist ethics: A philosophical exploration. – Oxford University Press, 2022.
9. Thompson E. What's in a concept? Conceptualizing the nonconceptual in Buddhist philosophy and cognitive science // Reasons and empty persons: Mind, metaphysics, and morality: essays in honor of mark siderits. – Cham : Springer International Publishing, 2023. – С. 165-210.
10. Sharma N. P. Meditation tourism, Buddhist philosophy in practice: A case study of Lumbini, Nepal // The Gaze: Journal of Tourism and Hospitality. – 2020. – Т. 11. – №. 1. – С. 37-59.

Historical evolution of the philosophy of psychoanalysis

Dmitrii Kh. Shishkov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy, History,
Social and Humanitarian Disciplines,
Kostroma State Agricultural Academy,
156530, 34, Uchebniy gorodok, Karavaevo, Russian Federation;
e-mail: schischkov2010@mail.ru

Elena Yu. Volkova

Doctor of History, Associate Professor,
Professor of the Department of History,
Kostroma State University,
156005, 17, Dzerzhinskogo str., Kostroma, Russian Federation;
e-mail: V-0-8@yandex.ru

Larisa B. Rybina

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Higher Mathematics,
Kostroma State Agricultural Academy,
156530, 34, Uchebnyi gorodok, Karavaevo, Russian Federation;
e-mail: larisa.rybina.2014@mail.ru

Abstract

The purpose of this article is to show the historical evolution of the philosophy of psychoanalysis in general and using the example of its main representatives. The influence of the philosophy of positivism, Marxism, Buddhist philosophy, etc. is shown and analyzed on the formation and further development and historical evolution of psychoanalysis. The role of positivist methodology in the fight against Freudianism is also shown in this paper. The presented work shows how the team transformed the main categories of psychoanalytic philosophy both in general and among its main representatives. From the entire analysis performed, in our opinion, we can conclude that psychoanalysis as a whole also underwent a certain historical evolution. The evolution of psychoanalysis as a whole followed the path of reducing the role and importance of “biological” and other “natural”, “naturalistic” determinants in human mental life and, accordingly, along the path of attaching increasing importance to other, “non-biological” and “non-naturalistic” factors. Such “non-naturalistic” factors as cultural, spiritual, religious, socio-economic, political, etc. have acquired much greater significance. Thus, the authors of this paper finally conclude that in the course of its historical evolution, psychoanalysis itself became more and more cultural-spiritual and socio-political and less and less “naturalistic” phenomenon.

For citation

Shishkov D.Kh., Volkova E.Yu., Rybina L.B. (2023) Istoricheskaya evolyutsiya filosofii psikhoanaliza [Historical evolution of the philosophy of psychoanalysis]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 203-209. DOI: 10.34670/AR.2024.95.72.015

Keywords

Philosophy, positivism, psychoanalysis, Freudianism, unconscious, Buddhist philosophy.

References

1. Etkind A.M. (1994) *Eros nevozmozhnogo: Razvitie psikhoanaliza v Rossii* [Eros of the impossible: Development of psychoanalysis in Russia]. Moscow: Gnozis, Progress-Kompleks Publ.
2. Jung K.-G. (1992) Psikhologicheskii kommentarii k «Tibetskoi knige mertvykh» [Psychological commentary on the

-
- “Tibetan Book of the Dead”]. In: *Tibetskaya kniga mertvykh* [Tibetan Book of the Dead]. St. Petersburg.
3. Leibin V.M. (1990) *Freid, psikhoanaliz i sovremennaya zapadnaya filosofiya* [Freud, psychoanalysis and modern Western philosophy]. Moscow.
  4. Leibin V.M. (2001) *Klassicheskii psikhoanaliz: istoriya, teoriya, praktika* [Classical psychoanalysis: history, theory, practice]. Moscow.
  5. Roudinesco E. (1999) *Pourquoi la psychoanalyse?* P.: Fayard.
  6. Kumar, S. (2020). Relevance of Buddhist philosophy in modern management theory. *Psychology and Education*, 58(2), 2104-2111.
  7. Laumakis, S. J. (2023). *An introduction to Buddhist philosophy*. Cambridge University Press.
  8. Garfield, J. L. (2022). *Buddhist ethics: A philosophical exploration*. Oxford University Press.
  9. Thompson, E. (2023). What’s in a concept? Conceptualizing the nonconceptual in Buddhist philosophy and cognitive science. In *Reasons and empty persons: Mind, metaphysics, and morality: essays in honor of mark siderits* (pp. 165 - 210). Cham: Springer International Publishing.
  10. Sharma, N. P. (2020). Meditation tourism, Buddhist philosophy in practice: A case study of Lumbini, Nepal. *The Gaze: Journal of Tourism and Hospitality*, 11(1), 37-59.

УДК (091) 18:7.01

DOI: 10.34670/AR.2024.12.91.016

Влияние философских течений на архитектуру Китая

Сюй Сяошу

Магистрант,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
238014, Российская Федерация, Калининград, ул. А. Невского, 14;
e-mail: xuxiaoshu758steven@163.com

Аннотация

Китай – одна из самых древних цивилизаций в мире, и его архитектура имеет богатую историю, насчитывающую тысячелетия. Философия играет важную роль в формировании идеологии и мировоззрения народа, а это непосредственно отражается в архитектуре. Проявление духовной жизни во многом подчеркивает пространственный характер, именно поэтому Дворец императора (Запретный город в Пекине) является символом китайской культуры. Влияние таких философских направлений, как конфуцианство, даосизм, буддизм, можно наблюдать в различных аспектах архитектурного стиля и конструкции китайских сооружений. Конфуцианство нашло свое отражение в архитектуре через использование традиционных стилей и форматов, таких как дворцы, храмы и дома с крышами в стиле «голубое небо». Даосизм подчеркивает гармонию человека с природой, он проявляется в использовании натуральных материалов. Буддизм способствовал развитию резьбы по дереву, камню, что привело к созданию великолепных скульптур, пагод и храмов. Изучение влияний философских течений поможет нам проникнуться уважением к культурным традициям и ценностям Китая, а также найти вдохновение в использовании философских принципов в современной архитектуре.

Для цитирования в научных исследованиях

Сюй Сяошу. Влияние философских течений на архитектуру Китая // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 210-221. DOI: 10.34670/AR.2024.12.91.016

Ключевые слова

Архитектурный стиль, конфуцианство, даосизм, буддизм, марксизм, философия, строительство.

Введение

Китай – страна с богатой и многовековой историей, которая сформировала уникальную культуру. Она характеризуется глубокой традицией и уважением к прошлому, а также огромным вкладом в развитие искусства, философии и науки.

Рисунок 1 - Пагода в городе Гуйлинь

Архитектура Китая является одним из самых уникальных проявлений культуры этой страны. Она стала результатом влияния различных факторов, включая географические условия, исторические события и философские течения. Например, одной из самых известных форм китайского строительства является пагода. Пагоды – это многоэтажные башни с крышами, украшенными изящными фигурами драконов и фениксов. Они символ духовного просвещения и служат местом для хранения священных буддийских текстов и реликвий. Еще одной особенностью китайской архитектуры являются крыши с изогнутыми концами, известными как «голубые птички». Этот архитектурный элемент придает зданиям изящность и элегантность, но его значение имеет философскую мысль (рис.1).

Согласно китайской древней философии, изогнутые крыши символизируют гармонию между небесными и земными силами. Верхняя часть крыши представляет небесные силы, связанные с духовным миром, а нижняя часть – земные силы, относящиеся к материальному миру. Их соединение в изогнутом конце крыши создает баланс и единство, что важно для достижения гармонии в жизни. Кроме того, «голубые птички» также имеют символическое значение в китайской культуре. В китайской мифологии голубая птица считается символом счастья, мира и процветания [Ван Чжэньфу, 2001, 15]. Поэтому наличие изогнутых концов крыши на здании также связывается с привлечением положительной энергии и удачи. Можно перечислять множество строительных особенностей, но какие философские течения повлияли на развитие архитектуры Китая?

Основная часть

Одним из важных философских течений, которое оказало влияние на архитектуру Китая, является конфуцианство. Его основателем является китайский философ Конфуций, который жил в Восточной Чжоу в VIII-III вв. до н.э. Философ разработал систему общественных отношений, которая являлась одной из фундаментальных основ китайского общества и

получила статус культурной ортодоксии. Под влиянием конфуцианства в китайский менталитет глубоко проникла особая система ценностей: 仁 человеколюбие, 义 справедливость, 礼 ритуал, 智 мудрость и 信 вера [там же, 23]. Следует отметить, что иероглифы имеют особое значение и представлены в современном писании. Они деформировались, но смысл остался тот же. В Древнем Китае сооружения возводились строго с традиционными нормами. Здания возводились с учетом особых параметров декора и установленных аспектов для постройки жилых домов. Вследствие этого, китайские сооружения стали символом «Ли» (礼). Например, тип сооружения «сыхэюань» (四合院), которое представляет собой постройку из четырех зданий, помещенных фасадами внутрь, образуя прямоугольный двор, является реализацией принципа «Ли» в семейной жизни – иерархия внутреннего урегулирования (рис.2).

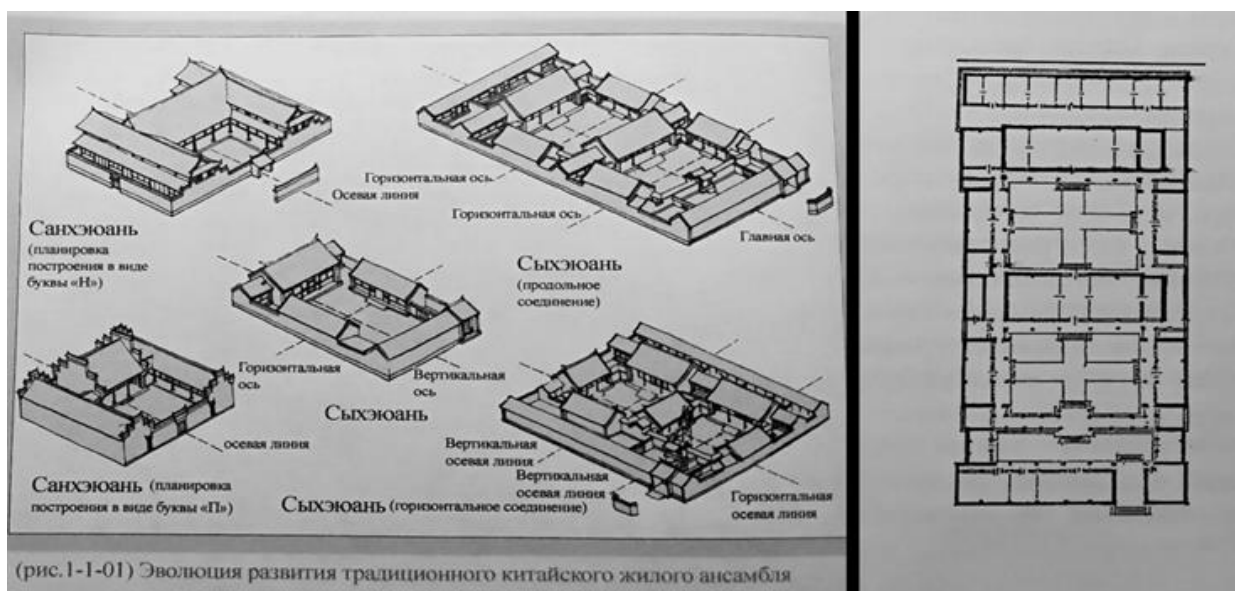

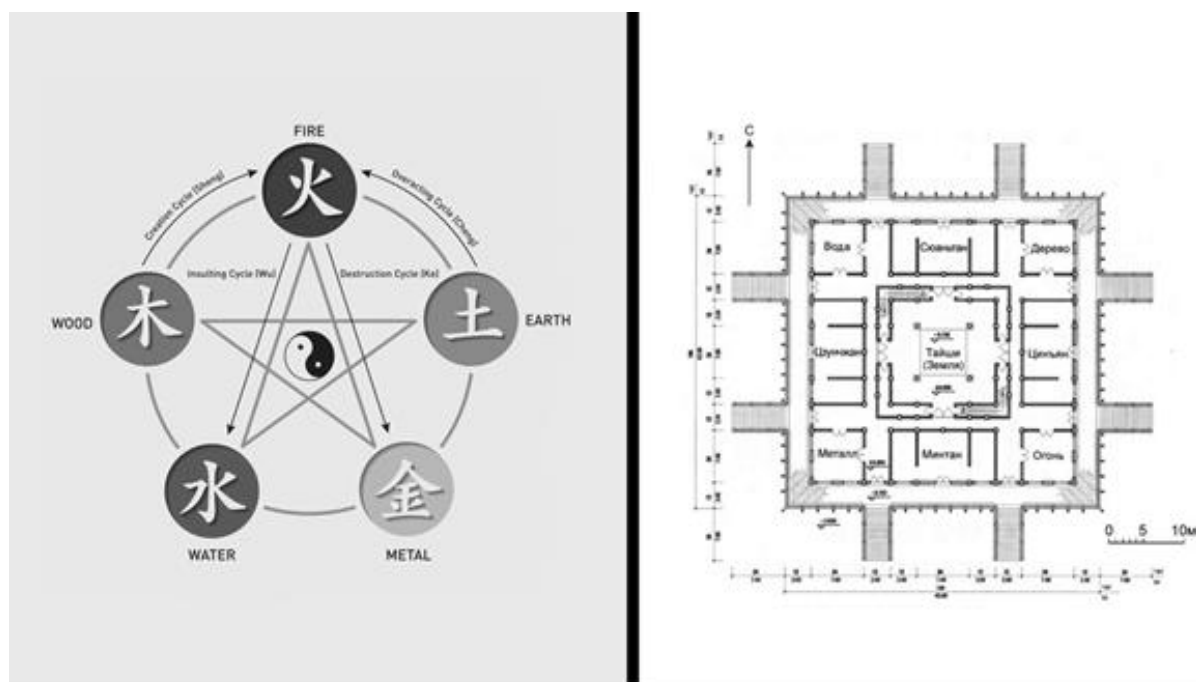
Рисунок 2 - Схема эволюции развития «сыхэюань»

Рисунок 3 - Храм Конфуция, г. Цюйфу

В соответствии с этим жители «сыхэюань» проводили четкую дифференциацию на «своих» и «чужих». «Свои» подчиняются определенным правилам и иерархией, «чужие» не касаются «своих» и держатся изолированно от них. Расположение комнат довольно необычно: центральный зал, располагающийся на севере, выполняет функции гостиной, восточная комната – спальня старейшин, западная – спальня главы дома, боковые комнаты – для молодого поколения, комната старшего сына (или наследника дома) находится на востоке, а комната младшего сына – на западе. В южной части находится рабочий кабинет [там же, 36]. Однако местом идеального воплощения принципа «Ли» является храм Конфуция в городе Цюйфу (рис.3). Архитектура храма отражает гармонию и порядок, и самое главное придает значение переходу пространства «от наполнения к пустоте». Важность отмечается в прохождении «ритуалов» в храме. Именно пустота позволяла давать порядок и иерархию среди сословий, и ритуальные комнаты давали возможность различать «своих» и «чужих» [Е Лан, 2018]. Таким образом, конфуцианская архитектура в Китае развивалась в соответствии с принципами симметрии, баланса и пропорциональности.

Другим важным философским течением, которое повлияло на архитектуру Китая, является даосизм. Основатель даосизма китайский философ Лао-Цзы, живший в VI в до н.э. В основу концепции философского течения вошло понятие «дао» – дорога, который носит пространственно-временной характер. Следуя данной философии, человек должен жить в гармонии с природой и стремиться к ее балансу. Согласно Лао-Цзы, сначала была пустота, из пустоты появились две новые энергии – инь (пассивность, тьма, смерть) и янь (возвышенность, чистота, свет) [Ван Чжэньфу, 2001, 42]. Вместе частицы энергии поддерживают баланс с миром: после ночи наступает день, после жизни наступает смерть и так далее (рис.4). Лао-Цзы писал о «преодолении твердого мягким», поэтому здания строились на горных возвышенностях с использованием естественных материалов, таких как дерево, камень и глина, чтобы соответствовать природным элементам (рис.5).

**Рисунок 4 - Принцип 5 первоэлементов и концепция «инь» «янь».
План храма Минтан, период Северной Вэй**

Философ писал: «Человек следует Земле, Земля следует небу, Небо следует дао, а дао следует самому себе» [там же, 45]. Китайские сады, которые являются важной частью китайской архитектуры, непосредственно отражают принципы даосизма, где природа и искусство сливаются воедино.

Рисунок 5 - Даосский Храм в горах Уданшань

С середины I тысячелетия в южном Китае стали строиться загнутые вверх карнизы крыш – символ того, что все принадлежит небесному началу, а именно небо господствует над всем что есть.

Буддизм, третье философское течение, которое оказало влияние на архитектуру Китая, внесло свои особенности в строительство храмов и монастырей. В IV веке в Поднебесной появляется проповедник Путидамо, которое примирил традиционные воззрения китайцев и буддизм, тем самым основал направление – чань [Абаев, 1989, 16]. В горных районах начинают строиться пещерные храмы и монастыри. В основе философии буддизма лежит теория о том, что люди сами виноваты в своих страданиях, поэтому мы должны очищаться путем самоограничения и достижения нирваны. Это объясняется тем, зачем строились храмы на труднодоступных возвышенностях. Путем проповедей «Четырех Благородных Истин» и «Восьмеричный путь» люди медитировали. В Китае самый распространенный на сегодняшний день культ Амитабхи – «просветленного» [там же, 29]

Буддистские храмы были построены с использованием высоких столбов, изображений божеств и сложных декоративных элементов (рис.6).

Рисунок 6 - Буддийский храм в гротах Луньмэнь

Буддизм также внес вклад в развитие пейзажной архитектуры, где природные элементы, такие как горы, реки и озера, становятся основой для создания гармоничного окружения.

Течение марксистской философии оказало значительное влияние на китайскую мысль. Марксизм проник в Китай в начале 1930-х годов, благодаря китайскому переводчику «Происхождения видов» Ма Цзюньву. Уже к концу 1930-х годов председатель Мао Цзэдун разработал собственную китайскую версию диалектического материализма, независимую от советской философии.

Философия марксизма оказала значительное влияние на архитектурный стиль Китая. Одним из основных принципов марксизма является идея о социальной справедливости и равенстве. В архитектуре это отразилось в стремлении к созданию жилья, доступного для всех, и общественных зданий, которые могли бы быть использованы всеми членами общества. В результате, в Китае были разработаны новые архитектурные стандарты, ГОСТы и нормы, которые поддерживали создание массового жилья и общественных пространств.

Еще одним важным аспектом марксистской философии, который повлиял на архитектурный стиль Китая, является идея о пролетарской культуре и народной традиции. Это привело к появлению так называемого «социалистического реализма» в архитектуре, который сочетал элементы современности с традиционными китайскими архитектурными формами. Также стоит отметить, что марксизм поддерживал развитие промышленности и науки. Это привело к развитию современных технологий и строительных материалов, которые были активно использованы в китайской архитектуре. Большое внимание уделялось и уделяется таким аспектам, как энергоэффективность, экологическая устойчивость и инновации [Зук Денонг, Дай Лу, Чжан Сянвэй, 2010, 11].

Рисунок 7 - Дворец советско-китайской дружбы, г. Шанхай (1954 г.)

После образования Китайской Народной республики в 1949 году начался период масштабных градостроительных преобразований. Архитектурный стиль Советского Союза оказал значительное влияние на формирование облика городов социалистического Китая. Необходимо отметить, что в период с 1945 по 1965 год, политика этих двух стран были тесно связаны. В 1950 году развивалась «концепция социалистических городов», которая положила начало новому китайскому стилю «Су» (советский стиль по-китайски), а также строительству крупных градостроительных объектов [Цапенко, 1955, 112]. В этот период в КНР возводились монументальные здания с высокими шпилями и башнями. Архитектура отличалась симметрией и строгостью форм, трехчастной структурой и центральной частью, которая выше боковых, а также преобладанием прямых линий и правильных геометрических фигур.

В качестве основного строительного материала использовался камень или бетон, а фасады зданий украшались барельефами и скульптурами с социалистической тематикой (рис.7).

Здания советского стиля в Китае можно разделить на две категории: «полноценные советские дома» и «гибриды китайской и советской архитектуры» [там же, 118]. Первая категория особенна тем, что в конструировании и строительстве приняли участие советские архитекторы. Во второй категории сочетаются особенности архитектуры советского стиля с традиционной широкой китайской крышей и национальными украшениями.

Рисунок 8 - Пекинский выставочный центр

Ярким примером «советского дома» в Пекине является Пекинский выставочный центр, созданный по просьбе Советского Союза для демонстрации в Китае достижений развития СССР (рис.8). Другой пример – Военный музей китайской народной революции (постройка 1959 года), который расположен на западе главного столичного проспекта Чанъаньцзе (рис.9).

Рисунок 9 - Военный музей китайской народной революции, г. Пекин

Рисунок 10 - Здание Харбинского политехнического университета

В городе Харбин повсеместно присутствует советский архитектурный стиль, который называют «русский Харбин». Этот термин включает начальный исторический период в становлении города, когда в Харбине преобладало преимущественно российское население, а город возводили архитекторы и инженеры из России. По проектам советских архитекторов был построен ряд крупных сооружений, которые определили новый образ города. К примеру, здание политехнического университета в г. Харбин (рис.10):

Важным градостроительным проектом стиля «Су» является площадь Тяньаньмэнь, которая является одной из крупнейших площадей в мире (рис.11). В центре площади находится мавзолей Мао Цзэдуна, а вокруг него расположены здания Народного собрания, Дворец культуры и труда, а также музей китайской революции.

Рисунок 11 - Площадь Тяньаньмэнь в центре Пекина

Одной из самых известных построек стал Дом народных собраний в Пекине, построенный в 1959 году (рис.12). Здание площадью более 170 тыс. кв. м. имеет высоту 46,5 м. и вмещает в себя концертный зал, театр и несколько выставочных залов.

Рисунок 12 - Дом народных собраний в Пекине

Нам следует согласиться, что архитектура Китая частично будет подтверждена влиянию философских учений до тех пор, пока их влияние не уменьшится на различные сферы

жизнедеятельности людей, в результате чего должно произойти изменение на уровне мышления китайского народа. По сути, китайское представление о традиции как деятельной свободе духа, удостоверяющей несамостоятельность рефлексивного субъекта, а некую не объективируемую матрицу поведения, как извечно забываемую правду жизни, которой «люди пользуются каждый день и о том не ведают» [Чжан Байчунь и др., 2004, 19]. Хоть философские течения со временем и претерпевают какие-то изменения и приобретают новые черты и формы, фундамент все равно остается тем же, как гласит китайская мудрость: «Вещи, достигнув своего предела, претерпевают превращение». Архитектура закладывает в себя этот «фундамент», так как при разработке, того или иного сооружения или комплекса, архитекторы учитывают мышление, болевые точки, желания и потребности целевой аудитории, чье мышление сформировано на основе разных философских мировоззрений.

Заключение

Итак, резюмируя наше исследование, необходимо сказать, что гипотеза о влиянии философских течений на архитектуру Китая подтверждена. Даосизм – философия, которая стремится к единению с природой, в первую очередь ориентируется на природные показатели: принцип инь и ян, принцип пяти первоэлементов, восьми триграмм, симметрия и т.д. Конфуцианство – философия, которая подчеркивает важность социальной гармонии и этики. Во времена господства конфуцианцев здания строились таким образом, чтобы отражать социальные отношения. Это привело к развитию особого стиля архитектуры, который характеризуется использованием симметрии и иерархии, а также четкой организацией пространства. Чань-буддизм сформированный под огромным влиянием даосизма, интегрировался в культуру Китая и смог органично слиться с уже существующим китайским стилем. Возведенные храмы и монастыри являются уникальным достоянием страны. Стиль «Су», появившийся в эпоху становления КНР, распространил в стране «новую народную архитектуру». Здания возводились по проектам советских архитекторов.

На сегодняшний день архитектура Китая привлекает внимание своими уникальными историческими и современными зданиями. Она отражает дух и историю Поднебесной, а также ее стремление к сохранению традиции и инновации в сфере архитектуры.

Библиография

1. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989. 271 с.
2. Ван Чжэньфу. Конфуцианство, даосизм, буддизм и китайская архитектурная культура. Шанхай, 2001. С. 63.
3. Е Лан. Очерк истории китайской эстетики. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2018.
4. Зук Денонг, Дай Лу, Чжан Сянвэй. История китайской современной архитектуры. Издательство китайской строительной промышленности, 2010. 272 с.
5. Цапенко М.П. О реалистической основе архитектурного искусства Советского Союза. Издательство строительных работ, 1955. 246 с.
6. Чжан Байчунь и др. Передача технологий из Советского Союза в Китай 1949-1966 гг. Издательство образования провинции Шандун, 2004 г. 529 с.
7. Laumakis S. J. An introduction to Buddhist philosophy. – Cambridge University Press, 2023.
8. Garfield J. L. Buddhist ethics: A philosophical exploration. – Oxford University Press, 2022.
9. Thompson E. What's in a concept? Conceptualizing the nonconceptual in Buddhist philosophy and cognitive science //Reasons and empty persons: Mind, metaphysics, and morality: essays in honor of mark siderits. – Cham : Springer International Publishing, 2023. – С. 165-210.
10. Sharma N. P. Meditation tourism, Buddhist philosophy in practice: A case study of Lumbini, Nepal //The Gaze: Journal of Tourism and Hospitality. – 2020. – Т. 11. – №. 1. – С. 37-59.

The influence of philosophical trends on the architecture of China

Xu Xiaoshu

Master's Student,
Immanuel Kant Baltic Federal University Institute of Law,
236041, 14A, Nevskogo str., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: xuxiaoshu758steven@163.com

Abstract

China is a country with a rich and centuries-old history that has formed a unique culture. It is characterized by deep tradition and respect for the past, as well as enormous contributions to the development of art, philosophy and science. China is one of the most ancient civilizations in the world, and its architecture has a rich history dating back thousands of years. Philosophy plays an important role in shaping the ideology and worldview of the people, and this is directly reflected in architecture. The manifestation of spiritual life largely emphasizes the spatial nature, which is why the Emperor's Palace (Forbidden City in Beijing) is a symbol of Chinese culture. The influence of such philosophical movements as Confucianism, Taoism, and Buddhism can be observed in various aspects of the architectural style and design of Chinese buildings. Confucianism is reflected in architecture through the use of traditional styles and formats such as palaces, temples and houses with blue sky roofs. Taoism emphasizes the harmony of man and nature, it is manifested in the use of natural materials. Buddhism contributed to the development of wood and stone carving, which led to the creation of magnificent sculptures, pagodas and temples. Studying the influences of philosophical movements will help us develop respect for Chinese cultural traditions and values, as well as find inspiration in the use of philosophical principles in modern architecture.

For citation

Xu Xiaoshu (2023) Vliyanie filosofskikh techenii na arkhitekturu Kitaya [The influence of philosophical trends on the architecture of China]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 210-221. DOI: 10.34670/AR.2024.12.91.016

Keywords

Architectural style, Confucianism, Taoism, Buddhism, Marxism, philosophy, construction.

References

1. Abaev N.V. (1989) *Chan'-buddizmi kul'turno-psikhologicheskie traditsii v srednevekovom Kitae* [Chan Buddhism and cultural and psychological traditions in medieval China]. Novosibirsk.
2. Tsapenko M.P. (1955) *On the realistic basis of the architectural art of the Soviet Union*. Publishing house of construction works.
3. Wang Zhenfu (2001) *Confucianism, Taoism, Buddhism and Chinese architectural culture*. Shanghai.
4. Ye Lan (2018) *Essay on the history of Chinese aesthetics*. Shanghai: Shanghai People's Publishing House.
5. Zhang Baichun et al. (2004) *Transfer of technology from the Soviet Union to China 1949-1966*. Shandong Province Educational Publishing House.
6. Zuk Denong, Dai Lu, Zhang Xiangwei (2010) *History of Chinese modern architecture*. Chinese Construction Industry Publishing House.
7. Laumakis, S. J. (2023). *An introduction to Buddhist philosophy*. Cambridge University Press.

-
8. Garfield, J. L. (2022). *Buddhist ethics: A philosophical exploration*. Oxford University Press.
  9. Thompson, E. (2023). What's in a concept? Conceptualizing the nonconceptual in Buddhist philosophy and cognitive science. In *Reasons and empty persons: Mind, metaphysics, and morality: essays in honor of mark siderits* (pp. 165-210). Cham: Springer International Publishing.
  10. Sharma, N. P. (2020). Meditation tourism, Buddhist philosophy in practice: A case study of Lumbini, Nepal. *The Gaze: Journal of Tourism and Hospitality*, 11(1), 37-59.

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2024.45.98.017

Наказание и власть в антропологических и генеалогических взглядах М. Фуко

Баринов Юрий Владимирович

Аспирант,
Русская христианская гуманитарная академия,
191011, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. Фонтанки, 15;
e-mail: 79219567833@yandex.ru

Аннотация

Генеалогический проект французского мыслителя М. Фуко «История наказания» вызывает все больший интерес антропологических исследователей к его творчеству, затрагивающему всевозможные аспекты методологии данного автора. В статье рассматривается вопрос, который связан с наказанием и властью в антропологических и генеалогических взглядах М. Фуко. Автор рассматривает в качестве следствия методологической диффузии генеалогическую дескрипцию, как метод описания маргинального объекта. Феномен дисциплинарной власти анализируется в качестве маргинальной конструкции, выводящей понятие нормального и ненормального из совокупности дисциплинарных практик, структурирующих европейское общество. В завершении автор приходит к выводу о том, что археологическое поле высказываний, артикулированное в соответствии с историческими априорами, уступает место в генеалогической истории мелким приемам фиксации, организации полей сравнения, раскладывания фактов, иными словами всему тому, что с точки зрения М. Фуко, приведет к гносеологическому раскрытию наук о личности, и в то же время лишит вопроса «Как возможна наука о личности?» его метафизическое значение, поскольку генеалогическое рождение личности будет определяться маргинальностью дисциплинарного механизма, «нового типа власти над телом».

Для цитирования в научных исследованиях

Баринов Ю.В. Наказание и власть в антропологических и генеалогических взглядах М. Фуко // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 222-234. DOI: 10.34670/AR.2024.45.98.017

Ключевые слова

Антропология, власть, генеалогия, дисциплинарная власть, маргинальное, наказание.

Введение

Генеалогический проект (далее – ГП) французского мыслителя М. Фуко «История наказания» вызывает все больший интерес антропологических исследователей к его творчеству, затрагивающему всевозможные аспекты методологии данного автора [Визгин, 2004; Зекрист, 2012; Ильин, 1998; Русаков, 2016]. По этой причине исследователем Араком было высказано мнение о том, что под историческим методом французских исследователей следует понимать «особый метод, который присущ философии постмодерна – критический, генеалогический исторический метод, который описывает нашему – современному Народу – как стать именно тем, чем мы являемся сейчас. «Существование» [Arac, 1988, 11-12]. Аналогичных взглядов придерживаются и отдельные российские исследователи при обсуждении проблемы власти в трудах Фуко [Кильдюшев, 2014; Низовцев, 2015; Новиков, 2009]. Наше внимание сосредоточено на аналитической реконструкции канонических интерпретативных стратегий (далее – ИС) Франции двадцатого века, направленных на такие феномены, как власть и наказание. Особенность и отличие исследований в нынешней западной философии «неклассических-постклассических текстов» достаточно часто можно встретить в различных проблемных ситуациях, которые напрямую связаны со следующими персонами: автор текста, а помимо этого, читатели данного автора и интерпретаторы.

Основная часть

В первую очередь следует подчеркнуть, что, анализируя ИС исследуемого философа, мы сталкиваемся с конкретным методологическим парадоксом. Сущность рассматриваемого парадокса обуславливается тем аспектом, что диспозициональность (структура текста, которая отражает его предметность), напрямую связана с некоторым расширением обзора анализа, в результате чего происходят изменения в поле анализа за счет предпринимаемого автором лингвистического деонтологического процесса, простора для интерпретации. К примеру, диспозиция по причине своей собственной маргинальной структуры напрямую указывает на пределы герменевтического различия, то есть на пределы между определенными прочтениями и приемами интерпретации.

Помимо этого, во вторую очередь, авторы отталкиваются от того аспекта, что у исследуемого французского философа никогда не было единой (основной) методологической программы. Следует особо подчеркнуть, что дополнительное концептуальное обоснование рассматриваемая гипотеза получила непосредственно после того, как была опубликована его лекция в Колледж де Франс. На позицию, связанную с методологическими изменениями, указывает еще и А.В. Дьяков, который является российским переводчиком рассматриваемого курса. В приписке он написал: «Знакомство с различными текстами Фуко может навсегда поменять точку зрения у читателя, однако это не предоставляет ему никакой возможности использовать его «методологию». Это обуславливается тем аспектом, по мнению Дьякова, что на самом деле методологии не существует вообще. Есть комплекс исследований, методы и приемы по Фуко. При этом цели, а помимо этого и объекты проводимого исследования подвергаются постоянным изменениям» [Дьяков, 2014, 11, 347]. В рассматриваемом смысле проблема анализа абсолютно всего поля изменчивых и множественных властных отношений будет связана с такой довольно пресловутой проблемой, как генеалогические методы (далее – ГМ). Отмечается, что реконструкция ИС Фуко выступает отправной точкой реконструкции

генеалогии (далее – ГР) «системы рабства» является маргинализация предмета, которая считается традиционной для преимущественного большинства исследований г-на Фуко. Документальные и художественные изображения публичных казней XVIII века и воссоздание повседневной жизни в тюрьме 19 века. В основном он является направленным на историческую реальность и дискурс наказания, в рамках которого «тело исчезло как основной объект всех проводимых судебных уголовных репрессий» [Фуко, 1999, 11, 14]. Так, исчезновение тела в рамках ГР исследователя отображает нелинейную динамику абсолютно всех исторических событий, а помимо этого, концептуально смещает объекты по историческим промежуткам XVIII и XIX веков. По этой причине вне динамики «тонких и быстрых изменений» невозможно определить объект ГР, никаким образом, не различая при этом археологические и ГР Фуко.

В рассматриваемом случае генеалогическая идентификация души, которая подвергается судимости по такой формуле, как «душу судят, как за преступление» представляет собой многовариативный синтез «страсти, инстинкта, ненормальности, физической неспособности» и других элементов. Для Фуко, классической работы о маргинальности, диссоциативное разрушительное использование идентичности является одним из способов, с помощью которого маргинальные генеалогии реконструируют объекты. Именно это ознаменовало непосредственно сами различные и всевозможные изменения в правовой системе XVIII и XIX веков, но при этом и совершенно новую систему производства истины. Следует особо отметить, что безумие тоже является необходимым аспектом для проведения генеалогического изучения «Истории наказания», а помимо этого, и для проведения археологической реконструкции, которая проецируется на структурную эпистемологию или же освещает теорию. В рассматриваемом смысловом значении, профиль безумия в виде серии высказываний формирует «определенный комплекс оценок, диагнозов, прогнозов, а помимо этого и различных нормативных суждений о соответствующей преступной личности» [Фуко, 1999, 11, 29], потому что представление об отклонениях человека стало неким способом его квалификации, частично вытекающим из слегка положительной реконструкции безумия. Следовательно, существующая разница между археологической и генеалогической историей безумия способствует наиболее лучшему пониманию того, по какой именно причине реконструкция «силового наказания», рассматривая ее с точки зрения истории, выступает как появление нормализованной власти. Под позитивностью рассматриваемого вопроса понимается «сравнительная история души и совершенно новых способностей суждения, генеалогия текущего единства научной справедливости» [там же, 11, 35]. В рассматриваемом смысле весьма показательным является маргинальный эмпирический характер вопроса, который связан с «происхождением» души под судом, ради чего Геконф подчиняет ее принципу единой закономерности и событийности.

Рассматриваемый вопрос существенно усиливает имеющееся различие между происхождением и карательными целями нынешней «души под судом», с систематической генеалогией (далее – СГ) Фуко, а помимо этого, и из-за неопределенности «души под судом». Многие генеалогические синтезы придают вопросу «происхождения» второстепенное значение. Это обуславливается позитивностью рассматриваемого вопроса, ведь она включена в ранее упомянутый вопрос «о наказании». Следует особо отметить, что сопоставительная история Души в СГ анализируются посредством использования четырех правил, основанных на различиях между двумя объектами и изменениях в структуре интерпретации истории наказаний. Далее рассмотрим правила ГР Фуко. Принцип ГР «рабской системы» воплощен в ряде определенных правил.

В рамках первого правила проводится рассмотрение наказания в виде довольно сложной

функции с социальной точки зрения, сокращая общесоциальные формы, а помимо этого, и интересубъективность. Книга Фуко «Социальная функция наказания» представляет собой критическое размышление над методами, традиционно используемыми Дюркгеймом и Вебером для изучения общества.

В рамках второго существующего правила осуществляется рассмотрение наказания с точки зрения политической стратегии, а помимо этого, проводится довольно критическая оценка марксистской политики, которая рассматривает власть как вытекающую из сферы экономики и тех отношений, которые складываются в данной области. Влияние упомянутого второго правила можно обнаружить в «Истории частной жизни» – исследовании, проведенном различными исследователями из Франции, Америки и Британии под непосредственным руководством ученых летописной школы Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Обратимся к их концептуальной позиции: «Деспотизм тоталитарных государств, чрезмерность демократических государств вплоть до управления рисками – «отвратительная и банальная рациональность» (М. Фуко) – все указанное вызвало определенные размышления о механизмах, балансах и рычагах сопротивления» [Корбен и др., 2018, 11, 5].

В рамках третьего существующего правила осуществляется рассмотрение технологии власти с точки зрения совокупности таких практик, как дискурсивные и не дискурсивные. Данные практики имеют прямую и непосредственную связь с историей права и различными человеческими знаниями. В указанном контексте, технологии власти с методологической позиции демонстрируют и с негативной и с позитивной стороны всевозможные способы познания истории.

В рамках четвертого существующего правила проводится рассмотрение возникновения души как особого способа овладения своим телом или как серию различных исторических трансформаций, которые связаны с теми отношениями, которые встречаются во власти. Иными словами, можно говорить, что политическая технология абсолютно во всех случаях представляет собой «всеобщую историю властных и объектных отношений» [Фуко, 1999, 14, 37] или же вполне реальный метод существования различных личностей в «реальной» истории. Применение отдельно существующих и действующих правил ни в коем случае не способно привести к методической унификации в генеалогической инженерии из-за активного выявления границ в самой данной структуре реконструируемых объектов и уголовных историй.

Как следствие, все вышеуказанное свидетельствует об активном распространении методологии, которую можно анализировать в рамках СГ на реальных примерах политических технологий тела, а помимо этого, и на возникающих в результате микрофизических концепций власти (далее – МВ). Аналогично археологическим проектам (далее – АП), эпистемологизация экзистенциальных объектов в ГР создает возможность «тел знания». Иными словами, знаний, объясняющих именно историю тела, но никак не различные пространственные параметры, которые характеризуют и описывают эпистемологию маргинальных дискурсивных структур.

Следует особо отметить, что в ГР эпистемологизация объекта разворачивается на уровне соответствующей исторической динамики, «ее поле действия простирается между более широким вопросом власти, а помимо этого и самим телом с его материальностью и властью» [Фуко, 1999, 11, 41]. Таким образом, процедура реконструкции линии предопределена определенным методологическим статусом конкретного объекта. Эта позиция позволила бы Фуко проанализировать концепцию МВ через динамические показатели взаимодействия в «реальной» истории доминирующих и подчиненных сил.

Указанное выше свидетельствует о микрофизике генеалогического подхода, но в силу его

маргинального статуса, он никаким образом не способен привести соответствующие принципы ГР в единство методологии. Для примера отметим, что абсолютно все существующие динамические характеристики, используемые для анализа микрофизической концепции власти, в некотором роде основаны на особенностях, которые являются наиболее характерными для чувствительности генеалогии, а помимо этого, и на всевозможных отличиях, имеющих в диффузии, существующих между органами чувств и экстрасенсорикой. Упомянутый подход генеалогии представляет собой некую структуру, включающей в определении власти одновременно несколько различных структурных элементов.

Микрофизика власти. Так, между функционализмом Делеза и генеалогией Фуко, под властью понимается комплекс различных позиций, которые по мнению другого классика маргинальной темы Делеза, абсолютно во всех случаях требуют совершенно нового функционализма. Это обуславливается тем аспектом, что указанный функциональный анализ, безусловно, ни в коем случае не отрицает существование различных классов и их противостояния, но при этом предлагает кардинально иную картину с ландшафтами, характерами и процессами, чем та, которой научила человечество классическая история, к которой относится и марксистская [Делез, 1998, 49]. В рассматриваемом контексте функционализм Делеза основывается на гносеологическом принципе. Данный принцип объединяет в себе одновременно вербальные и визуальные модели познания. Следует особо подчеркнуть, что власть и живопись требует проведения аналогичной процедуры, как и археологический анализ учения дадаизма Р. Магритта.

Совершенно не случайно Фуко поступает аналогично ему, и «соединяет словестные знаки совместно с пластическими компонентами, не устанавливая при этом для себя каких-либо правил первичной изотропии» [Фуко, 1999, 79]. В ГР распространение метода направлено на соответствующий разрыв между вербальной и наглядной моделями. Это обуславливается тем аспектом, что между тем, чтобы «видеть» и «говорить» укладывается еще и «социальное», что не является уже никаким образом, привязанным к классическим представлениям о сути и истинном происхождении власти. Нельзя не отметить и маргинальный хронотоп «социального», в рамках которого «власть не есть власть». В указанном контексте ГМ деидентифицирует соцпространство власти.

При отсутствии пространственных ориентиров, а помимо этого, и при отсутствии какого-либо плана, власть – это «сеть неизменно напряженных и активных отношений» [там же, 44], которые напрямую подчинены такой модели, как модель «вечной битвы». По этой причине в рамках процесса ГР наблюдаются определенные изменения и в социальной оптике классических представлений о существующей власти. Следовательно, концепция М. Фуко выступает в качестве результата существующего различия между исторической преемственностью и регулярно меняющихся соотношений, эффективно действующих в рамках истории сил. Под «властью» понимается децентрализации политических, а помимо этого и правовых институтов, но прежде всего, института «государство» по причине того, что он – итог комплексных совершаемых действий или итог функционирования довольно многих механизмов и различных очагов, находящихся на другом уровне и формирующие тем самым «МВ» [Делез, 1998, 49]. Подчеркивается, что точечная локализация, выявленная Делезом, по истинной сути выступает в качестве некоего переосмысления методологической диффузии, поскольку децентрализация власти есть итог диффузии метода, который совершенно не способен и не может локализовать свой собственный маргинальный объект в рамках соцпространства. Специфика механизма и модальности ГР власти «проникает в толщу общества», противостоя

при этом экономическому детерминизму. Согласно ему власть, воплощенная в рамках госаппарата, причисляется к подчиненному способу производства, как его базовая основа [Фуко, 1999, 50].

Следовательно, пирамидальный характер власти, свойственный экономическому детерминизму, уступает довольно существенное место нестабильности, а помимо этого, и постоянным противостояниям сил, которые исторически конфликтуют между собой. Отмечается, что Ж. Делез видит в динамических особенностях исторического чувства достаточно строгую имплицитность и эффективность. Это обуславливается тем аспектом, что МВ – это «совокупность отношений тех сил, пронизывающих субъективные силы в аналогичной степени, как и доминирующие, несмотря на тот аспект, что иные – это единицы сингулярности» [Делез, 1998, 51]. Следует особо подчеркнуть, что то, что привело к разрушению познающего субъекта, при активном распространении ГМ способствует установлению условия гносеологизации отдельного реконструируемого объекта.

Для примера отметим, что функциональный смысл отношений, складывающийся между властью и знаниями, выделенными Фуко, состоит непосредственно в том аспекте, что «отсутствие отношений власти без формирования области знания, и отсутствие знания, не предполагающего и в то же время не формирующего властных отношений» [Фуко, 1999, 42] – само по себе предполагает сакрально-разрушительное применение истины. По этой причине импликация отношений, складывающихся между указанными двумя аспектами, в рамках ГП представляется в виде методологического результата отрицательной и положительной деструктуризации исторического знания. Применение динамического аспекта такой проблемы, как наказание выступает способом трансформации модели познания, в рамках которой основная и ведущая роль отведена конкретному субъекту.

Как следствие, генеалогическое единство двух рассматриваемых аспектов представляется в виде гносеологического предела абсолютно любой воли истории к знанию. Следовательно, существующие динамические характеристики, посредством которых проводится анализ концепции МВ в ГП Фуко, могут полностью свестись к маргинальной антропологии (далее – МА). Под МА понимается конкретный способ формирования генеалогической реальности, который существует в такой области, как «политическая анатомия» (далее – ПА); с метафорической медиализации под рассматриваемым понятием понимается основополагающее противодействие метафизики и генеалогии, доведенное до максимально допустимого предела.

В подобном случае такой метод, который в практически платоническом различении души и тела личности находит историю МВ, однозначно будет генеалогическим или хотя бы будет выступать в качестве «части генеалогии современной души». По причине того, что в МА душа конструируется в виде «современного коррелята отдельно взятой технологии власти над телом» [Фуко, 1999, 45], то генеалогическая реальность будет напрямую прибывать в непосредственной зависимости от политического функционирования организма, а помимо этого и от действующих процедур, а помимо этого и от соответствующей исторической динамики противоборствующих сил. В различных высказываниях, составляющих непосредственное знание об индивиде, в качестве последнего, по мнению Фуко, может выступать психика, личность и многое другое. Однако абсолютно все области анализа полностью выведены из ПА, в рамках которой структура «Сила – Знание – Тело» реализует построение души.

Так, если душа представляет собой следствие и определенный инструмент ПА [там же, 46], то антимония физического и идеального вполне может представляться в виде отношения

«надзирать – наказывать». Иными словами, таким отношением, в рамках которого позитивность наказания связано с различными существующими дисциплинарными практиками (далее – ДП). Если рассматривать эти практики с позиции исключительной одновременности наказания и незаконных практик, то они представляют собой совершенно новую экономию власти (далее – ЭВ) – наказывать. Рассматривая принцип визуализации преступления и наказания (далее – ПиН) стоит отметить, что он определенным образом трансформирует технологию наказания. Отныне это «знак, который служит определенным препятствием». Следует подчеркнуть, что семиотическая техника наказания (далее – СТН) призвана заменить казни и пытки, активно применяемые ранее. Механизм семиотической замены публичных казней, который применяется Фуко, напрямую указывает на принцип производности ПиН как означаемого и означающего, а помимо этого, он указывает и на изменение такого принципа, как линейность, по причине того, что наказание в полной мере наполнено маргинальным смыслом.

В отношении к обозначенному смыслу преступного деяния, истинный смысл наказания представляет собой семиотический прием нелинейных взаимодействий, который включает в свою собственную структуру ряд конкретных правил наказания. Следует особо подчеркнуть, что именно СТН предоставит возможность Фуко сформулировать вывод о расчетливой ЭВ при наказании. По этой причине «германизация наказания» вынужденно ставит и задает следующий вопрос: «Действительно ли мы вступили в эпоху не телесных наказаний (далее – ТН)?» [Фуко, 1999, 148].

Не совсем понятно, о каком именно не ТН может идти речь в том случае, если оба аспекта приводят к объективации преступников и совершаемых ими преступных деяний? Так, с одной стороны человек, совершивший преступление, в ближайшем будущем будет являться ненормальным, который постоянно подвергается научной объективации, но с другой точки зрения семиотическая технология объективирует правила наказания. Два указанных мнения напрямую указывают на то, что отношение власти, заложенное в наказании, начинает постепенно дублироваться таким отношением, как объектное.

Следует особо отметить, что преступник и совершенное им преступление являются имманентными процессам объективации. Это обозначает то, что «все процессы объективации берут начало в самой тактике власти, а помимо этого и в организации ее эффективного управления» [там же]. Следовательно, реформу в области судебно-уголовной системы, проведенную во временной период XVIII–XIX вв. можно охарактеризовать, как структуру взаимоисключающих типов объективации. Последующее взаимное существование и активное развитие рассматриваемых видов в области истории наказания (далее – ИН) потребует от исследователя Фуко определенного соотношения СТН и совершенно новой ПА. Некой точки соотношения СТН и ПА будет выступать пространство передела беззаконий.

Иными словами, можно говорить о том, что пространство, существующее между казнью и мягкими наказаниями за преступление, заполнено в современном мире тюремным заключением преступника на определенный срок. Аналогично структуре генеалогической телесности, в рамках генеалогии ДП возникает определенная структура отдельного дисциплинарного органа, где дисциплинарность воспроизводит соотношение легального и неправомерного как особенную и отличительную технологию влияния на отдельную личность. В качестве исходного предположения генеалогии дисциплинарности будет выступать методологическая позиция. Согласно данной позиции, вне зависимости от особенностей практики наказания, «в совершенно любом обществе организм является зажатым во власти, накладываемой на него определенные запреты» [Фуко, 1999, 199].

Прежде всего, дисциплинарная маленькая физика изменяет масштабы применяемого контроля. Отныне тело подвергается анализу на уровне нескольких взаимодействующих сил исторического характера. В комплексе всех своих движений и позиций оно представляется в виде «малой власти над активным телом (далее – АТ)». Следует особо отметить, что вся эта маленькая физика наказания предполагает вполне разумную экономическую целесообразность АТ как определенного упражнения, которое рассматривается в виде постоянного принуждения. По этой причине отдельный контролируемый вид наказания, учитывая все существующие физические и экономические требования к способу влияния на конкретную личность, формирует определение понятия «дисциплинарный». Так, под «дисциплинами» (полезностями) понимаются «методы, делающими вполне возможным детальный контроль над действиями конкретного тела, а помимо этого они обеспечивают регулярное и непрерывное подчинение его силы и навязывают им необходимые отношения послушания» [там же, 200].

Упомянутое выше понятие раскрывает динамическую сторону проблемы наказания. По мнению Ф. Ницше, данная сторона проблемы была принципиально непреодолимой. Это обуславливается тем аспектом, что во времена генеалогической телесности «дисциплины стали всеобщими формулами господства» [14, с. 200], а универсальность дисциплинарного при этом, эксплицирует различие, существующее в происхождении и цели назначаемого наказания, а помимо этого, оно способствует освобождению понятия дисциплинарного от упомянутой непреодолимости. Однако при любом раскладе микрофизика дисциплинарного права имманентно содержит в себе позитивность наказания. Это обуславливается тем аспектом, что различие в происхождении и цели назначаемого наказания представляет собой историческое отношение, которое дает дисциплинам определенный момент зарождения в рамках общей истории наказания.

Следует особо подчеркнуть, что энтстехунга дисциплинарного наказания представляет собой рождение ПА, которая по генеалогии представляет собой некую «механику» наказания власти». Следовательно, под формой маргинальной позитивности следует понимать ПА отдельного дисциплинарного органа, а принимая во внимание все положительные стороны происхождения ПА, последняя «производит подчиненные и осуществляемые тела» [там же, 201]. В данном рассматриваемом случае экономическая целесообразность применяемого наказания напрямую вытекает из предельной позитивности отношений господства и подчинения. Они направлены на одновременное расширение и сокращение полномочий отдельного организма.

Следует особо подчеркнуть, что ПА, будучи микрофизикой дисциплинарного, «определяет в организме вынужденную связь, складывающаяся между вынужденной и возрастающей приспособленностью, а помимо этого и растущим доминированием» [там же, 202] и как разновидность исторической практики, назначаемое наказание проникает в наиболее разные сферы применения (например, школы, тюрьмы). Микрофизика упомянутых выше практик является настолько вторичной и маргинальной, что дисциплинарная макрофизика, как отмечал Фуко, не способна раскрыть истинную логику их формирования. По причине того, что история ДП в СГ подвержена нелинейной сингулярности отдельно взятых исторических событий, а их перемещение от одного социнститута к совершенно другому аналогичному институту охватывает абсолютно все существующее соцпространство, то именно они и будут определять «метод детального политического завоевания общества». Тело, новая «микрофизика» власти» [там же, 203]. Генеалогическое описание (далее – ГО) выступает неким способом описания маргинального объекта (далее – МО).

Помимо всего вышеуказанного нельзя не подчеркнуть, что методологический статус дисциплинарной телесности (далее – ДТ) в рамках проведения такой процедуры, как реконструкция и оптимизация дисциплинарной системы порабощения оказывает определенное влияние и воздействие на диффузию ГМ. Как следствие, в концепции микрофизики преимущественно будет преобладать метод описания МО власти. Подчеркивается, что ГО разворачивается на том уровне, где объект описания представляет собой довольно динамический показатель сил господства и подчинения, взаимодействующих в «реальной» истории. Микрофизика ГО состоит непосредственно в том аспекте, что данная дисциплина представляет собой «политическую анатомию деталей» [там же, 203], а помимо этого, оно визуализирует безграничное множество различных утраченных событий исторического характера, возвращая тем самым им «настоящую» (реальную) историческую телесность. Приводя описание даже самых мелких и незначительных деталей, ГМ помогает всесторонне проследить формирование и последующее развитие конкретной «дисциплинарной» личности, которая возникает на границе довольно большого числа практик и представленной по своей сущности, структурой ДТ, в рамках которой всевозможные ДП обнаруживают их полное микрофизическое, а как следствие и историческое воплощение.

Подчеркивается, что ГО, децентрализирующее власть и визуализирующее «реальную» телесность, приводит описание различных структурных элементов ДТ, а помимо этого, в рамках микрофизики проводит анализ конкретного механизма дисциплинарной власти (далее – ДВ). Истинная природа власти в ГП рассматривается как применение «простых инструментов, к которым относятся: иерархический надзор (далее – ИН), нормализация санкций и их непосредственное сочетание в рамках определенной процедуры – на экзамене» [там же, 249]. Следует отметить, что ДВ, выступая в качестве одной из форм публичной власти, является неоднородной по отношению к госинститутам и госправу, а помимо этого, она реализует непосредственное взаимодействие всевозможных принципов. Например, влияние осуществляется посредством ИН, устройства, «принуждающего посредством игры взгляда». Для ДВ надзор представляет собой «аппарат, в рамках которого технология, которая предоставляет возможность видеть, производить проявления и последствия власти, а помимо этого, где средства принуждения делают видимыми именно тех, на кого оказывают свое влияние» [там же].

Нельзя не отметить, что ДВ, оказывая влияние на иную, чем она сама, гетерогенность, заменяет метафизическую видимость герменевтического значения, которая с древности ассоциировалась со способностью языка быть видимым. Так, если природа власти представляет собой самопроявление, то ДВ утрачивает какую-либо возможность своего существования в данном пространстве и, помимо этого, ее маргинальная дискурсивность изменяет феноменологическую структуру языка. По мнению Делеза, режим света и структура языка не имеют аналогичной формы в генеалогии и принадлежат разным образованиям.

Следовательно, генеалогическая дифференциация предоставляет возможность ДВ видеть, оставаясь при этом совершенно невидимой. Применяя вышеупомянутое положение в отношении функционирования ДВ в области разнородного, «всяко знание движется от видимого к выраженному и обратно; тем не менее, между ними отсутствует общая тотализирующая форма и соответствие» [Дьяков, 2014, 65]. Можно принять во внимание маргинально-герменевтический статус языка в области экспликации генеалогического значения, который совершенно не обязан проводить дублирование смысла. В области СГ власть и смысл располагаются именно там, где существует определенная динамика господства и

подчинения, а помимо этого, где «небольшие приемы множественного и пересекающегося надзора, взгляды должны быть видны, оставаясь при этом невидимыми» [Фуко, 1999, 250]. Неопределенность характера синтезов генеалогии в сфере разнородного представляет собой «неизвестное искусство света и видимого», которое подразумевает совершенно «новое знание об индивиде». Помимо этого, несколько усиливая машинно-шизофренический аспект ИН, упомянутый выше исследователь, определяет его в качестве абстрактной машины.

По нашему мнению, механизм ДВ в большей степени соответствует ницшеанскому пониманию неопределенности структурно нестабильного исторического процесса. Шизофренический и генеалогический характер истории наказания за совершенное преступление, Делез совершенно по-разному обращает внимание на проблеме происхождения, а помимо этого, и цели наказания, которая, как было отмечено в статье ранее, трактуется автором «Надзирать и наказывать» в проблему реконструкции «систем порабощения». Следует отметить, что ИН, который представляется в виде «неведомого искусства света», ровно, как и анализ Энтстехунга, не меняет неопределенности природы генеалогических синтезов, но при этом он существенно усиливает динамическую сторону содержания проблемы наказания. Неслучайно в ИН визуально-архитектурный принцип использовался в виде модели строительства: «Архитектура отныне призвана быть инструментом трансформация личности» [там же, 251]. По этой причине госпиталь, отныне выступает в качестве инструмента дисциплинарного влияния на отдельную личность, а школа – «строевым механизмом». Действуя при помощи наблюдения, ДВ становится «микроскопом для наблюдения»; он концентрирует весь комплекс визуальных воздействий в отдельно взятой точке. Такое накопление будет представлено концепцией дисциплинарного центра, где «основная точка должна быть одновременно источником все озаряющего света и местом схождения всего, что подлежит познанию» [там же, 254], а в соцсфере выражает некую политическую утопию. В ГП «ИН» отличительный механизм ДВ одновременно исключает и нормализует. Создавая эффект нормализации, он подчеркивает «наказание согласно норме». По этой причине процесс нормализации гетерогенных механизмов в отличие от макро и микрофизического необходимо понимать в виде положительной технологии вмешательства, функционирующей в виде принципа квалификации и коррекции.

Появление власти нормализации (далее – ВН) «кроется в дисциплинарной технологии, которая вводит эти механизмы нормализации наказания» [там же, 269]. Следовательно, ГР «систем порабощения» в оставшейся части – это история ВН. Именно от данной точки, основываясь на дисциплинарном конструкте формулируется следующий генеалогический тезис: «Сила Нормы проявляется через дисциплины». В отличие от АП, где архив – это «основная система формирования и трансформации высказываний», архив в СГ непосредственно связан с наблюдением за отдельными людьми, он «помещает их в гущу улавливания и записи, документы» [там же, 276]. Поэтому генеалогический архив как «сила записи» является наиболее значимой деталью механизмов дисциплины.

Заключение

Следует особо отметить, что археологическое поле высказываний, артикулированное согласно историческим априорам, уступает место в истории генеалогии мелким приемам фиксации, фиксации, организации полей сопоставления, раскладывания фактов. Иными словами, всему тому, что, по мнению Фуко способствует гносеологическому раскрытию наук о

личности и в то же время лишит вопроса «Как возможна наука о личности?» его метафизическое значение, по причине того, что генеалогическое рождение личности будет определяться маргинальностью дисциплинарного механизма, «нового типа власти над телом».

Библиография

1. Визгин В.П. Генеалогический проект Мишеля Фуко: онтологические основания // Мишель Фуко и Россия. СПб.: Летний сад, 2004. С. 96-110.
2. Делез Ж. Фуко. М., 1998. 172 с.
3. Дьяков А.В. Послесловие переводчика // Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014. С. 347-348.
4. Зекрист Р.Х. Концепция власти М. Фуко // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2012. № 2 (103). С. 40-46.
5. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.
6. Кильдошев О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. 2014. № 13 (3). С. 9-32.
7. Корбен А. и др. История частной жизни. Т. 4: От Великой французской революции до I Мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 672 с.
8. Лизина Н.В. Практика власти как управленческие отношения в работах М. Фуко // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2 (2). С. 206-209.
9. Низовцев Д.В. Проблема Власти в работах М. Фуко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. С. 49-57.
10. Новиков О.В. Модели Власти и Знания в теории М. Фуко // Вестник РГГУ. Серия: Культурология. Искусствоведение. Музеология. 2009. № 15. С. 52-60.
11. Русаков С.С. Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко // Южно-российский журнал социальных наук. 2016. Т. 17. № 1. С. 114-124.
12. Рязанов И.В. Власть и наказание в генеалогическом проекте М. Фуко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 158-168.
13. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004. 432 с.
14. Фуко М. Это не трубка: навязчивость взгляда Фуко и живопись. М.: Художественный журнал, 1999. 150 с.
15. Arac J. After Foucault. Humanistic knowledge. Postmodern challenges. N.Y., 1988. 208 p.

Punishment and power in the anthropological and genealogical views of M. Foucault

Yurii V. Barinov

Postgraduate,
Russian Christian Humanitarian Academy,
191011, 15, Fontanki emb., St Petersburg, Russian Federation;
e-mail: 79219567833@yandex.ru

Abstract

The genealogical project of the French thinker M. Foucault “History of Punishment” is attracting increasing interest among anthropological researchers in his work, which touches on all possible aspects of the methodology of this author. The article deals with the issue that is connected with punishment and power in anthropological and genealogical views of M. Foucault. The author considers genealogical descriptivism as a consequence of methodological diffusion as a method of describing a marginal object. The phenomenon of disciplinary power is analyzed as a marginal

construct that derives the concept of normal and abnormal from the totality of disciplinary practices structuring European society. Finally, the author concludes that the archaeological field of statements articulated in accordance with historical a priori gives way in genealogical history to minor techniques of fixation, organization of fields of comparison, arrangement of facts, in other words, to what, from M. Foucault's point of view, will lead to gnosis. Foucault, will lead to the epistemological disclosure of the sciences of personality and at the same time deprive the question "How is a science of personality possible?" of its metaphysical significance, since the genealogical birth of personality will be determined by the marginality of the disciplinary mechanism, "a new type of power over the body".

For citation

Barinov Yu.V. (2023) Nakazanie i vlast' v antropologicheskikh i genealogicheskikh vzglyadakh M. Fuko [Punishment and power in the anthropological and genealogical views of M. Foucault]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 222-234. DOI: 10.34670/AR.2024.45.98.017

Keywords

Anthropology, power, genealogy, disciplinary power, marginality, punishment.

References

1. Arac J. (1988) After Foucault. Humanistic knowledge. Postmodern challenges. N.Y.
2. Corben A. et al. (2018) Istoriya chastnoizhizni. T. 4: Ot Velikoi frantsuzskoi revolyutsii do I Mirovoi voyny [A History of Private Life, Vol. 4: From the Fires of Revolution to the Great War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
3. Deleuze J. (1998) Fuko [Faucault]. Moscow.
4. D'yakov A.V. (2014) Posleslovie perevodchika [Afterword by the translator]. In: Faucault M. Muzhestvo istiny. Upravlenie soboi i drugimi II. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1983-1984 uchebnom godu [The Courage of the Truth (The Government of Self and Others II)]. St. Petersburg: Nauka Publ.
5. Foucault M. (1999) Eto ne trubka: navyazchivost' vzglyada Fuko i zhivopis' [This is Not a Pipe]. Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal Publ.
6. Foucault M. (2004) Nenormal'nye: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1974-1975 uchebnom godu [Abnormal: Lectures at the College de France, 1974-1975]. St. Petersburg: Nauka Publ.
7. Il'in I.P. (1998) Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa [Postmodernism from its origins to the end of the century: the evolution of a scientific myth]. Moscow: Intrada Publ.
8. Kil'dyushev O.V. (2014) Mishel' Fuko kak issledovatel' «politseiskogo gosudarstva»: programma, evristicheskie problemy, perspektivy izucheniya [Michel Foucault as a researcher of the "police state": program, heuristic problems, study prospects]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 13 (3), pp. 9-32.
9. Lizina N.V. (2011) Praktika vlasti kak upravlencheskie otnosheniya v rabotakh M. Fuko [The practice of power as managerial relations in the works of M. Foucault]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University], 2 (2), pp. 206-209.
10. Nizovtsev D.V. (2015) Problema Vlasti v rabotakh M. Fuko [The problem of Power in the works of M. Foucault]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences], 4, pp. 49-57.
11. Novikov O.V. (2009) Modeli Vlasti i Znaniya v teorii M. Fuko [Models of Power and Knowledge in the theory of M. Foucault]. *Vestnik RGGU. Seriya: Kulturologiya. Iskusstvovedenie. Muzeologiya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Culturology. Art history. Museology], 15, pp. 52-60.
12. Rusakov S.S. (2016) Trekhurovnevaya kontseptsiya politicheskoi vlasti M. Fuko [M. Foucault's three-level concept of political power]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences], 17, 1, pp. 114-124.
13. Ryazanov I.V. (2019) Vlast' i nakazanie v genealogicheskom proekte M. Fuko [Power and punishment in the genealogical project of M. Foucault]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2, pp. 158-168.
14. Vizgin V.P. (2004) Genealogicheskii projekt Mishelya Fuko: ontologicheskie osnovaniya [Genealogical project of

- Michel Foucault: ontological foundations]. In: Mishel' Fuko i Rossiya [Michel Foucault and Russia]. St. Petersburg: Letnii sad Publ.
15. Zekrist R.Kh. (2012) Kontsepsiya vlasti M. Fuko [The concept of power by M. Foucault]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki [News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences], 2 (103), pp. 40-46.

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2024.61.51.018

Значимость старинных надписей в творческом наследии Н.К. Рериха

Мельников Владимир Леонидович

Кандидат культурологии,
Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9;
e-mail: msssm9@yandex.ru

Аннотация

В статье раскрыта природа старинных надписей в творческом наследии Н.К. Рериха, представляющая целостность рериховского восприятия прошлого. Автор статьи проследил развитие интереса Н.К. Рериха к старинным надписям и описал их транскрипцию в его творческом наследии. Указаны надписи: нанесенная на дно древнеегипетской чаши «Заострение Меча»; свидетельствующая о существовании Америки до открытия ее Колумбом; отмеченная на древнегреческом остраконе; ассоциирующаяся с богом смерти у народов майя; представляющая начертание на камне в долине реки Орхон; восходящая к «Легенде о Будде»; характеризующая высказывание персидских хроник; изображенная на воротах во французском городе Верден; соответствующая латинской анаграмме «IHS»; представленная на латыни «Ultimi barbarorum»; «Regina pacis, funda nos in pace» как соответствующая образу «Владычицы Мира» – Богоматери; отмеченная на каменном надгробии первопечатника И. Федорова; обнаруженная на белом камне в Монголии; мысленно описывающая текст для музея; нанесенная на картину Н.К. Рериха «Святой Сергей». Старинные надписи как памятники истории и культуры были значимы для художника, придававшего им священный характер. Н.К. Рерих – символ честного и бескомпромиссного отношения к истории собственной страны, знаменосец культуры в самом высшем понимании. Он – один из первых отечественных культурологов, знаток мировой культуры в самых разных ее проявлениях; его определения и оценки остаются актуальными и в наше время.

Для цитирования в научных исследованиях

Мельников В.Л. Значимость старинных надписей в творческом наследии Н.К. Рериха // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 235-242. DOI: 10.34670/AR.2024.61.51.018

Ключевые слова

Русская культура, археология, памятники письменности, надписи, преемственность, священный характер, целостность.

Введение

Духовная эволюция России невозможна без сохранения ее памятников истории и культуры, к которым относятся и старинные надписи на стенах наших храмов. Они представляют собой неопровержимые свидетельства особой судьбы России, статус которых закреплен в Законе 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», а именно: уважение к старинным надписям без предварительной официальной регистрации. Известный защитник памятников культуры А.А. Ковалев отмечает наступление ответственности гражданина с момента нахождения «древнего захоронения или камня с древней надписью» [Ковалев, 2005]. Отмечается рост правового статуса культурной ценности надписи на международном уровне. Необходимость уважения и защиты старинных надписей впервые упомянута в «Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза и передачи права собственности на культурные ценности» в 1970 г.

Надписи были значимы и для Н.К. Рериха. Он лично отслеживал качество работы по нанесению надписей на росписи и мозаики, выполняемые по его проектам. Например, он поручил другу А.В. Щусеву проследить качество исполнения иконописцем-реставратором Г. О. Чириковым надписи на орнаменте часовни Святой Анастасии в Пскове [Щусев, 1913]. Другим примером выступают мозаичные надписи вязью по нижнему краю композиции «Спас Нерукотворный и князья святые», выполненные на главном портале Троицкого собора Почаевской лавры в 1910 г. в мастерской В. А. Фролова по оригиналам Н.К. Рериха.

Так в творческом наследии Н.К. Рериха прослеживается придание любой старинной надписи священного характера, поскольку обнаруженная даже случайно, она подсказывает человеку путь к новому мышлению и новой жизни. Эта идея нашла отражение в творчестве художника и философа Рериха.

Цель исследования заключается в раскрытии природы старинных надписей в творческом наследии Н.К. Рериха. *К задачам исследования* отнесены следующие: проследить развитие интереса Н.К. Рериха к старинным надписям; описать транскрипцию старинных надписей в творческом наследии Н.К. Рериха. *Новизна исследования* представлена выделением целостности рериховского восприятия старинных надписей на памятниках письменности и археологии, отраженного в его художественных произведениях.

Развитие интереса Н.К. Рериха к старинным надписям

В творческой деятельности Н.К. Рерих особое внимание уделял старинным надписям разных видов и форм; ему были хорошо знакомы методы эпиграфики, палеографии и сфрагистики. С юных лет он изучал наиболее значимые восточнославянские тексты древности, к которым традиционно относятся надписи на стенах новгородского Софийского собора, созданные в XI–XIV вв., и киевских культовых сооружений – в XI–XVII вв. Со школьной скамьи его привлекали труды современных ему ученых, посвященные иероглифам Древнего Египта, вавилонской клинописи, микенской письменности, древнегреческим надписям, сибирским писаницам. Во второй половине жизни он прикоснулся к эпиграфическому наследию имперского Китая, Монголии, Тибета, Индии и Японии.

Интерес к исследовательской деятельности проявился в процессе обучения в Императорских Санкт-Петербургском университете и Академии художеств в 1893–1898 гг., где

Н.К. Рерих освоил междисциплинарный подход к исследованию любого явления, до сих пор являющийся традиционным для научных институций Санкт-Петербурга. Примечательным явились как организация исторических курсов по вопросам рассмотрения археологических памятников, так и особое историко-филологическое направление в отечественном антиковедении, выступившие истоками особого рериховского восприятия любого памятника письменности и археологии как целостного явления культуры. Эта целостность была воплощена и в программе Гималайского исследовательского института «Урусвати», где под началом известного востоковеда Ю.Н. Рериха производились комплексные исследования по местному языкознанию, истории и археологии.

Н.К. Рериху было известно, что одним из источников духовной истории являются эпиграфические тексты; он понимал, что содержащиеся в них надписи отражают время их создания. По этой причине часто в его сочинениях приводятся древние начертания, упоминаются различные письменные памятники и ученые, занимающиеся их изучением; даются весьма примечательные характеристики самого процесса расшифровки старинных текстов.

Благодаря интересу Н.К. Рериха к старинным надписям можно увидеть множество их разнообразных транскрипций как в эпистолярном и литературном наследии, в живописи и графике, так и в философии. Они отражают обширнейшую пространственно-временную палитру человеческой культуры как отличительную характеристику рериховского метода познания. Именно масштаб, понимание и претворение этих скрижалей стали неизменным атрибутом рериховского призыва к самосовершенствованию и соответствуют особой форме историософии, основанной на личностном отношении к прошлому, настоящему и будущему. Рерихи расставили эти вехи для каждого, кто хочет прикоснуться к подлинным текстам русской культуры. Далее отмечены некоторые обстоятельства существования этих текстов в творческом пространстве Н.К. Рериха и его семьи.

Транскрипция старинных надписей в творческом наследии Н.К. Рериха

Надпись № 1, по преданию, была нанесена на дне чаши под названием «Заострение Меча», которая использовалась в Древнем Египте во время священнодействия. На дне чаши также было изображение распростертого человека, заключенного в круг змия [Учение ..., 1929]. В интерпретации мистерии Древнего Египта Н.К. Рериху помогли знания и опыт Б. А. Тураева, который являлся наставником еще юного Ю. Н. Рериха в изучении ряда языков Востока [Рерих, 1961]. Тураев был создателем отечественной школы истории Древнего Востока, под эгидой которого начались систематические изучения древнеегипетских памятников, представленных преимущественно в отечественных музейных коллекциях. Настольными книгами семьи Рерихов стали его произведения, вышедшие посмертно: «Египетская литература» (1920), «Древний Египет» (1922), «Классический Восток» (1924),

Надпись № 2, которая приведена в современной транскрипции, является свидетельством того, что Америка была известна народам Евразии еще за 2500 лет до открытия ее Колумбом. О ней Н.К. Рерих узнал в 1936 г. [Рерих, 1995] после выхода первого тома книги «Надписи доисторической Америки» бразильского археолога Бернардо де Асеведо Силва Рамоса [Ramos, 1932-1939]. Надпись находится в Рио-де-Жанейро на вершине скалы-монолита Педра-да-Гавеа рядом с барельефом с изображением человеческой головы в шлеме. Склоны скалы-монолита,

которые покрыты лесом Тижука, входят в состав национального парка наряду со статуей Христа-Искупителя и горой Корковаду. Американский археолог Ч. Гордон подтвердил достоверность старинной надписи после проверки ее расшифровки в 1967 г., хотя некоторые бразильские ученые до сих пор сомневаются, что в данном случае представлен памятник культуры.

На *надписи № 3* указан афинский государственный деятель Аристид, имевший прозвище «Справедливый». Она отмечена на древнегреческом остраконе, представляющем собой глиняный черепок для нанесения текста. Прискорбный факт появления этой надписи связан с изгнанием Аристида его согражданами. Примечательно, что обнаруженные в XX в. остраконы Аристида упоминались еще в античных сочинениях, дошедших до наших дней.

Текст *надписи № 4* взят из программной статьи Н.К. Рериха «Радость искусству» (1908), написанной по материалам его лекций об искусстве каменного века [Рерих, 1914]. При чтении надписи возникают ассоциации с образом известного среди народов майя бога смерти, несущего в руках факел жизни [Кецаль и голубь ..., 1983]. Среди друзей Н.К. Рериха был только К.Д. Бальмонт – поэт, пробовавший переводить подобные тексты, однако данного фрагмента в его переводах майя до сих пор не было найдено. Здесь налицо самостоятельная попытка Н.К. Рериха прикоснуться к мифопоэтическому миру центральноамериканских индейцев. Эта попытка ценна демонстрацией глубокого интереса русского художника и поэта к древней поэзии майя, подлинных образцов которой сохранилось очень мало. Поскольку народы майя не ассимилировались с европейцами в такой мере, как их соседи, эта интерпретация Н.К. Рериха может способствовать возрождению старых традиций.

Надпись № 5 представляет собой начертание на камне в долине реки Орхон в Монголии, записанное Н.К. Рерихом в Пекине 11 января 1935 г. и приведенное в листе его дневника «“O quanta allegria!”», вероятно, в переводе своего сына Ю.Н. Рериха [Рерих, 1999]. Долина реки Орхон, являющая собой комплексный культурный объект Всемирного наследия с 2004 г., представлена обширной территорией развалин в 50 кв. км. и включает остатки дворцового комплекса, лавок, храмов, монастырей и т. д., о которых сообщал еще академик В.В. Радлов [Радлов, 1892]. Среди множества памятников здесь известны развалины города Хара-Балгасун, столицы Уйгурского каганата в VIII–IX вв.

Надпись № 6 восходит к «Легенде о Будде»; она нанесена на драгоценном камне, а именно: центральном элементе ожерелья, состоящем, кроме него, из сорока жемчужин. Легенда записана Е.И. Рерих в США в период между первым и вторым этапами большой Центральноазиатской экспедиции в 1923–1928 гг., проходившей под руководством ее супруга. Она опубликована в книге Е. И. Рерих «Криптограммы Востока», изданной в Париже в 1929 г. под псевдонимом «Ж. Сент-Илер» [Сент-Илер, 1929].

Сведения о *надписи № 7* восходят к персидским источникам, о которых Рерихи узнали уже в Индии. По преданию, надпись была начертана на ларце, переданном Чингисхану «от Старца Горы», которого характеризует высказывание персидских хроник. В ларце находились золотая чаша и разнообразные разноцветные покрывала. Текст опубликован Рерихами в Париже в 1934 г. [Учение ..., 1934].

Надпись № 8 изображена на воротах во французском городе Верден, окрестности которого многие века являлись ареной сражений. Город был полностью разрушен в ходе Первой мировой войны: в результате грандиозной битвы между немецкой и французской армиями. На гербе Вердена изображена неприступная крепость, вход в которую прикрывают ворота с храмом. В городе было несколько ворот, но сейчас трудно установить, на каких из них была нанесена

упомянутая Н.К. Рерихом надпись, поскольку в результате сражений многие архитектурные элементы оказались повреждены или утрачены. Самые известные ворота приурочены к Шоссейной башне, построенной в 1380 г. и получившей статус исторического памятника архитектуры в 1881 г. Своей красотой также славятся въездные ворота Святого Павла с хорошо сохранившимися механизмами. Установленная в 1929 г. мемориальная доска на воротах указывает годы битв у стен славного города, которые охватывают полторы тысячи лет борьбы. Еще одни входные ворота в Верден, Порт Шатель, дошли до наших дней с большими повреждениями. Образ этого несгибаемого города узнается на картинах Н.К. Рериха: «Пречистый град – врагам озлобление» (1911, 1912) и «Град обреченный» (1914).

Надпись № 9 соответствует латинской анаграмме «IHS», вышитой на священном Плате – квадратном куске старинной западноевропейской ткани размером 26 x 26 см, принадлежавшем Н.К. Рериху и его семье с 6 октября 1923 г. [Рерих, 1932]. Отмечаются разные расшифровки анаграммы: «Под этим знаком [ты победишь]», «Этим спасешься», последняя из которых широко используется в западной культуре в качестве крылатого выражения и лозунга. Буквы анаграммы «IHS», также восходящей к имени Иисус, были помещены на эмблеме Ордена святого Игнатия, основанного в Париже в 1534 г. Игнатием Лойолой и утвержденного папой римским Павлом III в 1540 г. Священный Плат вошел в творчество Рерихов, будучи несколько раз изображенным на картинах Н.К. Рериха и его младшего сына С.Н. Рериха. В факте обладания подобным Платом, которым священнослужители закрывали чашу с освященным вином во время совершения Евхаристической литургии, видится особый символический смысл: русская семья, борющаяся более полувека за спасение русских национальных святынь, получила на хранение величайшие реликвии.

Надпись № 10 представлена на латыни «Ultimi barbarorum». Как отмечал Н.К. Рерих, «в этом крике души рыдает глубокая боль сердца» [Рерих, 1932]. Надпись едва не погубила крупнейшего мыслителя Нового времени Бенедикта Спинозу, который так отозвался о толпе, растерзавшей 20 августа 1672 г. его друзей, государственных деятелей братьев де Витт, Корнелиуса и Яна. В Музее Рериха в Нью-Йорке в 1929–1935 гг. была оформлена «комната мыслителя Спинозы» [Рерих, 1932]. Для изучения и пропаганды наследия нидерландского гуманиста была создана «Ассоциация Спинозы при Обществе имени Рериха».

Надпись № 11 «Regina pacis, funda nos in pace» соответствует образу «Владычицы Мира» – Богородицы, который художник возвел до вселенского масштаба «Матери Мира». Он начал в 1906 г. с эскизов для церкви Покрова Пресвятой Богородицы в имении Голубевых в селе Пархомовке бывшего Сквирского уезда Киевской губернии, воплотил их частично в настенной росписи церкви Святого Духа на хуторе Фленово в пределах смоленского имения княгини М. К. Тенишевой «Талашкино». Латинский оригинал надписи, которая обыгрывает родовое имя гетмана литовского Михала Казимира Паца, находится над входом в костел Святых Апостолов Петра и Павла в Вильнюсе, построенном в 1668–1676 гг.

Надпись № 12 характеризует текст только нижней части начертания на каменной надгробии первопечатника И. Федорова, которое находилось в Святооуфрийском монастыре во Львове, где 5 декабря 1583 г. он был похоронен. К 1883 г. оно было утрачено, но за 10 лет до этого граф А. С. Уваров заказал с него гипсовый слепок с надгробия, на котором надпись на камне была сохранена, и затем передал его в Печатную палату Синодальной типографии в Москве на Никольской улице. Монументальный слепок был прикреплен к торцу одного из книжных шкафов, но в советское время пропал. Очевидно, Н.К. Рерих видел именно его. Прорисовка надгробия сохранялась и в Императорской Археологической комиссии.

По своему характеру *надпись № 13* является пророческой, исходя из предсказания «мудрого монгольского пророка Молон-Бакши, записанного его внуком Санки Цибиковым» [Рерих, 1936]. Текст надписи Молон-Бакши, которого называют в Забайкалье «бурятским Нострадамусом» [Санжижапова, 1996], приводится по очерку Н.К. Рериха «Эрдени Мори», созданном 31 марта 1935 г. во Внутренней Монголии: «На стороне восхода солнца обнаружится белый камень с надписью» [Рерих, 1936]. Здесь ключевой термин – белый камень как священный камень, известный еще из русских былинных сказаний. Смысл надписи, перекликающийся с русской пословицей «Что написано пером, не вырубишь топором», весьма близок строю мыслей и дел Н.К. Рериха. Как видим, бурятские предания далеко разошлись по Азии, что свидетельствует об устойчивом единстве монгольского суперэтноса на протяжении многих веков, несмотря на распределение племен по многим странам.

Надпись № 14 описывает текст, который основатель Художественно-промышленного музея Императорского Общества поощрения художеств Д.В. Григорович предложил молодому Н.К. Рериху «мысленно написать» над музеем [Рерих, 1936]. Эта идея прозвучала в Санкт-Петербурге при назначении недавнего выпускника Императорских Академии художеств и Санкт-Петербургского университета на должность помощника директора музея в 1898 г. Нет сведений о том, был ли реализован этот завет, но память о нем Рерих хранил всю жизнь, собирая именно «священные предметы». Этой стороне его деятельности посвятил свои музееведческие исследования нынешний директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов А.А. Бондаренко [Бондаренко, Мельников, 2006].

Надпись № 15 была воплощена самим Н.К. Рерихом, о чем он сам написал в своем дневнике 9 октября 1944 г. [Рерих, 1996]. Изначально она была нанесена по нижнему краю картины Н.К. Рериха «Святой Сергей» (1932) из собрания Государственной Третьяковской галереи и долгие годы была недоступна зрителям, скрытая под рамой. Она – классический пример пророчества в наследии Н.К. Рериха, сбывшегося через 12 лет после сообщения. В 1932 г. художник скрыл от непосвященных самую концовку фразы, передав ее многоточием. Только самым близким сотрудникам Рерихи сообщили об ожидаемом третьем явлении преподобного Сергия Радонежского на Родине. Они свято верили, что это случится во время неизбежной войны с фашизмом, поэтому укрепляли всех в мысли о грядущей победе. В 1949 г. усилиями сотрудников Министерства иностранных дел СССР картина «Святой Сергей» прибыла на Родину. Только в 1968 г. она была показана на выставке, со все еще прикрытой надписью. Так прослеживается твердая линия духовного роста России, представленная в этом начертании Н.К. Рерихом: от подвига князя Дмитрия Донского (XIV в.), через героическую помощь Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского в Смутное время (XVI в.) – к героизму советского народа, руководимого И. В. Сталиным и Г.К. Жуковым (XX в.).

Заключение

В научно-художественной практике Н.К. Рериха обнаружение, изучение, изготовление и сохранение старинных надписей приобрело священный характер. Погружаясь в их идейно-историческое содержание, он искал скрытые смыслы, стремился заглянуть за грань обыденного и очевидного, прикасался к священнодействию истории. Эти надписи возникали как поддержка, как ориентир, как радость при их поиске, изучении и расшифровке.

Так отмечается значимая преемственность в отечественной культуре, на которой держится память десятков поколений русских. Эта преемственность соответствует глубокому и

вдумчивому отношению к своему прошлому. Н.К. Рерих – символ честного и бескомпромиссного отношения к истории собственной страны, знаменосец культуры в самом высшем понимании. Он – один из первых отечественных культурологов, знаток мировой культуры в самых разных ее проявлениях; его определения и оценки остаются актуальными и в наше время.

Библиография

1. Бондаренко А.А., Мельников В.Л. Музейная идеология Н.К. Рериха: проблемы актуализации Рериховского наследия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2006. Вып. 1. С. 40-46.
2. Кецаль и голубь: Поэзия науа, майя, кечуа. М.: Художественная литература, 1983. 398 с.
3. Ковалев А.А. Современное законодательство в области сохранения культурных ценностей // Пакт Рериха. 70 лет. СПб., 2005. С. 158.
4. Радлов В.В. Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Императорской Академией наук В.В. Радловым: Вып. 1. СПб., 1892. 14 с.
5. Рерих Н.К. Врата в Будущее. Рига: Угунс, 1936. 325 с.
6. Рерих Н.К. Листы дневника. М.: Международный Центр Рерихов, 1999. Т. I. 672 с.
7. Рерих Н.К. Не болей! (9 октября 1944) // Рерих Н.К. Листы дневника: В 3 т. М., 1996. Т. III. С. 242.
8. Рерих Н.К. Собрание сочинений. М., 1914. Кн. 1. 335 с.
9. Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. Париж: Всемирная Лига Культуры, 1932. 383 с.
10. Рерих Ю.Н. Тибетский язык. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 154 с.
11. Учение Живой Этики (Агни-Йога). Книга «Сердце» Paris, 1934. 383 с.
12. Учение Живой Этики (Агни-Йога). Агни Йога. Paris, 1929. 333 с.
13. Шүсев А.В. Письмо Н.К. Рериху. Осень 1913. Автограф. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 44 («Н.К. Рерих»). Оп. 1. Д. 1536. Л. 1 об.

Value of ancient inscriptions in N.K. Roerich's creative heritage

Vladimir L. Mel'nikov

PhD in Cultural Studies,
Institute of Philosophy,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: msssm9@yandex.ru

Abstract

The article reveals the nature of ancient inscriptions in N.K. Roerich's creative heritage, which embraces the integrity of Roerich perceiving the past. The author traced development of N.K. Roerich's interest in ancient inscriptions and described their transcription in his creative heritage. The inscriptions include the ones: placed at the bottom of the bowl from Ancient Egypt "Sword Sharpening"; highlighting the existence of America before its discovery by Columbus; put on the ostrakon from Ancient Greece; associated with the Mayan god of death; engraved on a stone in the Orkhon river valley; referring to "The Buddha Legend"; characterising a quote from Persian chronicles; depicted on the gates in the French city of Verden; matching the Latin anagram "IHS"; presented in Latin "Ultimi barbarorum"; "Regina pacis, funda nos in pace" as corresponding to the image of the Queen of Heaven, the Mother of God; found on the gravestone for the first printer I. Fyodorov; located on a white stone in Mongolia; mentally describing a museum text; applied to

N.K. Roerich's picture "Saint Sergius". The ancient inscriptions as cultural and historical monuments were significant for the artist who considered them sacred. N.K. Roerich is a symbol of an honest and uncompromising attitude towards the history of his own country, a standard-bearer of culture in the highest sense. He is one of the first Russian culturologists, an expert on world culture in its most diverse manifestations; its definitions and assessments remain relevant in our time.

For citation

Mel'nikov V.L. (2023) Znachimost' starinykh nadpisei v tvorcheskome nasledii N.K. Roerikha [Value of ancient inscriptions in N.K. Roerich's creative heritage]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 235-242. DOI: 10.34670/AR.2024.61.51.018

Keywords

Russian culture, archeology, written monuments, inscriptions, continuity, sacredness, integrity.

References

1. Bondarenko A.A., Mel'nikov V.L. (2006) Muzeinaya ideologiya N.K. Roerikha: problemy aktualizatsii Rerikhovskogo naslediya [Museum ideology of N.K. Roerich: problems of updating the Roerich heritage]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filozofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6: Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations], 1, pp. 40-46.
2. (1983) *Ketsal' i golub': Poeziya naua, maiya, kechua* [Quetzal and dove: Poetry of Nahua, Maya, Quechua]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
3. Kovalev A.A. (2005) Sovremennoe zakonodatel'stvo v oblasti sokhraneniya kul'turnykh tsennostei [Modern legislation in the field of preservation of cultural values]. In: *Pakt Rerikha. 70 let* [Roerich Pact. 70 years]. St. Petersburg.
4. Radlov V.V. (1892) *Atlas drevnostei Mongolii, izdannyi po porucheniyu Imperatorskoi Akademiei nauk V.V. Radlovym: Vyp. 1* [Atlas of Antiquities of Mongolia, published on behalf of the Imperial Academy of Sciences V.V. Radlov: Vol. 1]. St. Petersburg.
5. Roerich N.K. (1999) *Listy dnevnika* [Diary sheets]. Moscow: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov Publ. T. I.
6. Roerich N.K. (1996) Ne bolei! (9 oktyabrya 1944) [Be healthy! (October 9, 1944)]. In: Roerich N.K. *Listy dnevnika: V 3 t.* [Diary sheets. In 3 Vols.]. Moscow. Vol. III.
7. Roerich N.K. (1914) *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow. Book 1.
8. Roerich N.K. (1932) *Tverdinya Plamennaya* [The Fiery Stronghold]. Paris: World League of Culture.
9. Roerich N.K. (1936) *Vrata v Budushchee* [Gateway to the Future]. Riga: Uguns Publ.
10. Roerich Yu.N. (1961) *Tibetskii yazyk* [Tibetan language]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury Publ.
11. Shchusev A.V. *Pis'mo N.K. Rerikhu. Osen' 1913. Avtoigraf. Otdel rukopisei Gosudarstvennoi Tret'yakovskoi galerei. F. 44 («N.K. Rerikh»).* Op. 1. D. 1536. L. 1 ob. [Letter from N.K. Roerich. Autumn 1913. Autograph. Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery. F. 44 ("N.K. Roerich"). Inventory 1. File 1536. Sheet 1]
12. (1929) *Uchenie Zhivoi Etiki (Agni-Ioga). Agni Ioga* [The Teaching of Living Ethics (Agni Yoga). Agni Yoga]. Paris.
13. (1934) *Uchenie Zhivoi Etiki (Agni-Ioga). Kniga «Serditse»* [The Teaching of Living Ethics (Agni Yoga). Heart Book]. Paris.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
  - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
  - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.